ДЕНЬ и НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №5 | 2017

Сергей Попечец | Солнечный день | картон, пастель | 41 × 62 | 2004

Сергей Попечец | Осенний пейзаж | бумага, акварель | 41 × 53 | 2007

На обложке: Осень (фрагмент) | картон, пастель | 43 × 53 | 2007
Натюрморт | картон, пастель | 68 × 50 | 2017

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №5 | 2017

В номере

ДиН ПАМЯТЬ

Борис Петров
3 Возвращение к себе

Надежда Болтянская
36 У вечного дерева

ДиН КРАЕВЕДЕНИЕ

Виктор Аференко
39 На семи ветрах

МОСТЫ НАД ОБЛАКАМИ

Лариса Афанасьева
48 Сбежала осень

Марина Шамсутдинова
111 Письмо из Крыма

Асине Меджитова
112 Крым — моё сердце

Ленора Сеит-Османова
114 Прощёное воскресенье

ДиН СТИХИ

Игорь Тюленев
49 Лёд недолгий

Сергей Хомутов
51 В эпоху распродаж

Юрий Годованец
53 Сеть свободы

Сергей Лобов
67 Песня бездомного пса

Сергей Хазанов
116 Souvenirs

Денис Балин
165 Нашествие глаголов

Наталия Елизарова
166 В доме на Набережной…

Светлана Рудских
169 Женский род

Мила Машнова
187 Скоро придёт рассвет

Константин Емельянов
193 На том берегу

ДиН ВСТРЕЧА

56 «Если ты не продался, ты уже — победитель!»

ДиН РЕВЮ

Нина Ягодинцева
73 Человек человеку

Николай Ерёмин
134 Птица Феникс

Валентина Майстренко
168 Ты знаешь тайну имени моего

ДиН ДИАЛОГ

Юрий Беликов, Елена Прудникова
68 Медаль с узнаваемым профилем

Сергей Арутюнов, Марина Саввиных
190 «Чистым невинным душам» предстоит крепко постоять за Христа

ДиН РОМАН
Вячеслав Миронов
74 Отрицательное пространство

ДиН ДЕБЮТ
Марина Марьяшина
117 Между Щековицей и Хоривицей

ДиН ЮБИЛЕЙ
Эдуард Русаков
120 Маленький цветок

ДиН ПРОЗА
Сергей Сутулов-Катеринич
135 Наташкина серёжка

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА
Марат Валеев
170 Ненаучная фантастика
Виталий Иванов
175 «Незачёт» по географии
Игорь Герман
178 Тук-тук…

КЛУБ ЧИТАТЕЛЕЙ
Александр Карпенко
185 Сказочная лирика Эльдара Ахадова

ДиН ДЕТЯМ
Юрий Поляков
188 Разделённая любовь

194 ДиН АВТОРЫ

Борис Петров

Возвращение к себе

Глава из книги «Жизнь—житуха—житие»

Светлое утро

Верочка и злодей Фрейд

У самых истоков моей жизни имело место довольно забавное обстоятельство. О нём мне неоднократно рассказывала мама. Ей очень хотелось, чтобы родилась девочка. Сынок у неё уже подрастал, мой брат Володя, ему шёл пятый год, и ей хотелось именно девочку. Просто такое стихийное женское желание из тех, которые зачастую кажутся обыкновенными необъяснимыми прихотями: хочется—не хочется, нравится—не нравится… Можно, конечно, глубокомысленно рассуждать о внутреннем голосе Природы, но и это ничего не прояснит. Короче, мама ждала девочку. Именно, чтобы «подержать её на руках», прижать к груди—мяконькую, ласковую, улыбчивую. Мама просто уверена была, что родится девчушка, что её инстинктивное желание не может не воплотиться в действительность. Она и приданое приготовила, всякие пелёнки-распашонки да чепчики соответствующего нежно-розового цвета, с кружавчиками. Даже твёрдо решила, что назовёт новорождённую Верочкой.

А образовался в руках акушерки я, с сучком. Головастенький, голубоглазый, светленький, и, воздетый на тех руках повыше,—явился миру!—сразу принялся орать. Что было естественно, и, слава Богу, что сразу заорал. Вот только мужским басом.

Мама была счастлива разрешением от бремени, но к радости её примешивалось чувство досады. Как же так? До того ей хотелось, что она была совершенно уверена! Всё приготовила, с именем новорождённой успела свыкнуться. А тут вдруг этот…

Но если взглянуть с другой стороны: я-то разве был в чём виноват? Нет. И всё же тень «первородного разочарования» как бы распростёрла надо мной свои хмурые крыла с самой минуты моего появления на земле. Мне это почувствовать только ещё предстояло, а вот у мамы сразу после растерянности возникло опять же стихийное несогласие с тем, что произошло, и результатом стало довольно нелогичное поведение. Об этом она сама позже рассказывала мне с усмешкой.

Она решила вопреки естеству считать, что я всё-таки Верочка: пеленала и одевала меня во всё девчоночье, даже упорно называла заранее облюбованным именем. И продолжалась эта мистификация целых три года! А в трёхлетнем возрасте у детей, как установлено, формируются основы личности, то есть стало ясно, что ребёнок начинает кое-что понимать, и дальнейшее двусмысленное состояние может угрожать его психическому развитию. Только под давлением непреодолимых обстоятельств мама отступила.

Эпизод в изначальной биографии забавный. Однако с годами выяснилось, что и не без последствий. Как всегда в подобных случаях, в дело непрошено вмешался угрюмый любитель копаться, словно грязный старьёвщик, в тёмных затхлых углах человеческих душ австрийский психиатр Зигмунд (Шлома) Фрейд. Терпеть не могу этого мрачного учёного (говорят, и по жизни неприятного человека). Все душевные (духовные!) свойства он сводил к низменным животным побуждениям, гнездящимся в археологических слоях нашей подкорки, особенно к инстинктам сексуальным. Что-то в его представлениях имеет свои основания и для науки о человеке полезно. Однако ежели *всё* только от животного?.. Обидно. А как же дух Божий, который Творец вдохнул в глиняную куклу Адама? Откуда, например, у людей феномен совести, куда девать их социальные представления, любовь к Родине, чувство долга перед людьми и греха перед Богом? Хотя, повторю, что-то в этом сумеречном учении есть. Так вот, с точки зрения Фрейда, я оказался для мамы *нежеланным*. Опасная мета на свитке будущей биографии.

А тут ещё чисто внешние, портретные черты. Брат Володька оказался образцово-показательным маминым сынком. В семейных альбомах сохранились фотографии её и Володи в одинаковом возрасте, лет восемнадцати, кладёшь их рядом—одно лицо! Маме доставляло большую радость показывать эти снимки гостям. А я уродился, что говорится, ни в мать, ни в отца. Она тёмно-русая, отец вообще по-цыгански курчавый—и вдруг абсолютно беленький синеглазый бутуз. Папаня даже говаривал, посмеиваясь; это не мой сын, у нас таких в роду не бывало! Вот, дескать, немцы как раз в тот период по соседству водились.

Немцы и впрямь жили в нашем подъезде, настоящие, блондинистые, из Германии — приглашённые помогать индустриализации СССР специалисты, это была распространённая в те годы практика. Понятно, такие шуточки маме были неприятны. Однако никакого другого объяснения появлению в семье белого галчонка не находилось. Всё какие-то неприятности доставались со мной мамане. Да и для меня совпадения досадные.

К чему я об этом? Размышляя с возрастом о «предварительных итогах», многое начинаешь видеть и понимать по-другому. Даже любовь, даже самое святое. Мама, мамуля, мамочка… Непросто всё в жизни, ох, как порой непросто.

Пелёнок я не помню

Я долго считал, что видел, как встречали героев-челюскинцев. Посередине улицы движется вереница чёрных легковых машин, открытых сверху, чтобы все видели, кто в них сидит. По тротуарам вдоль длинного маршрута толпы ликующего, машущего руками, цветами и флажками народа. А сверху — вот это главное — сыпался густой снег играющих в воздухе листовок. Картина метели из белых лепестков, сыплющихся с неба, своей необычностью врезалась в память. Хотя случилось это событие очень давно, когда мне было… Подожди-ка, что-то слишком уж мало мне было, как это я запомнил такие детали?

Удивление, говорят, порождает движение мысли. А, в самом деле, сколько мне тогда было лет? Пароход «Челюскин» утонул во льдах в феврале 1934 года, встречать героев могли весной, значит, к тому моменту мне должно было исполниться… два с половиной годика? А я всё так зримо и подробно помню?! Странно. И тут вдруг возникло трезвое сознание: но я вообще не мог видеть этой встречи! Торжества проходили в Москве, а мы жили в Туле, в этом-то никаких сомнений нет. И телевидения ещё не существовало. Тогда откуда же чувство уверенности, что я эту картинку видел? Видел своими глазами, причём очень давно.

Ответ пришёл не сразу. Как-то сидел перед телеэкраном, шла передача о челюскинцах, и вдруг — вот она перед глазами, один в один та самая картинка! Вереница чёрных открытых машин, ликующие толпы и белый снег листовок, падающих из воздуха. Именно это я и видел когда-то. Давно! Только не саму встречу, а кадры кинохроники о ней. Не двухгодовалым, а, возможно, лет семи. А затем в сознании произошла путаница, почему-то стало казаться, что был непосредственным свидетелем самой встречи (сила документального кино!).

Такое с нашей памятью случается, она старушка взбалмошная, какие-то чепуховые мелочи порой сохраняет, а что-то важное возьмёт да вычеркнет, словно его вовсе не существовало. А то ещё незаметно вмешается воображение, и само дорисует кое-какие детали, вот и возникает как бы эффект оптической аберрации. Не раз случалось.

А всё же, с каких лет способен человек достоверно, хотя бы и отрывочно, вспоминать себя на земле? Любопытный вопрос. К размышлениям на эту тему меня подтолкнул такой повод. Читал очерк Л. Н. Толстого «Моя жизнь», там есть место, где он рассказывает, что самое первое его воспоминание — как его завёртывали в пелёнки. Ему хотелось выпростать руки, но сделать он этого не мог, сопротивлялся и плакал, и всё же кто-то, склонившийся над ним, более сильный, упорно старался лишить его свободы. Правда, Лев Николаевич честно замечает: не исключено, что ему исполнилось уже больше года, и его пеленали, чтобы не расчёсывал лишай.

Но даже если больше года, можно такое помнить? Или это способности гения? Кстати, эпизод с пелёнкой он привёл в очерке, написанном в возрасте 50 лет. А в 75 в другом тексте под названием «Моя биография» сказал: «Матери своей я совершенно не помню», никаких зрительных образов её не сохранилось. А ведь она умерла, когда ему было полтора года. Пелёнки помнит, а матери нет, в 50 лет живо, к 75-ти стёрлось. Вот какое путаное свойство эта наша память. Ну, хорошо, а я-то какие могу привести самые ранние впечатления своей жизни? Хотя бы обрывочно и смутно.

С челюскинцами сорвалось, оказалась провокация… Достаточно уверенно вижу, как мы летом жили в Анапе, купались в море, вечером мама готовила ужин на жарком мангале в саду хозяев, у которых мы остановились. У них была своя шхуна (может шаланда?), на её палубе пахло смолой, сама палуба под ногами слегка колыхалась, словно живая спина кита. А бока шхуны были выкрашены тёмно-зелёной масляной краской. Однажды ходили на берег смотреть шторм. Видел рукавом завивающийся над морем чёрный столб — смерч. Кругом слышалось: «Смерч, смерч…» Со страхом тихо переговаривались, будто он может закрутить, засосать и унести… Ужасти какие. Да мало ли чего я помню про Анапу! (Я об этом однажды уже писал). В которой побывал единственный раз в жизни в 1936 году, то есть мне исполнилось 4 года. А раньше, раньше?

Вот мама зимой везёт меня на санках, рот обвязан шарфом, на санках подстелено одеяло, но сидеть с прямо вытянутыми ногами неудобно. Почему-то мне помнится, что мы отправились покупать диван. Раз мама в морозный день была вынуждена тащить меня с собой, значит, в детсад я ещё не ходил, а оставить дома было не с кем.

Но как она могла со мной купить громоздкий диван? Может, хотела лишь присмотреть да прицениться? Но не исключено, что диван тут вообще не при чём, самозванно примазался к моим

санкам. Да, именно дворовые, уличные картинки могут быть самым глубоким доисторическим слоем. Вот вижу стоящую у подъезда пролётку. Это такой лёгкий конный экипаж на высоких узких рессорах. Боковины у него лаково-чёрные, над тонкими колёсами почти игрушечные подкрылки, сиденье кожаное, коричневое, лоснящееся. Когда пассажир садится в экипаж, наступая на подножку, всё лёгкое сооружение перекособочивалось на своих жиденьких рессорках, как если бы оно плавало на воде. Мне хотелось забраться на сиденье, поелозить попой на скользкой коже и покачаться. Но не довелось.

Зато однажды я сидел в седле настоящего мотоцикла. Мотоцикл был здоровенный, присадистый, с тяжёлой коляской («Харлей»?). Я с трудом пытался захватить оба рога руля и ложился грудью вперёд на бензобак, но всё равно ручонок на такую широту не хватало.

О! Вспомнил обиду. У нас в квартире жила отцовская охотничья собака, пойнтер по имени Ночка. Как все пойнтера, очень вежливая и воспитанная, словно выпускница пансиона благородных девиц. Меня она особенно любила и не без причины. Даст мне мама на кухне душистый пирожок, я откушу и отправлюсь в комнату, держа пирожок в руке. А Ночка следует позади, стараясь не клацать по полу когтями, аккуратно возьмёт пирожок — он такой запашистый! — у меня из ладони и скушает. «А-а! Ма-ама, она опять у меня съела!» Мама смеётся: «Не хнычь, возьми другой. Ты руку-то вниз не опускай, держи его повыше над головой!» С собаками у меня, сколько себя помню, всегда водились дружеские отношения. Раз было дома, не в детсадике, возможно, что и до трёх лет. Но точно уже не восстановить, в свидетелях никого не осталось. Да и кому это теперь нужно.

Одно ясно, с великим земляком Львом Николаевичем мне по этой части не сравниться. Надо же, помнил себя с пелёнок! Это уж кому в какой мере отпущено от природы.

Цвела липа

Душноватыми вечерними сумерками я шёл по улице Красноярска мимо стадиона «Локомотив». Накатанный шинами, нагретый солнцем асфальт отдыхал и тепло дышал запахами натруженной городской дороги. Машины с шелестом проносились мимо и уже мигали разноцветными подфарниками в сиреневой дымке вечера.

И вдруг на меня повеяло каким-то совершенно неожиданным — не уличным, не красноярским, каким-то нежным южным ароматом. До невозможности знакомым! Но, кажется, давно забытым... Вернее, даже не южным, а каким-то русским, но южно-русским, да, именно чем-то с юга России. Но чем, что это так пахнет?

Я незаметно для себя остановился и стал растерянно озираться, настороженно втягивая ноздрями этот вдруг повеявший парковый, тёплый, сладко-душистый и слегка грустный запах. Ничего не пойму, откуда он здесь, посреди остывающей от жара городской улицы, что это вообще?

Почему-то вдруг явилась перед глазами никогда раньше не возникавшая в памяти картинка из раннего детства. Я, босоногий карапуз с совершенно выцветшей от солнца — как тогда говорили, льняной — головой, иду по тропинке за ручку рядом с молодой мамой. Кажется, это был заглохший от буйных зарослей крапивы деревенский переулочек с плетнями по обеим сторонам. А наискось, перегородив нам путь, лежало большое дерево в чёрной коре, узловатых сучьях и с кудрявой зелёной листвой. Лежало чёрно-зелёное срубленное дерево и... Да-да, мы с мамой к нему подошли и стали рвать реденькие кремового цвета пушки. Рвали с дерева меленькие цветы и собирали в мешочек. Вокруг гудело много пчёл, которых я боялся. Мама сказала:

— Зимой заварим чай из этих цветов и будем пить с мёдом, если кто-нибудь простудится. — И ещё она сказала грустно: — Её срубили, а она всё равно цветёт...

Я не знаю, зачем срубили то дерево, может быть, оно стало старое дуплистое и могло рухнуть. Но то что оно зацвело срубленное, меня поразило: ведь срубленное — значит, мёртвое. Я и сейчас отчётливо помню то чувство острой жалости, до слёз, и какое-то, пожалуй, совсем не детское ощущение: его срубили, а оно зацвело... Это была старая липа.

Пахнет на улице липой? Но откуда ей быть в Красноярске! Я снова растерянно оглянулся и увидел рядом на тротуаре, в квадратах прикрытой чугунными решётками земли укреплённые проволочными растяжками стоят деревца с круглыми и довольно изреженными кронами и тёмно-коричневыми гладкими стволами толщиной чуть больше моей руки. Это — липы?..

Да, это были молодые липки. Вероятно, их недавно здесь высадили и я раньше не замечал. Но возможно, стоят уже не первый год, а нынче впервые зацвели. Не знал, что у нас на Енисее липы. А вот оказался рядом в дни их благоуханного праздника и вдруг как по волшебству перенёсся в своё далёкое-далёкое детство.

Запахи обладают способностью действовать на меня совершенно магически: они могут вызвать, будто живые, давно ушедшие и, казалось бы, навсегда исчезнувшие видения.

За несколько лет перед войной мы с мамой и братом Володей проводили июнь-июль в деревне недалеко от Тулы. Деревню называли Балабаевка, у хозяев, которые сдавали нам горницу, был яблоневый сад, а в глубине его стоял шалаш, крытый

вянущими ветвями речного лозинника. Бог мой, какой от них шёл могучий, грустно-щемящий дух! Тот запах вянущих тальников преследовал меня всю жизнь. Стоило только потоптаться где-нибудь на берегу речки, на рыбалке, срезать несколько таловых ветвей на рогули для костра или устройство лёжки возле него, и вскоре, увядая, они принимались источать свой неповторимый дух, снова и снова унося меня к тому шалашу в глубине яблоневого сада, превращая в мальца в вылинявшей короткой рубашонке с головой, напоминающей пушистый одуванчик.

Живя в Балабаевке, мы иногда перед закатом выходили с мамой на довольно высокий откос над речкой — смотреть вечерние облака. Сидели на тёплой траве, вытянув перед собой ноги, и увлечённо разглядывали причудливые фигуры, которые образовывались в медленно, незаметно на взгляд клубящихся белых с сизоватыми тенями небесных горах.

— Смотри, смотри, лошадиная голова!

— Где, покажи, я не вижу.

— Да как же ты не видишь?! Прямо над лесом! И грива лохматая. — (Вот только сейчас вспомнилось: мамуля у нас как-то мило, еле уловимо не выговаривала букв «л». Правда, мы к этому произношению прислушались и не замечали его.)

— Зато у меня облако — как ватрушка с яблоками.

— О, Господи, голодной курице только пшено и снится!

— Ага, и курица… нет, петух, во-он оттуда выходит!

В этой довоенной Балабаевке водился такой обычай (народу в деревнях ещё было много): по вечерам парни в белых рубахах и чёрных пинжаках, форсисто накинутых на плечи, гуляли по главной улице, гурьбой двигаясь самой серединой, и орали частушки под бренькание балалайки. Балалаечник шёл впереди оравы с парой запевал по сторонам.

Мама была молодая, красивая, весёлая, по моде 30-х годов носила беретку слегка набекрень, очень мне нравилась. Все звали её Дусей, лишь иногда Евдокией Михайловной. Однажды, когда она скребла ножом розовую морковку, чтобы покрошить её в кастрюлю я обратил внимание на её большой палец: он был когда-то глубоко разрублен снизу повдоль подушечки, остался грубый шрам. Я представил, как ей было больно! Спросил: а это что? Она небрежно отмахнулась: «Да так, мало ли что случается». Не хотела вспоминать. Мне стало так её жалко…

Как она заботилась обо мне, когда я болел! Одеяло со всех сторон подоткнёт, подушку поправит, сидит рядом с полотенцем в руках, промокает пот на моём лбу. Это я болел малярией, уже когда учился в пятом классе. Самая гадкая болезнь, которая мне запомнилась.

Дело в том, что её приступы наваливаются на тебя через строго определённое количество дней с ужасающей неотвратимостью. Прожил сколько-то нормально, и вдруг начинается, подступает, и ты беспомощно обречён, ничего нельзя с этим поделать. Сначала озноб до собачьей дрожи (то-то «лихорадка-трясучка»), потом страшный жар, в голове возникают какие-то эфемерные вращающиеся, толкаясь друг с другом, сферы, медленно кружатся, завихряются, унося сознание в хаос, в состояние до сотворения мира. Если приступ начинается вечером, всю ночь мечешься в бреду, ощущение реального мира отключается. Потом наступает полное беспамятство. И только утром просыпаешься в холодном поту, ослабевший, беспомощный. Мама, возможно, всю ночь просидевшая рядом, говорит: «Ну вот, глазыньки открыл, отступило…» Переодевает меня в сухое бельё, меняет влажную простынь. А я пока, закутанный в одеяло, сижу рядом. Затем приносит и ставит на стул возле изголовья что-нибудь вкусненькое на завтрак. Говорит: «Мне надо сбегать на базар, ты тут один смотри не вставай. На пол чтобы ни ногой!»

В передней хлопает дверь, а я после горячего чая начинаю приходить в себя, возвращаются нормальные ощущения и мыслишки. Например: а почему нельзя на пол, что такое может случиться? Даже интересно. Попробовать? Делать всё равно нечего… И вот решаюсь, осторожно выпрастываю из-под одеяла одну ногу, тянусь и, замирая, еле-еле дотрагиваюсь босыми пальцами до запретного пола. Он прохладный, но ничего особенного не произошло. Скучно болеть, лежи вот теперь один в полной тишине.

Эту тишину в пустой квартире нарушал только размеренный ход больших напольных часов в соседней комнате. Откуда они у нас появились, я не знаю, — этакий в рост человека узкий мрачно-коричневого дерева ящик со стеклянной передней дверцей. В нём мерно раскачивался из стороны в сторону метровый маятник с латунным диском. Маятник был тугодум: скажет «тик»… подумает и прибавит: «так», слушать его размеренный счёт у меня не хватало терпения. За стеклом же на цепочках свисали две массивные гири, одна тянула ход, другая приводила в действие бой. Бой был особенным: сперва раздавался долгий неприятный харкающий хрип и только потом звонкое «донн-донн…». К их противному хрипу я никак не мог привыкнуть. Как только он — каждые полчаса, но всегда неожиданно — включался, я непременно вздрагивал, и само собой вырывалось: «У, проклятый…» Но когда валяешься день-деньской один в кровати, хоть какое-то развлечение.

Я знал, что к вечеру моё состояние станет вполне нормальным, предстоит несколько обычных дней. А потом снова, обязательно, ужасающе

неотвратимо. Меня, конечно, лечили. Сначала поили таблетками окрихина (или пишется акрихин? Не знаю). От них я стал жёлтым, как лимон, но помогали они плохо. Наконец папа, используя все свои служебные связи, достал настоящий заграничный хинин. Мы жили в маленьком провинциальном городке, хинин привезли из Москвы. Горше этих белых порошков на свете нет ничего. Как мама меня всякий раз уговаривала, как сама страдала! Принимать хину было настоящей пыткой. Пока кто-то не придумал завёртывать эту абсолютную горечь в кулёчки из тонкой папиросной бумаги. Простое решение стало спасением, и лекарство подействовало. Через какое-то время зловредный возбудитель болезни малярийный плазмодий был полностью побеждён. Но в памяти та малярия осталась.

Мама всегда за всех нас очень переживала, порой даже несколько излишне—такие у неё были повышенные эмоциональные реакции. Едем всей семьёй на машине (в Туле, до войны), отец за рулём, мама рядом с ним, нормально едем. И вдруг на повороте через трамвайные рельсы она с испуганным криком: «Куда ты?!—хватается за руль, мешает отцу повернуть.—Трамвай, трамвай!..» А трамвай-то далеко, правда, предупреждающе брякает надтреснутым звонком. Отец с трудом вырывает у неё руль—ещё бы немного, и в самом деле могла случиться беда. Разве это дело? Как бы теперь выразились, порой она на некоторые обстоятельства реагировала не вполне адекватно, с наклонностью к истерии, уж таким характером наделила природа.

Особенно это проявилось в первые недели войны, когда дело дошло до настоящих налётов фашистских «Юнкерсов» (до сентября 1941-го мы прожили под Москвой, а её уже с 21 июля начали регулярно бомбить по ночам). Тут она как-то вовсе расклеилась. Милая мама, мамочка—почти настоящие истерики, и жалко её, и как-то интересно смотреть… Мы-то настоящей опасности просто ещё не понимали.

«Купи пирожка-а!..»

Я, правда, порой тоже был тот ещё гусь, со своими заскоками. Один случай не только запомнился на всю жизнь, но даже стал в некотором роде семейным преданием.

Отец у нас с юности увлекался велосипедным спортом. В Туле вообще велосипедные гонки собирали даже больше болельщиков, чем футбол. Город гордился своим—одним из трёх, кажется, в стране велосипедным треком. Полные трибуны народа, любимые гонщики-чемпионы, духовой оркестр сопровождал каждый заезд бравурными маршами—настоящий массовый праздник. А вокруг трибун оживлённо торговали газировкой, мороженым, вафлями, пончиками и жареными пирожками с повидлом. Вот такого пирожка мне и захотелось.

Ничего особенного в них не было, вполне заурядные пирожки, их продавали всюду на городских перекрёстках, но мне в тот момент именно эти показались сказочно аппетитными, душистыми, с обворожительной поджаристой корочкой. Ну просто невмоготу, только бы откусить и съесть! Однако мама, тоже непонятно почему, не захотела исполнить моё естественное плотское желание, Я начал ныть и канючить: «Мама, ну купи пирожка!» Сначала она меня как-то убеждала, что этого делать не следует, потому что… Приводила какие-то доводы. Я продолжал хныкать. Она за руку оттащила меня от лотка со злополучными пирожками. Может быть, даже предлагала что-то взамен, однако меня, как говорится, заклинило: «Купи пирожка-а!»—и всё тут. Помнится, включился и отец, стал уговаривать, сперва весело, затем сердито. Я продолжал реветь и на трибуне, где мы заняли свои места. «Ничего не хочу—купи пирожка-а!»

Началось красочное зрелище, разноцветные велосипедисты под марш духового оркестра помчались по кругу, публика заволновалась, одобряюще загудела. А я всё надрывнее, заливаясь слезами, умолял: «Купи пирожка-а!!» Соседи по скамье начали оглядываться и возмущаться. Кто порицающе качал головой, что за ребёнок такой, вырастили капризулю. Другие впрямую осуждали родителей: да в чём дело-то, видите, мальчик уже не в себе—купите вы ему этот несчастный пирожок, нельзя так издеваться над ребёнком!

Меня полностью захватила какая-то неведомая сила, неуправляемая, необузданная, как говорят, бес вселился. Я начал рыдать в истерике. Тут и родители поняли: дело худо, надо что-то предпринимать. Подхватили меня в охапку и, с трудом пробираясь между тесными скамьями, расталкивая колени и спины зрителей, потащили на выход. Посещение праздника закончилось прискорбно, я затих только уже дома, совершенно выбившись из сил, будто после эпилептического припадка. Это и был какой-то припадок патологического детского каприза.

К счастью, подобное в моей жизни больше никогда не повторялось, но в семейных анналах осталась фраза: опять «Купи пирожка?». Но говорилось это без насмешки, с опаской. И я быстро отступал, сам с тайным страхом вспоминая *то* состояние. Зато теперь, взрослый, хорошо понимаю, что такое наваждение,—на себе испытал.

Мутти

Однажды, заметив моё капризное настроение, мама бросила насмешливым тоном: «Чего с утра губы отквасил, не с той ноги встал, что ли?» Я не

помню, почему и на что дулся, только сердито подумал про себя: «Не с той ноги… А с какой, правда, ноги я сегодня поднялся с кровати? Какую обычно первую сую в тапок?» Попытался представить — не получилось, как-то раньше и не замечал. Чего же она тогда спрашивает!

У нашей мамули эти поговорки-прибаутки сыпались в разговоре то и дело, запас их был неистощим. По ходу разговора выронит: «Ясно, вроде Володи на манер Кузьмы…» А мне задачка: Володя — брат, а Кузьма — кто такой, откуда взялся? Я её присловья часто понимал слишком буквально. Нейрофизиологи определили, что у человека одно полушарие мозга отвечает за образное восприятие мира, другое за логическое. Видимо, одно из них у меня в своём развитии отставало. Может, спал больше на том боку, полголовы отлежал? Например, она смеётся: попался в щах «пригарочек от горшка, восемь ножек, два вершка»! Нет, я понимаю: шутка, иносказательно про таракана. Но почему она говорит «восемь ножек», ведь у него, кажется, только шесть? Или скажет: «Ну, дела! Сразу тридцать три пирога с пирогом и все с творогом!» 33 и ещё один, значит, 34, так бы и сказала! И почему все с творогом? 34 пирога — это ж целая куча! М-да, до сих пор удивляюсь, как это меня с такими задатками затащило в писательство… А может, этот дух простонародного «мещанского» фольклора всё-таки как-то на меня повлиял? Теперь такой тип речи уже почти и не встретишь.

Чуть ли не всю жизнь наша маманя числилась домохозяйкой, сейчас их тоже можно увидеть лишь в редких зажиточных семьях, а раньше… В Туле в трудовой городской среде жёны обычно занимались только домашним хозяйством. Правда, оно было обширнее современного: и дом, и садик, и куры, печка, вода из колонки, да и семьи большие. Но после революции молодым женщинам захотелось более разнообразного участия в жизни, многие пошли на фабрики и стройки. Социалистическое государство подобную активность одобряло, только что прежнюю зарплату главы семьи сообразило поделить на двоих. Боролись за равноправие? Распишитесь в получении. Наша мамуля в девицах тоже где-то работала. И, между прочим, успешно закончила рабфак. Ей даже дали направление на учёбу в московский Менделеевский (химический) институт. Но тут она остановилась: учиться не поехала, направление отдала подружке, а сама вышла замуж за молодого начальника цеха Тульского оружейного завода Михаила Петрова, моего отца. А подружка институт закончила, стала инженером и устроилась на службу в каком-то наркомате. Мало того, сумела обратать в мужья маминого брата, нашего дядю Осю. С тех пор отношения у мамы с этой тётей Паней (Парасковьей Алексеевной) всегда оставались натянутыми: выучилась за чужой счёт, да ещё стала свысока поглядывать на золовку-мещанку. Я тоже эту тётю Паню не любил: ужасная была зануда. Как бы не из-за неё и к химии стал относиться с неприязнью, в школе плохо с ней ладил.

А между тем эта самая домохозяйка день-деньской с утра до вечера в трудах: семью надо одеть, обуть, накормить, жильё обиходить. Однако сперва все одёжки-обутки и провизию следовало раздобыть, то есть побегать и постоять в очередях. Я как-то прикинул, и получилось, что за всю долгую жизнь досталось мамане только несколько лет нэпа, когда в магазинах всё было. А затем как-то и само слово «купить» стало исчезать из разговорного оборота, на его место пришли «достала», «отоварилась», «по блату»…

Из того что удалось принести, надо было экономно и вкусно приготовить на примусе или, сидя за швейной машинкой, стачать, перелицевать. Приходилось управляться со «сложной бытовой техникой» той поры — самоваром, примусом или керосинкой, «духовым» утюгом (его набивали горячими угольями, и затем требовалось время от времени размахивать этим чугунным чудом, чтобы раздуть, оживить в утробе угасающий жар). Орудиями стирки служили корыто, бак для кипячения белья, деревянный валёк, рубель со скалкой и новинка — ребристая стиральная доска. В квартире у нас висел рукомойник с брякающим соском, воду приносили вёдрами из колодца. О кране с горячей водой, без которого сегодняшние горожанки жизни не представляют, тогда и не мечтали.

Готовила наша маманя замечательно. До сих пор помню её душистую грибную лапшу, овсяный кисель с молоком, наваристые щи, гречневую кашу, студень. И, конечно, ни с чем не сравнимые пироги — пышные («праховые»), румяные, с разными начинками. Как я их любил! Восторженно восклицал:

— Мутти, ты у нас настоящая богиня пирогов!

Мутти — это ласковое от немецкого «муттер» — мать. В школе я самозабвенно увлекался немецким языком, читал немецкие книжки и даже дома старался говорить «по-немецки». Заскакиваю с улицы и в дверях торопливо:

— Мутти! Гебен зи мир битте побыстрее вассер тринкен унд айн штюк брот!

— Ты когда эту свою тарабарщину бросишь? Говори по-людски, сколько тебе повторять.

— Я обращаюсь к тебе: «Мамуля, дай, пожалуйста, попить и ломоть хлеба!»

Смеётся:

— Это и без перевода понятно! Нет, ты мне ответь, когда станешь слушать, что тебе говорят?

— Яволь, их бин ганце оор! Это такая поговорка, в переводе: «я — весь ухо», то есть по-нашему — весь внимание!

Мутти безнадёжно машет рукой, выносит в прихожую стакан и пирожок. Я хватаю, что дают,

и снова за порог: во дворе собирается орава, кто-то принёс футбольный мяч, как бы не опоздать в состав команды.

Мутти—красивое слово, даже нежное. Но неродное. А как-то прижилось в моём обращении к ней. До самой старости.

По вечерам, сидя за штопкой чулок или с вышивкой на пяльцах, она иногда пела. А то и днём на кухне, чистя картошку. О том, как она пела, я тоже писал, но не могу удержаться снова. Дело в том, что это был настоящий дар: голос не такой, каким многие женщины поют в быту, а от природы как бы «консерваторский», сильное, красивое меццо-сопрано. Да и пела она не совсем уж простонародное, а мелодичные романсы типа «Утро туманное, утро седое…» или «Ты смотри никому не рассказывай, что тебя я так нежно люблю…». Только иногда, по просьбе восхищённых слушателей что-нибудь попроще, вроде «Ты не езди, Ваня, к Яру…». Папаня, помню, не раз восклицал: «Я и женился-то на ней—пела хорошо! Заслушался…» Своими (теперь, увы, уснувшими) музыкальными способностями я, безусловно, обязан ей.

И конечно, нельзя не вспомнить о том, что через все богоборческие советские годы она пронесла в себе неистребимую религиозность.

Что, судя по всему, шло от раннего воспитания, полученного в семье, но, несомненно, и от собственного характера. Я в детском возрасте удивлялся: молодая, а в Бога верит, как будто старушка. Вот только проявлять это чувство приходилось осторожно. Отец, член партии, позволить иконы в квартире на виду не мог, это было чревато строгими последствиями, над «церковными» интересами жены посмеивался, но и не препятствовал. На Святой неделе в центре стола у нас всегда красовался душистый сдобный кулич, и приготовлялась маслянистая творожная пасха. На Благовещенье мама пекла «жаворонки»—печенюшки в форме птиц. Рождественским и Великим постом старалась придерживаться в меню соответствующих правил, хоть и не в полной мере. Иконки хранились в комоде, вера как бы тлела под слоем официального пепла. Однако сохранялась! И дети, и внуки у мамани все оказались крещёными, несмотря на идеологические и бюрократические строгости. Такие, как она, и пронесли дух православия до момента его возрождения в стране в последующие годы. И за этот тихий подвиг как не быть ей благодарным? Мама, мамуля, мутти…

Отчество и Отечество

Всё вспоминается про мать, про маманю, а отец как-то постоянно оказывается в тени. Такая им вообще досталась планида. Хотя, если разобраться, судьба всей семьи и биографии детей больше зависят именно от общественного положения, жизненной линии и даже от личного характера отца. Что в моём случае сложилось несомненно так, видно с первого взгляда, стоит лишь проявить интерес. Мы трижды переезжали из города в город, всякий раз потому, что его переводили на другую работу… Да что тут толковать, и так ясно: от родителя мы получаем фамилию, отчество и само Отечество. Но воспоминаний отцам почти не достаётся, всё мама, матушка. Ладно, нам слава не нужна, и в выражении чувств мы сдержаннее, м-да…

Цветы привычнее дарить женщинам.

Но вот однажды сын, уже взрослый, спросил:
— Слушай, а каким был дед Михаил Петров, что за человек? Мне ведь было четыре года, когда он умер, фамилию его ношу, а что знаю?

Вот до чего наша скромность доводит, разве это дело? А ведь моя обязанность—передать сыну историю рода. Но всё как-то не до того, и неудобным кажется навязывать ему своё видение прошлого—пусть, дескать, сам разберётся. А если подумать, как это он сам разберётся, откуда узнает-то? Но раз интерес пробудился, попробую кое-что рассказать, хотя бы в самом сжатом виде.

Довольно редкий для нашего теперешнего быта случай—у меня хранится церковная метрика от 8 января 1897 года. На гербовом листе размером чуть не в половину современной газетной страницы, не то что нынешние квитанции на «родился—умер». Старинный почерк с завитушками, и чёрные чернила почти не выцвели. Свидетельство о появлении на свет Божий и крещении моего отца, Петрова Михаила Николаевича.

Из него следует, что его родители—«Тульской губернии, города Алексин мещанин Николай Иванович Петров и его законная жена Екатерина Александровна, оба православные». Мещанин М—значит, гражданин такого-то города, к которому он приписан. На самом деле мой дед Николай Иванович Петров (на старинной фотографии у него густые усы и причёска с прямым, как у приказчика, пробором) проживал в Туле, имел собственный дом в городской слободе Чулково и служил упаковщиком на самоварной фабрике Воронцова. Тула, в отличие, скажем, от дворянского Симбирска или купеческой Самары, издавна служила арсеналом страны и была городом ремесленным: ружья, пистолеты, ножи, баяны, самовары расходились отсюда по всей России. Даже пряники она пекла не простые, а «печатные».

По свидетельству бабушки Екатерины Александровны, дед Николай получал в месяц жалованья тридцать целковых. Если принять во внимание, что корова стоила 10 рублей, можно представить уровень благосостояния семьи: не слабо! Пролетариев, которым нечего терять, кроме цепей, в рабочей Туле вообще не водилось—даже кто работал на

казённых военных заводах, все имели собственные дома с садиками, а при них и мастерские.

Но благополучная жизнь семьи рухнула разом: деда Николая в самом зрелом возрасте разбил паралич. Бабушка Катерина распродала всё: дом, сад, корову — и пошла служить в люди, то есть заниматься стиркой, уборкой и прочими работами по найму у богатых. А что она ещё могла делать? Шустренькому сынку Мишке, моему будущему родителю, исполнилось в ту пору всего пять лет. Переселились в крохотную хибарку у самого полотна железной дороги, когда рядом грохотал очередной состав, всё жильё содрогалось.

Рос Мишка сорванцом — безотцовщиной. Правда, мать упорно твердила: «Учись, Мишка! Выучишься — станешь мундир с ясными пуговицами носить и на извозчике ездить!» Предел, так сказать, мечтаний о счастливой жизни. Она сумела устроить сына в городское училище, однако из-за увлечения рыбалкой и ловлей птиц парнишка уроки пропускал, даже остался в одном классе на второй год. И всё же что-то уберегло его от лихой судьбины. Летом 1913 года, шестнадцати от роду, училище он закончил и пошёл на работу. На Тульский оружейный завод. Его приняли учеником кальщика в закалочную мастерскую. Производство было горячим и вредным из-за паров расплавленного свинца.

А уже в 1916-м его выдвинули в помощники мастера. За что-то ведь заметили. Надо полагать, за трудолюбие, сметливость, рабочую хватку, несмотря на самое простое образование. Странно мне теперь представить: бурный 1917-й он встретил уже двадцатилетним парнем, кое-что соображал. Революция сказалась в его судьбе непосредственно. Нет, на баррикадах папаня не сражался, в военно-промышленной Туле их вообще не было: оружейники — особая категория, любой власти необходимая. Но появилась возможность для учёбы без отрыва от производства, раньше такого не было. И он этой возможностью воспользовался. Тут надо подчеркнуть ещё такой важный момент: к тому времени его единственная сестра Надя вышла замуж и уехала в Архангельск, за ней последовала мать. Остался он совсем один, а ведь молодой — пей, гуляй! А он учился. Сначала закончил вечерний техникум, потом — вечерний институт. Работал и учился — характер обозначился. Когда получил диплом инженера, ему было уже 35 лет! Считай, вся молодость ушла на работу и учёбу по вечерам.

Важная и яркая деталь биографии: в 1926 году его посылали в командировку в Англию, три месяца в Шеффилде и Бирмингеме они изучали опыт производства пулемётной ленты. Попасть за границу в те годы было событием, впечатлений о жизни в капиталистическом забугорье осталась масса. Возвратившись, он много рассказывал о них друзьям, делился наблюдениями, нередко и с завистью. Эта поездка дорого аукнется ему в будущем, но пока — обо всём по порядку.

Всё, что я до сих пор рассказывал, основано главным образом на уцелевших в семейных архивах документах: всяких справках, собственноручно изложенных отцом автобиографиях для «личных дел», записях в листках по учёту кадров. И на его рассказах, разумеется. А в моей личной памяти облик молодого отца отсутствует, если не считать некоторых совершенно отрывочных картинок. Например, в той же Анапе, где мы отдыхали в 1936 году: на улице очень жарко, я иду с папой за руку, и он заводит меня в прохладный винный погребок. Спускаемся по каменным ступенькам, внизу полусумрак, пахнет кислым вином, папа черноволосый, в белой рубахе, белых брюках и белых парусиновых ботинках. Да и не такой уж молодой: почти сорока лет. Такое у меня впечатление, будто обычно дома я и видел-то его редко.

Уже в 80-х, тоже заинтересовавшись документами (часть досталась ему, часть — мне), мой старший брат Володя обнаружил, что официальное свидетельство о браке наших родителей датировано 1929-м годом. «Это ж получается, что я незаконнорождённый?! — возмущался он, разводя руками, изображая пантомиму — Здра-асте пожалте! — Ну, родитель, ну и гусь!» — (Володя родился 1 октября 1927-го). И, обращаясь ко мне: «Вот ты всё твердишь: отец, отец. А что отец? Гуляка был, бабник, выпить любил». Любил, с этим спорить не станешь. Но такая односторонняя оценка папани братом меня всегда, мягко скажем, удивляла. Хотя… Да, характер у нашего папочки, судя по всему, был в молодости весёлый и лёгкий.

Темперамент ему достался, пожалуй, сангвинический. А облик — цыганистый, с тёмными природными кудрями и глазами карими. Вот только нос русский, крестьянский, на подбородке ямочка — известная примета двоежёнства. Но она не справдилась: гулять погуливал, однако всю жизнь прожил с нашей матерью. А по натуре был… Веселья любил, удовольствия, застолья, всякие хохмы, жареное мясо. Зато про картошку мог сказать: «От крахмала только воротнички стоят!» (Тогда ходила мода на жёсткие накрахмаленные воротнички.) Весело признавался: «Цыган люблю и цыганщину люблю!» Само собой, играл на гитаре, азартно, артистично — «Цыганочку с выходом», «Соколовский хор у Яра…». Аккомпанировал романсам матери, плясал самозабвенно, а вот петь — совершенно не пел. Активно не переносил томно-манерного Вертинского, зато хохотал над рассказами Зощенко в исполнении Хенкина, а позже — читая «Василия Тёркина».

Я уже отмечал: внешнего сходства с отцом у меня даже при очень большом желании увидеть не удавалось. Да и по характеру ничего общего

не просматривалось. Довольно странно всё это. Если бы не обнаружилось одинаковой страсти к охоте, определившей многое в жизненных судьбах обоих. Откуда она возникла у него? Я думаю, из самого тульского воздуха. Среди городского ремесленного люда охотников водилось множество: времени и средств на любимую забаву хватало, с ружьями никаких сложностей, собственные дома с подворьями — собак держи хоть своры, строй голубятни. Ещё в 30-е годы на весеннюю тягу туляки ездили по вечерам… на трамвае: до окраины, и вот они берёзовые перелески да осинники. По своему типу это всё были городские охотнички средней руки, ружейные утехи являлись для них уж точно не «спортом» и не мясным подспорьем к столу, а просто отрадой вольной русской души.

К середине тридцатых годов стало ясно, что стране не миновать большой войны. Оружейников это касалось в первую очередь, напряжение в производственной жизни стало нарастать с небывалой интенсивностью. Гигантская машина Завода, пыхтя, скрипя и громыхая, раскручивалась всё быстрее, порой казалось, в разнос. И как раз в это время М. Н. Петров был поставлен из начальников цеха в начальники производства всего тульского Оружейного, а затем и ещё выше, на должность главного технолога. К должности прилагались новая квартира в «элитном» доме на главной улице и персональный автомобиль. Водил машину отец сам. Но катались мы на ней и обитали в аристократической квартире недолго: отца арестовали. В ту самую знаменитую пору «ежовщины» по трагически знаменитой 58-й антисоветской статье. И эта страница истории вписалась в его биографию едва не некрологом в чёрной рамке.

Как арестовывали, я не видел: дело было летом, перед школой я отдыхал в загородном детском лагере. А вернувшись, увидел полный разгром и хаос в квартире. Вещи разбросаны, матрац дивана валялся на полу вверх пружинами, под ногами книги, беспорядочно разбросаны какие-то листы бумаги. Это были последствия обыска работниками НКВД.

Дальнейшие события развивались обычным для тех времён порядком. Из квартиры нас выселили, семью врага народа приняла сестра матери тётя Женя, которая по-прежнему обитала, уже со своей семьёй, в родительском полукаменном доме в тихом переулке у заводского пустыря. Ещё была жива их мать, бабушка Катя «Большая» (в отличие от сухонькой отцовской матери, бабушки Кати «Маленькой»), Екатерина Тихоновна, старуха грузная (про таких говорили: «квашня»), деревенская и очень богомольная.

О непосредственных причинах ареста я узнал всего несколько лет назад от брата Володи. Он рассказывал, что поводом послужил реальный донос в НКВД, написанный… лучшим другом молодости, с которым отец лет двадцать вместе охотился. По Володиной версии, того к доносу подвигнула элементарная человеческая зависть: он так и остался мастером, а дружок стал третьим человеком в заводской иерархии! Вот и подметнул писулю о разных высказываниях приятеля, особенно про жизнь рабочих в буржуазной Англии.

Отцу донос показали, требовали признаний в идеологическом умысле, и хорошо ещё, что не дошло до обвинений в шпионаже, шили только антисоветскую пропаганду. Но требовали «с пристрастием». Однако он ничего не признал и *не подписал*. И этим спас себя от худшего: кто не устоял и подписывал, тут же получал лагерный срок или знаменитые «десять лет без права переписки». Вот так представишь себе: а вдруг бы он не выдержал?! Ужас… Что бы его ждало? И по какому сценарию пошли бы события для всех нас, и куда бы заковыляла в том числе моя биография… Надеяться ему было не на что, но он всё-таки всё тянул, тянул и… сам не предполагая, дотянул до того момента, когда самого «железного наркома» Ежова расстреляли. А за компанию, так сказать, следователя Лебедева, который вёл дело отца с применением всех обычных в ту пору методов. И тогда подследственного Петрова в числе некоторых других счастливчиков «освободили из-под стражи в связи с прекращением дела» — так написано в официальной справке. Квартиру нам, правда, не вернули.

Но она и не потребовалась: отца направили на другую работу — в подмосковный Загорск, главным инженером завода, на который была возложена задача обеспечить Красную Армию только что принятыми на вооружение автоматами ППШ. Предприятие, которому отвели столь ответственную роль, перед тем занималось выпуском скобяных изделий, то есть замков, дверных ручек, шпингалетов и прочего ширпотреба. Но в Загорске срочно собрали лучших специалистов-оружейников, в том числе привезли из Коврова и самого изобретателя Г. С. Шпагина. Я всю эту историю привожу с той целью, чтобы стало ясно: и после возвращения отца из тюрьмы, после переезда в Загорск, я его дома видел очень мало и как-то почти не знал. Они не покидали цехов сутками. Но в результате через год, в мае 1941-го первая партия ППШ ушла в войска…

А уже в сентябре первые эшелоны с заводским оборудованием отправились в эвакуацию. На восток везли станки, оснастку, металл, незавершёнку, котельную, провода, сантехнику, рабочих, их семьи и всякую «бытовку» для первичного обустройства. Прибывших на новое место расселяли в бараки, выросшие за два месяца: комната на семью, а то и на две. Эшелоны ползли через Ярославль — Пермь — Свердловск и разворачивались

на Урале назад на Казань и Вятку: такова была ситуация на железных дорогах. Ведь в эти самые дни сложилось просто отчаянное положение в сражении за Москву.

Поражает официальная цифра: весь перерыв в производстве ППШ составил лишь 45 дней. А ведь эшелоны только в пути находились две недели. В конце ноября первая партия автоматов ушла на фронт уже с берегов Вятки. Конечно же, это был подвиг, и совершали его тысячи простых людей. Может, лучше бы мне сдержаться и не употреблять этих высоких слов? Нет, их должно произнести, чтобы стало понятнее, чем и как жил конкретный человек.

Что я могу рассказать об отце в те военные годы? Не видел я его почти, вот какая штука. Установленный рабочий день был 12 часов, а руководство вообще на заводе дневало-ночевало. Зато производство было отлажено так, что, по официальным сведениям, только Вятско-Полянский дал армии два миллиона ППШ — больше, чем изготовили автоматов все предприятия Германии (правда, на вермахт работали и другие страны Европы). Это я опять отвлёкся в историю, а хотел рассказать о том, что никакого отцовского воспитания мне в детские годы почувствовать вроде как и не довелось. Вот такая биография.

О, вдруг вспомнился необычный эпизод: однажды отец провёл меня по цехам! Мама пожаловалась, что мне приходится всякий раз часами стоять в очереди в городскую баню, жаль мальчишку. И он прихватил меня, бросив охраннику в проходной: «Это со мной...» — в заводскую ТЭЦ, где для работников имелся душ с горячей водой. Мы вымылись, и на обратном пути я увидел, что это такое — завод — внутри. Везде гудело и крутилось, смачно плюхали штамповочные прессы, пахло горячим металлом и машинным маслом. Запомнились токарно-копировальные станки: в суппорте горизонтально крутится вокруг собственной оси берёзовая ложболванка, и резец, копируя металлическую модель, которая крутится параллельно, слой за слоем снимает деревянную стружку, высвобождая из «полена» контуры рождающейся на глазах ложи с прикладом.

«А где мастер?» — спросил главный инженер кого-то из рабочих. — «Да вон там в закутке отсыпается, трое суток из цеха не выходил», — кивнул тот на какой-то угол. Папаня, кажется, набрал воздуху, чтобы, как положено, наорать, да и с матюками (это у них было в обычае, вплоть до наркома Устинова и выше), но... только махнул рукой, и мы пошли дальше. Наверное, меня постеснялся, так я уже тогда почувствовал с некоторым смущением.

К концу войны в орденской книжке М. Н. Петрова значились не только гражданские ордена «Знак Почёта», «Трудовое Красное Знамя», но и награды боевые: орден Отечественной войны и медаль «За оборону Москвы». Они и сегодня хранятся у меня в заветной шкатулке.

Дальше можно было бы продолжить семейную хронику с оригинальной броской фразы: «Со своим отцом я познакомился поздно, в возрасте...» По существу, так оно и было. До его ареста я был слишком мал, в годы войны мы общались урывками — он приходил с завода среди ночи и рано утром возвращался. И только после её окончания... А произошло это, так сказать, настоящее знакомство именно на охоте. Ему в то время подходило к пятидесяти, мне исполнилось 13 лет. (Хотя гонять за Вяткой уток на пару с таким же «ушибленным» дружком я начал ещё до этого.) Первое ружьё, которое он мне подарил, была лёгонькая берданочка 28-го калибра с винтовочным затвором. На заводе её подремонтировали, затвор отхромировали, ложу полакировали, ружьецо выглядело хоть куда. В совместных походах я жадно впитывал рассказы о Туле, о его охотах и рыбалке, о семейных преданиях. Как оказалось, с годами многое из воспринятого тогда незаметно проникло в глубины детской души, стало как бы собственными взглядами и пристрастиями. Примеров тому я обнаруживал со временем множество. Это влияние на формирующийся характер, мировосприятие и поведение было таким же естественным, как... Как воздействие климата, географической среды, окружающей природы на формирование национальных особенностей разных народов. То же происходит и в нашей личной жизни. От него я получил и первые уроки охотничьего воспитания.

Уж чего-чего, а стремления набить как можно больше дичи, я никогда за ним не замечал. Охота как отрада души, некое поэтическое состояние, вот что я видел. Любил он шумные охотничьи компании, фляжку и песни хором вокруг костра. Даже стихи порой цитировал: «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора...», «Жар свалил, повеяло прохладой, длинный день закончил ряд забот...». И обязательно: «Кто же охоты собачьей не любит, тот в себе душу заспит и погубит»! Наверное, все эти строки запомнились ему с юности. Но ведь запомнились же! А потом и мне.

Злодеяние

О своём военном детстве и отрочестве я опубликовал отдельную повесть («Ранний снег»). Естественно, всех впечатлений описать в ней не мог, и они всё тянутся и тянутся неотвязно следом за мною. Вот ещё некоторые, самые настойчивые.

Горячее, жгучее чувство стыда... Что-то не могу припомнить за собой такого переживания за многие последующие годы, а может, и за десятилетия. Не грешил, не совершал ничего постыдного? Как-то не верится. Наверное, память-спасительница набралась житейского опыта и научилась

быстренько избавляться от всего, что может отягощать душу. Насобачилась одолевать совесть в схватках местного значения. А было-то иначе — ощущение стыда так опаляло, что шрамы-ожоги оставались на всю жизнь. Один случай, будто глубоко засевшая заноза, нет-нет остренько напомнит о себе, стоит лишь снова забрести на зарастающие тропы тех лет.

Занятия в школе у нас никогда не начинались 1 сентября. В этот день мы собирались и узнавали: опять отправляемся в колхоз на уборку, до октября. Обычно в какую-нибудь из ближних деревень. Дёргали лён и турнепс, копали картошку, помогали на току молотить и провеивать зерно и даже — кто-то может не поверить — жали хлеб серпами. Да-да, как во времена художника Венецианова, только не так красиво.

Физически труд этот считался не очень тяжёлым (то-то женский), самое неприятное — весь день проводить согнувшись до земли. Распрямляешься, лишь когда свиваешь перевясло из двух пучков стеблей, сплетая их колосьями, чтобы соломенный жгут стал вдвое длиннее и хватало бы опоясать сноп по окружности. Сперва подрезаешь серпом стебли у земли, захватив в левую ладонь, сколько сумеешь. Срезанные пучки укладываешь на стерню, пока не наберётся ворох, достаточный для полновесного снопа. Тогда распрямляешь спину, свиваешь это самое перевясло и обвязываешь им сноп. Готовые снопы составляли в суслоны, их количеством определялась дневная выработка.

Это сам процесс жатвы. А молотили снопы на току, где стояла молотилка — «сложка», работавшая на длинном шкиве-приводе от тарахтевшего рядом колёсного трактора. С поля снопы подвозили на телегах. На току шум, суета, пестрота, пыль и мякина клубятся облаками. На току начальство. И кухня.

Не знаю теперь, за какие именно заслуги мне доверили ответственную взрослую работу — подвозить снопы с поля на ток. Воз на телеге укладывали такой высоты, что на него еле вскарабкиваешься, предварительно забрасывая наверх верёвочные вожжи. Взобрался, устроился и: «Н-н-о-о, милая, по-оехали!» (Кто бы тогда знал, что это словечко станет знаменитым в устах первого в мире космонавта.) По уму-то, не надо было наверх и забираться, лошадёнке без того тяжело тащить громоздкую кладь по мягкой бугристой пашне. Взрослые возчики обычно степенно шагали рядом, держа в руках длинные вожжи. Но мальчишки! Как не прокатиться, тем более на такой верхотуре, да и вес у меня был почти как у сушёного комара. По-оехали!

Сидишь выше всех, словно индийский магараджа на боевом слоне, воз покачивается, телега поскрипывает, правишь на ток к скирде.

А возле тока несколько на отшибе была устроена примитивная полевая кухня: печурка из кирпичей в две стенки и на ней прилажен большой чугунный казан, в котором варился обед на всю бригаду. Я, раскачиваясь на тяжёлом возу, до того заигрался, что с высоты своего положения кухни не заметил.

Вдруг внизу раздался какой-то зловещий скрежет, глухой удар, громкое сердитое шипенье, от земли повалил горячий пар, смешанный с синим чадом. Я сперва ничего не понял, глянул вниз и… увидел ужасную картину. Тележная ось задела кирпичи печурки, разворотила её, казан опрокинулся, огонь залило похлёбкой, по чадящим головешкам рассыпались белые картофелины вперемешку с жёлтым горохом и розовой морковкой. Меня так и ошпарило сознанием: весь сегодняшний обед бригады…

Я мигом скатился со своего пьедестала наземь. Из-за угла воза появилась девушка-повариха, она молча смотрела на меня. Слова у неё не выговаривались, ничего не могла выдавить, но никогда не забуду её глаз. В них дрожали крупными хрусталинами и светились невероятной прожигающей силой слёзы, они вобрали в себя такого накала отчаяние, такой нестерпимый укор! Господи, если б этот котёл кипятка вылился на меня, право слово, легче б, наверное, было перенести, чем эту боль и обиду в её глазах.

— Что же ты наделал?.. — наконец чуть слышно прошептала девушка. В голос разрыдалась она позже, когда к месту катастрофы прибежал народ.

Меня охватил ужас. Мне оставалось только бежать — трусливо, позорно, спотыкаясь и плача на бегу. Не возмездие оставленных голодными работников страшило, а собственный стыд, жгучий, непереносимый. Вот и теперь, через без малого 70 лет, вспоминаю и зябко ёжусь, ощущая дрожь по спине промеж лопаток.

Может быть, высказав теперь вслух, хоть частично сниму с души тяжесть вины за содеянное когда-то? Наверное, в этом тоже состоит суть обряда исповеди.

Детекторный приёмник

А однажды я некоторое время был шпионом-нелегалом. Во всяком случае, с какой-то тайной жутью чувствовал себя таковым. Причиной стал…

В самом начале войны органы НКВД повсеместно изъяли у всего населения радиоприёмники, официально — вроде как приняли на хранение под расписки. Каким образом их собирались хранить, скажем, в оккупации или в эвакуации, не совсем понятно. Однако идея была предельно ясна: чтобы у людей не появилось соблазна слушать вражеские передачи о событиях на фронте. Что знать следует, мы сами вам сообщим через чёрные картонные тарелки на стенах, лишнее по проводам в слабые души не проникнет.

И надо ж случиться, дружок Вовка Данилов — такой был проныра! — раскопал в чердачной пыли своего частного дома заброшенный допотопный приёмник, так называемый «детекторный». Чудо техники 20-х годов прошлого века походило на деревянный ящик своего современника — граммофона, только что размером поменьше. Находка так долго валялась где-то под крышей, что пропиталась кошачьим чердачным запахом. Сверху на приборе имелся глазок, через увеличительное стекло которого были видны красная стрелка и чёрные цифры на бумажной ленте, по бокам глазка — две вращающиеся ручки. Сердцем приёмника было гнёздышко с серым кристаллом-крупинкой и спиральной проволочкой, упиравшейся в это каменное зёрнышко. Остриём проволоки — именно «методом тыка» — требовалось найти у кристалла живую рабочую точку…

И тогда вдруг из мёртвого ящика раздавался таинственный шелест, потрескивание радиопомех, а то и обрывки фраз, произносимых чужими голосами, бессвязные лоскутья музыки. Мы низко склонялись головами к хилому источнику звуков, напряжённо вслушивались в сигналы далёкого неведомого мира.

Вовка устраивал свои сеансы радиосвязи в великой тайне, приглашая лишь двоих или троих самых надёжных. И мы сходились, чувствуя себя почти диверсантами, готовящими взрыв военного объекта. Разумеется, фашистского, только что собираться приходилось в глубоком тылу СССР. И расходились, как положено, поодиночке. Шутки шутками, а проведай «органы» о наших сходках, при желании могли ещё как раскрутить дело! Притянув и родителей. Хотя надо признать, ни разу ни одной членораздельной передачи мы не поймали. Радист страдальчески кривил тонкие мефистофельские губы и объяснял: «Детектор устал. Вот бы новый!»

Судя по всему, устал он уже давно и безнадёжно, за что и был выброшен на чердак лет ещё за десять до войны. Спроси сегодня юных технарей: что такое детекторный приёмник? Они и ламповых-то не видели, что ж говорить о радиотехнике пещерного века.

Лесное чудовище

Что-то всё грустное лезет в голову, печали по поводу минувшего-невозвратного. Хоть бы что-нибудь весёленькое пришло на память… Ага, а вот про то, как меня напугало ужасное лесное чудовище.

Мне до невозможности захотелось попасть на глухариный ток, на котором я уже побывал однажды. (И после чего заболел этим лесным волшебством на всю жизнь.) Но находился он в бору за Вяткой, на которой как раз в те дни обычно открывался ледоход. И как было в этих условиях форсировать водную преграду? Никак не возможно: не перейти, не переплыть, не переехать. Но очень хотелось! А в характере у меня уже в то время зарождался авантюрист. И я придумал.

На виду у городка выше по течению Вятку перешагивал в три пролёта железнодорожный мост. Его строго охраняли бойцы с винтовками — военный объект, пробраться и думать было нечего. Но очень хотелось. И мне пришла идея: на железнодорожной станции (до неё от города три километра) ночью забраться в грузовой состав, затаиться в тамбуре и — по мосту — на том берегу! Ну а там… Дальше по пути следования, уже в лесу, располагался разъезд Ямное, на котором товарняки обычно останавливались, пропуская встречные. Мысль о том, что мой может и не остановиться, возникала, но лишь маячила где-то позади сознания: уж очень хотелось… Любопытно, что и родители не возражали, хотя мне было всего лет 13, самое большое 14, точно теперь не помню.

Итак, когда стемнело, я отправился на станцию, воровски забрался в тамбур товарной теплушки и благополучно преодолел водный рубеж. Всё шло по-задуманному, приближался разъезд. Однако мой товарняк лишь малость замедлил перестук колёс и, огласив леса бодрым протяжным гудком («Один длинный — значит, на проход!» — вспомнил я), начал вновь набирать скорость. Пропал мой ток? И куда он теперь меня увезёт, как оттуда возвращаться?! Надо прыгать…

Мне повезло и тут, спрыгнул (с ружьём!) удачно. В кромешной темноте, отчаянно нырнув неизвестно куда. Сломать ногу, а то и шею, было легче лёгкого. Пронесло. Остальное, хоть и ночь вокруг темнущая, просто. Дорога бором, единственная тележная колея, вела прямо в урочище под названием Исток, куда и слетались токовать глухари, — сбиться с пути невозможно. Часа два мне брести тёмным бором, как раз успею к началу глухариных игрищ.

Я шёл по лесной дороге самой глухой непроглядной порой, по сторонам, как говорится, хоть глаз коли, ничего не различить. Но под ногами было твёрдо, колея не разъезженная, почва в бору песчаная и прихвачена лёгким апрельским морозцем. Я машинально передвигал ногами и… спал на ходу. В самом прямом смысле слова спал! Только ноги бодрствовали, сами по себе отмеривали шаги. Спал и шёл, вот не помню, видел ли какие сны на ходу. Сколько это продолжалось, не представляю. И вдруг…

Вот уж действительно вдруг — представьте себе: взрыв прямо перед самым носом! Гром, грохот, грозный рокот, ещё какие-то ужасные звуки. Я остолбенел на месте, всего так и ободрало морозной дрожью. Но ещё не совсем проснулся. И тут снова — грохот, топот, стук, уханье! Показалось — потише первого взрыва, но так же страшно, непонятно и угрожающе. Я встряхнул головой, отгоняя наваждение, сбросил с плеча ружьё — на изготовку, словно перед штыковым боем. Не-ет, меня так

просто не возьмёшь! Страшно, но только попробуй — влеплю заряд картечи! Только покажись!

И в третий раз то же: топот, фырчанье, грозное шипенье. Но теперь всё какое-то мелкое, совсем близко внизу под ногами. Звуки в темноте пугающие, но явно смертельной угрозы в них нет, не тот масштаб — будто кошачий, что ли. Да что же это такое?!

А в кармане телогрейки у меня лежал приготовленный на путь в темноте фонарик. Я сообразил, достал, нажал кнопку. Перед глазами на колее возник жёлтый круг света и в нём посерёдке… ёжик! «Чудовище» величиной с кулак взрослого человека. Он снова мелко затопотал лапками по звонкой мёрзлой почве, аж весь подпрыгивал яростным раскалённым шариком, зашипел сердито, зафукал, ощетинившись всеми своими серыми колючками. Это он меня так пугал, угрожая: «Уфф, я тебя! Затопчу, ррастерзаю!» И тут наконец мне стало смешно. Вот так гигант! Ихтиозавр… Ёжик, игрушечный зверушка, детская забава. А какой я пережил страх, какое ужасное потрясение!

Ежи ведь животные ночные. Проснулся после зимней спячки, выбрался побродить, перехватить чего-нибудь после голодовки, а тут прётся двуногая зверина, чуть не наступила. Я не знаю, почему он не убежал, а решил принять неравный бой, не ведаю ежиных повадок. Но вот такое случилось.

И объяснение моему несоразмерному первоначальному страху имеется: во сне, в «пограничном состоянии» сознания подобная реакция возможна. Как сказал какой-то мудрец: «Сон разума рождает чудовищ».

Любопытно, что всё дальнейшее об авантюрной поездке из головы выветрилось. Удачной ли была охота, как я возвращался домой — ничего не могу сказать. Этот «ёжик в тумане», барабаня сердитыми лапками, ухитрился затоптать все остальные впечатления, даже про сам глухариный ток. Казалось бы, что дороже, какие переживания сильнее? А вот, поди ж ты…

По́лдня мышья беготня

Пианино расстроилось

Не могу сказать, с каких лет я начал ощущать, что брата Володьку мама любит больше. Услышав такое, некоторые феминистки, убеждённые, что у женщины в принципе не может быть недостатков, замахают на меня руками: дескать, как вы можете? Для матери все дети дороги, попробуйте, родите сами! Но я на личном опыте почувствовал: дороги, да по-разному. В прежних многодетных семьях и сомнений подобных не возникало, ясно же: один — драчун и забияка, другой — размазня, одна девочка растёт ласковая, другая — злючка («У, вся в свекровкину родову пошла!»). Естественно, и отношение к ним различное. Короче, если признаться как на духу (вроде бы на приёме у этого самого психотерапевта Фрейда), отношения у нас с мамой довольно рано стали складываться, как бы это выразить… Такое впечатление, будто порой приходилось играть на расстроенном пианино — чуткое детское восприятие при этом страдало, слыша раздражающий ухо диссонанс. Сперва еле уловимый, но со временем проявлявшийся всё определённее и обиднее.

Почему-то она всегда посмеивалась над самыми заветными моими увлечениями. Охота… Уже мальчишкой я так трепетно ею увлёкся! Могла бы понять: сама всю жизнь провела рядом с мужем-охотником. Вот сын-первенец Володя этого недуга не унаследовал, а я… Да ещё, начитавшись книжек Дж. Лондона и Ч. Робертса о канадских искателях приключений, мечтал о жизни в настоящей лесной избушке, таким же лесным бродягой. А за Вяткой, в нескольких километрах от городка, в бору недалеко от речного затона пряталась такая избушка — колхозная пасека. Мы иногда, бывая на охоте, заглядывали к старику сторожу, очень нравилось нам это местечко.

И вот я решил в зимние каникулы пожить у знакомого караульщика несколько дней. Бродить на широких лыжах по окрестным лесам, гонять русаков в прибрежных тальниках и на островах. Не столько мне эти зайцы и тетёрки-рябчики были нужны, сколько сама сказочная лесная жизнь в избушке. Я так и объяснил дома своё желание: «Хочу другой жизнью пожить». Мамуля отнеслась насмешливо, однако противиться не стала. А слова мои запомнила и позже не раз так и эдак высмеивала:

— Ну как, пожил «другой жизнью», сопли поморозил? Дома-то скучно на всём готовеньком.

Не понимала она моего романтического настроя! И не хотела понять, свела всё к соплям. Эх, мутти, мутти… Кто-то может пожать плечами: дескать, ну и что такого? Просто пошутила. А выходит, не просто, коли вспоминается более чем через полвека. Нет, не просто. Теперь я вижу: тот поход на пчельник сыграл в моей жизни роль в некотором роде одной из отправных точек в биографии. Во-первых, тогда и появилось осознанное желание когда-нибудь уехать в Сибирь, чтобы иметь возможность снова вот так, в избушке… А во-вторых, все события и впечатления тех нескольких дней на пасеке я записал карандашом на страницах взятой с собой тетрадочки. И храню эти архивно-жёлтые листки до сих пор. Впервые записанные впечатления. А она смеялась. Как она не могла почувствовать, что сыну всё это очень дорого? А ведь мамочка, самый близкий родной человек. Разве не досадно? И если бы это был единственный случайный эпизод.

Особенно памятное впечатление оставила история, наших отношений, когда у меня случилась

«школьная любовь». Совсем не исключительное событие в юношеском возрасте, большинство из нас это поветрие проходят. Мутти встретила моё увлечение яростными штыковыми атаками. В ход пошло всё. «Рано тебе ещё! Школу надо заканчивать, а ты!..» Пошли в дело, как теперь говорят, «чернуха», компроматы и всякая «деза» на мою избранницу. «Да что там любить-то? Цыплёнок и цыплёнок!» Но разве в подобных делах доводы опыта, тем более обидные характеристики действуют! Неужели не знала? Или от раздражения всё затмило.

Дошла до того, что... пожаловалась на меня в райком комсомола, требуя воздействия на гибнущего сына. Хотела, что ли, чтоб мне пришили «аморалку»? Вряд ли. Но меня вызвали. Секретарь райкома, демобилизованный парень-фронтовик в гимнастёрке с орденом, сам стесняясь, только спросил по существу: «Слушай, а вы с нею... не того?» — он имел в виду мою Джульетту, тоже комсомолку. На что я на голубом глазу ответил: «Что вы, что вы!» На этом проработка закончилась. А что, собственно, он должен был прорабатывать, за то, что мальчик дружит с девочкой? Я всё мог понять, но райком во взаимоотношениях между родными людьми — это уж слишком. Однако имело место и такое. И как я, хоть и заблудший, должен был ко всему этому относиться?

Теперь, с высоты сегодняшнего опыта, я могу объяснить её поведение: старалась по-своему охранять меня от угроз опасного возраста. От всего того, что ей казалось неправильным в моём поведении. Всё выбивающееся из ряда — это опасно! Надёжнее в жизни, когда ребёнок — как все. Этому прежде всего и учат матери — поступать как положено. «Так не делают, это не хорошо. Ложку надо держать вот так. Деревья надо рисовать зелёными». И т. д. и т. п. Мать с ранних лет прививает ребёнку *правильное* общепринятое поведение, и это, соглашусь, её долг. Но ведь получается, что она изначально запрограммирована выступать первым врагом будущей *личности*. Как ни жёстко звучит этот вывод.

Наконец, не могу не вспомнить про футбол.

Вот так сложилось, что легла мне эта забава на душу, и всё тут. Ещё в Туле в маленьком переулочке мы днями гоняли этот мяч до самозабвения. А после войны футбол стал, без преувеличения, «любимой игрой миллионов». Власти всемерно поддерживали футбольный ажиотаж в стране: надо же было хоть чем-то радостным отвлечь людей от бараков, карточек, очередей, послевоенной нужды. Выходили книги, снимались фильмы, лучшие поэты и композиторы сочиняли песни о футболе, по радио звучал захлёбывающийся в экстазе голос комментатора Вадима Синявского, всенародно любимого. Профсоюзы выделяли деньги на форму, на поездки команд к соседям и зарплату тренерам. В Куйбышеве, студентом, я играл уже в настоящей солидной команде, не в «Крыльях Советов», правда («гроза чемпионов» 50-х годов!), но вполне приличной. И по совместительству был капитаном сборной своего института.

Болельщики меня любили, орали: «Сивый, давай!» Даже брат Володя, приезжая летом из столицы погостить (он болел за московское «Торпедо»), хаживал на наши матчи и отзывался о моей игре снисходительно-одобрительно. А она... Как раз в эту пору прозвучала по радио весёлая фраза известной эстрадной юмористки Марии Мироновой: «У меня два сына, один умный, а другой футболист». И как же эта шуточка понравилась мамане! Всем кому ни попадя, соседям, знакомым:
— Ха-ха-ха! У меня два сына, один умный...

Мамуля, ну зачем же ты так? Неужели не понимаешь, что любому слушать о себе подобное неприятно?

Тут, правда, надо признать, мы с братцем словно старались своим поведением как можно нагляднее оправдать эстрадный афоризм. Он после школы получил диплом престижного столичного (МВТУ имени Баумана) института, был принят на работу в НИИ союзного значения, стал кандидатом технических наук. А меня в Москве на вступительных экзаменах нагло прокатили, пришлось поступать в презренный провинциальный педагогический. В результате стал сельским учителем, но скоро загремел в солдаты. После дембеля тоже отчудил — укатил мотаться по сибирским глухоманям. Сами посудите, разве можно сравнивать? Явно же, один «успешный», другой какой-то забубённый. Немаловажное обстоятельство — Володя с 18 лет жил далеко, наведывался только на летний отпуск, словно ясное солнышко. Я же всё время маячил перед глазами со всеми своими легкомысленными завихрениями. Так что можно, можно её понять. Такое получалось расстроенное пианино.

А за что я ей благодарен, так это за то, что в самый сложный период нашей с молодой женой семейной жизни (я имею в виду её бытовые обстоятельства) не поленилась, прикатила к нам в далёкое сибирское село и, понаблюдав нашу житуху — я в постоянных командировках, Валя тоже на работе, годовалый сынишка... где? — то у бабки соседки, то в деревенских яслях, но ненадолго, до очередной болезни, — решительно забрала у нас сынулю, своего внука, заявив: «Вы тут мальчонку погубите!» И увезла в Куйбышев. Где выхаживала сибиряка-заморыша на пару с другой бабушкой, Екатериной Сергеевной. Как тут не вознести ей слов благодарности?

Сына вернули нам через год здорового и отлично развитого. Отец рассказывал, как Серёжка после годичной разлуки встретился со своей мамочкой, когда та, еле дождавшись летнего отпуска,

на крыльях нетерпения прилетела в Куйбышев. Она рвётся к сыну, а он не признаёт чужую женщину, испуганно отстраняется от объятий, у обоих слёзы ручьями. Ужас, как представишь эту картину. А когда через два года умер в Куйбышеве мой отец, мутти осталась совсем одна. До того горячее всколыхнулось во мне чувство жалости, ощущение, что не могу я теперь бросить её одинокой, что почти без колебаний решился прервать свои сибирские похождения и вернуться на Волгу. А ведь в Тобольске у меня уже начала успешно складываться журналистская карьера, рос авторитет, только что получил ключи от новенькой пахнущей масляной краской квартиры. В Тюменской области как раз только-только начинали разворачиваться великие дела, превратившие её в нефтяное сердце, мотор всей экономики страны. Всякому понятно, какие возможности открывались перед молодым и хватким журналюгой. Это не говоря о старой (от того пчельника в бору) личной мечте о Сибири, которая по всем направлениям успешно осуществлялась. Но оставить мутти одну в столь тяжкий момент её жизни? Все свои мечты я бросил, со светлыми перспективами распрощался, ключи от новой квартиры отдал товарищу по редакции и вернулся к маме в нелюбимый мною миллионный, разнузданный Куйбышев. «Расстроенное пианино» даже не вспомнилось.

Дети разъехались, деды остались

В 1949 году отца снова перевели на другое место работы. И так наша семья оказалась в Куйбышеве. Я поступил учиться в институт, он стал ждать выхода на пенсию. Те годы и стали периодом нашего самого тесного общения. Поздновато, прямо сказать, но так сложилось по жизни. А в стране начинались новые крупные перемены.

Арест Берии… Официально было объявлено, что он разоблачён как «агент международного империализма». Я, студент-историк, политике в силу образования не чуждый, недоумевал: как это агент не США, не Англии или Японии, а «международного»? Да ещё империализма, у него собственная разведка есть?

Помню, ночевали на берегу реки Самарки, июньская ночь плыла светлая. Мы, удобно расположившись у рыбацкого огонька, маленько приняли и разговорились. Я ещё предложил: «Может, немного оставим?» На что услыхал памятный ответ: «Э-э, никогда не оставляй выпивку на завтра, а любовь под старость. Наливай!»

Надо подчеркнуть, ни о какой политике мы с ним до этого случая не говорили. Он не высказывался (зарок дал после 37-го года), я ещё не настолько принимал всё близко к сердцу, чтобы затевать обсуждения. Но история с Берией меня завела. Что-то в ней было фальшивое, неужели они принимают меня совсем за дурака? Непонятно… И тогда, той светлой ночью, он впервые заговорил серьёзно. В том смысле, что всё это хреновина, что печатают в газетах. Просто все они там обыкновенные мелкие людишки, дорвавшиеся до власти, лживые, тупые, тщеславные, трусливые — обычные, как все. Встречался, дескать, лично и с Маленковым, и с Ворошиловым, с Кагановичем, со многими. А перед Берией все тряслись, вот и сговорились скопом — от страха. А в газете что ни напиши, бумага стерпит.

Я растерялся. До этого сомнений не было, что персоны в высшее руководство страны как-то отбирают, туда могут попасть только достойные, проверенные государственные деятели, для которых благо народа и государственные интересы выше всего. Сегодня даже совсем молодые удивились бы моей наивности, но мы были иначе воспитаны.

То был наш первый серьёзный разговор. Не только о политике — за жизнь в целом. Тут надо подчеркнуть, что он вообще — просто удивительно! — никогда не давил на нас с братом своим авторитетом. Ни в чём. Выбор профессии, в какой институт поступить… Или затем пришла пора жениться. Мать встретила мою избранницу настороженно, ревниво-придирчиво. А он совершенно запросто, дружелюбно, маленько подтрунивая. Да живите себе, как хочется, сами разберётесь! Моё довольно сумасбродное решение уехать сначала на село, а потом в далёкую Сибирь, то есть оставить их под старость в одиночестве, тоже не вызвало никаких возражений и советов «сначала всё как следует обдумать и взвесить». Только пожмёт плечами: «Смотри сам, тебе жить». Никогда ни в чём. Удивительно.

Кто-нибудь скажет: «Такое равнодушие?..» Нет, конечно. Просто, видимо, чувствовал бесполезность открытого возражения: дети стали взрослыми, настала пора им самоопределяться и самоутверждаться. С годами наша родительская роль перемещается с авансцены всё ближе к кулисам, а к самой рампе выступают молодые исполнители.

Так устроен театр под названием жизнь, отчаянно сопротивляться естественному порядку — значит, лишь порождать бессмысленные конфликты.

Однако в те самарские годы повод для конфликтов у нас всё-таки возник. Ссорились мы — меня просто злило! — из-за того, что он начал изрядно попивать. Теперь я понимаю: защитная система стала сдавать сбои после стольких передряг и жизненных перенапряжений, требовала «допинга». К сожалению, у этого «лекарства» нет обратного пути, только вперёд и вниз. К старости подобное, увы, случается со многими. Поводов же расслабиться находилось хоть отбавляй. Но мне-то, полному юношеской нетерпимости, как всё это было переносить, его пьяный вид, загулы по два-три дня, отёкший опустившийся образ? Тяжело. Я ругался, клеймил, заклинал — тут мы с

матерью полностью сходились в единый фронт. И всё нетерпеливее мечтал: «Скорее бы закончить институт да уехать!»

Возможно, моему сыну сегодня неприятно будет читать подобные признания, всё-таки этот рассказ — своего рода последний поклон родителю, и вдруг — такое. Я об этом размышлял и решил: зачем же мне от него что-то скрывать или приукрашивать, какой резон? Я ведь и сам уже стал… старше своего отца, многое теперь понимаю по-другому. А сыну будет полезно знать, как и чем живут старики.

Итак, я готовился к отъезду, к началу самостоятельной жизни. Тоже закон природы: яблоко созревает и отрывается, птенцы улетают из родительского гнезда. Иначе бы жизнь остановилась. Молодёжь радуется крепнущим в полёте крыльям, старые остаются грустить. В самостоятельную дорогу папаня, когда я получил институтский диплом, подарил мне единственную оставшуюся у него ценную вещь — тяжёлый портсигар из чистого серебра. Сдержанно проговорил: «Я свои обязанности по отношению к тебе исполнил. А наследства у меня больше никакого нет. Если только квартира, но это когда умру».

Простились мы по-хорошему. Обе пары родителей помогли молодой чете устроиться на новом месте. Дальше пошли только письма и не очень частые наезды друг к другу. Меня довольно лихо закрутило: сначала степная Малая Глушица — школа, велосипед, утиные вечёрки, но вскоре армия, Венгрия в 1956 году. Затем осуществление мечты о Сибири…

Было бы совершенно несправедливым не помянуть в этой связи о втором деде моего сына — моём тесте Иване Васильевиче Сергееве. У меня перед ним старый долг, и пора хоть как-то его оплатить.

Однажды мы разговорились с моей Валюшей, я спросил: «Как ты вспоминаешь отца?» Она как-то даже застеснялась, зарделась, словно почувствовала себя девочкой, потом сказала: «Он был добрый… Я маленькой ждала его, когда он поздно возвращался из рейсов. Один раз в магазине спрашивает: каких, говорит, тебе купить конфет? А я показала на шоколадные трюфели. Он так потом дома переживал! У меня, говорит, и денег столько не было, стыдобушка! Я вспоминаю — мне до сих пор стыдно».

Родовым гнездом Сергеевых, то есть родителей моей Вали, был старинный уездный город Бузулук. Он стоит на той же самой реке Самарке, в волжском устье которой обосновалась купеческая Самара, разделяло их километров двести или триста, но Бузулук входил в состав Оренбургской области. Дед Ивана Васильевича был персом (по-нынешнему — иранец), кажется, из пленных какой-то русско-персидской войны. А по социальному статусу вся сергеевская родова относилась к мещанам, славному ремесленному сословию. Водились среди них и сапожники, и железнодорожники, и кузнецы. Жили своими домами, по линии Валиной матери бабы Кати — Болдыревых — даже довольно зажиточными.

Сам Иван Васильевич ещё с конца 20-х годов стал шофёром. И вообще был человеком технического склада. Рассказывал, например, такое: накупит на барахолке запчастей и деталей, принесёт домой в мешке через плечо, разложит, покопается, соберёт — глядь, получился мотоцикл. Покатается сам и продаст. На базаре страстно любил торговаться, истинно по-восточному.

А вот ещё живой эпизод, семейное предание. Молодая жена подарила ему долгожданного ребёнка. Но первенец оказался девочкой. Папаша так расстроился, что… Приходит из роддома к своей матери, та, естественно, с порога: «Ванюшка, дак хто родился-то?» А он отвернулся в угол и буркнул: «Не знаю, мать… Забыл». Ничего глупее выдумать не мог, в полном трансе. И как же он потом любил свою первенькую — Валюшу! Просто даже представить трудно.

Когда она закончила школу (кстати, с медалью, которая у меня тоже до сих пор хранится) и поступила в институт в Куйбышеве, её родители решили навсегда расстаться со своим Бузулуком и переехать вслед за дочерью. Продали большой дом с богатым подворьем и на те же деньги купили половину скромного домика на окраине огромного Куйбышева, в частном секторе, только что от трамвайной остановки в пяти минутах ходьбы. А сам Иван Васильевич устроился на работу кузнецом. Но не на заводское производство с его прессами-монстрами, безжалостно и бездушно мнущими металл, а устроился он в небольшую кузницу на городском кладбище. То есть с основным профилем — металлическими оградками на могилы. Зато тут можно было развернуться — всякий раз сотворить что-нибудь новенькое. Вот только кладбищенский этот ремесленный дух оказался очень богат всякими поводами для выпивки. И мастер зачастил. Валя, как и я в те же годы, тоже не могла спокойно смотреть на приходящего с работы пьяненького отца, они очень ссорились.

И тут в их жизни появился я — зять, «чтобы взять».

Конечно, это неизбежно — уход дочери из семьи. Но, я понимаю, очень грустно. Заявился чужой молодец со стороны: вырастили красавицу? А теперь отдайте мне, я разберусь, что дальше делать… Нет, я-то держал себя скромно, даже стеснялся. Но и он белобрысого «принца» принял даже чуть-чуть заискивающе. Всякий раз на столе появлялась четушка водчёнки, бутыль пива и совершенно замечательные сергеевские пельмени от бабы Кати. Иногда дело доходило и до гармони — водилась

у них старая гармонь венского строя, для меня, баяниста, инструмент экзотический. Но я всё же, помнится, легко освоил на ней краковяк и ещё что-то в этом роде: очень старался с тестем сыграться.

Но любимую дочу-кровиночку не только из дому увёл — совсем увёз из города. А когда я, демобилизовавшись, сманил её в Сибирь, тестюшка вовсе затосковал. Но об этом чуть позже.

С моим отцом они сошлись, у сватьёв нашлось много общих интересов. Например, чисто технических. Козыряя своим мастерством, Иван Васильевич заявил: «Вот увидишь, сват, сделаю я тебе топорик для рыбалки, по-настоящему сделаю, по-топорному!» Дед Михаил сперва удивился, зачем же, говорит, по-топорному, может как-нибудь получше? «Нет, сват, ты хоть инженер, но не понимаешь. По-топорному — это высший разряд будет, вот увидишь». И сделал. «Понимаешь, — увлечённо объяснял мне отец, — он кузнечным способом *сварил*. Лезвие стальное, обушок из мягкого, как они говорят, „железа“. Молотом сварил! Я думал, этого уж никто и не умеет». Тот топорик до сих пор жив у меня, на лезвии выбито: мнп — Михаил Николаевич Петров.

В тюменскую Сибирь я отправился сначала один. Устроился и вызвал молодую жену. Провожали её общим родительским сбором, и только один дед Иван горько плакал, не утирая слёз: «Больше мы с тобой, доченька моя, не увидимся…» Его дружно успокаивали, весело разубеждали: «Да почему не увидитесь-то? Сейчас не война, транспорт современный, поезда, самолёты, в отпуск будет приезжать». Но он был безутешен: «Нет, и не говорите, не увидимся…» Не знаю, наделены люди способностью подобного предчувствия или он сам себя настроил? Но вышло, вроде я и виноват, всему причиной. А получилось так.

Осенью он поехал в милый сердцу Бузулук, которому изменил из-за любви к дочери. Родни много, на полюдье не пропустил ни одного дома, словно прощался. Принимали везде радушно, с застольями. Возвращаясь с одного из них, оступился и упал в глубокую яму. Да так нехорошо, что сломал шею. У меня сохранилась копия свидетельства о смерти, в котором написано, что гр. Сергеев И. В. умер 3 октября 1958 года в возрасте 53 лет. Причина смерти — надлом позвоночника. Мистическая какая-то кончина.

А на пятый день после его смерти на свет Божий появился его первый внук, мой сын Серёжик. Но нам в Покровку об этом не сообщили, писали как-то неопределённо, что дед Иван болеет. Из-за опасений, как бы у Вали от переживаний не пропало молоко. Признались в трагедии только позже. Мама Валя очень плакала, но молоко не пропало, всё-таки больше её заботил беспомощный сынуля-крохотуля…

Так что теперь я могу считать, что долг перед тестем хоть как-то исполнил — увековечил его имя на бумаге. Рукописи ведь, считается, не горят. А что ещё я могу сделать?

Черешня

Начало лета. В «торговых рядах» возле больших магазинов на улицах Красноярска продают уже рослую таёжную черемшу и первую привозную с юга черешню. Вкусом она особенным не отличается и видом заурядная, но — первая. И с очень своеобразным запахом, каким-то фруктовым, но сладковато-остреньким, особенным. При первой встрече с ней в начале лета в памяти у меня всегда возникают две картины.

Первая — из совсем ранних: мы с мамой едем в поезде на Чёрное море. В плацкартном вагоне тесно от народа, проходы забиты, душно. Почему-то в голове маячит название «станция Тихорецкая», о ней говорили, её тревожно ожидали, словно поворот судьбы. Кажется, потому, что предстояла пересадка. А по вагонам местные торговки носили и продавали эту самую черешню. Пассажиры говорили: «Ты смотри-ка, уже поспела! Почём стакан?» И мама купила нам с братом по кулёчку, свёрнутому из тетрадных листов. С этой черешни начался юг, и запах её остался во мне.

А второй раз я с нею встретился в маленьком закарпатском городке Мукачево, куда нас привезли эшелоном в теплушках к месту армейской службы. Старинный, в прошлом австро-венгерский, городок на быстрой речке Латорице, с замком на горе. Население его издавна составляли мадьяры, швабы (какая-то разновидность немцев) и цыгане, коренные гуцулы обитали лишь по сёлам вокруг в долинах Карпат. Тихий райский уголок. Черешня там росла всюду — на улицах, даже вдоль дорог за городом. Однажды ездили за дровами (тяжёлые буковые и грабовые поленья) — и по склонам гор тоже черешня.

К середине лета она сходит, но на смену идут вишня, яблоки-груши, шелковица, потом сливы, грецкий орех и виноград. Стоишь с карабином в карауле у гарнизонного склада или в автопарке своей части — через забор свисают спелые ягоды и орехи. По неопытности молодой солдатик поставит ружьё к стенке, ветвь наклонит и сорвёт несколько орехов. А делать этого было нельзя.

Грецкие орехи, оказывается, вырастают в виде зелёных яблочек, твёрдая скорлупа прячется внутри сочной кожуры, которую надо ободрать. Тут и попадался салага: от той зелёной кожуры руки через некоторое время становились — будто их облили йодом. И никак эту порчу не стереть, не отмыть, словно краску с рук взяточника, которой оперативники специально метят купюры, — явная улика нарушения устава караульной службы. С соответствующими последствиями. На них щедры

были наши сержанты, сплошь, как на подбор, хохлы: Семикрас, Чередник, Лелет, Шевчук, Брыль… Запомнились!

Лелет был не сержант, а старшина роты. Бледное лицо аскета, чёрные брови, жгучий взгляд. На вечерней поверке перед отбоем учредил своим долгом читать перед строем проповедь.

— Смирр-рна!.. Вольно, слушай мораль. Я утверждаю: чем солдат образованнее, тем солдат хуже. Потому как вместо выполнения приказов командира, всё время соображает: как бы сачкануть. Привожу пример: курсант Никитин — на гражданке закончил радиотехникум, имеет среднетехнический диплом. Курсант Никитин, выйти из строя! — (Ать, два-а…).

— Сколько раз я указывал, чтобы не приносили с ужина хлеб из столовой, указывал? Сержант Чередник, откиньте подушку на койке Никитина… Что я говорил! — В изголовье кровати все увидели разоблачённую горбушку хлеба. Улыбочки по всему строю.

— Курсант Никитин, объявляю вам наряд вне очереди!

Тихий закарпатский уголок с райскими кущами жил сам по себе, а мы, курсанты учебки при отдельном дивизионном батальоне связи, сами по себе, за высоким забором и железными воротами с красной звездой. В стране происходили памятные события и перемены: знаменитый XX съезд партии с разоблачением культа личности, фестиваль молодёжи в столице с пением. «Подмосковных вечеров». Ничего этого мы не видели, не слышали и не знали за своим молчаливым забором. Считай, вся «оттепель» прошла мимо меня. Мы слышали только команды сержантов да писк морзянки в наушниках, готовились стать классными радистами. За ворота нас выпускали только строем в баню, на улице надо было всей ротой орать что-нибудь строевое («Дальневосточная, опора прочная, Союз растёт, растёт непобедим!»). Однажды, тоже строем, водили в кинотеатр смотреть новую кинокомедию о солдатской службе — «Максим Перепелица».

В увольнение я ходил, по-моему, всего раза три. Да и некуда было идти. Правда, сразу тебя окружали молодые цыганки, предлагая «эскорт-услуги» по весьма скромным расценкам. Полакомишься, бывало, чем-нибудь недорогим, той же черешней или сливой: полную вывернутую мешком пилотку насыпали всего за рубль.

А закончилась вся эта райская идиллия боевой тревогой.

Не учебной, именно боевой! И совершенно неожиданной. Уже в поздних октябрьских сумерках. Мы после ужина смотрели в батальонном клубе какой-то фильм, а через считанные минуты уже разбирали свои карабины (у нас тогда были СКС), вещмешки и — по машинам! Ночью — огромное скопление техники в районе сосредоточения, колонны танков, машин, артиллерия, «катюши», и все с боекомплектами. Как будто и не учения… А что же тогда? Всерьёз о войне как-то не думалось, да никто о ней и не говорил. Командиры суетились, бегали посерьёзневшие, в портупеях с кобурами. Но тоже ничего не понимали. Наконец всей армадой: лязгающие гусеницами, ревущие душными выхлопами колонны танков, вереницы крытых грузовиков, тягачи с пушками, полевые кухни — тронулись в ночь. Куда?..

На рассвете меня в штабной машине разбудили дружки: «Границу пересекаем!» — «Какую ещё границу?!» — «Да хрен её знает, говорят, в Венгрию». Весёлые парни-погранцы махали нам руками: «Врежьте им там, ребята!» Кому врезать-то? Неизвестно. Но если надо, за нами не заржавеет… В моём военном билете о тех событиях записано: «Участвовал в боевых действиях по подавлению контрреволюционного мятежа в Венгрии в 1956 году».

Нас троих, специально отобранных, посадили на новейшую мощную секретную радиостанцию (трёхосный ЗИЛ-157), дали в охрану аж два танка Т-54 и БТР с курсантами автошколы. Война радиста — дать связь, в нашем случае — штаба дивизии с полками. Переезжали из города в город, но и в движении не снимали наушников: связь, связь, приказы, донесения, шифровки. В машине у нас стоял ящик гранат Ф-1, их сунули, конечно, по неразберихе: бросать из дверцы машины «лимонки» — далеко ли бросишь? — явно себе на погибель, у них же, оборонительных, радиус действия — будь здоров! Слава Богу, не пришлось. Нас, случалось, обстреливали, раз даже из 120-миллиметровых миномётов. Скорее всего, своих, откуда бы у тех такие миномёты? Армия венгерская рассыпалась в первые же дни.

Моя Валюха спустя годы раза два при мне хвасталась подругам: «А я тоже получала письма — фронтовые треугольнички: полевая почта номер…» Это о том, что досталось в те недели пережить ей.

А американская танковая армия под командованием боевого генерала Паттона стояла рядом в Австрии, бесноватый кардинал Миндсенти по радио призывал американцев выступить на помощь мятежникам, но те вмешиваться не стали. Американцы — народ деловой, понимали, что СССР защищает свои государственные интересы. Доведись что-то подобное у их латиноамериканских границ, сами, ничтоже сумняшеся, навели бы демократические порядки у соседей такими же методами. Вон даже до Ирака и Афганистана дотянуться не поленились, а они ведь не под боком у их границ. С тех пор, правда, многое в мире изменилось.

Ну вот. А мой старый товарищ и по журналистской работе, и по дружбе семьями, назовём его Виктор К., году в 1987 или позже, в самый разгар горбачёвской кутерьмы, стал в застолье искренне меня упрекать: ты, дескать, хоть теперь, когда разрешили всё говорить, признайся — дело ваше в 56-м году в Венгрии было неправедным, против народа. Я тогда, хоть и «разрешили», ввязываться в спор не стал, зная, что он в демократическом угаре выслушать мои соображения не способен. Только буркнул: «Я защищал интересы своего государства».

Время показало, что либерально-романтический запал моего друга оказался иллюзорным и фальшивым. Американцы лучше понимали интересы нашей страны (а прежде всего, конечно, своей!), чем эти прекраснодушные фантазёры из «лучшей интеллигенции».

Всегда-то им чужие идеалы ближе и дороже, чем интересы собственной страны, которая, по их убеждениям, заслуживает только упрёков. Странная, даже для западных людей, позиция. Ну и что в результате? Войска НАТО подступили к самым нашим границам. А мы в 56-м такого не допустили. Говорят: НАТО на нас нападать не собирается. Тогда зачем же ползут к границам, зачем?

А что на самом деле происходило в Венгрии? Совсем не то, что позже — чехословацкий «социализм с человеческим лицом», в Венгрии было дико и жутко. Мадьяры (зовём их мы, а сами себя они называют «модьяр») вообще… Посомневался, да ладно уж, скажу, как думаю, — народ злой, на берега Дуная их, гуннов, привёл знаменитый Атилла, которым они гордятся и сегодня. Во всяком случае, в сравнении с вежливыми уклончивыми чехами это свойство заметно сразу. Во время войны в этой стране господствовал самый верный Гитлеру фашистский режим диктатора Хорти, через десять лет после её окончания многие его сторонники и функционеры не так уж постарели и ничего не забыли.

Но и коммунисты во главе с Матьяшем Ракоши правили не менее круто. Самого популярного вождя сопротивления фашистам Ласло Райка в 1949 году расстреляли, первый секретарь столичного горкома Янош Кадар жив остался, но говорили, что в тюрьме у него повыдёргивали ногти на руках. Круто, круто правили, недовольство копилось, а терпеть мадьяры особенно не настроены. Послом СССР в Будапеште в тот момент оказался Ю. В. Андропов, с его подачи вместо Ракоши председателем правительства поставили Имре Надя.

Фигура эта оказалась двусмысленная. Сначала он разрешил мирную манифестацию памяти Ласло Райка, назначил министром выпущенного из тюрьмы Яноша Кадора, а затем отдал приказ расстрелять из пулемётов другую демонстрацию, стихийную, и… распустил свой КГБ. В стране поднялась волна яростного безудержного анархизма, громили не только памятники Сталину, но и свои собственные, которые попадались под руку, а заодно уж и магазины, склады, госучреждения. Я же сказал — народ сердитый. Армия в несколько дней разбежалась, границы перестали существовать, полицию разогнали, обыватели расхватывали бесхозное оружие. Посол Андропов выехал в город на дипломатической машине с флажком — её обстреляли. Восстание приняло самые варварские стихийные формы. Перед окнами посольства вешали на столбах «гэбистов», которых «цивилизованно», а которых вверх ногами. Именно тогда Имре Надь попросил СССР ввести в страну наши войска — глава правительства попросил! Правда, потом ещё раз переметнулся… А я, что же отрицать, побывал и в оккупантах, было дело.

По официальным данным, только в Будапеште погибло тогда 659 советских военнослужащих, около двух тысяч было ранено. Нет, это не Чехословакия 1968-го. Болтают, как обычно, больше всего те, кто сам ничего не видел, реальных событий не знает, зато и судит с особым апломбом и самоуверенностью.

И почему же мне теперь надо стыдиться? Я выполнял свой долг по защите государственных интересов моей страны. И ещё раз выполнил бы, если бы потребовалось. Но так сложилось, что многие честные люди под влиянием оголтелых либерал-реформаторов спутали понятия Отечества и режима. Это испытанный приём нечестных (или фанатично ограниченных) политиков, они ловко используют то обстоятельство, что слово государство у нас в языке многозначно, его можно употребить и в смысле «страна», как географическое понятие, и в значении «политический строй», «система власти». Поясню на одном ярком примере. Во время войны генерал Власов изменил Родине, а ссылался на режим. С другой стороны, когда немцы обратились к царским генералам-эмигрантам принять участие в формировании частей из русских добровольцев для боевых действий против Красной Армии, то казацкий атаман Краснов согласился, а главнокомандующий Белой армией в гражданской войне генерал Деникин отказался: он боролся с режимом большевиков, а воевать с Россией не считал возможным. История их рассудила: Краснова повесили, а прах Деникина по заслугам перевезён и перезахоронен на Родине. Мысль моя простая: есть страна Россия, наша Родина, а политические режимы в ней могут править разные в тот или иной момент. Но в преобразовательском пылу конца 80-х годов многие у нас принялись походя крушить и то и другое. Нет, дескать, у нашей страны никаких других интересов, кроме как угодить Западу, доказать, что мы ваши душой и телом! И на Солженицына, который один из первых эту разницу между режимом и Россией

чётко обозначил и стал предостерегать, взирали с удивлением, не понимая: как же так, мол, сам же начинал, а теперь… Потребовалось время и нравоучительные действия наших западных наставников, чтобы и самые прекраснодушные начали трезветь.

Так вот мой друг Виктор К. в период самого «разгула демократии» работал корреспондентом в Молдавии и всеми фибрами души, горячим журналистским пером поддерживал местных борцов за свободу—он же думал, что они за свободу только против коммунистов. Самыми близкими его товарищами в борьбе были молдавские литераторы и правозащитники. Виктор даже изучал молдавский язык, чтобы… В общем, всё понятно: «Я ваш, братья!» Образование Приднестровской республики осуждал, считая: не важно, что она русская, важно, что коммунистическая.

И что? Довольно скоро выяснилось, что все друзья-демократы превратились в разнузданных косматых националистов. Начали приглядываться: «Квартирка-то, слушай, у тебя, приезжего, лучше моей, в элитном доме… И дачка тоже». И выперли своего русского брата из своей Молдовы! А с другой стороны, за Приднестровье наши братцы-казаки постановили моего друга корреспондента высечь. Но он успел из Молдавии смыться. В Польшу. Но и оттуда через короткое время пришлось убираться, там своих демократов хватало. Хорошо, что вновь приняла блудного сына родная страна.

Я начатый им когда-то разговор о моём участии в неправом деле не возобновлял. Дальнейшие события в той же Прибалтике, в Грузии, в Севастополе многих излечили от дурного похмелья. Хотя и сейчас бормочут: «Не любят нас…» Ну как же, захватила Россия огромные нефтяные и другие природные богатства—разве это справедливо? Вот отдала бы бесплатно. И тогда не придётся западным демократиям поступать с нами, как с Ираком или Югославией, в которые справедливость стали насаждать штыками и бомбами.

«Не любят…» Уж так им хочется, чтобы все их любили! Несколько веков крымцы, сидя за Перекопом, получали с Москвы дань, регулярно совершали набеги, жгли, грабили, тысячами угоняли русских в рабство, вот это было справедливо. А то набралась наконец Россия сил и разгромила извечных грабителей-супостатов, отобрала плодородную Тавриду—за что же крымцам и туркам нас обожать?! И с Польшей почти такая же история. Вот и приходится сегодня терпеть их нелюбовь. Так пока устроен мир. Соединённые Штаты тоже—многие ну о-очень не любят! Но что-то не видать среди американцев таких, как наши, прекраснодушных, призывающих свои земли и блага раздать всем-всем, чтобы стало по совести. А наши «патриотизм» пишут в кавычках. Причём имеется в виду, что он «прибежище подлецов» только в России, а американский или там израильский—несомненно чувства святые. Господи, кто же это так мозги-то людям вывернул?

После памятных событий осени 1956-го я прожил в Венгрии ещё больше года. Стал комсоргом части (офицерская должность), меня приметили в политотделе дивизии и начали привлекать к работе по налаживанию отношений с местным населением. Выступал на собраниях молодёжи, бывал на сельских праздниках, фестивалях культуры, участвовал в «международных» товарищеских футбольных встречах. Посылали чаще одного, пистолет велели носить только в кармане, без переводчиков общаться приходилось чаще… по-немецки: в прежней Австро-Венгрии этот язык был официальным, и я кое-как «шпрехал». Что теперь сказать о тех впечатлениях?

Простые люди относились к нам вполне дружелюбно. Крестьяне—им землю раздали—в националистическом шабаше вообще участия не принимали, все страсти полыхали в городах. Помню лишь два эпизода, когда пришлось ощутить на себе явное отчуждение и осуждение. И первый из них был связан с футболом.

Мне поручили выступить с приветствием на областной молодёжной конференции в городе Сексарде. Накануне я пришёл в местный обком, чтобы заранее перевести речь на венгерский. Занимались мы этим вчетвером: секретарь молодёжный, секретарь взрослый партийный и их инструктор (кстати, парень этот сам приехал после осенних событий на родину из Голландии, где спокойно жил до того). Мы переводили, а в перерывах спорили по разным темам, и больше всего о футболе. Надо напомнить: в эти годы на весь мир гремела венгерская сборная с такими знаменитостями, как Пушкаш, Кочиш, Хидегкутти и другими. Достаточно сказать, что венгры в Англии обыграли сборную родоначальников футбола со счётом 6:1! Это был триумф национальной гордости.

И вот мои друзья-оппоненты объясняли: на олимпиаде в Мельбурне, как раз осенью злополучного 1956-го, эта самая непобедимая их сборная в знак протеста отказалась принимать участие в соревнованиях, только поэтому сборная СССР и стала олимпийским чемпионом! А то не миновать бы ей такого же разгрома, как англичанам. Что ж, возможно они были и правы, мне оставалось только сказать: не надо было отказываться от игр! Мы поспорили, попереводили, «взрослый» секретарь достал из сейфа… футбольный мяч, и все пошли во двор попинать его для разминки. Тут уж я, хоть и был в армейсих сапогах, показал им, что мы в футболе тоже коечто могём (у меня же спортивный разряд был по этому виду!). И олимпийское золото завоевали не только случайно.

Второй эпизод раздосадовал серьёзнее. Заговорил с одним мадьяром — случайно, в биллиардной за кружкой пива (биллиарды у них чудные: три шара на зелёном сукне… без луз). «Конечно, танков у вас больше, — сказал он, — а всё равно мы живём лучше: у нас хлеб белый, а вас вон кормят чёрным». Я сперва даже растерялся от такого примитивного довода в идеологической дискуссии. «Во-первых, в армии выдают не чёрный, а, как у нас называется, серый. А во-вторых, это вообще не признак бедности, просто у нас так принято. Я, например, с детства люблю настоящий чёрный — ржаной хлеб!»

Горячился, спорил, хотелось доказать ему (знание языка ограничивало), что с детства, с летней жизни в деревне Балабаевка, запах только что вынутых из русской печи ржаных караваев для меня самый прекрасный! Хлебный, сытный, кисловато-приторный запах хрусткой румяной корочки. Да ещё если с деревенским молоком! Настоящий русский дух. А он говорит…

Это я к тому, как часто разные народы по самым простым вещам не понимают друг друга, именно простые-то труднее всего постичь, потому как они изначальные, как бы не требующие доказательств.

Нет, не стыдно мне, что я, когда понадобилось, защищал интересы своей страны. Пусть не так много мне выпало, но я не откосил, что требовалось, исполнил.

А о чём я начал-то, что хотел? Ага, про черешню… Да и Бог с нею, с черешней. Пусть ею ребятня лакомится, ранней фруктовой радостью.

Урок Евстолии Павловны

После службы в армии я опять пошёл работать в школу. Надо заметить, в середине 50-х молодой парень учитель в классе совсем не выглядел редкостью. В нашей школе в Тюменской области, куда я попал после службы в армии, мужиков насчитывалось ничуть не меньше, чем учительниц, было в том числе ещё двое, как я, «дембелей». В этом смысле никаких сомнений у меня не было, за труд на ниве просвещения снова взялся добросовестно и рьяно.

Однажды во время перемены сижу в учительской, готовлю к очередному уроку свои тезисы, наглядные пособия, классный журнал. Со стуком распахивается дверь, молодая учительница вталкивает в комнату нарушителя порядка, довольно жалкого на вид шкета, и за рукав подтаскивает пред грозны очи его классного руководителя, уже вполне зрелой преподавательницы (если не ошибаюсь, русского языка) Евстолии Павловны. Старинные женские имена у коренных сибирячек — Евстолии, Анфисы, Августы — были в ту пору обычными.

Наша Евстолия сидела и с кем-то о чём-то болтала, дожидаясь звонка на урок. На стук обернулась, увидела и, не расспрашивая, что именно там произошло, сразу поняла, что от неё требуется, — с ходу принялась отчитывать провинившегося. Скажем так, презумпция виновности у неё никакого сомнения не вызывала, тем более что перемена короткая, времени на воспитательный момент оставалось в обрез. Отчитывала школяра она мастерски. Неважно было, что именно он натворил, смягчающие или отягчающие вину обстоятельства его деянию сопутствовали. Коли чуть не за шиворот приволокли в учительскую, о чём спрашивать? Весь необходимый набор слов, готовых выражений и гневных филиппик будто постоянно находился у неё за щекой, суровые тирады вылетали изо рта длинными пулемётными очередями. Но мне показалось, пули, словно резиновые, отскакивали от подвергаемого обстрелу субъекта. Воспитуемый шкет переминался с ноги на ногу и добросовестно исполнял роль раскаивающегося, предназначенную ему по сценарию разыгрываемого спектакля. А сам, скорее всего, тоскливо думал: «Скоро, что ль, она кончит?» Откровенная фальшь сцены меня просто ужаснула.

Да ещё Евстолия обернулась, увидела, что я заинтересованно наблюдаю, и… заговорщически подмигнула: дескать, как я его? Учись, учись, смотри — я сейчас ещё поддам! И, повернувшись к «субъекту» с новым жаром наигранного пафоса продолжила воспитательное мероприятие. Фальшь, фальшь! Полное равнодушие и профессиональная актёрская игра. О, такие, как Евстолия, долго живут…

Эта неожиданная мысль явилась вдруг потому, что в памяти возник образ моей учительницы русского языка, незабываемой нашей Ирины Александровны. Худая, бледная, даже измождённая женщина, лет, видимо, уже за пятьдесят (мне казалось — старая). У неё были прямые зачёсанные назад волосы, как у народоволки, сквозь общую седину которых проглядывали пряди натурального цвета — светло-рыжие. Строгий, мужественный взгляд. Да, облик пожилой «шлиссельбуржки», повидавшей тюрьмы и этапы. На самом деле Ирина Александровна с молодых лет от звонка до звонка учительствовала в нашем городке, с тех пор когда он и городом ещё не был. Рассказывали, что на должность директора школы в годы войны её еле уговорили.

Не существовало большей угрозы для набедокуривших пацанов, нежели обещание вызвать к директору! Главное, что она никого не ругала — просто безжалостно бросала в лицо жёсткую правду о тебе и твоём недостойном поступке, и ты начинал горестно чувствовать всю ничтожность собственной личности пред ликом высшей справедливости. Нечто подобное, видимо, испытывали грешные людишки под гневным взором библейского пророка-обличителя.

В эту минуту я понял: да, наша Ирина Александровна не отчитывала провинившегося, не пропесочивала — она высказывала то, что на самом деле сама чувствовала, свой личный гнев,

личную обиду, иногда лёгкое презрение со жгучей усмешкой в глазах. В этом всё дело: каждый чувствовал, что она всем существом переживает вынужденно высказываемое тебе вслух. Дорого ей это свойство души обошлось. До конца войны наша Ирина Александровна не дожила, умерла, как тогда говорили, от разрыва сердца. Не выдержало оно надсады забот обо всём и каждом, износилось до срока и прямо вот так разорвалось посерёдке (так я тогда представлял то, что сегодня называют бесстрастным термином инфаркт). Нет, Евстолии подобное не угрожало, такие люди, как эта актриса, живут долго…

Мысль, пронзившая меня тогда в учительской, была жестокой? Наверное. Но впечатление, произведённое этой сценой, меня обожгло. «И что,— подумалось,—я тоже стану таким же, как Евстолия? Ну нет, не хочу». Возможно, мелкий эпизод в учительской сыграл свою важную роль в моей биографии: когда год спустя мне предложили сменить работу, я из школы ушёл.

М-да, получается вроде как ввиду профессиональной непригодности… А что тут оскорбительного? Профессии бывают разные, к каким-то из них я точно не подхожу. Например, часовых дел мастер, боксёр, киллер… Главное—своевременно определиться, честно себе признаться и принять решение. Ошибка может стоить дорого.

Долги наши тяжкие

И теперь подошла пора рассказать про последние годы жизни моего папани. Пенсионерский быт не богат разнообразием. Гулял с собакой, по ночам много читал, сидя за столом на кухне. Лил дробь на газовой плите, мечтая о предстоящем в сентябре пролёте вальдшнепов, любимой с юных лет охоте. От одиночества снова завёл охотничий дневник. Читаешь теперь в нём некоторые записи—честно признаюсь, даже в глазах порой становится горячо.

«22 сентября 1957 г. Был за Самаркой. Стоит сухая погода, вальдшнеп сидит в крепях, держится очень строго. Принёс 6 штук. Хотел на другой день идти снова, но не смог, требуется отдых. А завтра снова уползу».—«13 ноября 1956 г. Результаты сезона самые печальные. А я так ждал этой охоты и в молодости, и в зрелые годы… Конец всему? Хорошо, что хоть один сын является моим последователем, любит охоту и природу». Так он расценивал мой, несомненно досадный для всех отъезд в Тюмень.

В 1959 году он всё лето с мая по октябрь прожил у нас в Покровке и затем в райцентре Ярково, куда меня перевели на работу в райком партии. Деревенский быт, внук-карапуз, молодой щенок ирландский сеттер, которым я обзавёлся, богатая рыбалка на озере Бобровом, новизна впечатлений. Сибирь его порадовала, на какое-то время он воспрянул духом.

И ещё раз, в последний, приезжал к нам в Ярково в сентябре 1961-го. Ехал в надежде всё-таки поохотиться со мной, да только все мечты и надежды пошли прахом. Сентябрь—разгар уборочной страды, и нас, райкомовцев, разгоняли по колхозам в качестве уполномоченных со строгим приказом появляться дома только в субботу вечером—отмываться в бане перед новой недельной битвой за урожай. Даже картошку на огороде Валя копала одна, носила вёдрами в подпол, когда выдавались погожие дни. А выдавались они как скудный подарок сибирской осени.

Папаня первую неделю прослонялся у нас в пустом доме, пошла другая. И когда я снова появился на короткую побывку-помывку, не вытерпел—тут любой характер испортится!—мы крупно поговорили. Спор неожиданно принял идеологический характер. Раньше он всё помалкивал, а тут рухнувшие собственные надежды и безотрадные впечатления о несуразности моей жизни—всё сказалось. Достало его.

—Слушай, и зачем же ты держишься на такой работе?—спросил он.—Ехал в Сибирь ради природы, а занимаешься хрен знает чем.

Вопрос по существу я сначала пропустил, меня по-молодому задела оценка личной моей деятельности.

—Ну почему «хрен знает», стараемся сделать, чтобы людям жилось лучше.

—И ты в это веришь? Что коммунизм наступит через 20 лет?

—Как тебе сказать… На 20 лет я не загадываю, очень уж большой срок. Но реальные перемены в жизни видны и сегодня.

—Это ты народу в своих лекциях долдонишь. А сам-то веришь?

Опять обидное обвинение. Но я снова сдержался.

—Ни разу ни одного слова не соврал: только цифры, факты, реальные планы.

В том-то и суть: я ещё верил. Скажем так, по инерции. Да, затерзал взбалмошный Хрущёв реорганизациями, той же кукурузой «от моря до моря». Но планы-то, намерения светлые. А в великих исторических событиях не без досадных мелочей. Я соглашался. А он свой лимит надежд дождаться лучшей жизни уже исчерпал. Слишком много ему досталось увидеть.

Революция и гражданская война, голод 21-го, голод 29—30-х годов, социализм в одной отдельно взятой стране, репрессии (он-то знал: необоснованные!), бесконечное вознесение и разоблачение вождей. На его глазах царили и вершили судьбы страны последний император, Троцкий, Каменев-Зиновьев, Рыков, Бухарин, Ягода—несть им числа, которые затем оказались врагами и получили свою пулю в затылок. Пока не остался Один, выкарабкавшийся на вершину далеко не из самых

первых и фантастическим образом превратившийся в «отца родного *всех народов*» (Господи, какая же паранойя эти слова!). Прекрасно знал он, *какой* ценой мы победили в войне… А вот и генералиссимуса низверг болтун, пузатый пигмей Хрущёв. И тут же принялся лепить свой культ. С помощью вот таких безмозглых функционеров, как я. И всё это за одну жизнь! Скажите, способно нормальное сознание выдержать подобное без контузии? Поколению моего Сергея хватило истории с Брежневым, Горбачёвым и Ельциным, так им хоть большой крови и тюрем не досталось… Но в ту пору я ещё верил. По инерции. Мне тогда и тридцати не исполнилось.

Схватка у нас вышла крутой. Наутро я укатил в свой колхоз, а он… загудел. С тоски и безысходности, мало того, что последняя охота не получилась, ещё и сына, сволочи, отняли. Приезжаю через неделю, мне докладывают: батя ваш вёл себя тут некрасиво, в чайной, понимаете ли, да и по улицам. Неэтично. Работник райкома партии должен заботиться о своём авторитете.

Честно признаюсь, я разозлился. Не столько из-за «авторитета», сколько всколыхнулись старые раздражения. Мы жёстко объяснились. Очень жёстко. И разъехались, я в свой колхоз, он к себе восвояси. Даже не простившись. Больше нам увидеться было не суждено.

Я очень тяжело переживал ссору. Но она повлекла за собой и неожиданно положительные результаты: я задумался. Не в идеологическом смысле, а чисто в житейском. В самом деле, чего ради держусь за эту работу, разве ради такой жизни оставил родителей (вот и второй дед пострадал — во имя чего?), приехал в эту Сибирь… Действительно сказочную, но странным образом оказавшуюся для меня как бы за витриной роскошного магазина — недоступной. Попал, будто не в тот поток, и понесло совсем куда-то не туда, куда мечталось. Ну просто несуразность какая-то! Да и сомнения в нужности того, на что я тратил силы и время, если говорить честно, уже раньше зарождались в моём сознании, ведь не деревянным же был болваном. Теперь только вроде высветил их безжалостный луч прожектора.

Короче, кончилось тем, что вскоре после нашей размолвки из райкома я ушёл. И оказался в Тобольске, в межрайонной газете «Советская Сибирь», жил в гостинице «Иртыш» и мотался на редакционном мотоцикле по четырём огромным северным районам, входившим в нашу зону. Квартиру обещали в доме, строительство которого завершалось, а пока Валя с Серёжкой уехали в Куйбышев. Все последующие события происходили у них на глазах. Серёжа, естественно, ничего не помнит, а она мне рассказала позже все подробности.

То лето 1962 года выдалось на Волге жарким. Весной отец в очередной раз прошёл курс лечения в стационаре (его мучила болезнь артерий ног, по-народному «перемежающаяся хромота») и к началу сезона чувствовал себя более-менее сносно. В охотничьем дневнике записано: «8–9 июля 1962 г. Ловил ночью лещей с фонарём, попались и два язя, а крупной плотвы штук сорок. —Плотвой он упорно по-тульски называл волжскую сорогу.— Рыбу и „самое необходимое“ домой насилу донёс» Мать позже говорила: рыбы оказался полный таз. А запись последняя.

Медицинский факт: при склерозе артерий очень вредно долго находиться на солнце: кровь густеет и возрастает её способность к тромбозу. Отец просидел на озере два дня, вечером дома жаловался на головную боль, лицо покраснело от перегрева. И как же он упрашивал маманю налить ему стопочку! Но хоть имелась у неё в заначке четушка, мать встала неприступной крепостью, в ответ на попеременные попытки приступов и мольбы о пощаде звучало лишь безжалостно-торжествующее: «Нет! Не получишь! Тоже мне взял привычку…» Злосчастная эта четушка припомнилась ей в последние дни, сама признавалась: «Ах, кабы я ему тогда налила, может, и пожил бы ещё Миша. Ведь от неё сосуды расширяются».

Ночью с ним случился тяжёлый инсульт. Врачи скорой только развели руками. Прожил он ещё два дня… И тут просто необходимо рассказать об одной детали. За год перед тем он купил новенькое ружьё и повесил его на гвоздь на стене над своей кроватью — так тогда принято было. Я, узнав о покупке, удивился: странная стариковская причуда, ведь ходить на охоту из-за болезни ног он уже почти не мог. Ещё одна запись из дневника (уже после возвращения из неудачной поездки к нам): «3 октября 1961 г. Всё-таки пошёл за Самарку. До перевоза вместо 20 минут плёлся два с половиной часа, а по лесу ходить уже не смог. Пришлось развернуться назад. Домой еле дотащился. А на другой день не передвигался и по квартире». И вдруг — новое ружьё… Только позже я понял, зачем оно ему понадобилось. Слава Богу, это ружьё в последний раз не выстрелило.

В наполовину парализованном его мозгу билась старая тайная боязнь, что он, как и его отец, мой дед Николай Иванович, будет долго лежать «полоумным» и мучить родных. Среди ночи мать и Валя, которые спали в соседней комнате, услыхали какой-то неровный тупой стук по стене, вскочили… это он неподдающейся рукой пытался снять ружьё с гвоздя, но не мог. Впрочем, злыдня-болезнь сама, не откладывая надолго, довершила своё роковое дело.

Помню, в Тобольске накануне вечером разразилась страшная чёрная гроза. Из-за неё я наутро не уехал в командировку — дороги стали непролазными. Только поэтому телеграмма из Куйбышева застала меня в гостинице. Я всё бросил и, едва

поставив в известность редакцию, рванул в путь. До Тюмени с оказией на четырёхместном почтовом самолётике ЯК (взяли как журналиста). От Тюмени до Свердловска — ночь в поезде. Господи, неужели не успею?.. Но в свердловском аэропорту Кольцово повезло, стоял «под парами» рейсовый ТУ-104. Однако оставалось ещё в Куйбышеве 60 километров от аэропорта Курумоч до автовокзала и через весь город домой. В родительскую квартиру я ступил буквально за пять минут перед выносом гроба. Увидев меня, мать только сказала: «Теперь все мои собрались, можно начинать».

Меня скребануло: она не о нём думала! А о себе, видела себя в этом действе главной. И выполнила свою роль, надо сказать, в лучших народных традициях поведения безутешной вдовы: выступив из подъезда вслед за гробом, в голос разрыдалась. Всё, как положено в добрых людях…

Печальным получился конец моего повествования о родителе. Да только жизнь сама предложила ему просветлённый финал. Совершенно неожиданно для себя я получил по почте увесистый пакет под роспись. Недоумённо разглядываю обратный адрес и вижу: Вятские Поляны. Но у меня давно нет там никого в живых из друзей юности! Знаю, потому как с некоторыми переписывался несколько десятилетий. Странно. Вскрыл — внутри несколько глянцевых красочных альбомов и буклетов: издания музея вятскополянского завода «Молот». История оказалась такой. В музее вспомнили, что живёт где-то некий автор Б. Петров, юный свидетель-послушник давних лет, и даже сыскалась у них пара моих книжек (достались от моих старых одноклассников) как своего рода литературная достопримечательность районного масштаба. И вот энтузиасты-музейщики разыскали мой адрес и послали свои альбомы и буклеты. А в одном из них была помещена фотография главного инженера завода в годы войны М. Н. Петрова. И письмо: в 2007 году, сообщалось, исполняется 120 лет со дня рождения Вашего батюшки (именно такое слово употребили краеведы, любители старины), мы бы хотели, говорилось далее, организовать специальный стенд, посвящённый этой дате, не пришлёте ли для него что-нибудь? Музей, как вы понимаете, напоминали они, интересуется прежде всего оригиналами документов, фотографий, раритетов. Очень хотелось бы получить подробности ранней биографии М. Н. Петрова, нам почти неизвестной. Помнят, значит, вспомнили.

Да, конечно, выполню я всё, что вы просите! Во-первых, исполняется не 120, а 110 лет со дня его рождения. Во-вторых… Есть, хранятся у меня подлинники некоторых документов! И тут я впервые задумался: а что их ждёт дальше? Ну лежат в дальнем ящике стола давно и без востребованности, ну полежат ещё у моего сына — до каких пор, кому в конце концов понадобятся? А тут — музей, пусть провинциальный, но всё же профессиональное «хранилище вечности». И я отправил им большую бандероль: инженерный диплом, орденскую книжку, лично написанную автобиографию, справочку об аресте, оригиналы правительственных телеграмм от Маленкова, Кагановича, наркома Устинова, любительские, но оригинальные снимки и ещё кое-что. Всё в подлинниках, сняв для себя ксерокопии. Пусть хранят.

За несколько веков до нашей эры мудрейший старик Конфуций научил свой народ верить в бессмертие каждого — в *памяти потомков*. Его философия стала в Китае официальной, превратилась, можно сказать, в религию — культ предков. И живёт величайший народ с этой верой, процветает, несмотря на многочисленные осложнения и катастрофы в тысячелетней истории. А вдруг в этом и заключается, действительно, ответ на извечный вопрос о бессмертии души? Э-э, хо-хо, долги наши тяжкие…

«Эзопов комплекс»

Когда сын только начинал постигать премудрости учения, меня то и дело удивляло его отношение к словам. Для нас они — условные знаки определённых понятий, утратившие свои индивидуальные свойства, а для него каждое пока ещё сохраняло собственную живую плоть, которую можно увидеть и так и эдак. Среди литераторов ходит профессиональная шутка: столб — это хорошо отредактированная сосна. Большинство взрослых и обитает в частоколе столбов, а в детском возрасте вокруг ещё много кудрявых зелёных сосен.
— Серёжа, я ведь тебе говорил… Ты что, забыл?
— Я вам, что ли, памятник, чтобы всё помнить?

В городе мы общались утром за чаем и в конце дня за ужином. По вечерам у него уроки, у меня дела по дому, газеты, телевизор. А вот когда выезжали отдыхать — целыми днями вместе. Наигравшись с нашей молодой собакой, прибегает и с ходу:
— Ты мне обещал дать пряник, у нас один остался, где он?
— Я обещал, но ты же удрал.
— А теперь я придрал назад, давай!
— Такого слова нет — «придрал», ты неправильно говоришь.
— Почему неправильно? Раз можно удрать, значит, можно и придрать. Всегда у вас, как что-нибудь вам надо по-своему, так сразу «правило».

А мысль-то глубокая. Приходится сложно объяснять, почему говорят «сонце», а писать надо «солнце». Придумывают, понимаешь ли, всякие свои параграфы, чтобы ограничить свободу. Я сам регулярно с этим же сталкиваюсь во взаимоотношениях с чиновниками: по квартире или в связи с машиной — нет, говорят, это вам проще, но не положено, есть инструкция. Мне удобно поставить автомобиль здесь, но нельзя — висит

знак. Однако он, в принципе, всё-таки необходим для организованного общественного движения и взаимодействия! Моя свобода, его свобода — они могут противоречить друг другу, так что большинство правил общежития приходится признавать. А вот язык от строгих узаконений действительно теряет свою первородную живость и непосредственность, приобретая всё большую мозольную отвердселость штампов. Через восприятие сына я это увидел особенно наглядно.

После недельного житья на берегу брею щетину, пристроившись к боковому зеркальцу на дверке машины. Он внимательно наблюдает за процессом и выносит заключение:

— Интересно, оказывается, бритьё очеловечивает мужчину.

Как образно! Вот бы и мне так запросто обращаться со словами. Пожалуй, половина его шуточек касалась еды, как будто только о ней и думал. «Синдром роста», что ли? Я сварил полный котелок щей с тушёнкой, на свежем воздухе так-то хорошо пошли! Рассчитывал, что хватит на два раза — управились за один.

— Ф-фу-у, не думал, что можно за один присест — полный котелок.

— А разве он был полный? Я что-то не заметил. Ты же обещал положить побольше картошки.

— Да куда ж её, и так…

— Ну, картошка-то вошла бы!

Мама Валя говорит:

— А на ужин я вам кашку сварю, на молочке, вкусненькую. Сын тут же дополняет басом старого котяры:

— С мя-асом!

Не ребёнок, а короед какой-то.

Когда нашему отроку исполнилось лет пятнадцать, я начал замечать новые чёрточки в отношении к сыну у нашей мамы: стала стараться всячески ему угождать, тайно и явно, даже заискивать. И всё норовит чего-нибудь сунуть в клювик. До смешного. От обеда осталась пара оладушков, она говорит:

— Это Серёжке, он их любит.

— А мне? — взревел я. — Всё ему, ему… Кто у нас больше? В конце концов, я царь или не царь?!

— Ты больше, ты. И тяжелее. А ему надо расти.

— Не обижайте ребёнка! — пароходным рыком встряло дитя.

— Та-ак, ясненько. Значит, я стал не нужен.

— Балда ты старая! — со смехом. Это её главный аргумент в любом споре. — Правда, что ли, обиделся из-за оладушка?

— Не из-за оладушка. Понял, что он для тебя стал важнее меня. Я свою роль выполнил, а за ним — продление рода. — У меня вырвался грустный вздох. — Закон природы. Но обидно.

— Вот дурында, целая философия из-за одного оладья! — Смеётся.

— Это в тебе, как его, Эзопов комплекс пробудился.

— Не Эзопов, а Эдипов. Эзоп был лукавый раб-баснописец, а Эдип — царь! И даже если с комплексом, то с царским. Э, да что с вами толковать…

Но он и маме потачки не даёт, несмотря на все её заискивания. Наварила его любимых пельменей. В этом деле она у нас молодчина, стряпает — священнодействует. Начинка непременно из двух-трёх мясов, варит — глаз не спускает, чтобы в бульоне ни один не лопнул. Выложила — душистые, паром дымятся — на блюдо и нетерпеливо, сын ещё вилку с первым до рта не донёс:

— Ну как, сочные?

— Вкусные. Но соку маловато.

— Да как же мало! — возмущается она. — Как же мало-то? Я так старалась, как ещё больше?

— Не знаю. Но раньше в них соку было больше. — На этот раз засмеялся я. — Знаешь, дорогой, таких, как раньше, теперь больше никогда не будет.

— Почему?! — они оба в один голос.

— Ранние детские впечатления, понимаешь? Мороженое было слаще, черешня запашистее… Трава зеленее. А теперь ты взрослеешь — никогда уж больше *того* сока не будет.

Да, вот и взрослым стал. Вырос сын, не заметил, как годы пролетели.

Дело — в шапке?

Перебирая порой в памяти минувшие годы и свои поступки, с интересом вижу любопытную закономерность: всю жизнь не любил больших городов, мечтал устроиться где-нибудь в тихой уютной провинции. И не только мечтал.

Трижды судьба поселяла меня в громадном миллионном Куйбышеве. Мощный индустриальный («космический») центр, резервная столица страны — во время Великой Отечественной здесь находилось правительство, в здании радиокомитета мне показали комнату, сидя в которой, диктор Левитан вещал: «Говорит Москва!» Оперный и драматический театры, филармония — сколько корифеев нашего искусства довелось увидеть и услышать! Бас Пирогов, скрипач Ойстрах, пианист Гилельс, поэт Рождественский, кинорежиссёр Басов, любимая артистка Нонна Мордюкова — на вскидку пришедшие в голову некоторые имена из множества. «Вечные» футбольные «Крылышки» (с послевоенных лет!). Красавица Волга в обнимку с песенными Жигулями. Этот город дал мне высшее образование, позднее — профессиональное признание как журналиста и высокое должностное положение. В какой бы провинции я стал редактором областной газеты и членом бюро обкома комсомола?

И всё же, лишь появлялась возможность, убегал из так и не ставшего мне близким мегаполиса-монстра. После института — в глухое степное село, затем — дважды! — в Сибирь. Как теперь эти

поступки оценивать, нормальное было поведение? Со стороны посмотреть — не очень разумное. Но что-то же им руководило?

В Тюменской области работал в обыкновенном сельском райцентре и удостоился — вдруг предложили переезжать в саму Тюмень. На серьёзную должность в областном учреждении. Какие открывались перспективы для служебного роста! Отказался без колебаний. В Красноярск приехал корреспондентом одной из самых больших центральных газет. Прошло года три, в редакции меня зауважали, говорят: «Пора тебе, старик, перебираться в Москву, как раз есть хорошее место в нашем отделе, не упусти такой возможности. А с квартирой и столичной пропиской у „Известий" проблем нет». Официально было предложено. Переезжать в Москву?! Да избави Бог! В эту их сутолоку, в столичную кутерьму и фальшь…

Да, количество однотипных поступков набирается достаточное для вывода о закономерности: закоренелый провинциал *по натуре* — явная жизненная линия, характер мировосприятия. Но откуда взялось, почему на всю жизнь?

Проще всего объяснить истоками: вырос и сформировался в маленьком серединно-русском городке, впитал его характер, масштаб, привычки. А тут ещё — тоже с детства — моя любовь к природе, стремление общаться с нею как можно ближе (из того городка мы на рыбалку и охоту пешком ходили).

Вспомнился рассказ знакомого учёного-охотоведа на Таймыре. Они шли по тундре и случайно вспугнули с гнезда утку. Заглянули, а там выводок только что вылупившихся утяток, ничего ещё не понимают, даже инстинкта самосохранения не успели приобрести. Один из рябят-охотоведов снял шапку, поднёс её вплотную к гнезду и медленно повёл над землёй. И что вы думаете? Утятки-пухлячки шустро повыпрыгивали, выстроились «гуськом» и побежали. За шапкой! Она им стала матерью, за которой надо семенить, не рассуждая. Им, правда, ещё и рассуждать было нечем. То есть что *первое* в жизни увидел, то тебе и мать, и родина, и самое дорогое-распрекрасное на свете. Вот вам и весь патриотизм, все его первичные истоки, любовь к «малой родине». Объяснение экспериментально подтверждённое, звучит убедительно. Да как-то обидно для человека. Неужели просто всё «дело в шапке»?

Наверное, *должно* быть, у нас всё-таки сложнее, влияют ещё какие-то детали и подробности. Сформировался в маленьком городке… Но другие-то мои сверстники выросли рядом на тех же улицах, сидели за одной партой. А затем столько потратили усилий, чтобы вырваться из этого захолустья в большой мир, в люди! Кое-кто и выбился. Например, один мой дружок по школьному струнному оркестру стал профессором психологии, прекрасно работал в знаменитом университете. Может, тут другой закон: «по Сеньке и шапка»!

Но всё-таки хотелось бы объяснить как-то и не обидно. Например… ага, собственным биоритмом, который, говорят, свойственен всякому организму. Мой совпал с ритмом русской провинции и категорически отвергает столичную гонку, беспрестанное их судорожное дёрганье. Очень даже просто! Легкоатлет, квалифицированный спортсмен-стайер, не может бежать ни стометровку, ни марафон. И не берётся, знает, что у него другие способности. Нет, рассуждение о биологическом ритме не такое уж и заумное.

Вот, скажем, шумит-гудит машинами большой тракт, асфальтовая магистраль. Проносятся, обгоняя друг друга, стремительные иномарки, большегрузные КАМАЗы, громоздкие многоколёсные вагоны-фуры, удушливо дышат выхлопами. А рядом, обочь, тихая тележная колея местного значения, по ней лошадке трусить мягче, пеши шагать приятнее и безопаснее. Трава вокруг зелёная, разные цветы покачивают головками, перепархивают птички. Душевная ходьба. Всегда стараюсь свернуть на такую колею! Получается, я — «человек обочины»? М-да… Добиться известности в масштабах всей России с таким поведением в любой отрасли деятельности почти нереально, самое большее, на что можно рассчитывать, заслужить признание в качестве «местночтимого угодника». Да и его надо заслужить. А что поделаешь — значит, таким уродился.

Мой «уход»

А что, я тоже в своей биографии — и уже немолодым — совершил поступок, ломающий весь уклад устоявшейся жизни. Именно не из-за стечения обстоятельств или по чьей-то воле, а только из собственных убеждений и потребностей вопреки общепринятым понятиям. Почти как Будда. Впрочем, вернее сравнить с Л. Н. Толстым. Правда, отказался я не от поместья и графского титула, но всётаки, по нашим меркам, тоже от существенного.

Положение собственного корреспондента правительственной газеты давало многое: приличную зарплату, определённую известность (фамилию на страницах видели во всех уголках страны и за её пределами), служебный автомобиль, статус, позволявший запросто общаться с любым местным начальством (с тем же ГАИ, скажем), оплату части жилой площади как служебной, бесплатный телефон, в том числе междугородный, даже телетайп на квартире. Да мало ли чего! Встречи с крупными государственными деятелями, людьми науки и культуры, общение с самыми интересными людьми.

Что из всего утратить было совсем не жаль, так это телетайп. Он, паразит, служил как бы поводком, даже цепью, которая неотрывно привязывала

к служебной «будке». Тем более при разнице по времени со столичной редакцией в четыре часа. Они там вообще имели обычай с утра пить кофий, слоняться по коридорам, ожидая новостей из ЦК и Совмина, и только после обеда начинали раздавать корреспондентам оперативные задания, всегда срочные. А в Красноярске-то уже полночь. И вдруг эта громоздила, телетайп, просыпается и начинает громыхать, так что содрогается весь этаж. Подходишь и читаешь на ленте: «Завтра передайте в номер о событии на Саяно-Шушенской!..»—«Братцы, вы хоть представляете, что от меня до Саяно-Шушенской дальше, чем от вас до Горького?! Только асфальтированной дороги нет».

«Надо, старик. Вечером пришло указание из идеологического отдела усилить освещение. Ты уж там как-нибудь». Так что это чудо связи терять было совсем не жалко. А об остальном разумному мужику стоило подумать.

Нет, я, конечно, прикидывал. В том числе и что, собственно, взамен всего приобрету. А что приобрету? Только одно—волю. Пиши о чём хочешь, когда хочешь—свободен, как птица. А уж что получится, зависит от тебя самого. И от Бога. До того мне эти газетные колготня и гонки за двадцать лет службы осточертели, что я сказал себе: «Баста! Теперь в газеты—только по большой нужде. Как в нужник». И что из всего этого получилось?

О, вспомнился весёлый эпизод. На редколлегии, когда решался мой вопрос об уходе (после тринадцати лет службы), я сидел рядом с двумя заместителями главного редактора, оба были членами Союза писателей, оба умники, а один ещё и остряк. Ведущий заседание зачитал моё заявление («Прошу освободить, так как творческая работа как члена Союза писателей не позволяет отдавать все силы родной газете...») и пояснил от себя: «В общем, просто честный человек». И слышу, один зам рядом говорит другому с ухмылкой: «А ты-то вот не уходишь!»

Но сравнение «свободен, словно птица», как и всякое сравнение, условно, не более чем поэтический образ. Свободна-то какая-нибудь малиновка свободна, однако за исключением определённых биологических формальностей. Нельзя летать за пределы своего гнездового участка—хозяева соседних встретят тебя в штыки. Нельзя забывать о бегающих и летающих хищниках, которым хочется тобой закусить. Нельзя спать долго, а то помрёшь с голоду. Надо кормить птенцов и защитить гнездо. Можно отправиться из своего кустарника на соседнее озеро, сесть на сосну или на ёлку, но тебе там делать нечего, нет твоего корма, да и чужие обитатели прогонят. Осенью придётся лететь в далёкую Африку... И т.д. и т.п.—надо, надо, нельзя, нельзя.

Не могу не сказать при этом доброго слова благодарности своей верной супружнице. Она-то в связи с моим уходом только теряла и ничего взамен не приобретала. Мне—воля, а ей—забудь о надёжной зарплате мужа два раза в месяц и многом другом. Однако она не возражала. Потому что верила в меня и радовалась моими радостями, жила моими надеждами. Я сейчас употребил слова красивые, но иначе её согласия не объяснить.

Наверное, и поэтому—со всеми их новыми сложностями, трудностями и заботами—годы после «ухода» всё-таки стали для меня самыми светлыми в жизни. Это бесспорно.

А вот у Льва Николаевича с уходом всё получилось печально. Надо было моему земляку лучше выбирать жену, а то польстился: Сонечка-то Берс была вдвое моложе его. И решаться в своё время, а не тянуть до 80 с лишним лет. Правда, сложись его жизнь безмятежно-благополучно, наверное, и не досталось бы нам 25 томов гениальных произведений.

Забавы Мнемозины

Мы с братом Володей давно разлетелись по разным городам, у каждого своя жизнь, видимся урывками-наездами. Иногда он к нам попутно, чаще я к ним, бывая в Москве. Разговоры за столом обычные: «Что новенького? А помнишь?..»—«Ну как же, мы ещё тогда...» С годами всё чаще наши беседы стали уходить в прежние времена, аж в детские довоенные. Очень увлекательно восстанавливать всякие занятные подробности. Наверное, это признак определённого возраста: в детстве не существует ничего, кроме текущего дня, в юности больше мечтается о будущем—кое-что позади уже набирается, но пока не до воспоминаний, да и зачем, коли вся жизнь впереди. Но настаёт время, когда появляется интерес к прошлому. Сперва в виде сопоставлений с текущим—иногда с удовлетворением («Господи, было-то! А теперь—ого!..»), в другой раз с лёгкой грустью сожаления. Всему своё время.

Да, так вот я довольно скоро стал замечать, что воспоминания у нас с братом об одних и тех же событиях подчас очень отличаются. В достоверности своей собственной памяти я как-то не сомневался, однако в наших разговорах частенько стали возникать несовпадения.

— А когда отца арестовали, мы перебрались к тёте Жене, в дом нашего деда по материнской линии, в маленьком переулочке.

— Всё у тебя в голове приблизительно, всё ты путаешь,—перебивает он.—Дед Николаев был простым рабочим, с чего бы ему иметь двухэтажный дом? Они только снимали нижнюю половину, а хозяином был священник по фамилии Сахаров, он так и жил на втором этаже.

— Откуда ты только знаешь такие подробности?

— Откуда, бабушка Екатерина Тихоновна рассказывала, нашей матери мать. Её дед Николаев взял

из деревни, называлась Частое, я ещё видел, к ней деревенские родственники приезжали погостить.
— Интере-есно. А я представлял, что тот дед был из каких-то «бывших», у него ведь старший сын даже на офицерских курсах учился.
— Да, в юнкерском училище. Только ты всё перепутал. Из «бывших» — это муж тёти Жени, Владимир Прокофьевич Ростовцев, дядя Володя. Подумаешь, «бывший»! Вроде бы унтер-офицер в царской армии, по-теперешнему — сержант. Но что-то за ним тянулось, поэтому так и работал простым грузчиком. А когда немцы подошли к Туле, Оружейный завод стали эвакуировать, он уезжать отказался: дескать, старый уже, больной. И его за это арестовали. Позже пришло сообщение: умер в тюрьме. Тёмная история. А зачем тебе всё это, мемуары, что ли, задумал писать?
— Да нет, так просто. Интерес пробудился. Наверное, возрастное.
— Ну, возраст у меня не меньше, да что-то в глыбь веков пока не затягивает. С текущими бы заботами разобраться.

А мне было интересно. Что меня к этим историческим собеседованиям подвигало? Да, пробудился интерес к ушедшему детству. Несколько задевало пренебрежительное отношение старшего братца к моим милым сердцу картинкам, такое тоже было. И откровение, что я в своей уверенности, оказывается, небезгрешен! А ведь действительно взялся готовить книгу о… Только что Володе об этом не говорил. Однако появился и самостоятельный интерес — наблюдать игры этой самой Мнемозины, старинной богини памяти, как она забавлялась то с моими, то с Володиными представлениями о прошлом. Вдруг он говорит:
— Вот ты что-то ни с чего вдруг начал про дом на Казанской набережной. А я как вспомню это время — самый трудный период тогда наступил в моём детстве, когда отца арестовали и мы переехали к бабушке Кате. Мать устроилась на работу, чтобы на что-то жить, а по дому всё на мне. Каждый день притащить четыре ведра воды из колонки за два квартала, дрова напилить, наколоть, занести. А больше всего времени уходило на очереди. На фабрике-кухне, недалеко от нас, выдавали винегрет. А очереди собирались такие — хоть бы он провалился этот винегрет! Но есть что-то надо, ничего же было не достать. И всё на мне. Тебя мать жалела, всё заставляла делать меня. А ты футбол во дворе гонял. «Маленький»… Мне ведь тоже хотелось. Мы с другом играли в индейцев, ездили на трамвае за город — всё, кончились наши индейцы. Мне даже в войну так тяжело не доставалось.

Вот тебе на, для него — самый тяжёлый период детства. Да ещё будто я в чём-то и виноват. Действительно, я никаких особенных тягот в нашей жизни тогда не ощущал. И в футбол играл дни напролёт. Но в чём тут моя вина? Во-первых, почему мама «считала», что я маленький? Так сказать, имела основания. Ха, она даже раз взяла меня в женскую баню, за что, помню, ей там сделали замечание. А во-вторых, его, когда он учился в первом классе, тоже никто не заставлял таскать тяжёлые вёдра. Очереди… Но в них и я настоялся, когда пришло время, в эвакуации, в войну. Да ладно, Бог с ним, ещё не хватало нам поссориться из-за этих семейных «мемуаров». И я переводил разговор на что-нибудь менее раздражительное.

Например, как мы с мамой носили отцу в тюрьму передачи. Однако снова возникали разногласия: не может такого быть, возражал он, мать всегда ездила одна. Вот здорово живёшь, почему же не может быть, если я помню! И очередь молчаливых женщин перед большими железными воротами вижу как наяву. И то, что мне там было скучно чего-то дожидаться, тоже помню. Не мог я придумать целую картину и что при этом чувствовал! Зачем мне это и как такое выдумать? «Не знаю, не знаю,» — упрямо не хотел он соглашаться.

Володя вообще считал, что я о тех годах совсем никаких представлений сохранить не мог и даже пытаться что-то высказывать неправомочен. Хотелось спросить: так маленький я был или не маленький? То так толкуешь, то иначе — как выгоднее. Даже обидно. Я-то знаю, что во мне многое из тех времён живо и дорого мне. Со зримыми деталями, с подробностями, даже с запахами. И с воскресающими во мне тогдашними переживаниями. Однако брат относился к моим способностям хранить и воссоздавать прошлое с откровенным пренебрежением. Всё время перебивал, уличал, наставлял.

Да, он старше почти на пять лет. (И габаритами выглядит солиднее.) Казалось бы, не такая великая разница! Но это как посмотреть. В 40 и 45 оно почти незаметно, а взять первоклассника и ученика шестого класса — ого! Или пятый и десятый класс — небо и земля. Цена и даже сама продолжительность одного календарного срока в разном возрасте совсем неодинаковы. Правила арифметики, «два плюс два — четыре», здесь не действуют. Поэтому и представления об одних и тех же временах у нас с братом очень разнятся. Конечно, влияет возраст, что ж тут спорить, поэтому его сведения чаще оказывались более достоверными и полными. Да-да, в детском возрасте пять лет — эпоха. Хотя теперь оба уже изрядные склеротики, только не признаёмся. Я продолжаю:
— Слушай, а помнишь, мы с мамой жили летом на Волынке? Просто вижу, как бегали оравой босиком за трактором-колёсником, такое было чудо этот трактор с шипами на огромных колёсах. Хлеб там жали на конных машинах, у них лопасти на ходу махали, словно крылья.

Володя солидно поясняет:
— Это жнейки были, а в народе называли «лобогрейки».

— Да-да, точно, жнейки.
— А про какую это ты сказал Волынку? Я такой деревни не знаю. В Балабаевку мы ездили несколько раз.
— Балабаевка — это другое, я её тоже помню. А то мы жили в хате-мазанке под соломенной крышей, пол был земляной, а хозяйкой — бабка, сербка по национальности. Ты вспомни! Она ещё говорила: «Борка — самый наилучший! Борка, ешь лук и часнык, никогда болеть не будешь!»
— Эк, куда тебя занесло! Бабка была, только не сербка, а хорватка. А деревню называли Зайцево, мы там всего одно лето провели, Зайцево! Надо же, какую-то Волынку придумал.
— Как придумал? — горячился я. — У нас фотокарточка долго хранилась: мы с тобой, оба в белых панамках, сидим на огромном пне, словно опята, щуримся на солнце и смеёмся. Отец снимал из «Фотокора» на стеклянные пластинки.
— Была такая фотокарточка, куда-то пропала.
— А на обороте отец карандашом пометил: «На Волынке».
— Зайцево называлась деревня, Зайцево! Осенью 41-го около неё не пропустили танки Гудериана. Произошёл бой, говорят «второе Дубосеково», это где 28 панфиловцев, только тульские в газеты не попали. А ты — «Волынка»… А! Может, это речка так называлась? Была там какая-то речушка, я и названия её не помню.

М-да… Возраст, безусловно, на наши воспоминания влиял. Но я стал всё увереннее убеждаться, что в некоторых случаях мои сведения более подробны и живы… Зашла речь о предвоенных учебных воздушных тревогах, которые проводили в городах, готовя население к защите от нападения врага. У меня в памяти ярко сохранился один эпизод: однажды такую тревогу объявили вечером, уже в темноте. В подъезде горела только мёртвенно-синяя лампочка, все окна в квартире были тщательно завешены одеялами в целях светомаскировки. Мы сидели тихо и ждали, что будет дальше. И вдруг раздался неистовый стук в нашу дверь, заполошные голоса снаружи: «Свет, свет у вас пробивается!» Мама испуганной птицей заметалась по квартире, не зная, что предпринять, хваталась за одно одеяло, за другое, беспорядочно выключала и снова включала свет… Дело было в том, что бдительные дружинники-осоавиахимовцы увидели со двора, что в узкую щель одного из наших окон пробивается лучик света. Мама так напугалась! Будто вот сейчас налетят вражеские бомбовозы и как раз в эту щёлку сбросят весь свой смертоносный груз, трагедия каждую секунду может обрушиться на наши головы…
— Что-то я такого случая не помню, — в сомнении покачал головой Володя. Но вдруг оживился и рассказал своё. Готовились ведь не просто к войне, но особенно к химическим атакам. Даже у нас с братцем имелись свои детские противогазы, не игрушечные — настоящие всамделишные. Забавно было: натянешь скрипучую резину на голову — глаза огромные, стеклянные-плоские, а длинный нос от дыхания, словно подшучивая, то напружинится торчком, а то обессиленно повиснет. Однажды Володька вышел со своим противогазом во двор играть в войну, а у подъезда что-то ремонтировали работяги-водопроводчики. Один из них поманил брата пальцем: «Хочешь фокус покажу? Дай-ка на минуту противогазную коробку». Володя доверчиво открутил её и протянул дяденьке. Тот извлёк из-за пазухи бутылку денатурата. Это был технический спирт, который продавали в керосиновых лавках для разжигания примусов, а чтобы его, дешёвый, не пили, подкрашивали каким-то голубым химикатом. Ушлый водопроводчик откупорил свою поллитровку (приготовленную к обеду) и вылил содержимое в верхнее отверстие противогазной коробки, подставив под нижнее резервную ёмкость, жидкость, вытекшая из коробки, оказалась бесцветной и чистой, как слеза дитяти. «Во, видишь! — сказал торжествующий фокусник. — Горный хрусталь! А ты не верил». Нет, сообразительный у нас народ, такой не пропадёт. Противогаз, правда, был безнадёжно испорчен. Володька это понял и очень расстроился. Не войны боялся, а жаль стало такую игрушку.

Так что живость нашей памяти и её активность зависят, видимо, не только от возраста, но и от… любопытства, что ли? Одному интересно, другому нет. Как, скажем, музыка: кого-то привлекает, кто-то равнодушен. Мне было любопытно и в результате… Какая-то таинственная сфера нашей душевной жизни эта память, в потоке личного бытия человека. И ведёт себя как бы независимо, словно та кошка, гуляет сама по себе. Способна выкидывать такие фортели, что лишь диву даёшься. Поэтому я и называю их про себя «забавами Мнемозины». Именно сами эти причуды стали меня интересовать. И, приезжая в очередной раз к брату в Подольск, я опять затевал свои «поминальные» беседы.
— А вот, слушай, хочу спросить про Загорск.

В этом подмосковном городке нас застала война. Но когда я завёл речь о том, как всё началось, он неожиданно сознался:
— Знаешь, а вот об этом у меня особенных подробностей что-то не сохранилось.

Вот тебе и старше на пять лет. Я был в недоумении: как же так? Великое событие для всего народа, а он… Нет, у меня и сегодня многое из первых недель войны живо перед глазами.
— Неужели не помнишь? — не поверил я его признанию. — И воздушные тревоги по ночам тоже? Когда мы спросонья бежали прятаться в «щель», выкопанную за домом.
— Нет, тревоги помню…

— А как всех учили надевать противогазы, чтобы успеть за секунду? И сводить с кожи капли иприта, если попадёшь под газовую атаку.
— Чепуху какую-то ты всё в голове хранишь.
— Почему чепуху? Подробности жизни. Слушай, а по какой железной дороге нас везли в эвакуацию? Девять дней эшелон тащился до Вятки. У меня почему-то маячит в голове станция Муром — значит, по Горьковской. Кажется, в Горьком и налёт был, последний.
— Да зачем тебе всё это? — в какой уже раз подивился Володя.
— Интересно. Ты же большой был, должен лучше знать.
— Большой… А мне-то зачем? Тем более теперь.
— Ради исторической справедливости. Я, например, знаешь, что помню? Как сидел в теплушке на наре и тренькал на мандолине.
— В теплушке… По-моему, это и не теплушка была, а большой пульмановский вагон. Ехало ведь несколько семей, везли вещи.
— Не-ет, никакой не пульман, длинный состав коричневых теплушек! Однажды при таком разговоре оказалась и наша мать. Я обратился к ней за помощью — вот кто должен сказать точно! Но она лишь обеими руками всплеснула, словно от назойливой осы.
— Что ты пристаёшь? Отстаньте вы от меня, ничего я уже не помню, совсем ничего! Старенькая стала. — И вдруг лицо её осветилось — что-то просверкнуло в сознании. — Девочка у нас в вагоне ехала, лет трёх. Как только где-нибудь остановимся, все хватают чайники, бидоны — и за кипятком, питались-то всю дорогу всухомятку. А она запрыгает, защебечет: «Кыпяточечку! Кыпяточечку!» Все смеются, так её и прозвали. А чья была, не знаю.

Вот тебе и живой свидетель истории, вполне взрослый.

Постепенно в результате этих разговоров у меня стало крепнуть такое соображение о непонятных кривых ходах памяти: возраст — да, конечно влияет. И чем-то вызванная личная заинтересованность (или её отсутствие) тоже. А пробудить этот интерес, повлиять на то, будет ли что-то записано на скрижали, сбережено для будущего, или останется безразлично пропущенным, не удостоенное внимания и вычеркнутое из прошлого, — всё это определяют… *чувства*, острота переживаний тех давних событий! Не обрадовался, не испугался, не обиделся, не позавидовал — и ничего не осталось, было и сгинуло. А ежели поразило, восхитило, вызвало стыд, всколыхнуло обжигающую волну переживаний — такое западает крепко. Да-да, именно если сохранились чувства, то они поддерживают прочность и остроту давних впечатлений! Не только сама «информация», но и чувства. Интересно теперь ещё раз проверить эту догадку.

— Слушай! — вдруг восклицаю я. — Мы на лугу у железнодорожной линии играли в лапту, мне подбросили мяч, и я со всего размаха… по мячу не попал да как врежу лаптой в лоб Вальке Николаеву, он за мной сзади стоял. До крови! Чуть глаз не выбил, пришлось бежать к нам домой, бинтовать ему голову. Только у меня какое-то чувство неуверенности: неужели это мне доверили во взрослой игре бить по мячу? Может, это ты ему по лбу залепил, а я напутал?
— Я такого эпизода вообще не припомню, — решительно отказывается брать на себя вину Володя. — Что Валька с матерью, тётей Даней, несколько раз приезжали к нам из Москвы, это было, а чтобы лаптой до крови…
— Тогда, выходит, всё-таки я. Раз мне запомнилось.
— Вот ты всё жалуешься, будто к тебе хуже относились, а на самом деле не так было, сколько мне за тебя подзатыльников от папаши досталось!
— Значит, обижал.
— Обижал… Ты чуть что — сразу в рёв. А он сперва «леща» отвесит, а уж потом — разбираться. — И без улыбки, всерьёз всё это проговорил. Значит, врезалось — обида сработала.

Загорские впечатления… Что-то живо перед глазами, что-то размыло в тумане минувших лет. Я всё допытывался у брата и мамы, как теперь найти наш посёлочек-новостройку, в котором жили? Хотелось съездить, взглянуть, а как отыскать-то? Маманя опять:
— Ничего не помню, отстань! — И снова отмахивается, как от мухи, и вдруг совершенно твёрдым голосом: — Адрес был — Клементовская, 7.

А Володя — отрезвляюще:
— Не езди, бесполезно. Я как-то попал в командировку — там всё изменилось, ничего не узнать. «Скобянку» переименовали в электромеханический завод, где была рожь с васильками, всё застроено. А наш деревянный посёлок вообще снесли, стоят каменные многоэтажки.

Вот как. А мне хотелось побывать в местах довоенного детства. Жаль, очень жаль…

Поездка в предвоенный год

В Загорск я всё-таки съездил. И не пожалел. Но сперва очень хочется сказать несколько слов о самом этом городе.

Возник он как слобода при монастыре Пресвятой Троицы, основанном одним из самых почитаемых у нас подвижников веры и единения русских земель — Сергием Радонежским. Тем самым, который благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву. Со временем Троице-Сергиева лавра превратилась не только в один в один из главных центров православного просвещения (в ней и сегодня располагается Московская духовная академия), но и в неприступную крепость с мощными стенами. В смутные времена Лжедмитриев

и польской интервенции монастырь выдержал полуторагодовую осаду чужеземного войска и остался непокорённым. Многими историческими событиями отмечено это поселение в судьбах страны.

И надо же было додуматься — переименовать такой город, присвоив ему даже не фамилию, а псевдоним местного революционера Загорского — вместо Сергия-то! Большее кощунство трудно вообразить. Однако придумали и больше: из лавры сделали музей антирелигиозной пропаганды, а святые мощи преподобного выложили напоказ — кости, дескать, и кости, чево там? Я это сам видел в 1940 году… Ну а теперь поехали, 72 километра на электричке с Ярославского вокзала.

Даже не знаю, как мне этот город теперь называть: жил в Загорске, время вернуло ему старое славное имя Сергиев Посад… в котором я не проживал. Переболталось всё в голове, кислое с пресным, Божие с грешным, как тут сохранить в себе человеку твёрдость верований и убеждений? Нет основательности в устоях, нет; подрублена корневая система.

Возлежит славный посад на двух горах, между которыми в сумрачной низине протекает незнаменитый ручей. На одной горе пересекаются Московско-Ярославское шоссе и железная дорога, и с неё подъезжающим открывается совершенно сказочный вид на золотые и синие купола с крестами на противоположной горе. Обычно поезд домой в Красноярск уходил из Москвы перед вечером, и Сергиев Посад проезжали на закате. Освещённые лучами низкого солнца — как будто свет специально поставил гениальный оператор — купола и маковки, колокольни и крепостные башни, византийские золотые вязевые кресты на фоне небесной синевы — картина совершенно потрясающая. Аж, бывало, сердце охолонёт каким-то неведомым чувством. Как же тут постоянно-то живут люди, видят это великолепие каждый вечер, неужели и к такому можно привыкнуть? Можно, наверное…

А первая гора покрыта «крыш корою» деревянного одноэтажного частного сектора, все усадьбы с садиками, и у самого железнодорожного переезда — новыми, последних лет, многоэтажками. Мне предстояло прежде всего где-то недалеко от этого переезда найти наш бывший посёлочек, который тогда лишь возникал на окраине.

Как выглядело место перед войной, я мысленно видел почти отчётливо. Одна улица, по обеим её сторонам слегка взбираются на подъём брусовые двухэтажные дома, чем дальше к концу порядка, тем больше домов, которые только ещё возводились. Мы получили квартиру в одном из первых заселённых, а которые неподалёку стояли в строительных лесах, служили любимым местом ребячьих игр. Нижним концом улочка упиралась в зелёную лужайку, за которой поперёк пролегала железная дорога, в обиходе — «линия» («пошли к линии», «ходили за линию»…). По ней шло оживлённое движение: пыхтели чумазые паровозы, торопливо постукивали колёсами пассажирские и товарняки, коварно вылетали из-за поворота электрички, вереща какими-то неестественными голосами.

Ага, а за линией лежали сырые луга, поросшие гривами ольхи и тальников, и там на полях сеяли турнепс. Мы ходили лакомиться этим кормовым корнеплодом, выдёргивая его из чёрной болотной земли.

Очистишь ножиком белую сочную плоть и — хрум, хрум… Попадались корни более-менее сладкие, но чаще с горчинкой. И как ни стараешься, обязательно на белом — дактилоскопические отпечатки от грязных ладоней. Оботрёшь об штанину — ништяк, можно грызть. В июле 41-го нас собирали в школе и водили на эти сырые луга копать корень валерианы для госпиталя. Видно, её там росло изрядно, коли специально посылали, однако никаких подробностей про саму валериану я не помню.

Из нижнего конца нашей улицы мы по утрам ходили вдоль линии до переезда, а от него налево по главному шоссе — в школу. Значит, этот ежедневный путь должен быть недалёким, соображал я, если запросто бегали изо дня в день. Всё помню, ясно вижу… Но оказалось — в голове картины одни, а в реальности перед глазами возникли совершенно другие, к тем, что в голове, отношения не имеющие. Тем более на этот раз мне пришлось проделывать школьный путь в обратном направлении — от вокзала по шоссе в горку к переезду, и никакой школы, я пройдя его, почему-то не увидел. А ведь их было даже две, одна напротив другой. Куда обе делись? Хорошо хоть переезд остался на месте. Но в его окружении всё заставлено пяти- и девятиэтажками, даже за линией на бывшем турнепсе видны дома. И где теперь среди них искать наш посёлочек? Похоже, брат был прав: старые «деревяшки» снесли. Очень жаль, мне так хотелось их увидеть… Однако раз уж приехал, надо попытаться.

От переезда вдоль линии оказалось даже ближе, чем представлялось, только отошёл и — начал узнавать. Что узнавать? Не могу объяснить что, однако появилось уверенное ощущение: я это *видел*. Давно, как будто во сне. Видел! Сначала ничего конкретного — какое-нибудь знакомое здание или перекрёсток, или чего-то ещё — родилось лишь ощущение. Так бывает, когда встречаешь человека лет через двадцать: сперва совершенно чужое лицо, и вдруг сквозь него начинает проступать что-то знакомое, узнаваемое, хотя и перерисованное годами.

Зелёная лужайка… Лужайка у линии сохранилась! На которой мы сражались в лапту. Ну конечно, она же попала в полосу отчуждения железной дороги, потому и осталась нетронутой. Но тогда именно от неё и должна уходить на подъём наша улица. Однако вокруг громоздились

чужеликие серые многоэтажки из силикатного кирпича. В их суровом окружении жмётся несколько пришибленных домов двухэтажных, да только не брусчатых, а тоже каменных, стало быть, не тех. Я всё старался раздуть слабо тлевший под пеплом уголёк, но получалось не очень. Он то мерцал, слегка вспыхивал, то снова меркнул. И вдруг… Ха! В самом начале этой как бы и не совсем улицы, прямо посреди проезжей части — *ларёк*!

Точно, был тут ларёк! В него из города привозили хлеб, и сразу выстраивалась очередь с хозяйственными сумками и плетёными «авоськами», хлеба набирали впрок по несколько буханок. Надо же, самым вечным сооружением оказался тщедушный дощатый павильончик, вот так египетская пирамида! Я обрадованно устремился к нему, будто увидев издали старого друга. Только подумать, жив, жив ларёк! Правда, торговали в нём теперь не хлебом, а пивом, «разливочно и на вынос». Переквалифицировался старый приятель. Что ж, пиво — это тоже прекрасно.

Разумеется, я взял кружку самого народного напитка, сдул пену, отхлебнул, поставил на мокрую клеёнку прилавка. Закурил. Рядом расположились две оживлённые горожанки, тоже взяли по кружке и закурили. Тут уж грех не заговорить.

— Пожалуйста, извините, — как мог вежливее начал я, — не подскажете, где тут улица Клементовская?

Обе настороженно уставились на меня. Судя по всему, вид «клеившегося» к ним незнакомого мужика показался не очень подозрительным.

— А вам зачем, кого-нибудь ищите?

— Да нет, я приезжий, случайно… Когда-то жил здесь, интересно стало посмотреть.

Выражение их лиц смягчилось.

— Понятно. Да вот она, эта улица. Только не Клементовская, а Климентьевская. — (Ха! Спутала старенькая мутти с Клементовским переулком в Москве, в котором жил дядя Ося!)

— Это как раз где мы стоим? — Я растерянно оглянулся. — Дома-то были не кирпичные, а брусовые, деревянные.

Одна, более разговорчивая, заулыбалась.

— Они и есть деревянные, старые бараки. Только что дранкой обшили и сверху заштукатурили.

— Вон оно что! А я смотрю — вроде и то и не то. Брат у меня приезжал, но так и не нашёл, решил, что деревянные — снесли.

— Их тут всего шесть, по три дома с каждой стороны, вот и вся Климентьевская. У неё с одной стороны Новозагорская, с другой — улица Клюева.

— Какого Клюева, поэта?

— Да кто его знает! — На этот раз засмеялись обе, а я почувствовал себя болваном: про какого-то поэта начал…

Допил пиво, поблагодарил собеседниц. Получалось, как будто вот этот дом, средний из трёх, и должен быть нашим. Подошёл вплотную. На углу разглядел заржавленную жестяную табличку с цифрой «7». Всё сходилось, но на меня смотрело чужое, неродное лицо. Да, полвека, как ни говори, срок… Он-то уж точно меня не узнаёт. О, вспомнил: прямо за углом нашего дома в июле 41-го копали «щель», убежище от авианалётов — глубокий узкий, изломанный углом окоп выше человеческого роста, с бревенчатым накатом и ступеньками вниз. Копали мужики лопатами, отрезая пластами жирные лоснящиеся ломти глины… Но что-то и ещё непонятное мешало мне признать наш дом. Что?.. А! У нас ведь на вторых этажах были балконы, выходившие на улицу! А теперь их нет, фасады стали комолыми. Деревянные были балконы, успели подгнить от дождей, убрали их. Вообще, в голове у меня теперь вместо прежней светлой ясности образовалась мешанина из старых и новых картин. Лучше б, наверное, было и не приезжать… Можно возвращаться на вокзал.

М-да, придётся мне в таких расстроенных чувствах, как сейчас, взять бутылочку. И какой-нито закуски: ужинать буду в вагоне, до Москвы, считай, два часа. Поужинаем, погрустим о невозвратном…

Нет, но какой всё же дивный вид с горы на купола лавры! Именно с этой точки рисовал свою замечательную мою любимую празднично-живописную картину художник Борис Кустодиев — «Масленица в Сергиевом Посаде». Отсюда, как описывал Иван Шмелёв, слушали могучий глас Большого колокола бредущие к Троице на богомолье вереницы православного люда со всея Руси. Вот и мне досталось, пусть краешком — Ясная Поляна, Троице-Сергиева лавра, чеховское Мелихово — святые места, посчастливилось в жизни прикоснуться сердцем, и не может это не оставить следа в душе…

Но, где же всё-таки школа?

Глянул на часы — время до обратной электрички хватало, пройдусь-ка ещё раз по главной улице, любопытно всё же, куда исчезли два таких заметных здания?

На середине подъёма я спросил встречную женщину:

— А где тут раньше школа стояла?

— Так вы прошли. Они чуть в стороне, в сквере. И теперь обе там же.

Вот, дьявол, забыл! Правда ведь, не на самой улице они располагались, а несколько в глубине, окружённые небольшим парком! Как же это вылетело у меня из головы? А ведь вылетело, вот и вся причина маленького детектива.

Оба школьных здания, как и прежде (собственно, как ещё до революции — строены-то были под гимназию и реальное училище), стояли в парке друг против друга. Одно из сумрачного потемневшего красного кирпича, другое оштукатуренное и в наше время светившееся ярко-белыми стенами, что тебе дворец-санаторий в Ялте. Красную

называли имени РККА (то есть Красной Армии), белую — имени КИМа (Коммунистический интернационал молодёжи). Мы с Володей почему-то оказались в разных школах, я попал в красную. Проучился в ней год с небольшим и… ничего в памяти не осталось. Теперь-то я знаю: этот провал жизненных впечатлений может быть объяснён тем, что после переезда из Тулы я необыкновенно мучительно, до горячих слёз, тосковал по друзьям, оставленным в родном городе (ни одного имени или лица сегодня, увы, не помню). И всё окружающее новое сперва воспринимал как наказание. Вот и результат.

Обе школы стояли на своих местах. Только белый дворец оказался окрашенным в жёлто-лимонный колер, а наша красная — вообще заброшенной. Мрачное нежилое здание с пустыми глазницами окон. Мимо проходил молодой парень, и я спросил: почему школу-то забросили? Совсем сгнила, ответил он. Техничка залезла на чердак и провалилась, пришлось срочно всех выселять. И, усмехнувшись, прибавил: говорят, там привидение по ночам бродит. Не знаю, правда, насчёт привидения, а бомжи точно ночуют себе.

И для чего я всё это рассказывал? О наших спорах-разговорах с братом, о своей «поездке в детство»? Просто хотелось подвести к одному выводу, сделанному из собственного опыта. Мысль, опять же, не оригинальная, однако в данном случае лично выношенная и утверждённая:
— Братцы, не верьте мемуарам! Даже если автор божится, что пишет только истинную правду, обещает не покривить душой ни в одном слове. Во-первых, все в этом клянутся, но обычно рука не поднимается написать о себе худо, как-то оно само собой так выходит.

Зато перо легко и окрылённо порхает, когда речь начинается о собственных способностях и кое-каком вкладе в известные события. Само собой, независимо от сознательной воли автора! А во-вторых, я даже готов допустить, что найдётся мемуарист, способный собрать в кулак всю волю и принудить себя свидетельствовать под присягой совести только правду и ничего, кроме правды. И тогда мы получим правду… о том, что он *помнит*, а не о действительных реальных событиях.

А помним мы все разное. Хотя и жили в одно время, в одном месте, при одинаковой погоде. Потому что память у каждого своя. Так что все эти мемуары, воспоминания и свидетельства очевидцев (например, каждому генералу положено написать книгу о войне) — читать порой интересно, согласен, и сам люблю. Но доверять не стоит. Не больше, чем «историческим» романам Дюма. Вот такая, понимаете ли, наивная «идея» у этой истории.

Боковое зрение

Когда я учился в институте, на семинаре по психологии ассистент попросил меня выйти к кафедре для проведения опыта. Усадил на стул лицом к аудитории, сам стал за спиной и начал медленно выдвигать сзади какой-то предмет на уровне моего уха. А сам спрашивал:
— Видите?
— Нет, ничего не вижу.
— А теперь?
— О! Кажется, что-то появилось.
— А что именно?
— М-мм… Непонятно. Вроде что-то маячит, но ни чёткой формы, ни цвета.
— Ага! — обрадовался ассистент, обращаясь к аудитории. — Вот видите? Это явление называется боковым зрением, одно из свойств нашего глаза. Мы что-то воспринимаем, однако на краю внимания, неопределённо и не сосредоточиваем своего интереса к данному предмету. Свойство важное: ведь представьте себе, если б вы всё вокруг воспринимали так же отчётливо, как то, что в фокусе вашего взгляда? Наше внимание рассыпалось бы, как мозаика, на мелкие осколки, нельзя было бы выделить, что главное, а что лишь отвлекает от него. Если же вам потребуется более определённо установить, что это маячит сбоку, вы поворачиваете голову и…

На этих словах я повернулся и, увидев, что в руке у него купюра, воскликнул:
— О! Десятка! Это мне за то, что я не опроверг вашу теорию?
— А её невозможно опровергнуть, — невозмутимо отреагировал ассистент пряча червончик в боковой карман пиджака.

Жаль, что он только помаячил. Тем более принимая во внимание, что стипендию я получал на первом курсе 220 рублей. Но эксперимент всем понравился, очень смахивал на игру, предложенную каким-нибудь затейником в доме отдыха.

А вспомнил я его по совершенно случайному поводу: вдруг подумалось, что отношение взрослых детей, живущих самостоятельно, к родителям — такое же «боковое зрение».

Где-то там старики существуют, живы — ну и слава Богу. А как существуют, чем живы, какие заботы их донимают, печали печалят и мелкие радости радуют, — как-то оно всё воспринимается нечётко, размыто и не в цвете. Это, подчеркну, даже при самых доброжелательных отношениях, не осложнённых разногласиями и обидами. Естественное состояние: своя жизнь у молодых — в фокусе, старики-родители — на краю бокового зрения. Я это всё понял по себе. Тоже ведь так относился к отцу и матери, покинув родительское гнездо.

Надежда Болтянская

У вечного дерева

Запоздалое открытие

Стихи московской поэтессы *Надежды Болтянской* (1963–2015) можно отнести к разряду открытий. Так бывает, когда талантливый автор, нисколько не заботившийся о саморекламе при жизни, внезапно уходит от нас. И мы, случайно натыкаясь на его подборки и книги, с изумлением отмечаем приличную технику, пронзительную лиричность, глубокую философию и многое другое. То, из чего и состоят настоящие стихи. И ведь всё это было рядом с нами, человек ещё недавно находился среди нас, дышал, чувствовал, творил; мы читали его! Почему же так происходит, почему поэта по-настоящему начинают ценить после смерти? Наверное, есть в этом некий рок, о котором смутно пишут уже которое столетие.

Но существуют, однако, и прочие факторы. К таковым следует отнести *поведение* поэта. Часто ведь встречаешься с тем, что поэт становится известен благодаря своим эпатажным выходкам, а также связям, приближённостью к мэтрам и литчиновникам. И вроде имя такого литератора у всех на слуху, а вот о творчестве его почти не говорят, оно вообще не вызывает никакого интереса. Болтянская как раз отличалась тем, что писала стихи, а не занималась самопиаром. В наше время это можно назвать непростительной ошибкой, если, конечно, думать только о кратковременной славе. Но если поэт действительно серьёзно относится к своим стихам, претендует на нечто большее, то всю свою энергию, все имеющиеся в наличии силы он отдаст творчеству. И пусть при жизни его имя не будет широко известно, зато конечный результат может даже превзойти ожидания.

То, что к стихам Надежды Болтянской сейчас повышенное внимание — факт отрадный. Но в то же время его и не назовёшь неожиданным. Это как раз закономерно. Стихи эти действительно стоят того, чтоб их публиковать, переиздавать отдельными книгами и заучивать наизусть. Она была замечательным поэтом, недооценённым, как часто случается с людьми скромными, но что ж теперь поделать. Если действительно существует рок, то должна же быть и справедливость! И эта справедливость в итоге обязательно восторжествует. Вот мы и открываем для себя новое-старое имя, по-иному вчитываемся в знакомые стихи, переосмысливаем творчество поэта, яснее представляем его внутренний мир.

Да, это «повторное» знакомство отдаёт чувством горечи и досады. Становится обидно, что талантливые люди уходят, не получив заслуженного признания, не вкусив и сотой доли той известности, на которую могли бы претендовать по праву. Но поэзия вообще жестокая штука. Кем-то было сказано, что настоящая жизнь поэта начинается лишь после его смерти. И в случае с Болтянской всё происходит именно так. Есть поэт, и есть его стихи. А главная награда для поэта — это, конечно, память о нём. Не медали и дипломы, не загранпоездки и пафосные выступления, не удостоверения и льготы делают человека поэтом, а память людская. А когда живы стихи — жив и их автор.

Игорь Панин

Россия

У вечного дерева корни есть
И почва, которая только здесь.

Я в снег и в проталины так вросла,
Что веткам — сосудам — не счесть числа.

Зелёные волосы у воды,
Зелёные с серым глаза, что льды.

Я б двадцать хотела иметь когтей,
Чтоб ствол удержал меня без затей.

● ● ●

Со снегом перемешана листва.
Зелёно-жёлтый мир покрылся белым.
Светлеет день. И прячется трава
Под пелену накрошенного мела.

Раздетая рябина под окном
Без ягод, без листвы. В лохмотьях ива
Уснула до весны некрепким сном,
И ёжится шиповник сиротливо.

Замёрзли посеревшие дома,
Притихли люди, и молчит природа.
Уже не осень, но и не зима —
Тревожное, больное время года.

● ● ●

Не играет пастух на своей трубе,
Тёмный шорох в моём окне.
Хочешь, я что-нибудь расскажу тебе,
А потом ты расскажешь мне.

Отгремели литавры былых времён,
Я теперь уж совсем не та.
Я тебя так люблю, ты в меня влюблён,
А всё прочее—суета.

Тихой музыкой слов я тебя найду,
Расскажу что-нибудь ещё.
Я когда-нибудь в синюю даль уйду,
Всё держась за твоё плечо.

● ● ●

В полнолуние снятся тревожные сны,
Утро жуткие шорохи слышит;
Вылезают из гнёзд фавориты луны,
Вурдалаки—летучие мыши.

Их пронзительный писк всё сильней и сильней,
Тени крыльев огни закрывают,
Притаились гадюки меж мокрых камней,
И вервольфы в лесу завывают.

А на утро исчезнут и ужас, и мрак.
Вурдалаки попрячутся в щели,
И луна нам подаст свой таинственный знак
Только через четыре недели.

● ● ●

Год лошадей иссиня-вороных
Рождает слабый, вымученный стих.
Замёрзшие цветы кричат о свете,
Пожары, снег и войны на планете.

Горят сто ватт. Мой труженик уснул.
Как слабый фон, далёкой стройки гул.
Красотка улыбается с обложки.
На суетной душе скребутся кошки.

Заплакать, что ль? Гордыня без конца,
Подайте ж лошадь с красного крыльца!
Не вялую, не клячу, не больную—
Ту самую, иссиня-вороную.

● ● ●

Тени рыб в голубом заливе,
Стекловидны тела медуз.
Чуть колышется ветвь оливы,
Лёгкий бриз навевает грусть.

Наползая на гальку змеем,
Еле слышно шипит прибой.
Небеса всех небес синее,
Опрокинулись надо мной.

● ● ●

Я пела тебе о песке морском
Меж чёрных провалов скал.
Раздетое солнце, дорога, дом.
Ты слушать меня устал.

Ко мне возвращается мой язык,
Как сочный торговый ряд.
Ты к тени сосны навсегда привык.
Твой остров—твой зимний сад.

Бульварным кольцом между нежных стен
Мы молча с тобой бредём,
И вновь нас берёт в долгожданный плен
Ненастье косым дождём.

● ● ●

Полны предчувствий эфемерных,
Мы ждали чуда терпеливо,
Поток неясный мыслей нервных
Прогнать пытаясь торопливо.

Но праздник кончился, и снова
Не верить истинам известным,
Искать единственное слово,
Земное в мире бестелесном.

И в новом беге быстрых буден
Узнать внезапно смысл иного.
Но он для пониманья труден,
И нет единственного слова.

● ● ●

В книжице загнётся страница,
Радио продолжит вещанье.
Мне шофёр в любви объяснится,
Я ему кивну на прощанье.

Ты идёшь, сливаясь с толпою,
С каменным лицом пионера.
Воздух над моей головою
Хлещет из кондиционера.

Как концерт бездарно невнятен,
Да ещё тебя пригласила…
Сумерки расплывчатых пятен
Порождает бледная сила.

Конец января

Ёлку разобрали,
Угол опустел.
Ох, глаза устали,
Вроде не у дел.

Надо бы проститься.
Как нам дальше быть?
Хочется тряпицей
Зеркало закрыть.

* * *

Ошалевая от красоты,
С природой мы перешли на «ты»…

Как всё далеко и как давно,
Сплошные тени в немом кино.

Слепой поток — фотографий ряд,
Забыть. Забыть, не глядеть назад!

С собою справиться не могу,
Медовый воздух в моём мозгу.

Прощание с пятиэтажкой

Прости меня, ива,
Простите, собаки и кошки,
Тебе помахала,
Родное синичье гнездо.
Я нетороплива,
Все книги, ботинки и ложки
Лежат где попало,
И так начинать тяжело.

Раскладывать вещи,
Пылинки снимать безвозвратно,
Смотреть, как машина
Сминает всё то, чем жила.
Куда уж похлеще,
Уже не вернуться обратно,
Своя паутина
Затянет. Такие дела.

* * *

Мы в этом мире новосёлы,
И жизнь любая хороша.
Собаки, кошки, мухи, пчёлы —
У них, конечно, есть душа

Цикличных жизней наважденье —
Как буквы в имени моём,
И буду в новом я рожденье
Стрижом, а может, воробьём.

* * *

Я из породы длиннокрылых,
Боюсь зимы и белых вьюг.
А значит, время наступило
Лететь на юг.

Ориентируюсь по звёздам
В дремучей свежести ночной,
И возвращаться к стуже поздно
Не мне одной.

Чем путь южней, тем больше света,
И я, теряя звёздный клад,
Спою невзрачные сюжеты
На новый лад.

* * *

Мне не смешна извечная игра —
Ведь я ещё зимой не насладилась,
Не надышалась, снегом не умылась —
И вот весна, как чёрная дыра.

Ах, это слишком — слишком много света,
Зрачки от синевы исчезли — нету!
Как в обруче чугунном голова.
Опять весна, а я ещё жива!

* * *

Спрячься в норку, как барсук,
И читай плохие книжки.
Мне вдаваться недосуг
В эти глупые страстишки.

Пища скудная дана
Размышленьям на диване.
Я — одна и не одна,
Словно капелька в фонтане.

* * *

Слабой свечки мерцанье,
Звон беспомощной льдинки,
Тонких крыльев касанье
Иль разрыв паутинки,

Комариная плёнка
Над застывшей водой —
Это лепет ребёнка,
Нерождённого мной.

* * *

Беззащитны и несмелы,
Тянут ели-корабелы
В небо длинные стволы
В ожидании пилы.

И, скользя лиловой тенью,
По ветвям, как по ступеням,
Задевая нимбом мох,
Вниз неслышно сходит Бог.

* * *

Время встало и торчит
Посреди недели,
Чёрт молчит, и Бог молчит,
Окна запотели.

Душно, тесно и темно,
Даже снега нету…
А в шкафу моём давно
Не живут скелеты.

Виктор Аференко

На семи ветрах

Глава из книги «Богатырский уезд»

Йо! Нэсси!

Несмотря на годы смуты, русские люди неуклонно и быстро внедрялись в таёжные пространства, присоединяя их к России. В 1601 году построили на р. Таз Мангазейский острог. На вопрос толмачей к хантам: «Есть ли на восход солнца реки?»—те отвечали восторженно: «Йо! Нэсси!».

Много слов, в том числе междометий, заимствовали русские у татар и у сибирских народов. Ещё арьи и славяне, живя за Полярным кругом, приветствовали появление Солнца—*Ра*, восклицаниями: «*Ра!*», «*Ура!*» (то есть у нас Солнце)! Тот клич в Российской армии сохранился до сих пор. Кстати, летописцы отмечали, что и татарские конники, несясь на схватку, издавали устрашающий рёв: «У-р-р-ах!»

У кетских народов тоже был восторженный возглас: «Йо!». Интересен факт употребления его в весёлой песенке:

На рыбалке у реки
Тянут сети рыбаки
На рыбалке блещет рыба,
Словно глыба серебра.
Больше дела—меньше слов!
Нынче выпал нам улов,
Мы поймали, мы поймали
Много рыбы… Йо!

В праязыке Евразии языковой «кварк»: иссу, Су, нэсси, то есть согласный «С» с гласными, несёт смысл—поток, водоём. Отсюда названия: Иссык-Куль, Изыр-Су (Кача), Минуса, река Уса, притоки Енисея Сисим, Сым, Кас. И «Йо! Нэсси!» значило: «мощный поток», «большая вода». Думаю, большинство читателей слышали о Лох-Нэсском змее в озере в Шотландии. Чудеса? Откуда такая одинаковость и почему? Никаких чудес: «Нэсси»—так назвали озеро кельты («речные люди»)—потомки арьев, пришедших в Шотландию 4000 лет назад.

Русские два слова соединили в одно—Енисей. В Красноярске есть знаменитая обувная фирма «Ионесси». Конечно, великий поток Йонэсси произвёл огромное впечатление на русских, ясно, что течёт река издалека.

Из Мангазеи отряд служивых через волок Таз—Турухан спустился в 1605 году к Енисею, оставив

там годовальщиков. Они зимой на лыжах перешли через Енисей, встретились с эвенками и выяснили, что недалеко в него впадает большая река (Нижняя Тунгуска). В 1606 году, весной был отправлен отряд служивых в большем количестве, он добрался до устья Тунгуски в конце лета, а в начале зимы (уже в 1607 г.) был зачат острог «Новая Мангазея», названный после Туруханским. В том же году, то есть в сентябре 1607-го, другой отряд по маршруту Тобольск—Иртыш—Обь—приток её Вах—волок—приток Енисея Елогуй вышел на Енисей, зачав поселение Верхнеимбатское. В 2007 году Туруханск отмечал юбилей 400-летия, а Енисейское Казачье войско—400 лет Енисейскому казачеству, в честь чего выбита медаль.

А в трудные для Московской Руси 1610 и 1611 годы казаки по Иртышу, Оби, по притоку её Тыму, перейдя по волоку на большой приток Енисея Сым вышли на его левый берег, зачав поселение Сымское.

Главный герой весьма содержательной и интересной книги «Чёрные люди»—помор и торговый человек Тихон Босой (реальное лицо), как пишет В. Н. Иванов, в детстве слушал монолог «богатыря в синем кафтане, русобородого, могутного».

Говоривший был не кто иной, как приказчик в торговом доме отца в Мангазее Ерофей Павлович Хабаров, в будущем знаменитый первопроходец.

> — Мангазея что! — говорит Ерофей Павлыч. — Соболей скоро там изведут. Там делать неча! Сколь народу вместе! Дальше надо идти! На Енисей-реку! Какие места! Там не только соболевать людям, там людям жить можно. Земля-то чёрная на тех местах. По реке Чулыму, сказывают, ах и места! Степи! Луга! Зверьё! Всё в цветах — не выгорают в жару, воды много. Кругом горы, а в горы пойдёшь — наверху леса, в них озёра как зеркало, а в зеркале те же горы синие. Эх, раздолье! Летом травы в рост человечий на лугах, а зимой ветры снег сдувают, скот всё время пасётся! Люди там тунгусские — тихие. Князьцы ихние в собольих шубах ходят. От Мангазеи бежать кочами нужно Тазом-рекою до Енисейского волока.

Форпост Енисейск. Маршруты енисейцев XVII–XVIII вв.

Стало ясно — нужен новый большой форпост на Енисее. Сам географический жребий определил место. В 1604-м на притоке Оби Кети был поставлен Кетский острог. Служивые поднимались по реке всё выше и выше. Живущие по Кети остяки и кеты, а в её верховьях тунгусы ясак платили исправно.

По волоку в летнее время из Кети можно было перейти на реку Кемь, впадающую в Енисей. Климат зимой и летом вполне приемлем, на реках нет льда 6–7 месяцев. Совсем рядом с востока течёт ещё одна великая река Верхняя Тунгуска (Ангара). Самое место для ключевого острога на Енисее!

О строительстве Енисейского острога, о становлении его, о жизни в нём в XVII веке прочтите прекрасную книгу А. Бродникова (ныне проректор НГУ по научной работе) «Енисейский острог», изданную в 2004 году к 385-летию Енисейска.

Форпост Енисейск на семи ветрах

Крылатое выражение «на семи ветрах» возникло в Европе в период интенсивного плавания по океанам и морям. Смысл его понятен: нечто (порт, маяк, верфь, изба) построено и обжито в таком месте, что нет защиты от ветров со всех направлений.

Сторон четыре, то сознавали и питекантропы, раскинув, стоя, руки. А в каменном веке выросла необходимость знать, куда идти; примечать, в какой стороне скалы и пещеры, где кормятся животные, куда течёт вода. И лучшими ориентирами стали восход и закат солнца, полдень или направление против полдня. Таким извечным приёмом пользовались и русские первопроходцы.

За Полярным кругом и далее его, где солнце много дней, недель, а то и полгода накручивает спирали параллельно горизонту, гипербореям, арьям-славянам, а после поморам приходилось использовать свои, другие приметы. Ладно, на суше, на материке. А если в море под парусом, изобретённым, по мнению учёных, гипербореями же в период неолитической революции, то есть 8–10 тысяч лет назад. Ориентировались по ветрам.

После изобретения компаса круглую шкалу разбили на румбы: через четыре прямых угла проводили две скрещивающиеся линии, по сути, четыре биссектрисы. И кроме четырёх основных направлений, по терминологии атлантистов, — норд, зюйд, вест, ост, появились ещё четыре: норд-ост, норд-вест, зюйд-ост, зюйд-вест.

Тогда почему не восемь, а семь ветров? Из-за сакральности, загадочности цифры 7: семь видимых перемещающихся среди неподвижных звёзд светил (Солнце, Луна и до конца XVIII в. 5 планет); семь основных цветов радуги (спектра), семь нот. И связанных с этим семь дней недели (каждому светилу соответствовал свой день); отсюда пословицы, поговорки, выражения: «семеро одного не ждут», «семь раз отмерь — один раз отрежь», «семь пятниц на неделе» и ещё более десятка известных.

Постепенно термин «на семи ветрах» стали использовать в более широком контексте: расположение чего-то на бойком, заметном, значимом месте. Сия характеристика подходит к Енисейску периода XVII–XIX веков.

С момента построения в 1619 году до середины XVIII столетия он был форпостом на путях в Восточную Сибирь, в Забайкалье, на Амур, на Дальний Восток, на Камчатку. Ещё сто лет являлся купеческим, одним из больших городов Сибири, со знаменитой на всю страну ярмаркой. И все 400 лет — административный центр:

в XVII–XIX веках огромного Енисейского уезда с площадью до 1 млн квадратных километров.

На Красный Яр

Итак, ещё один стратегический проект исполнен — возник ключевой град — форпост на Енисее. Вперёд, вперёд!

Никакого промедления. Всю зиму 1619–1620 годов в Енисейске не перестают стучать топоры, шебуршат продольные пилы; возводятся стены и башни острога, устанавливаются на них орудия; строятся воеводский и гостиный дворы, жилые избы для служилых людей. На стапелях собираются дощаники. И умелые мастера по образцам остякских лодок готовят долблёнки, малые лодки — «обласки».

В мае-июне 1620 года после ледохода мобильные отряды направляются вниз по Кети до Кетского острога с первичным богатым ясаком; и вниз, и вверх по Енисей-реке, по Йонесси.

Заботят Тобольскую администрацию южные области до Саянских хребтов, где кочуют улусы киргизов. Им не раз посланцы с толмачами из Кузнецка и Томска предлагали пойти под начало белого царя, платить ясак, жить в мире, торговать. Не согласны! Живут по обоим берегам Енисея, по Чулыму и Июсам уже много веков. Распространяли свою экспансию вплоть до Ангары, подчинили качинцев, аринов, моторцев, остяцкие племена, собирали ясак, привозили невест и сами оставались в остяцких улусах. Их в свою очередь постоянно воевали джунгары — чёрные калмыки и монголы, особенно во времена Чингисхана и Джучи. Киргизы были зависимы от них.

Русской администрации удалось установить контакт с аринцами под главенством князя Тюльки. Он кочевал с подвластными ему улусами по малым речкам (Изыр-Су, Бузим, Кантат), в нижнем течении Кана и по срединному течению Кети — по территории, названной Тюлькиной землицей.

И договоры 1615 года, заключённые с Алтын-Ханами, с джунгарами, с тувинцами Василием Тюменцевым в ходе его успешной дипломатической миссии ситуацию с киргизами не изменили. Стратегический вывод один — нужно выше Ангары на Енисее строить новый острог, чтобы обезопасить себя с юга. В истории Приенисейского края (региона) общеизвестен факт об экспедиции посланника царя Андрея Дубенского летом 1623 года в Тюлькину землицу для выбора места для острога. И он выбрал его возле устья Изыр-Су (Качи), где красные яры (признак залежей ториевых руд).

Дубенский отправил отчёт в Москву: «И на том на Красном Яру места угожи есть и острог поставити можно». Нередко исследователи зацикливаются на словах «места угожи». Да, было всё необходимое: кондовый бор, сенокосы, ровная площадка на стрелке, удобные берега, наличие глины. Но подобных угожих мест между порогом, названным Казачинским (первично Казацким), и Качей немало. Опытный наблюдательный муж Дубенский выбрал место, ещё из-за двух важнейших причин: Красный Яр — это граница лесостепной зоны и горно-таёжной, тайги; ниже Качи и Маны живут мирные племена, согласные добровольно «пойти под царёву руку», а по Енисею выше, за лесами и горами, на юг, и по степи, на запад, довольно агрессивные степняки.

Аринцев, ясов (ястынцев), коттов, асанов, кетов никто из русских не воевал; мест их кочевий не занимали; установили ясак в целом более щадящий, чем с них взимали, причём набегами, киргизы, джунгары и монголы; предложили сдавать пушнину в определённые сроки. К тому же подъясашных угощали романеями, вином, дарили нужные им вещи. Да и с киргизами в начале XVII века стычек не было.

Есть вопрос, чётко пока не прояснённый (по причине ещё не прочитанных записей Сибирских приказов): а ходили ли енисейцы в Тюлькину землицу в 1620–1622 годах? Известный историк А. Н. Копылов утверждает, что уже летом 1620 года небольшой отряд енисейских служилых (с толмачом) поднялся до Маны.

Казаки поняли, что в Тюлькиной землице проживают мирные люди. Более того, русские, захваченные ранней шугой, вынуждены были зимовать на площадке у быка, чуть выше впадения речки Тели (94 км от Красноярска, ныне Тельский бык). Аринцы и котты, зимовавшие на протоке Енисея (их кочевье — это Балчугский луг на левом берегу Кана, при устье его), помогли им выжить. Копылов не указал источника. Но такой серьёзный исследователь вряд ли озвучил свою личную версию. Даже если так, то основания для неё есть существенные.

Путь на Красный Яр из Тобольска в течение *130 лет* до строительства Сибирского (Московского) тракта был единственным — через Енисейск. Выплывали из Тобольска в мае такого-то года, приплывали в Красноярск в июне следующего. Сложнейший героический путь по рекам: Иртыш — Обь — Кеть — Енисей и по тайге от Маковского до Енисейского острога. Только великий пассионарный народ с помощью сибирских народов мог совершить такое. Ныне даже одну экспедицию (например, для кино) повторить невозможно!

В первые годы доставлять пополнение Красноярского гарнизона и грузы поручили енисейцам. И они возроптали: мы проделываем труднейший путь от Маковского до Енисейска, после 350 вёрст вверх по реке, на Казачинском пороге грузы переносим на плечах и едва тянем вверх пустые дощаники, да и выше порогов мест тяжёлых полно.

А на Красном Яру служилых больше, чем у нас, хотя ясаку они сдают намного меньше. Енисейский

воевода А. Ошанин вынужден был написать жалобу в Москву. 1629 и 1630 годы были под Красноярском сравнительно мирными, и царское правительство своим решением ликвидировало Красноярский острог. В конце 1630 года 150 служилых из него были переведены в Енисейск. Об этом узнали степняки. В марте 1631 года стало известно о готовящемся походе киргизов до Енисейска, причём осведомители сообщили, что планируется острог захватить, а если не удастся, то сжечь все посевы, подгородные деревни, угнать лошадей и коров.

А в мае по наущению противной стороны остяки из деревни Верхней Подгорной (в 3-х верстах от Енисейска), подняли мятеж, ушли и угнали скот. Только вылазки кузнецких и оставшихся красноярских казаков не позволили киргизам в 1630–1631 годах план осуществить. В январе 1632 года указ о ликвидации Красноярска был отменён, служилых было велено вернуть обратно. И Красноярский острог на 70 лет стал прифронтовым городом.

Известный историк С. В. Бахрушин — автор «настольной книги» красноярских историков и краеведов «Очерки по истории Красноярского уезда в XVII веке» (Научные труды, том IV) писал:

> «Военный форпост Красноярск в течение всего XVII века жил жизнью военного лагеря, всегда под угрозой нападения, всегда под оружием. Из года в год пригородные деревни выжигались „воинскими людьми немирными“, пашни вытаптывались, уездные жители уводились в плен или убивались. Он перенёс несколько осад. Были моменты, когда Красноярску грозила непосредственная опасность, например, в 1653 году во время нашествия Алтын-Ханов; или в 1664 году, когда он был осаждён Сенгентайшой. Условия военного стана среди людей немирных и воинственных соседей наложили своеобразный отпечаток на весь быт Красноярского острога.
>
> Настоящее разбойничье гнездо, живёт он для войны и войною. В атмосфере непрерывного противостояния складываются типичные черты красноярского служилого человека XVII века: склонность к своеволию и буйству, жестокость и падкость до наживы, — и выше всего, — вольнолюбие, дух непокорности и независимости».

Енисейцы и красноярцы, стрельцы и казаки с одних и тех же мест России и Сибири исправно несли нелёгкую службу, будучи в одном лице и воинами, и строителями, и землепашцами, и скотоводами, многие умели охотиться и рыбачить, конечно же, не враждовали. Решение же о том, кто должен грузы из Маковского доставлять на Красный Яр, не раз менялось. Первопроходцы стали ядром сибирского суперэтноса, окончательно сложившегося после второй переселенческой волны 1896–1915 годов.

При ежегодном плавании вверх против течения, при возврате в Енисейск служилые примечали удобные для постоянного жития площадки на енисейских ярах. Как сообщали они в записках: «При отдыхе и ночлегах засеки крепкие засекали, чтобы худые люди не пришли и какого дурна не учинили» — так было везде, от Урала до Тихого океана. Рыли землянки-времянки, избушки ставили, а когда царь в 1634 году разрешил «присевать у Енисея хлеба небольшое место, чтобы было чем прокормиться», русские, в первую очередь дети боярские, атаманы, пятидесятники, десятники, предприимчивые казаки, начали огораживать усадьбы и дома строить вне острогов, определять на постоянное жительство в них своих семейных; сами же продолжали все службы исполнять, наезжая домой по разрешению, когда позволяла обстановка.

Так в XVII веке на берегах Енисея возникли от Красноярска до порога и ниже — от порога до Енисейска, в Красноярском и Енисейском уездах, более полусотни поселений, абсолютное большинство которых сохранились до сих пор.

Виват Вам, отцы-основатели! Ныне идёт волна — отмечают круглые даты (по 300 лет и более) практически по всему речному Красноярью, от Саян до Туруханска. Пусть во многих прибрежных деревнях и сёлах жизнь с начала 90-х годов XX века из-за перестройки замерла, но важна память.

В низовья, до границ Мангазейского уезда

В 1621 году отряд енисейских служилых сплавился вниз по Енисею до устья левого притока Сыма (300 км), где в 1611 году было основано поселение Сымское, казаками, пришедшими из Тобольска по системе Иртыш — Обь — приток её Тым — волок–Сым. Сымчанам было объявлено, что отныне они будут состоять в административном подчинении Енисейскому острогу.

В августе-сентябре енисейцы вернулись домой, привезли ясак. И так каждое лето в XVII–XVIII веках отряды из Енисейского гарнизона уходили в низовья Енисея вплоть до Верхнеимбатского; поднимались вверх по Средней (Подкаменной) Тунгуске, более чем на 300 вёрст, до Вельмо.

Было весьма важно установить границы Енисейского и Мангазейского уездов, потому что, во-первых, некоторые территории оказывались необъясаченными; во-вторых, были случаи, когда, наоборот, с некоторых туземцев ясак требовали дважды, в том числе служилые из далёких острогов (Нарымского, Сургутского), приходившие в низовья Енисея и на Подкаменную Тунгуску незаконно.

Вот один из примеров несогласованности, приведённый в книге А. Бродникова «Енисейский

острог» (стр. 34). В 1624 году варгаганские князья сдали ясак (21 соболь с пупки и с хвосты, да 4 росомахи) сборщикам из Енисейска. В начале 1625 года к ним вновь пришёл отряд казаков под началом атамана Поздея Фирсова, потребовавший пушнину за 1624 год. Тунгусы на казаков напали. В коротком бою тунгусов разбили и взяли нескольких пленников, которые пояснили, что накануне с них взяли ясак (оказалось впоследствии, служивые из Закаменного зимовья Мангазейского уезда).

Лямочники из Кежмы («кежмари») тянут из Енисейска против течения Ангары илимку (такие суда строили в Илиме Иркутской губернии). Фото 20-х годов XX века из семейного архива ангарцев Брюхановых.

К 1630 году границы Мангазейского и Енисейского уездов были определены: к енисейцам отходила территория левого берега Енисея до Верхнеимбатского, где жили в основном остяки, по правому же берегу таёжные места до Подкаменной Тунгуски и по ней до правого притока — речки Вельмо.

Напомню, что кроме сбора ясака, стрельцы и казаки не имели никаких других прав по принуждению, по эксплуатации аборигенов, только товарообмен, без захвата мест кочевий, охоты; браки и крещение по добровольному согласию. При нарушениях, а такие были, виновных наказывали строго, батогами били, жалованья лишали, в кутузки сажали. Оставляя в острожках годовальщиков, остальные служилые возвращались домой, поднимали лодки против течения неделями: по-бурлацки тянули, шли на вёслах и с шестом, при низовках паруса ставили. Тяжёлый труд. Надо было иметь отменное здоровье, терпение, много разных навыков и к гнусу иммунитет.

По Ангаре

Навстречу утренней заре
По Ангаре, по Ангаре…

из песни А. Пахмутовой
и Н. Добронравова

Слава вам, сибирские реки, потоки жизни, вечные труженики! Не было бы вас — не было бы истории Сибири как таковой. Жилища древних людей эпох палеолита и неолита, городища и землянки средних веков — практически все найдены возле вас. Города, деревни и сёла россиян тоже стоят на ваших ярах.

Одна из великих рек Сибири — это ты, Ангара, колыбель многих народов. Всегда могучая и светлая, временами буйная, а в тёплые летние дни — ласковая. Если на пути «из варяг в греки» главным потоком, несущим струги, был Днепр, то путём (долгие годы единственным), связывающим Западную Сибирь с Восточной, а Восточную Сибирь с Дальним Востоком, по сути, далёкую Европу с Зауральской Азией, была Кеть и ты, Ангара! Миллионы тонн рыбы выловили из твоих глубин люди. На своём горбу вынесла ты миллионы кубометров первосортного леса! Четыре плотины связали твои берега, четыре искусственных водохранилища разлились в ложе твоём! Вращаешь ты лопатки у десятков гидротурбин, на те же валы насажены генераторы, и по проводам течёт другая, электрическая река.

До устья Ангары енисейцы поднялись уже в мае 1620 года, и зимой 1620–1621 годов енисейские казаки взяли ясак с тунгусов, живших в низовьях реки. Весной 1621 года отряд в 50 человек отправился вверх по Ангаре. И уже в устье её встретилось препятствие — порог, названный Стрелковским. Известно, что параллельно Енисею от Саян до речки Бахты (100 км ниже Подкаменной Тунгуски) слева тянется более 1000 км кряж. При пересечении его Ангарой недалеко от устья и возник порог.

И всего их до вытекания реки из Байкала насчитывается семь. Большую часть пути по перемещению больших лодок и позже илимок против течения приходилось тащить их полторы тысячи вёрст по-бурлацки, примерно так, как изображено на фото выше. Адский труд неистовых русичей.

Служилые дошли до урочища Кежма, оставили там годовальщиков, успели вернуться домой. На левых (с юга) притоках Ангары располагались владения нескольких улусов во главе с князцами Тареем, Иринеем Улусом, Бореем, Ялымом и др. Все подчинялись заглавному богатому князю Тасею. По мнению этнографов, они были «метисами» при взаимной ассимиляции живущих вместе много веков тунгусов, скифов и остяков.

Тасей как заглавный князь и другие князцы, будем называть их с их подданными одним словом «тасеевцы», первоначально согласились сразу на

союз с русскими на условиях: будут ясак исправно поставлять, но места их кочевий и охоты русские трогать не будут; на Ангаре зимовья ставить по согласованию; пусть местом встреч для сдачи ясака будет одна площадка на берегу, называемая (в переводе) «Рыбной ловлей».

В 1621 году за принятый ясак русские вручили подарки — железо, ножи, посуду, бисер; угостили вином.

В первые 10 лет мир был хрупким. Разные многовековые традиции и привычки разных народов. Разный образ мышления христиан и язычников-идолопоклонников, шаманистов, давали сбой, иногда из-за непонимания, недоразумений и уж тем более из-за нарушения договора «на шерти». При получении ясака в 1622 году на Рыбной ловле служилые подарков не привезли. Тасей посчитал, что русские нарушили договор, так как вручение подарков расценил как товарообмен («бартер») — обычное дело в Сибири между этносами, которые денег не знали. И в 1622–1627 годах тасеевцы ясак не платили. Обида переросла после постановки нескольких новых (нужных, конечно) зимовий и по другим причинам. Не раз возникали стычки с потерями людей с обеих сторон.

«В 1623 году, — пишет в книге „Енисейский острог“ А. Бродников, — ссыльный литвин Я. Плешевский с отрядом в 50 человек прошёл вверх по Ангаре и взял ясак с новых „землиц“, с тунгусских дальних аплинских князцов». На следующий год сын боярский Андрей Дубенский и атаман Василий Тюменец повторили этот успех и дошли до «Шаманской земли» — до переката, который не одолели. И в последующие два года пройти через Шаманский не удалось. Особенность его в том, что весной при большой воде он просто неистов, а осенью быстр и мелок для дощаников.

В отписке («отчёте») о плавании в 1626 году атаман Максим Перфильев писал: «Порог добре велик и место тесно, и подняться по порогу было немочно, люди с нами были невеликие (то есть мало людей. — *В. А.*), и вода на пороге была мелка».

В следующем 1627 году М. Перфильев с отрядом вновь дошли до Шаманского порога. Обложили данью землицы выше владений князя Тасея. Да прибыли с верховьев Ангары «брацкие люди» с ясаком. Всего было приобретено 428 (!) соболей. Однако отряд вновь не смог через порог подняться. М. Перфильев распорядился срубить ниже острожек и оставил в нём годовальщиков. Лишь в 1629 году, когда годовальщики укрепили вороты (лебёдки), удалось Шаманский порог преодолеть.

И более ста лет через него с переносом грузов, с потерями вынуждены были идти отряды освоителей Сибири, чтобы расширять и осваивать пределы Российской империи.

В 1717 году по пути енисейцев, через Тобольск прибыли в острог по разрешению Петра I путешественники из Германии. Они по Ангаре поднялись до Байкала, выходили на Амур, вернулись обратно в 1719 году, а в 1722 в Нюрнберге вышел многотомный труд под длинным названием в 50 слов «Наиновейшее государство Сибири…». Приведу оттуда выписку:

> «На Ангаре пятый водопад самый опасный: при высокой воде всё же можно рискнуть проехать по нему, что мы и сделали. Помогли, вращая вороты, дежурившие здесь солдаты. Перекат называется Шаманским или Долиной Колдуна, так как в этой местности жил знаменитый шаман, или тунгусский жрец дьявола. Этот водопад длиной в половину мили. Берега усажены высокими утёсами, и всё дно каменистое. Ужасно смотреть на него. Производит он большой и страшный шум, так что быстрый бег по отчасти скрытым, отчасти выступающим над водой участкам можно услышать на расстоянии трёх немецких миль. Купцы, поднимаясь вверх, проводят здесь часто 5, 6, а то и 7 дней, чтобы поднять на воротах разгрузочные суда. При этом корабль плотно заколачивают, чтобы бешеная вода не могла попасть внутрь. Грузы переносят за порог на плечах нанятые местные жители. Вниз по течению лодки проходят перекат за 12 минут. Сотни поставленных крестов являются знаком, что много здесь потоплено и погублено людей».

И до самого момента, когда перекат накрыли воды Усть-Илимского водохранилища он «собирал дань» с плывущих на простых и моторных лодках россиян.

На Лену-реку и на оконечность Евразии

Тунгусам были известны два волока из бассейна Енисея в бассейн Лены:

- вверх по Нижней Тунгуске до её притока речки Тебеи, из неё волоком до реки Чоны — притока Вилюя;
- вверх по Ангаре до Илима, из него волоком на приток верхней Лены.

Вилюйским волоком русские служивые ходили из Мангазеи и Туруханска начиная с 1610 года (широко известен поход некого Панды), но путь тот был весьма труден и затратен, длился два сезона. А вот Илимский (вскоре его назвали Ленским) волок начиная с 1628 года использовался три века, ездили по этой дороге и зимой. Конечно, путь туда проходил через Енисейск. Енисейские казаки сначала поставили на Лене зимовья, в 1632 году заложили Якутский острог.

Экспедиции енисейцев — администраторов, промышленников, охотников, сборщиков ясака шли всё дальше и дальше на Камчатку, Индигирку, Колыму, Анадырь, спускались до Полунощных

морей Северного Ледовитого океана. Роль Енисейска — форпоста на путях до Тихого океана огромна. Из него выходили первопроходцы Е. Хабаров, В. Атласов, В. Поярков, Н. Бегичев, братья Лаптевы, С. Дежнёв, С. Крашенинников, В. Беринг, члены двух Камчатских экспедиций.

К «брацким» людям (к бурятам) в Забайкалье

По Ангаре, южнее эвенков, вокруг Байкала и по дорогам на Запад вплоть до Тюлькиной землицы жили буряты — «брацкие» люди, буддисты. Их взаимоотношения с русскими были непростыми. Хотя они и подходили с востока к Красноярскому острогу, бывало, угоняли скот, но до военного противостояния дело доходило редко. Когда казаки под началом атаманов М. Кольцова и Е. Тюменцева в 1634 года зимой на лыжах, таща нарты, пошли на восток, то буряты перед их появлением покидали свои места обитания. Потому удалось поставить два острога — Канский и Покровский (Нижнеудинский), оставив в них годовальщиков. Однако, как опасность миновала, буряты осадили остроги. И так продолжалось несколько раз, вплоть до сжигания первого Канского острога.

На Ангаре же буряты надеялись, что договоры 1627–1629 годов, по которым они платили ясак, остановят русских в их продвижении на юг до Байкал-моря. Но русские продвигались всё дальше: и с севера (по Ангаре, преодолевая Шаманский порог — енисейцы) и с запада — красноярцы. Были возведены остроги: Усть-Илимский, Братский, Балаганский, Иркутский.

Уже в 1666 Иркутск получил статус российского города.

В конце 30-х годов XVII века отряды разведчиков из Енисейска и Якутска подтвердили, что, во-первых, за Байкалом на восток течёт великая река Амур; что, во-вторых, на его правом берегу живёт древняя мощная цивилизация (маньчжуры, китайцы), о которой европейцы, конечно, знали; и в-третьих, на левобережье Амура простираются огромные степи, довольно тепло, земли и леса богаты. Естественно, и правительство России, и Сибирскую администрацию обуяла идея присоединить Забайкалье и Приамурье к России. У этого великого проекта, осуществлённого только к концу XIX столетия, своя большая история. Не будем её касаться.

Нас в свете 400-летия Енисейска интересует один вопрос, что именно из Енисейска и началась «дальневосточная эпопея» по маршруту Енисейск — Ангара — Байкал — Селенга — волок на Шилку — с неё по Амуру. К Енисейскому уезду временно были приписаны далёкие провинции Селенгинская и Забайкальская. Известный первопроходец Ерофей Хабаров с разрешения воевод именно в Енисейском уезде набирал дважды свои, основанные на казачьих принципах ватаги из служилых и вольных людей.

Енисейский уезд (район)

Свою историю в Зауралье имеет административное деление. В XVII — начале XX веков в Сибири самыми крупными единицами были наместничества и губернии, они состояли из уездов, округов и провинций, те, в свою очередь, из присудов и волостей. Организующую, собирательную и общинную роль играли церковные приходы (от нескольких сотен до 2000 прихожан из ближайших сёл и деревень).

Территория бассейна Енисея (Енисейский регион) в XVII веке делилась на три уезда: Мангазейский, Енисейский и Красноярский — и на два округа — Ачинский и Канский.

Енисейский уезд начал формироваться одновременно со строительством Енисейского острога, к нему сразу же были приписаны десять волостей с численностью коренного населения 350–400 человек, 85 ясачных семей, в основном кетов и остяков, живущих на левобережье Енисея по Кети, Кеми, Касу. Из русских поселений был только Маковский острог. По мере продвижения енисейцев во все стороны территория прирастала год за годом:

- на север по Енисею вплоть до Верхнеимбатского и по Подкаменной Тунгуске;
- на восток и юго-восток по Ангаре уже в 1624 году в её среднем течении появились ещё три волости, в том числе Асанская, населённая асанами и котами;
- на юге в 1628 году возникли Красноярский острог и Красноярский уезд — бывшая Тюлькина землица, в ней жили не менее 1000 человек аринцев, кетов, котов, асанов, ясов (ястынцев). Во второй половине XVII века исключительно по берегам Енисея между Енисейском и Красноярском появилось более полусотни русских поселений (по переписи 1671 года, в них жили более 300 граждан России мужского пола). Граница уездов проходила по Казачинским порогам на юге от Енисейска;
- на западе в состав уезда вошли Пировщина вплоть до Чулыма и земли по рекам Кеть, Кас, Кемь.

Весьма показателен в историческом и в этнографическом плане факт быстрого роста русских поселений, освоение угодий под пашни и сенокосы, формирование уклада и системы жизни на основе триады: община — род — патриархальная семья. Интереснейшие данные по Енисейскому уезду приводит в Приложении А. Бродников в книге

«Енисейский острог» (Енисейск в XVII веке): по данным писцовых книг Енисейского острога, составленных томским сыном боярским П. Сабанским, в 1639 году енисейцы распахивали 300 десятин пашни, имели 205 лошадей. Примечательно, что 76 из них жили в Енисейске (с/х занимались 30 хозяев из служивых, от сотников и атаманов до рядовых казаков и стрельцов; 16 посадских). 75 человек указаны как пашенные крестьяне Верхне-Подгородней деревни. Но к тому времени в Енисейском уезде было ещё не менее полсотни поселений (по берегам Енисея, Кети, Кеми, Каса, Пита, Сыма, Белой), вокруг которых были введены в оборот пашни и угодья.

В вопросе освоения новых земель важны ещё несколько факторов.

- Свои усадьбы, свои дворы, хозяйства имели граждане разных сословий: военные, администраторы, монахи, казаки, крестьяне, кустари, ссыльные, даже гулящих людей «садили на землю». Причём горожане, жители острогов несли службы и занимались в основном другими важными делами. При необходимости не раз в сословие служивых и казаков возводились посадские люди и крестьяне.
- В книгах, составленных П. Сабанским, перечислены имена и фамилии владельцев лошадей и пахотных участков русских людей. Рядом стояли улусы кето-остяцких этносов.
- В плане частной, личной собственности существовало явное большое неравенство. Воеводы, сотники, атаманы, подьячие, дети боярские получали государево жалованье намного больше, чем рядовые служилые, да к тому же им постоянно приносили подарки (мзду) как свои, так и ясачные люди. Не гнушались люди власти и присвоением общих богатств. То же и в сельском хозяйстве. Если все (!) пашенные крестьяне имели по 1–2 лошади, распахивали минимум одну десятину и максимум 3, то атаман Иван Галкин—30 десятин, сын боярский Пётр Бекетов—15 десятин, Максим Перфильев—15 десятин. Неравенство вызывало протесты. Известен Енисейский бунт 1624 года.

Красноярские казаки летом 1627 года во время следования из Тобольска в Енисейск, на Кети встретили и ограбили возвращающегося в Москву бывшего енисейского воеводу А. Ошанина. В 1630 году они избили и утопили в Енисее своего атамана И. Кольцова за то, что он, по их мнению, был виновен в недопоставке в Красноярск хлеба.

Но в отличие от Европейской России, массовых восстаний, бунтов, ни со стороны стрельцов, казаков, ни со стороны пашенных крестьян с начала XVII—до середины XIX века не было. И причины тому в особенностях сибирской жизни. За что боролись казаки и крестьяне под началом Болотникова, Разина, Пугачёва? «За землю, за волю, за лучшую долю», понимая под ней справедливость, равенство, отсутствие эксплуатации, притеснений, крепостничества. В Сибири для всех было достаточно земли и свободы (без помещиков). Сдерживающими факторами являлись совместные походы: воевода ты, сотник или бывший смерд на службе, тебя одинаково жрёт гнус, неделя за неделей тянется время, в нескольких местах надо идти пешим, греться у костра. Вот как талантливо, правдиво, хотя и цветисто писал об этом Вс. Н. Иванов в своей замечательной книге «Чёрные люди».

> «Плывёт в своих стругах боярин, князь имярек на воеводство по сибирским рекам—на Енисей или Лену-реку, на Байкал-море. Стрельцы, ратные люди его на отдыхе песни играют, а у него сердце жмёт. Тепло было князю-боярину у царского верху, а теперь шлёт его царь: пойди-ка в Сибирь, послужи верную службу. И сиди в сибирской дыре, в дальнем остроге два или три года, жди, пока Москва смену пошлёт. Изба простая, рубленая, тесно, корма скудные, доходы малые, народ буйный, вольный, того гляди помрёшь, либо тебя худой мужичонка в бунте убьёт топором до смерти. Вот она царская-то служба. А в Москву приедешь—того гляди за такую службу под кнут, а то и под топор попадёшь».

Это в общем, описательном плане. Конкретно же большинство военных и административных руководителей в Сибири честно исполняли свой долг во имя Отечества своего. Их имена наряду с казаками должны прозвучать в четырёхсотлетие села Маковского Енисейского уезда (района) и города Енисейска.

Управлять столь гигантской территорией площадью до одного миллиона квадратных километров было весьма непросто. Царское правительство провело ряд административно-территориальных реформ.

В 1773 году возникли Иркутская губерния (к ней отошли верховья Ангары) и Туруханский край, входивший в состав Енисейского округа. Площадь уезда сократилась.

При советской власти в 1924 году была проведена реформа, перекроившая карту Сибири. Вместо губерний от Урала до Енисея возник Сибирский край с центром в Новосибирске. В него входили округа бассейна Енисея Таймырский, Эвенкийский и Красноярский.

Вместо уездов и волостей появились новые административные единицы—районы, в том числе в бывшем Енисейском уезде: по Ангаре—Кежемский, Богучанский, Мотыгинский; на Западе—

Пировский и Большеулуйский, по Енисею севернее — Ярцевский (существовал недолго), южнее — Казачинский. В 1930 году территория бассейна Енисея вошла в состав Восточно-Сибирского края с центром в городе Иркутске. В 1932 году из Енисейского выделился Северо-Енисейский район. Даже при таком урезании площадь Енисейского района в крае является ныне четвёртой после Эвенкийского, Таймырского округов и Туруханского района — 107 000 кв. км, соизмеримая с Португалией, в 1,65 раза больше Латвии.

Сибирский (Московский) и Енисейский тракты

Постоянной и до конца не решённой (в основном из-за природных условий) проблемой в Зауралье является вопрос о речных, морских (по Ледовитому океану), сухопутных путях (дороги, тракты, шоссе федерального и местного значений). Кажется невероятным, вызывает удивление и восторг переселение с конца XVI до середины XVIII века сотен тысяч россиян из Центральных и Северных губерний России за Урал, до Тихого океана. Летом плыли исключительно по рекам, преодолевая волоки. Зимой же ездили в санях, запряжённых лошадьми, на нартах с оленьими и с собачьими упряжками. Только великий народ на стадии пассионарности мог такое совершить.

Сеть дорог между острогами, сёлами, деревнями, зимовьями постоянно расширялась, опутывая громадные территории. Всё сильнее ощущалась необходимость в строительстве от «Москвы до самых до окраин» становых и побочных трактов.

Этот вопрос перед царём и правительством ставили исследователи Сибири Стреленберг, академик Г. Ф. Миллер и П. С. Паллас, участники первой (1725–1729) и второй (1733–1737) Камчатских экспедиций.

Царица Анна Иоанновна в 1735 году издала указ о строительстве Сибирского (Московского) тракта до Иркутска и назначила руководителем проекта В. Беринга. Он развернул работы с размахом: тракт начали отсыпать сразу по всей трассе, от острогов и больших поселений в обе стороны, на запад и восток, с установкой верстовых столбов. Через каждые 40–50 вёрст создавались «станки» для обслуживания. На них селили («садили») большими семьями крестьян из окрестных сёл и деревень. Все участки сомкнули в 1760 году уже при Елизавете Петровне. С той поры Московский тракт играет стратегическую роль. По обе стороны его появились другие тракты, шоссе, дороги. От каждого станка осуществлялась ямщицкая гоньба по доставке почты.

С 1740 года власти Красноярского и Енисейского острогов решили начать формирование дороги между двумя центрами региона. В официальных документах она называлась Енисейской окружной дорогой (длина 316 вёрст, или 337 километров) и была построена к 1750 году. На ней появилось 13 станков: первый Старцевский (в 18 верстах от здания почты в Красноярске), второй — Шилинский (62 версты, 1747 г.), за ним Бартатский и т. д. Енисейским трактом дорогу стали называть в 1917 году.

С 1760 года отпала необходимость в доставке грузов только по рекам из центра через Западную Сибирь на Енисей и далее до Байкала и Якутска. Енисейск потерял стратегическую роль, но ещё полтора века оставался приличным купеческим городом, в котором проводились ежегодно ярмарки.

О состоянии Енисейской дороги (тракта) можно судить по «красочному» описанию знаменитого норвежского путешественника — исследователя Севера Фритьофа Нансена. В 1913 году он на пароходе «Омуль» поднялся от устья Енисея до Енисейска. Свой путь, с приложением фотографий, Нансен описал в интереснейшей книге «В страну будущего».

Ф. Нансен торопился. Он пишет:

> «В Енисейске парохода ждать не стал, срочно выехал в Красноярск по тракту. Мы ехали без остановки день и ночь до самого Красноярска, останавливались лишь на 13 станциях, где меняли лошадей. Ямщик без устали погоняет лошадей, а ты сидишь и подпрыгиваешь так, что кажется, из тебя всю душу вытрясают. Вспомнив, что таким образом предстоит проехать 330 вёрст, я начал сомневаться, что доеду целым и невредимым. Дорогу размыло дождями (начался сентябрь. — *В. А.*), колёса глубоко уходили в мягкую землю, проваливались в ямы и рытвины. Тарантас был безрессорный и чрезвычайно тряский, я невольно опасался за целость своих ног, рук и зубов».

За Енисейским трактом, конечно, следили, на отдельных участках насыпали гравий. Но при резком континентальном климате в условиях мягких почв Красноярской лесостепи он с конца марта до снежного покрова в ноябре-декабре находился в неважном состоянии.

Только в 1965–1975 годах произошла капитальная реконструкция тракта: новое полотно с асфальтовым покрытием прошло в стороне от сёл и деревень со всеми полагающимися атрибутами и службами.

В августе 2011 года стою на тракте у стелы «Сухобузимский район», считаю разновидности транспорта на колёсах: «Жигули» — раз, автобус «ЛиАЗ» — два, самосвал — три и т. д. Довольно быстро счёт перевалил за сотню.

200 лет назад на телегах, одрах и зимой в санях ехали крестьяне на базар, а рекруты на службу. А в кибитках, бричках и крытых тарантасах — дворяне, купцы, чиновники из богатых. В 2011 году в автобусах и отечественных машинах спешили студенты, рабочие, госслужащие, пенсионеры.

В «Митцубиси», «Хондах» и прочих дорогих иномарках — владельцы компаний, торговых предприятий, бизнесмены средней руки и выше.

Миграционная волна север — юг

В начале XVIII века большую часть киргизов джунгары («чёрные» калмыки) увели через Горный Алтай в Среднюю Азию и в Прикаспий, где потомки тех и других живут до сих пор.

На юге региона по Чулыму и Июсам освободились богатые угодья, куда, естественно, устремились предприимчивые жители Красноярского и Енисейского уездов. Переместились туда из бывшей Тюлькиной землицы и аринцы, кеты, ястынцы, образовав при слиянии с оставшимися киргизами хакасский этнос.

Исполняя договоры «на шерти», русские в XVII веке 80 лет строили поселения между Красноярском и Енисейском почти исключительно по берегам Енисея.

И вот появилась возможность осваивать для ведения сельского хозяйства земли Красноярской лесостепи в долинах притоков Енисея: Подъёмной, Бузима, Качи, Кантата, Есауловки. Их заселили в основном крестьяне Енисейского уезда, где условия для выращивания зерна были намного хуже. Переселение резко усилилось после строительства Московского и Енисейского трактов. Этот масштабный процесс известный учёный-историк В. Ф. Быконя назвал «миграционной волной север — юг». Но волна-то была не стихийной. Автор, изучая документы присудов, Сухобузимской и Нахвальской волостей, «Метрические книги» XVIII века Енисейской епархии, убедился (это и В. Ф. Быконя утверждал), что общины енисейских поселений посылали сначала выборных лиц для определения места. Потом ехали одновременно десятки больших семей и умельцы ставили сразу десятки домов. Роды первожителей сохранились до сих пор.

МОСТЫ НАД ОБЛАКАМИ

Поэты Крыма

Лариса Афанасьева

Сбежала осень

• • •

Над городом дымящийся закат —
Жгут мусор по привычке старики,
А листья глупые, как мотыльки:
Не от костра — они к огню летят.

Одна — ещё из пушкинских времён —
Акация оранжево-лимонна,
Но пышная уже редеет крона
Над скопищем домишек и племён.

• • •

Как слёзы осени печальны,
И безнадёжны, и прощальны,
И застывают на лету.
Как быстро гаснет этот вечер,
И тополей чернеют свечи,
И звёзды рвутся в высоту.

• • •

По Белогорску снег с дождём
Гуляет шало,
Слепые листья за окном
Кружат устало.

Печален крыльев рыжий взмах
Над речкой стылой.
Сбежала осень впопыхах,
Меня забыла.

Платок с багряною каймой
На плечи бросив,
Ночной дорогой полевой
Сбежала осень.

Игорь Тюленев

Лёд недолгий

Внук

Прильнёт к фотографии детской моей
Мой внук, словно он—это я!
О, как мы похожи по крови своей—
Мы всё же одна с ним родня!

Вечерняя мне остаётся заря!
Ему над рекою—рассвет!
Я знаю, что жизнь свою прожил не зря,
Как русский, советский поэт!

Никто мне поэтом быть не разрешал.
Бранили мой искренний стих—
Баркова с Державиным перемешал
Мол, я в сочиненьях своих.
Опять о себе, а мой внук на коне
Собрался по лугу скакать!
Пегас оставляет следы на траве
И мне его не обогнать.

• • •

Снег в полях растаял
Кто бы это знал?
На железке старой
Укатил вокзал.

Скверная погода
Ходит в неглиже.
Посреди народа
Муторно душе.

В промельк вслед за солнцем
Выглянет весна!
Словно из оконца
Бабушка моя.

Потчует прохожих,
Воровских людей.
Кто до дней тех дожил—
Согласится с ней.

Мужики и волки
Растопили стынь,
Русские наколки
Улетели в синь.

Когда тебе за шестьдесят

Когда тебе за шестьдесят,
Захочешь—не рванёшь назад,
Сшибая сверстников со сцены,
Но отделивший «ты» от «я»,
Выносишь тайну бытия,
Как гладиатора с арены.

Согласен, нужно долго жить,
Чтоб на земле всё искупить,
Что не вмещается на небе.
Любовь, предательство, обман,
И мимолётной девы стан,
И яд льстецов, и лесть плебеев.

Когда тебе за шестьдесят,
Уже нельзя ломать уклад,
Всё крутится, как по спирали,
Хотя не знаешь, вверх иль вниз?
И ловишь взгляд из-за кулис,
Того, кого сюда не звали.

Я самых близких гнобил сам,
Душе и сердцу—стыд и срам,
Но матушка меня любила!
Хотя и мало пожила—
Мне свои годы отдала,
Не выдумал я—так всё было!

Скрипит на мой чердак ступень,
И Переделкино, и Пермь.
И Курская дуга под носом?
Лязг гусениц гремит в душе!
И вдруг улыбка до ушей—
То внук пристал к тебе с допросом…

И забываешь про стихи.
И забываешь про грехи.
Слова мальчишки бьют шрапнелью!
Когда тебе за шестьдесят?
(на печках дедушки лежат),
А ты бежишь за карамелью…

Я услышал

Я услышал, что где-то кричали…
Это птицы тревожат страну!
Даже те, кто в конце и в начале
Вместе ждут, как Мессию,—Весну!

Я не допил вино из стакана.
Бросил в двери в зазубринах нож!
Эти птицы летят с Индостана,
А вожак на индуса похож.

Птицы ищут забытые зёрна,
Что зима сохранила в снегах…
Пусть Вселенная иллюзорна,
Но Отчизна стоит на крестах!

Я вполглаза смотрю и вполуха,
Слышу внутренний голос толпы,
Как мираж брезжит Индия Духа
Вдоль великой Уральской гряды.

Лёд недолгий

Лёд последний, лёд недолгий
Мимо берега плывёт!
То не Кама, и не Волга,
И не белый пароход.

Под ногой шуршанье гальки
Не сравню с пригоршней звёзд.
Там другие ёлки-палки,
Скорость и вселенский рост!

Выдох прогибает воздух,
Но на место ставит вдох!
Полсекунды будет роздых—
Не застанут нас врасплох!

Лёд последний, лёд недолгий
По небу уже плывёт.
Это Кама! Это Волга!
Это белый пароход!

Керченский мост

Здесь море нездешнею силой
Опоры вжимает в пески.
На этих железах Россия
Стоит широко по-мужски!

А мы же глаголы швыряем,
Как глыбы под будущий мост!
Чтоб Русское море под нами
Навеки с Россией срослось.

Ты видишь, как строят дорогу?
Где рельсы и мысли впритык!
Оттуда возносится к Богу,
В зазубринах русский язык.

Колыбельная

Спи, малышка, сладко-сладко,
Золотая зорька, спи.
Солнце спит в своей кроватке
Спят ветра вперегонки.

Спи, моя звезда рассвета,
Засыпай, моё дитя.
Словно новая планета
В чистых небесах Христа!

Я дождусь восхода солнца,
Спи, малютка, баю-бай.
Пусть летит в твоё оконце
Белый пух от райских стай.

Сергей Хомутов

В эпоху распродаж

● ● ●

И по случаю, и по судьбе,
Что давала подумать о многом,—
Кроме разных пригретых купе,
Были тамбуры с ветром и смогом.

Там курили, глотали пивко
Мужики в ожиданье стоянки,
Не однажды и ты нелегко
В них дышал и считал полустанки.

Тамбур, мгла… и внезапно, слепя,
Из листвы или зимней метели
Пролетали огни сквозь тебя,
Сквозь тебя, словно звёзды, летели.

● ● ●

Летописцы времён—могильщики
Шлют посланья свои грядущему,
И копальщики, и долбильщики
Приближают беспечных к сущему.

По закону, а не по случаю
Августовскую иль январскую—
То ли к худшему, то ли к лучшему—
С ними волю ты примешь царскую.

Всё не вечно—любовь и силушка,
И парение, и горение.
…О, кладбищенская Россиюшка—
Прямо пушкинское творение.

● ● ●

Как от болезненной напасти,
Сошедшей к жалким телесам,
Избави бог, от поздней страсти,
Которой не желал бы сам.

Когда все прихоти убоги
И все прелюдии смешны,
И эти жалкие уроки
Неведомо зачем даны.

В былое не откроешь двери,—
Пора признаться в том себе:
Не Моцарт, даже не Сальери,
Ты—нищий музыкант в толпе.

Итог

Церкви рушили, усадебки жгли,
Каясь, лбы перед иконами били,—
Неужели мы и вправду пришли
В те края, что нам завещаны были?

Пили в праздности, а пели с тоски,
Спины гнули до скончания века…
Бабы русские, братки-мужики
Запыхались от неровного бега.

…Вот присядем, а о чём говорить,—
Всё уже перемололи с тобою,
Что способны мы ещё сотворить?..
Жизнь былая, как дымок над трубою.

Ну казалось бы, я должен быть рад—
Сыт, одет, никто не лезет мне в душу,
Но другой войны безногий солдат
Возле рынка распевает «Катюшу».

В банку падают копейки, рубли,
До чего же это нынче не ново.
Неужели мы и вправду пришли?
Ох, какое невесёлое слово.

В начале девяностых

Не из мифических пиал
Алкали мы с остервененьем,—
Я вспоминаю спирт «Royal»,
И с грустью, и с недоуменьем.

Чем только ни травили нас—
Тела и жертвенные души…
Но всё же Бог в те годы спас,
Шестую часть тревожной суши.

Давно уже «Royal» не пьют,
Но глушат водку и «аптеку»,
Чтоб как-то скрасить неуют,
В котором страшно человеку.

Но память нашу не затмил
Хмель, что и нынче так реален,—
С «Royala» грянул «новый мир»,
Не перепутайте с роялем.

● ● ●

Словно кто-то качает в тревожном сознанье весы
И не может никак в равновесие гирьки поставить,—
В дополненье к ночным,
и рассветных бессонниц часы…
Возвращается прошлое, воспоминаньями давит.

Не пойму, для чего мне пытать понапрасну себя—
Глупо сопоставлять
безответное старое с новым,
Край холодной подушки горячей рукой теребя,
Понимая,—ничто не изменишь ты в мире суровом.

Сколько было всего наяву, и как будто в бреду:
Безотчётных порывов моих,
беспредельных заносов…
Думал я, что с годами всё больше ответов найду,
Только, наоборот, оказалось—всё больше вопросов.

● ● ●

Что Шуман или Брамс в понурой жизни этой—
Провинции, тебе отпущенной судьбой?..
Но музыка всегда была особой метой,—
Она рождала скорбь, она звала на бой.

Из детских наших лет запомнились шальные
Слова из песен тех, народных и родных,
Что по сердцам несли гармошки заводные,
Развеивая жар с мехов своих цветных.

Мы после доросли до многих обретений,
Изысканных высот, но главное—в другом:
Из тех далёких лет, душевных побуждений
Мы вынесли любовь, что берегла наш дом.

Сегодня там и тут иные разговоры,
Корыстная волна гуляет по стране…
Но вспомнится: «Когда б имел златые горы…»—
И станет мне светло, и станет горько мне.

Дорожная любовь

На полке тесной, в поезде ночном,
Чем это было,—
бредом или сном.
Нет, всё же—явь: дешёвое вино,
Два жадных тела, слитые в одно,
И за окном луна,
как странный знак…
А после пробужденье, полумрак,
Перрона предрассветный перевал.
…И муж её при встрече целовал.

● ● ●

Не ясно почему и для чего,
Как раньше говорили,
«с молотка»,
Распродают остатки моего,
Уютного родного городка.
Заводы все распроданы почти,
Земля
в любимых с детства уголках,
И ничего, пожалуй, не спасти
От этой одержимости никак.
Историю, культуру, красоту,—
Что множиться
и полниться должно,—
Уже переступают за черту,
Где торговать преступно и грешно.
И, ублажив свой
непотребный раж,
Одну, как поминальную свечу,
Непроданной в эпоху распродаж
Пожарную оставят каланчу.

● ● ●

Ошибка экипажа…
Вывод после катастрофы

В событиях затёртых,
Как старое кино,—
Во всём вините мёртвых,
Им, в общем, всё равно.
Другим грозит решётка,
Земной недобрый суд,
А их до околотка
Теперь не поведут.
И не предъявят иски
За скорбное родство,
У мёртвых нет прописки,
Нет вовсе ничего.
Сгорели, утонули,
Растаяли во мгле,
Но, может, присягнули
Уже не на земле.
И вот, когда сойдёте
В мир таинств теневых,
Что, встретившись, прочтёте
В печальных душах их?
Ну а покуда длите
Безбожные часы,—
На мёртвых всё валите,
Живые мертвецы.

Юрий Годованец

Сеть свободы

В унисон с тайной

Обычно «тайные чернила» применяют для того, чтобы сначала скрыть смысл написанного, а затем засветить его нередко превентивное, а то и примитивное значение. Поэт Юрий Годованец выполняет иную сверхзадачу — он применяет «тайные чернила» в намерении передать тайну бытия. И, конечно же, осознаёт высокое напряжение этого намерения:

Какие перегрузки колоссальные!
И вдруг, косноязычью вопреки,
Рой шаровой берёт в одно касание —
И голову, и сердце, и грехи.

И, поскольку в лучших своих проявлениях Годованец работает исключительно с тайной, с годами он обрёл подзабытый вид зрения — дальнозоркость третьего глаза.

Поэт становится своего рода Смотрителем. Понятно, что это слово отсылает к реальной должности, когда (редчайшая биографическая подробность!) автор был смотрителем гробницы Патриарха Никона. Однако и подчёркивает главную составляющую Годованца — *смотреть*. Смотреть за собранием вещей, событий и отношений. Но в особенности — за проявлением Тайного:

Давал — подсматривать Другому
И сам подсматривал — за Ним.

В стихах Юрия Годованца, как правило, немного слов. А в последнее время, предшествовавшее его шестидесятилетию, он и вовсе умещает мысль и чувство в пределах восьмистишия, а то и четверостишия в попытке пройти узкими вратами «иконного воздействия». Кстати, его юбилейный трёхтомник так и называется — «Немного слов». Но при этом...

Прочитав, к примеру, одну из книг Годованца, дочь всем известного классика Патимат Гамзатова позвонила автору и сказала: «Я поняла, что это большое сложное симфоническое произведение!»

Патимат вольно или невольно выявила ещё одно свойство творений моего друга: их симфонизм. Потому что Юрий Годованец — поэт-оркестр. Конечно, нам хочется, чтобы иногда звучал какой-то один инструмент — скрипка, саксофон, рояль... Но Годованцу, профессионально занимающемуся музейными ценностями, более, чем кому-либо, ведомо:

...когда сама земля взыграла:
о русская культура, мы —
как рама старого рояля,
распотрошённая детьми!

Вот он и призван восстановить-реставрировать в каждом из своих «тесных» стихотворений сразу множество музыкальных инструментов. Звучащих в унисон с Тайной.

Юрий Беликов

Весенние сквозняки

Вдруг зачем-то вспомнил резко —
Сердцем, а не головой:
Так — висела занавеска
На верёвке бельевой;

Колыхались стены улья,
Реагируя на дверь:
Так — вокруг стояли стулья;
Где стоят они теперь?

Можно лишь гадать по птицам
И молиться — на авось...
Но за этим сизым ситцем
Солнце жизни родилось.

* * *

Плещутся на пике,
Сам не знаю, где
Огненные блики —
В розовой воде...

Но спадает пена
Прямо за края:
Гаснет постепенно
Острая струя.

В точку мрак огромный
Сходится и — нет!
Остаётся ровный
Полнокровный свет.

Протокольная запись

Видел я необъятное сонмище,
что вращалось, огромный бутон,
раскрывающий лопасти поприща—
и не спрашивал, чей это сон.

Мне пророчески небо ответило,
тембр молчания трудно забыть:
если это предсказано не было,
то возможно ли этому быть?

Воздыханное эхо

Где-то мчится невидимый поезд
тишины под московской землёй;
о душе не своей беспокоясь,
он в тоннеле питается мглой.

Набирает высокую скорость
или быстро во тьме тормозит;
лишь хватается корпус за корпус
и скрежещет живой керамзит…

Сам попал в основание бездны;
так и мы, бестолковый народ,
попадём в подземельях небесных—
в человеческий водоворот.

Возвращение отшельника

Едет ночь на лимонных колёсах
в колеснице из тысячи солнц.
Я сегодня, наверно, философ,
вижу: всё с красоты началось!

Буквы красные Божьего слова—
книги Библии, космос и мы.
Каждый день повторяется снова
сотворение света и тьмы.

Страх проходит по нервам и венам,
наполняется плоти ушат,
и с ликующим благоговеньем
в сердце певчие струны дрожат.

Встречная трансляция

Тонкая окутала прохлада,
грозовой сгущается режим…

Никуда мы за пределы клада
больше от себя не убежим.

Сумма ожерелий и браслетов,
затаённых бронзовых примет…

И никто не знает, клад ли это
или ранний отвердевший свет.

Лишь недавно распускались почки,
а уже под ключ возведено—

кровь Христова в пишевой цепочке—
огненное главное звено.

Навеянные глаголы

Дух в пространстве движется спонтанно
И во времени—являет милость вдруг.

Что Он хочет—не секрет, а тайна—
На земной заброшенная круг!

Между обретеньем и потерей
Не прошло и пары сущих фраз…

Боже мой, когда же будет первый—
Образ жизни—в следующий раз?

На заданную тему

Бессмертный не имеет виду,
А смертный свой имеет вид…
Я складываю пирамиду
И разбиваю о гранит!

Но иногда, на дне гранита,
Граница новая звенит:
Тьма с именем—не знаменита,
Свет—безымянный—знаменит.

Воскресёнки

Я в своей юдоли тихой
снова будто молодой,
оцарапан облепихой,
розой, сливой и мечтой.
Царством Слова оцарапан,
до корней шипят шипы;
хлопает сердечный клапан
настежь ставнями избы.
Ставка крови стала ставкой,
неподъёмной как валун…
Пусть лежит колун под лавкой
ещё много-много лун.

Субботние заботы

Я долго гнал порожняки—
из бездны в пустоту…
Но было сказано: Не лги!—
про эту и про ту.

Быстрее света дал ответ—
с кем смертные на Ты.
И бездны никакой ведь нет,
как нет и пустоты.

На музейной земле

И опыт пыток есть,
и над застенком—своды,
где в сумраке царит
каштанов майский цвет
и на самих себя
мы ловим сеть свободы,
ведь никаких сетей
тесней свободы нет.

Трудная молитва

Господь, легко Закон тебе вершить,
Возлюбленных созданий не жалея!

А мне не удаётся согрешить,
Знать, каяться в грехах—всё тяжелее…

Души не чая…

Зияет открытая рана,
Распахнута Голубем вновь.
Дана мне и. о. Иордана—
Твоя отворённая кровь!

Дана от звезды до изнанок—
Сиянья зеркальная грань.
Наверно, я ранний подранок,
Наполненный Господом всклянь…

Взрослая считалка

Как мне нравится—как есть,
даже то, чего и нет,
и бесчестие, и честь—
всех возможностей букет!
Жар—оттуда и туда,
сверху вниз и снизу вверх!
Час последнего суда—
входит в двадцать первый век.

Немые письмена

Звал—и эхо прозевал,
слух дождя прошёл—и сухо…
Тишиной залит вокзал!
Позову-ка—я—без звука.

Ангел музы

Брал снимки, разбирал с молитвой,
Курил доверие из рук,
И сердце тишины счастливой
Качало первый ультразвук…

Но, совлекая глаукому,
Сияньем вышним осеним,
Давал—подсматривать Другому
И сам подсматривал—за Ним.

Устное признание

Лишь там есть место
каждому пласту,
ведь только здесь
ядра достанет заступ.

Пустыня—храм,
где Божью полноту
всем сердцем созерцать
ничто не застит.

Дом жизни

Дал утоление
скит для скитальцев,
а не чертог
для вельмож.

Больше—чем было—
на кончиках пальцев—
счастья с собой
не возьмёшь.

«Если ты не продался, ты уже — победитель!»

Этот разговор состоялся в Цхинвале погожим июньским днём 2017 года. То, что день оказался погожим, — знак отменной удачи, ибо Северный Кавказ всю неделю — до и после — был полем ожесточённого столкновения атмосферных фронтов. Накануне на Владикавказ с окрестностями обрушилась поистине библейская буря — с ливнем, градом и электрическими разрядами, лупившими по деревьям, окнам и крышам, словно испытывая силу духа и степень терпения людей. По трассе, которая соединяет Северную и Южную Осетию, вышли из берегов горные реки, обрушилось несколько мостов… скептики утверждали, что это надолго. ТрансКАМ закрыт из-за угрозы обвалов и селей. Но… в тот день с утра ярко светило солнце, ветер лишь слабо шевелил листву, и дорога от Владикавказа до Цхинвала, если чем и поразила, то только своей невероятной красотой.

Громокипящие горные реки и водопады, заснеженные вершины — кажется, рукой подать — и буйная зелень по склонам… туннели… туннели… серпантин дороги прерывается ими как пунктиром… но вот уже и государственная граница. Минимум формальностей — и с той и с другой стороны — и вот она, Южная Осетия.

Цхинвал — по сибирским меркам, город совсем не большой. В нём веет откровенно провинциальным покоем — тихо, уютно, повсюду розы, фруктовые деревья и кустарники.

На улицах — редкие машины и пешеходы. Ни тебе суеты, ни спешки. Впрочем, лето, воскресенье. Народ отдыхает или занимается домашними делами. Такое чувство, будто над городком распростёрты Божьи длани. Благодать.

И не верится, что девять лет назад именно здесь совершилось одно из самых страшных преступлений против человечности в только что начавшейся истории XXI века. В августе 2008-го Цхинвал был почти полностью разрушен. Но если бы не многочисленные раны, то здесь, то там напоминающие о трагедии, не найти бы, кажется, на свете более спокойного и благодатного места. И всё же… Остались ли на Земле — спокойные и благодатные, то есть безопасные, места? От кого зависит — мир или война, реальность жизни или фантасмагория национального эгоизма? Об этом и говорили мы в тот день в Цхинвале.

Наша маленькая писательская делегация — Марина Саввиных и Ирлан Хугаев вместе с другом-автомобилистом (профессиональным виноделом и стихийным историком) Славой Меладзе — прибыла в Цхинвал по приглашению Коста Георгиевича Дзугаева, философа и политика, пианиста и поэта, человека, для которого история грузино-осетинских отношений за последние 25–30 лет — не просто объект научного интереса, а сама жизнь, собственная судьба. Первый Председатель Парламента Республики Южная Осетия, позже — советник Президента, непосредственный участник и миротворческого процесса, и боевых действий, Коста Дзугаев мыслит масштабными категориями.

Впрочем, вот запись нашего разговора — почти без изменений. Итак, Коста Дзугаев (КД), Ирлан Хугаев (ИХ), Слава Меладзе (СМ), Марина Саввиных (МС).

КД. Если вам сказать о причинах моего осторожного исторического оптимизма, то я считаю, что с грузинами нам восстанавливать прежние отношения возможно только начиная с религии. Потому что это тоже ярко выраженный православный народ. Равным образом, как и с Украиной. Если западному влиянию удастся перекодировать это, то есть сделать из грузинского общества что-то другое… как бы европейское… сделать то, что всеми силами пытаются на Украине сделать — вот тогда, конечно, дело будет плохо. Тогда на обозримую историческую перспективу ничего восстановить невозможно будет.

МС. А в принципе Вы считаете — это возможно? Возможна такая перекодировка?

КД. К сожалению, возможна. Если этот процесс вовремя не остановить.

МС. А можно ли его остановить? Как его остановить? Кто это может сделать? Я уже не говорю — должен. Как это может происходить?

КД. В Грузии, насколько я вижу процесс, удалось самостоятельно сохранить собственный религиозный стержень. Там на самом деле влияние церкви очень велико. Хотя, может быть, не всегда так уж открыто. На Украине в этом

смысле, мне кажется, всё-таки проблематичнее ситуация. Может быть, потому что там гораздо большие силы против церкви задействованы. А может быть, потому что там структура была не очень укоренённая по сравнению с Грузией. Но если Россия не окажет своего необходимого культурного духовного влияния… то, боюсь, эти процессы на Украине могут завершиться перекодировкой.

мс. Но ведь сейчас фактически все каналы влияния русской культуры на Украине перекрыты…

см. Года два тому назад я был в Тбилиси, обследовался по медицинской части, и обратил внимание — даже в самом маленьком кабинете врача обязательно есть уголок с иконой.

кд. Да, это сильная, исторически мотивированная традиция религиозно-духовная в Грузии, которая служила, конечно же, наиболее надёжным щитом от ассимиляции большими государствами, которые — то одно, то другое — политически контролировали Грузию. Вот они сумели сохраниться. Кстати, грузинский национал-экстремизм — оборотная сторона медали, то есть стремления к самосохранению. Защитная реакция. Другое дело, что она в исторически неблагоприятных условиях приобретает уродливые формы, это тоже надо понимать. Но если мы хотим оставаться на позициях добросовестного научного анализа, то, я считаю, что так это и есть: грузинский национализм, будучи использован и применён в надлежащем позитивном его направлении, может сыграть и должен сыграть по идее положительную роль…

мс. В последнее время всё чаще встречаю в литературе различение понятий «национализм» и «нацизм». Слово «национализм», как правило, теперь уже употребляется с позитивной окраской. Говорят: «Я — русский националист», — например.

кд. Это давний терминологический спор. Большинство специалистов, по крайней мере в политологии, термин «национализм» негативно используют в соответствующих коннотациях. Но я его стараюсь отличать от «нацизма», действительно… И для себя в большей степени использую термин «национал-экстремизм», имея в виду именно уродливые формы. В известной мере национализм должен присутствовать и должен играть свою защитную роль.

см. Каждый любит свою родину. Очень важное значение имеет то, как себя поведёт элита. Потому что грузинский национализм, бытовой национализм, на почве которого потом возник конфликт — именно грузинская национальная элита и генерировала. С помощью газет, журналов, кино, театров… всё это было пронизано — я это хорошо помню, я учился на грузинском языке, в Тбилиси, в институте — грузинским национализмом. И вот сейчас: как их элита себя поведёт? Она окончательно продастся?

мс. Удивительно, национал-экстремизм повсеместно льёт воду на мельницу глобализма. То есть работает в прямо противоположном направлении.

см. Засилье чужого. Приезжают арабы, приезжают индусы… земли выкупают — вот в чём самая опасность. А потом, завтра-послезавтра, когда ты теряешь землю… это уже частная собственность. А ты — страна, стремящаяся в Евросоюз. Тебе скажут: ты что? Ты же — в Евросоюзе. Закон превыше всего. Частная собственность неприкосновенна.

кд. Да, это один из процессов, угрожающих грузинскому национализму, государству, обществу. Посмотрим, как повернётся.

мс. Странно, почему-то, когда речь идёт о России, о русских, о влиянии русской культуры, русского языка на народы бывших советских республик — возникает это дикое неприятие, вплоть до военных столкновений. А когда идёт *вот это* влияние, западное и мусульманское, исламское — как-то ничего, все помалкивают, всё как бы само собой разумеется, так и надо…

кд. Вы знаете, тут я ещё хочу вот такое дополнение сделать. В Грузии всегда имелся некий узкий слой в элите — государственно-управленческой и интеллектуальной — всегда имелся слой подлинной национальной элиты. Я хорошо знаком с многими такими людьми. Это гордость нации. Не только грузинской. Любой. Но их влияния не хватало на то, чтобы в правильное русло направить общий процесс.

мс. Но почему? Почему самые яркие, самые талантливые, самые заметные в менталитете других народов люди не могут оказывать влияние на собственную элиту?

см. К великому сожалению, просвещённая часть элиты уступала своим оппонентам на уровне «если это хорошее — значит, это грузинское» — и по-другому не может быть. Я — как осетин — хорошо помню: смотрю концерт по телевизору, и диктор на полном серьёзе объявляет: а сейчас грузинский народный танец «симд»… «Симд» априори не может быть грузинским. Но почему это было сказано? Это не было ошибкой.

Исламскую же экспансию я называю «ползучей». Как плющ. Захватывает постепенно. Сначала одну ветвь, потом другую, третью и т. д. А у них… что определяет сознание человека?

Его воспитание. В семье, в школе. Знание истории, предков. Уже оттуда — всё это генерировалось.

кд. Да, к сожалению.

мс. То же самое и на Украине, конечно. Спрашивается, почему же культура, один из столпов государственной безопасности, в таком запустении? Почему у нас — въезжаешь в любой город, даже в мой родной Красноярск, едва ли не на каждом заведении — вывеска на английском языке? Латиницей? Почему наши дети говорят на странном наречии, где русские слова постоянно перемешиваются с английскими, и вообще непонятно, на каком языке ребёнок говорит, и это часто поощряется в школе, распространяется всячески…

Когда я приезжаю на Кавказ, я тоже всё время слышу двуязычие: русско-осетинское, русско-кабардинское… это настолько естественно, это вызывает огромное уважение и радость. Потому что это как раз то, о чём Флоренский говорил — «нераздельно и неслиянно». То есть — нет подавления. Но с английским-то языком совсем другое. Это же захват национального духа западной ментальностью. И я часто думаю, почему всё-таки ислам… почему арабы? Почему поощряется процесс захвата Европы арабами? Мне кажется, это совершенно сознательно выстроенная политика. Нарочно устраивается так, что население Ближнего Востока, Северной Африки специально вбрасывается в Европу, чтобы народы Европы перестали существовать. Всё для этого делается. И при этом говорится, что это именно западное — западная идеология, западное влияние… Эти процессы очень сложны, но создаётся ощущение, что они из одного центра управляются…

кд. Здесь мы, конечно, в первую очередь о России болеем… Россия прямо на наших глазах коренным образом меняется. По мнению Русской Православной церкви, переломным годом был 2014-й. Целый ряд научных данных — данных нецерковного порядка, социометрических данных — меня лично тоже подводит к рубежу сегодняшних лет: 15–18-й года. В России, видимо, сейчас завершается борьба за государственную политику в области культуры. Мне представляется, что Россия возвращается на свой исторический путь.

мс. Но — очень медленно: шаг вперёд, два шага назад, два влево, четыре вправо…

кд. Колоссальные силы участвуют в противодействии этому процессу. Но тем не менее я вижу, что выздоровление происходит. И, конечно, тоже это связано в первую очередь со здоровым ядром народа. Которое хотя и эрозировало сильно за последние 20–25 лет, но всё же сохранилось. Сохранило традиционные ценности. Помню, несколько лет назад ростовские коллеги на одной из конференций докладывали очень интересные результаты своих социологических исследований — как раз по аксиологическому состоянию российского общества. Они это определили чисто научными методами. Несмотря на все эти страшные разрушительные удары, на процессы, которые прошли за эти 15-20-25 лет, тем не менее ценностное ядро сохранилось. И мы сейчас видим, как это ценностное ядро постепенно делает своё. Очень тяжело, Вы правы. С большими откатами, неточностями. Тем не менее тенденция, мне кажется, достаточно хорошо видна. Мы, находясь в орбите русского цивилизационного мира, можем только это приветствовать. Мы комплементарны в этом смысле, осетины. И здесь — Вы правильно это упомянули — не то что двуязычие: здесь всегда нормой считалось «триязычие». Осетинский, грузинский и русский. Владение этими тремя языками считалось само собой разумеющимся. Я в этом смысле даже некоторое исключение, потому что я грузинским плохо владею. Ну так, на уровне самого слабого разговора. А девять человек из десяти из моего поколения свободно владели и осетинским родным, и грузинским, и русским.

их. Слава Меладзе — как раз такой пример, пожалуйста.

кд. Более того, половина ещё и английским владеет. То есть каким-то западным — французским, немецким — но больше всего английским, конечно. Вот в этом смысле я считаю, что культурное взаимодействие очень тесное…

мс. Коста, как сейчас в Южной Осетии обстоят дела? Девять лет прошло, как сейчас молодёжь, культура, образование?

кд. Низшую точку мы прошли. Сейчас у нас, как и в России, постепенно начался подъём. Это касается и образовательного процесса как такового. Похоже, он начал восстанавливаться. Я это вижу по студентам, которые приходят учиться в университет. Да и со школами у меня хорошая связь: бываю в школах, разговариваю со старшеклассниками. То есть вот в этом смысле подъём идёт. Самая главная проблема у нас, я считаю, это перевод нашей жизни на нормальные гражданские рельсы. У нас выросло поколение, которое в гражданском смысле, то есть в мирном быту, жить не умеет и плохо понимает, что это такое. Они умеют только воевать, потому что именно это надо было. И практически всё дееспособное население

мужское, которое способно носить оружие, поголовно было в вооружённых структурах. Вынужденно. Сейчас, в последние годы, государством начали предприниматься усилия для того, чтобы создавать какие-то рабочие места, чтобы туда молодёжь могла пойти. Конечно, в первую очередь мелкий и средний бизнес. Крупный-то здесь откуда? Этот процесс тоже очень тяжёлый и медленный, но начинается. Если нам удастся это сделать, хотя бы ощутимо, социально значимо поставить молодёжь в трудовые отношения, я тогда буду спокоен за дальнейшее — в обозримой перспективе.

ИХ. Как сказал наш Нафи, у нас много героев войны, теперь нам нужны герои труда.

СМ. Я думаю, сельскому хозяйству нужно уделить особое внимание.

КД. Да, это традиционный, самый мобильный, самый гибкий, самый легко окупаемый вид деятельности. Сейчас доходит до анекдота. Зелень нам азербайджанцы продают. Здешнее мясо очень вкусное, потому что луга экологически чистые; горное животноводство — это вообще уникальные возможности, но при этом привозим мясо в основном с Северного Кавказа.

СМ. Когда мы учились виноделию, наш профессор говорил нам, что здесь когда-то были исключительные виноградники.

КД. Здесь был грузинский анклав Курта — Тамарашени, вот там росли эндемичные сорта винограда. Исключительное вино было.

СМ. Великий Николай Гелашвили, профессор виноделия — можно сказать, львиную долю виноделов нескольких поколений он воспитал — так вот, он говорил: в Грузии есть несколько мест, где производят для шампанских вин хороший виноматериал. Особенно в западной Грузии. Но ничто не сравнится с Цхинвальским микрорегионом. Практически идентичны французским здешние виноматериалы. Это не я придумал. Это его слова.

КД. И фрукты здесь тоже всегда славились. Пиво цхинвальское — вообще уникальное пиво.

СМ. Здесь и молочный комбинат был. Даже в маленьком селе на шесть дворов минимум сорок голов крупного рогатого скота дети выводили на пастбища. Все поля были обработаны, любой клочок земли.

КД. Да, в советское время всё это было, конечно…

СМ. Коста, абсолютно согласен с Вами в том, что касается поколений войны.

КД. К сожалению, это социальная проблема №1. И если нам это не удастся переломить, то я, собственно говоря, перспективы не вижу. Прежде всего потому, что мы демографически неумолимо сокращаемся. Об этом власть очень не любит говорить, конечно. Потому что этот разговор не в её пользу — не в пользу любой власти, какая бы она ни была. Но в порядке гражданской ответственности, да и научной добросовестности, нам это надо проговаривать… Мы, к сожалению, демографически продолжаем сползать.

Во-первых, смертность сохраняется. И было бы странно, если бы её не было. После всего — включая 2008 год. Ужасающая буквально смертность. Во-вторых, отток населения. Все наиболее энергичные, дееспособные, верящие в свои руки и мозги — уезжают. В Россию — в Северную Осетию и дальше, находят себе там применение. И, наконец, третье: молодёжь, которая заканчивает школы, в наилучшей своей части тоже уезжает поступать в российские вузы или вузы других государств. И естественно, остаётся там. Возвращаются единицы, да и им трудно бывает найти работу. Эти факторы буквально убивают нашу демографию.

Переломить это можно только здешним социально-экономическим развитием. Это очень трудно решаемая задача. И здесь тоже, если уж говорить начистоту, я должен признать, что мы и сами недорабатываем. Нам не удавалось создать власть, которая начала бы развитие. Поэтому сейчас, вот сейчас, в эти месяцы, очень большие надежды связывают с новым президентом, которого народное большинство вынесло на эту позицию. С Анатолием Бибиловым. Мы надеемся, что ему удастся выстроить дееспособную государственную структуру. Задача, которая перед ним стоит, если её чисто политологически сформулировать, состоит в том, что ему буквально в ближайшие полгода надо создать принципиально новое государственно-управленческое ядро. Потому что то, которое было, худо-бедно справилось с задачей выживания, но сейчас… Я около двадцати лет работал в высшем руководстве нашей очень гордой республики, поэтому лучше многих понимаю: хватит, ребята! Моим коллегам я это часто говорю: дайте, наконец, дорогу молодёжи. Есть люди следующего поколения, которых если собрать и правильно поставить в работу, наладить функционально их деятельность — они потянут республику. Не то, что потянут, я уверен, что мы за три года можем сделать качественный скачок: убеждён абсолютно.

МС. Пять лет назад я задала вопрос достаточно высокопоставленному чиновнику в Северной

Осетии, насколько интересны, важны перспективы соединения Южной Осетии с Северной, то есть, соответственно, с Россией. Мне был ответ: сейчас это нецелесообразно. Изменилось ли что-нибудь в этом смысле за пять лет? Каковы тенденции? Рассматриваются ли в республике перспективы воссоединения, а если да — то как это может быть?

кд. Марина, здесь я боюсь заговорить языком, который называют непарламентским… Да, есть у нас люди, которые не хотят заниматься программой воссоединения разделённого народа, ведут себя предательски. К сожалению, мы болеем этим, и довольно серьёзно. Это идёт из Москвы. Из кругов, противодействующих путинской программе создания большого евразийского могущества, которое может и должно вести дела на равных с другими мировыми центрами силы.

В России, как мы видим с чисто политической точки зрения, при Путине обострилась борьба между, с одной стороны, консолидационной тенденцией, которую он олицетворяет собой и своей политикой: ведь сборку-то страны он начал с чего? С акцентирования Победы в Великой Отечественной войне. Потому что это была практически единственная позиция, по которой был возможен консенсус 95% российского общества. Но действуют и другие силы, которые пытаются наоборот усилить тенденцию дробления российского культурно-цивилизационного пространства. В первую очередь я тут вижу попытки создания этнорелигий. Для каждого небольшого народа ударными темпами создаётся своя «очень древняя и очень великая», независимая ни от чего другого религия. У осетин она тоже немалыми темпами сейчас создаётся. Идёт целенаправленная работа с целью отсечь от большой цивилизационно-культурной платформы отдельные кусочки. То есть рассечь её. Убить.

Проблему воссоединения осетин я рассматриваю в этой оптике. Да, при Советском Союзе она не стояла столь остро. Хотя и тогда были попытки воссоединения: и в 20-м году, и в 25-м, и в 36-м при принятии «сталинской конституции», потом при Хрущёве была попытка в 54–55-м годах. Когда началась очередная российская смута, фактически всё движение здесь, начиная с 89-го года, шло под лозунгом воссоединения Южной и Северной Осетии. На сегодняшний день мы продвинулись довольно далеко в этом направлении. Собственно, признание нашей республики… большинство не верило в это. И не ожидало этого. Верил и знал авангард, который сжёг за собой мосты: нам предстояло или победить, или умереть. В самом прямом смысле этого слова. Физически. Многие погибли; некоторым повезло — выжили. Я один из тех, кому повезло. И мы дожили всё-таки до признания. Всё-таки 2008 год. Это этап, который нужно было пройти.

Сейчас надо двигаться к следующему этапу. К воссоединению. Потому что иначе… другого выхода просто нет. Этому противодействуют весьма влиятельные силы. В том числе те, которых нашли среди самих осетин. Есть очень велеречивые общественные деятели, которые заботливо уверяют нас, что «не время», «не сейчас», «Москва к этому не готова», то есть буквально теми же словами, которыми нас уверяли в том, что Россия никогда не признает Южную Осетию в качестве независимого государства. Что не надо на это надеяться. Что нельзя ради этого сражаться и работать. Что надо думать о более реалистичных вещах. А сейчас вот — бах… и вдруг признали.

см. Я помню были такие мнения — лучше уж в конфедерации с Грузией…

мс. Та же самая история, что сейчас на Украине.

кд. Я писал об этом в своих политологических изысканиях. У меня была даже составлена таблица вариантов. С грузинскими коллегами мы часто встречались. Кстати, я высоко оцениваю экспертно-политологический уровень в Грузии. Ну, одно дело, что там есть, конечно, ангажированные политологи, которые проплачены и говорят и пишут то, что им заказано. Но там есть и серьёзные учёные — люди, которые самостоятельно мыслят и действительно выдают результаты, которыми можно гордиться. Это мои многолетние коллеги по политологической деятельности. В этом смысле мы всегда находили научное взаимопонимание. При том что они политически, естественно, всегда оставались на позициях грузинских патриотов (и было бы странно, если бы они с этих позиций отходили). Равно как и я оставался, естественно, на позициях сторонника развития отдельного югоосетинского государственного образования.

Что происходит на территории бывшей Грузинской Советской Социалистической Республики? По их представлениям, это грузинская земля, на которой осетины — пришельцы. Они пытаются это исторически обосновать. По нашим представлениям, это земля, на которой мы автохтоны. Кстати, один из наших ведущих историков, Юрий Сергеевич Гаглойти, в обосновании национальной осетинской версии истории южной ветви осетин много ссылается на грузинские же источники. Все наши историки пользуются грузинскими источниками, где Южная Осетия рассматривалась как отдельная

страна. Другое дело, при Советском Союзе было принято решение большевистским руководством, чтобы Южная Осетия была включена в состав Грузинской ССР.

После Великой Отечественной войны относительно нормально жили! Вот здесь — в окружении осетин — нормально жили грузины. На другой половине дома, где я живу, жила грузинская семья. Была нормальная жизнь, которая успешно развивалась. Нет такой семьи в Осетии, у которой не было бы грузинских родственников. У меня тоже есть грузинская родня. И на этом уровне никаких проблем никогда не было.

СМ. Боюсь показаться националистом, но есть такое мнение, что мы жили дружно потому, что мы простили.

КД. Сильно сказано.

СМ. Мы не простили?

КД. Наверное, так тоже можно сказать...

СМ. А это не было национальным достоинством? У меня такое мнение, может, я не прав. Я человек совершенно ненаучный, простой... это меня как осетина интересует.

КД. Ты рассуждаешь с позиции этики. Если сформулировать это этически, то, наверное, это правильная формула. Если рассуждать об этом политически, то пока сохранялось большое государство — Советский Союз — межнациональных проблем не было, потому что была разумная рациональная межнациональная политика. И осетинское общество, и грузинское общество были очень глубоко интегрированы друг в друга. Естественный процесс интеграции шёл, но был насильственно прерван с распадом Советского Союза.

В условиях 89–90-х годов здесь раскачка ситуации шла более полутора лет. Народы упорно не хотели ссориться! И понадобилась целая серия провокаций, нагнетания напряжённости, вплоть до убийств — в центре города были эти кровавые провокации, пока, наконец, всё-таки не стравили... Грузины и осетины не хотели воевать!

А потом уже... особенно когда в январе 91-го года, в первый раз тогда вошли в Цхинвал грузинские национал-экстремисты, захватили центр, сразу начали убивать — тогда уже ситуация приняла необратимый характер. Сейчас об этом мало кто помнит: республику-то мы провозглашали в составе Грузии. Мы попросили Тбилиси: дайте нам этот статус, которого мы были лишены во время образования Грузинского государства в составе Советского Союза. Ведь абхазам дали автономную республику. Аджарцам дали. А нам — нет. Подавили до области. В ответ на это наше обращение было принято решение вообще о ликвидации Южной Осетии, её разрайонировании.

Часто на уровне даже такой общественной публичной дискуссии высказывались уверенные мнения, что если бы грузинское руководство повело другую политику, приблизительно такую, какую Назарбаев сумел повести в Казахстане, то не было бы никаких межнациональных конфликтов. И может быть, и сохранили бы тогда страну в советских границах.

ИХ. Вот и вспоминается сейчас опять то, что на Украине происходит. Донбасс тоже был готов остаться частью Украины. На определённых условиях.

КД. Да, та модель, о которой упоминалось, конфедеративная, она тоже обсуждалась. У нас был председатель правительства, который эту идею высказывал. Правда, это было ещё в конце 90-х годов. Мы были готовы к такого рода разговорам. Но из Тбилиси другое слышалось. После прихода к власти Саакашвили, ухудшенной копии Гамсахурдиа, нам всем стало понятно, что тут уже никуда не деться — здесь надо это как-то решать окончательно.

СМ. На низовом уровне я часто это слышал, живя в Грузии; в Грузии очень много осетин было, и даже самый простой человек понимал, что совместная жизнь бок о бок две тыщи пятьсот лет — это нельзя просто так перечеркнуть. И наилучшим выходом — простые люди об этом говорили — была бы конфедерация. Будем в одном государстве, но, чтобы права и обязанности были определены...

КД. Договориться, видимо, было возможно. Но... кстати, это тоже очень важный момент для понимания менталитета здешнего: во время августовской войны 2008 года по городу работало одних только установок залпового огня 27 штук. Что такое «град», вы себе представляете? И не только «грады» стреляли по Цхинвалу. Плюс ещё десятки батарей ствольной артиллерии. Это был ад в самом прямом смысле этого слова. Ад! Вот та короткая улочка, где я тогда жил — мы сейчас проедем по Цхинвалу, я вам покажу — на этом коротком участке шесть домов было сожжено полностью, а восемь было полуразрушено, в том числе и дом моей тёщи, ветерана ВОВ. И всё это привело осетин к окончательному выводу: с Грузией — никогда больше. Опыт массовых убийств — жестокий опыт.

МС. Я никогда этого не пойму.

КД. То есть это был ужас, что тогда творилось. И после войны эти люди, которые остались

без всего… многие даже в пижамах выбегали из горящих домов.

мс. Россия помогла погорельцам…

кд. Россия и помогла, кто ж ещё… Гуманитарная помощь — это отдельная история. Представьте себе переживания погорельцев, видящих, что гуманитарная помощь, которая должна к ним поступать, разворовывается чиновниками. Первые шесть человек, которые были назначены в Гуманитарный фонд, не справились с работой. Включая, кстати, одного бравого генерала и ещё кое-кого из тех, кто бьёт сейчас себя кулаком в грудь.

И вот тогда мне президент Кокойты, мой боевой соратник, сказал: «Коста, возьмись». А я понимал, что это страшное дело. Такого рода работа влечёт за собой, мягко говоря, неизбежные репутационные издержки. Тем не менее после довольно тяжёлых колебаний, я всё-таки согласился — потому, что я видел воочию этих несчастных людей. Я составил список первой категории, то есть тех людей, которые потеряли всё. Полностью сожжённые дома. По «горячим следам» их было 450 человек, затем цифра возросла. Вторая категория — их свыше двух тысяч было — полуразрушенные дома с большими потерями имущества. Это был чрезвычайно мотивированный социальный контингент, резко недовольный бездушием и бездеятельностью власти; ну и — плюс сразу нашлись люди, которые их начали собирать и поворачивать против власти. Дело шло к антиправительственным митингам, чего мы тоже никак не могли, конечно, позволить в республике, пережившей «ожог» геноцидной агрессии. Поэтому я взялся за эту работу.

Тут мне нужна была сила. Без силового сопровождения там невозможно было ничего решить и сделать. К чести президента, он выделил мне людей, тогда я поставил там уже реальную охрану и остановил разворовывание; стало возможным этим несчастным людям реально начать помогать. Около двух тысяч шестисот адресатов мы тогда обслужили. Причём помощь предоставляли по 30–50-ти позициям, начиная от еды — частенько людям просто есть было нечего — и заканчивая постельным бельём. Большую помощь, кстати, оказала Русская Православная церковь тогда, хорошо рассчитанную и продуманную гуманитарную помощь: прислали большие такие сумки, где было всё для людей, потерявших полностью жильё, то есть это было с таким расчётом, чтобы сумку эту взять, войти в какую-нибудь комнату и начать там жить. Там было всё для начала жизни. Первые бытовые принадлежности. Потом Церковь прислала уже комплекты бытовой техники, причём высшего качества — 120 полных комплектов бытовой техники. То есть это тем, кому государство уже выделяло жильё. Погорельцам. Или восстанавливало.

Этой работой удалось прикрыть проблему, недовольство критической массы пострадавшего народа нам удалось как-то разрядить. Это мне стоило (усмехается. — *мс*) 10 кг веса и, наверное, пяти лет жизни, не меньше. Работать приходилось, что называется, с семи утра до потери сознания. До двух-трёх часов ночи. Почти четыре месяца. Люди, которые со мной работали, валились с ног буквально. Мы даже сегодня, когда видим друг друга — такое чувство, что родные друг другу: которые не воровали, а людям помогали.

По хищениям гуманитарной помощи, в том числе и махинациям со спецсчётом, где собирались деньги на помощь Южной Осетии, было возбуждено несколько уголовных дел. И по сегодняшний день так и тянутся…

см. Основные тяготы этой войны легли на плечи Цхинвал-Знаурского района. А есть Ленингорский район, он практически был уже утерян, интегрирован в Грузию большей частью. А как сейчас обстоят дела? Сейчас же обратный процесс интеграции идёт. Что для этого делается? По-моему, это очень важная часть процесса.

кд. Конечно. И очень показательная. Там грузинскому и осетинскому сообществам удалось в целом сохранить между собой гражданский мир. Это было всегда примером того, что такое возможно. Здесь, в бывшем грузинском анклаве возле Цхинвала, это, к сожалению, оказалось невозможным: они не смогли найти в себе — в своём сообществе — моральных сил, чтобы не зверствовать. А в Ленингорском районе — да, смогли… хотя туда точно так же ездили национал-экстремистские эмиссары из Тбилиси, накручивали их, пытались стравить. Нет. Тамошние люди сказали: мы тут сами разберёмся между собой. И разобрались. Там не было столкновений. Ленингорский район в этом отношении — такая уникальная колба, что ли. Пример того, что реально возможно было такое течение событий.

И когда после того, как в 2008 году в Цхинвал вошли российские войска, и туда в Ленингор тоже поехали, чтобы восстанавливать там контроль, то без единого выстрела это было сделано. Просто приехали и объявили, что вот так теперь. Там даже грузинская милиция ещё какое-то время работала, уже при нашей власти. Но потом, конечно, выехали. То есть всё было мягко, культурно, цивилизованно, без всяких глупостей.

Сейчас там идёт процесс, как правильно сказал Слава, реинтеграции. В чём он заключается? Во-первых, конечно, в установлении законности нашей. Потому что до того там было, естественно, законодательство грузинское. Во-вторых, более или менее отрегулирован сейчас уже порядок пересечения границы. Раньше это было хаотично. Оно и сейчас не очень-то нормализовано, «серенькая» торговля там всё-таки ведётся. Не облагаемая налогом. Ну, людям жить надо как-то, пусть они там какую-то копейку свою зарабатывают… С другой стороны, государство это должно упорядочивать. Вводить в цивилизованные рамки.

Ну и культурная политика, конечно. До самого последнего времени там даже учебники истории были грузинские. Наша власть здесь предельно мягко действует. Мы даже закрываем глаза на их двойное гражданство. Пусть люди живут, ездят друг к другу. У них, естественно, родственники по обе стороны границы—что же, это пресекать, что ли? Наоборот. Надо стараться нормальную человеческую жизнь устраивать. Сейчас туда проведена хорошая дорога, асфальт. И если раньше приходилось добираться до Ленингора, примерно как отсюда до Владикавказа, сейчас это уже абсолютно беспроблемно. 70 км буквально за сорок минут можно одолеть. То есть трасса сделана. И хозяйственный оборот между Ленингором и центром вполне успешно развивается. Кстати, и грузины тоже довольно часто в Цхинвал ездят. Я встречаю на вокзале, по дороге в университет, ленингорских грузин, которые здесь делами занимаются, в Цхинвале. Происходит естественное восстановление человеческих, хозяйственных связей…

мс. А вообще «постсаакашвилиевская» Грузия как-то трансформировала своё отношение к Южной Осетии, или всё то же самое?

кд. Официальная политическая установка, конечно, вряд ли в обозримом будущем будет изменена. То есть Южная Осетия считается оккупированной Россией, как вы понимаете. Временно, как они говорят, оккупированной территорией. Осетинам отказывается в праве на какое бы то ни было национально-государственное позиционирование. Вместе с тем единственная площадка—Женевские дискуссии—где происходят периодически встречи сторон, там тоже тупик. Потому что грузинская сторона, отказываясь нас рассматривать как сторону, естественно, никаких бумаг подписывать не собирается.

Что касается того, что принято называть realpolitik, то тут надо, конечно, признать, что подвижки происходят. При Бидзине Иванишвили там всё-таки произошли довольно серьёзные изменения, на мой взгляд. У нас здесь в Осетии многие утверждают, что ничего не изменилось. Есть такие мои коллеги, которые очень жёстко в этом смысле высказываются. Но я думаю, что всё же грузинское общество находится в процессе трансформации. Конечно, в начальной стадии. Это, в конце концов, видно и по тому, как оживлённо происходит обмен людьми. Россияне сейчас в Грузию ездят массово. Равным образом, как и грузины в Россию. Такого оголтелого антироссийского накала, который характеризовал раньше грузинское общество, сейчас всё-таки не наблюдается. Равно как и акцентированной антиосетинской риторики. По крайней мере, на официальном уровне такого нет. Так что более вменяемой, что ли, стала политика.

их. И тот факт, что они требуют себе товарища Саакашвили под суд…

мс. Да… человек себя показал.

кд. Он государственный преступник. Военный преступник. И его, безусловно, надо судить. Он лично ответственен за развал грузинского государства. Это все понимают в Грузии, даже самые их упёртые нацисты. Именно его решения привели к реальному развалу грузинского государства.

Но я должен вам ещё сказать, что всё это время единственным грузинским политиком, который понимал, как нужно вести дела с осетинами, был Эдуард Шеварднадзе. Он, во-первых, с самого начала предупреждал национал-экстремистов: нельзя с осетинами воевать. Потом, когда он пришёл к власти (а пришёл он через применение силы, центр Тбилиси был сожжён в ходе боестолкновений, погибло очень много людей, тогда тоже, кстати, тщательно замалчивается размер потерь, потому что режим Гамсахурдиа был силён и был довольно укоренён, в военном плане у него было немало ресурсов; Шеварднадзе пришлось задействовать в столице войска Южно-Кавказского военного округа, чтобы его свергнуть), принял власть уже в постсоветской Грузии, то первое, что он фактически сделал по отношению к южным осетинам, это—произнёс на большом митинге в Гори: «То, что мы сделали с осетинами—это пятно позора на нас. Мы ошиблись». И в Осетии это было услышано. При нём началась осторожная, аккуратная, неторопливая политика умиротворения. Это тоже была одна из упущенных возможностей по сущностному урегулированию конфликта. Опять-таки, видите, большая политика вмешалась. Видимо, какие-то западные высокие центры силы признали нецелесообразным…

мс. Всё время эта волосатая рука видна за спинами экстремистов всех мастей… это в великой «Илиаде» описано ещё Гомером. Греки думали, что это боги. Но мы-то знаем, какие боги.

КД. Да знаем, конечно, кем взращён был Саакашвили, который его сверг в свою очередь… И тогда всё уже стало до конца понятно и ясно. Заднего хода уже быть не могло.

В 2004 году была первая попытка вооружённым путём решить юго-осетинский вопрос. Она была отбита. Нашими силёнками. Правда, Россия тогда тоже очень решительное заявление сделала. Как раз 19 августа состоялся, я помню, пролёт самолётов, и по дипломатическим каналам, видимо, тоже было доведено до Саакашвили — и он отдал приказ отвести войска. Но в боестолкновениях, особенно в вооружённой борьбе за ключевую высоту Паук, которая угрожала перерезать дорогу на туннель, по которой грузинские войска намеревались, выйдя к Дзау, перерезать ТрансКАМ и блокировать сообщение Цхинвала с Россией, вот тогда мы своими силами справились.

Но с 2004 по 2008 год они непрерывно наращивали свою армию с совершенно ясной задачей решить вопрос силой. А в промежутке убивали и убивали — с тем расчётом, чтобы мы не вылезали из похорон. Приблизительно каждые сорок дней убивали. Были специальные диверсионные группы, которые убивали людей с периодичностью часового механизма. Кого угодно. И гражданских, и в форме людей… Кто подвернётся. И вот в 2008-м решились всё-таки…

Знаете, я всегда настойчиво говорю о том, что здоровая часть грузинского общества, конечно, такой войны никогда не хотела и не хотела этих крайностей. И конфликта как такового не хотела. Но обстоятельства развала большой страны… Почему программа Путина является единственно спасительной всё-таки? Восстановление большой упорядоченной общности. Конечно, это не Советский Союз будет номер два. Это мы все понимаем. Конечно, это не диктат Москвы, как это было в советской системе. Но некое новое единство должно быть восстановлено. Обязательно. Иначе жизни не будет.

МС. Ведь это вопрос выживания человечества.

КД. По большому счёту, так и есть. Эта борьба и ведётся сейчас. Или удастся это сделать — и тогда на огромной территории Евразии будет установлен нормальный жизненный порядок. Или будет продолжаться хаос перемещений, конфликтов, то в одном, то в другом месте опять всё будет взрываться… сейчас нам Среднюю Азию будут поджигать. Это уже всем понятно. Такая борьба сейчас всё определяет.

МС. Очень важен выбор национальных элит. От них же зависит — дать поджечь или нет. На чью сторону они склоняются. Бог или…

ИХ. Это вопрос продажности и непродажности.

МС. А бывают непродажные люди?

(Тут мои собеседники дружно возроптали.)

К сожалению, их мало. И они лишены тех возможностей, которыми наделены, скажем так, «коллаборанты»…

КД. Марина, знаете, здесь тоже всё определяется объективными историческими обстоятельствами. В Южной Осетии, например, оказалось достаточно людей, которые не продались. Хотя мы и на самом краю были. А в каких-то других местах недостаточно оказалось этого ресурса. Их скупили — и всё, пропали люди.

ИХ. Значит, всё дело в качестве человека. И если действительно так посмотреть — от каждого отдельного человека зависят судьбы мира. Если ты лично не продался, то ты уже спас человечество. Ты уже победитель. Даже если десять продались и не спасли. Ты уже победитель, если себя сохранил в чистоте и не продался, ты уже победитель. И спас.

МС. В этом огромная роль литературы, искусства… вот чему они должны служить! Должны! Потому что продавшийся художник — это страшная болезнь. Заразная, чудовищная.

ИХ. Вот Светлана Алексиевич: она теперь как великий художник заявляет такие вещи… она же лауреат! Её слушают, её смотрят, её тиражируют. А она вещает страшные, разрушительные вещи.

МС. Таких очень много. Театралов некоторых (не буду пальцем показывать) возьмите: это не то что искусством назвать нельзя — это разрушение! Банда агрессоров и ворюг под штандартами бесовщины. Выходит, на самом высоком уровне в нашей стране есть субъекты, которые целенаправленно вкладывают средства, силы в уничтожение культуры как ресурса, который обеспечивает не только национальную безопасность, но и — в принципе — будущее человечества.

КД. Конечно. Псевдолиберальное космополитическое крыло. Оно располагает колоссальными финансовыми возможностями, медийным ресурсом, да и административным, к сожалению, всё ещё большим ресурсом располагает…

МС. Но супротивный процесс уже идёт. И наш маленький журнал — тому прямое подтверждение.

КД. Могу предсказать с этой точки зрения — которую Ирлан озвучил — как решится судьба Грузии. Хотите — скажу? Кстати, не могу не похвастаться (осетины же любят похвастаться): в 2006 году в интервью агентству Regnum я высказал некоторое предупреждение Грузии… Оно было политологически, конечно, сформулировано — что Грузии надо вовремя

остановиться. Потому что в 2006 году у меня было отчётливое ощущение, что состоялось принятие основных решений в тех центрах, которые вели дела по нашему направлению. И я уже тогда ощутил, что всё идёт к вооружённому столкновению. Мы всегда надеемся на лучшее — и я надеялся, что его ещё удастся избежать, и тогда это высказал, предупредил: надо вовремя остановиться. Конечно, они не остановились. И случилось то, что случилось в августе 2008-го.

Вот сейчас я делаю очередной прогноз. Вам — эксклюзивно. Первым.

Итак, судьба Грузии решится в неразрывной и определяющей связи с тем, как будет осуществлён процесс смены руководства Грузинской Православной церкви. Вот ключевой пункт прогноза. Это мы пронаблюдаем уже в ближайшее время. Там очень непростая в этом смысле ситуация. И я боюсь, открыто говорю, что если возобладают силы, нежелательные с точки зрения православного культурно-цивилизационного единства, то, я боюсь, что судьба Грузии тогда будет очень тяжела и негативна. Примерно такова, как писали грузинские интеллектуалы о печальной судьбе Грузии после великого века Давида и Тамары. Они даже сравнивали Грузию тогдашнюю с концентрационным лагерем; она тогда действительно попала в очень тяжёлый исторический период. Почти погибла. Этот народ исчезал, пропадал… и если бы не Ираклий Второй с его решением о союзе с Россией, то, конечно, пропали бы грузины. И сейчас мне представляется, что это ключевой пункт. Грузинская Православная церковь — это единственная институция социальная в таком мирском срезе, которая способна спасти Грузию. И как государство, и как народ. Ничто другое её спасти не может. При Саакашвили была проведена массированная кампания против Грузинской православной церкви. В открытую повалить её не удалось. Но, к сожалению, мы видим там очень опасные внутренние проявления.

ИХ. А что они могут? Они что — альтернативу предлагают какую-нибудь православию грузинскому? Или — что?

КД. Как обычно это бывает, просто подмену сделают, которая не сразу будет распознана.

СМ. Европа — христианская? А что осталось в Европе христианского?

КД. Практически почти ничего.

ИХ. Речь идёт о деградации Православия как такового…

КД. Об угрозе начала этой обвальной деградации по европейскому сценарию.

ИХ. Теперь понятно. Коста, я знаю, что у тебя докторская… готова она или готовится?

КД. Моя научная биография переплетена с биографией Южной Осетии. Сначала я работал по философии. Я кандидат философских наук и, естественно, докторскую хотел по философии писать. Занимался самым передовым краем философского знания, теорией самоорганизации; в естественнонаучном её направлении она сейчас называется синергетика. Я один из специалистов в России по этой проблематике — парадигмы самоорганизации. И первая монография, с которой я хотел выйти на защиту, по этой тематике, была по вопросам самоорганизации.

Но эти намерения были ещё в хорошие советские времена. А потом, когда здесь всё это началось, то чисто физически было уже не до этого. Хотя я, конечно, старался минимальное участие в научной деятельности сохранять — статьи какие-то готовил, публикации. Но в основном пришлось переключиться всё-таки на политологию. Тем более тогда, в начале 90-х, это было остро актуально политически. Надо было осознавать то, что делается, и выдавать соответствующие рекомендация, решения. Тем более когда я сам начал работать во власти, это стало уже и политической практикой. Поэтому политологией пришлось заняться уже всерьёз; ещё и в университете её преподавал до недавнего времени. Международную экспертную известность я получил как политолог. К сожалению для меня, потому что мои научные амбиции всё-таки с философией были связаны. Тем не менее политологию пришлось всё-таки двигать, это было вызвано необходимостью позиционирования нашей провозглашённой республики как таковой. И в этом отношении кое-что удалось, конечно, сделать. Десятки, сотни публикаций в этом плане, начиная с Японии (сюда даже приезжал профессор Кимитака Мацузато, с которым я поддерживал научные контакты) и заканчивая Америкой, где всегда был традиционно большой интерес к нашим делам. Основная работа ведётся с российскими коллегами: я состою в Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (руководитель — академик РАН В. Тишков) — одной из лучших экспертно-аналитических организаций в мире.

Вместе с тем по мере того, как шло развитие нашей государственности и по мере того, как менялись условия, я всё больше начал заниматься историей тоже — на стыке истории, политологии и философии. И на сегодняшний день основной научный акцент — исходя из текущих

обстоятельств — я вынужден делать на исторических исследованиях. В докторантуре был три года в Северо-Осетинском госуниверситете — там я приобрёл то, что называется «школой». Без «школы» нельзя никакой наукой заниматься. В историческом плане освоил необходимый объём знаний. Потом начал уже готовить ту докторскую, о которой меня спрашивает Ирлан. Собственно, автореферат у меня давно написан. Но жизнь вносила свои коррективы. Я хотел её выстроить именно на анализе развития нашей государственности с точки зрения парадигмы самоорганизации, потому что там очень хороший инструментарий есть для того, чтобы дать этот анализ — показать, что вот так оно и шло: в Южной Осетии в чистом виде произошла самоорганизация нашего государства. В январе 91-го года старая власть разбежалась. Все эти люди просто бежали из своих кабинетов. И мы, вот мы — здесь живущие — остались просто сами по себе, люди. И вот вам в чистом виде процесс социальной самоорганизации, который здесь прошёл.

Начался он, естественно, с образования боевых отрядов. Я входил в руководство боевого отряда, где командиром был наш студент, выпускник физмата (я-то постарше был, так что особенно старался не светиться). Процесс самоорганизации, который здесь прошёл, представляет собой большую научную ценность, и должен быть изучен. Более того, многие московские коллеги это тоже подчёркивают: у вас там уникальный материал, потому что вам удалось сделать невозможное. То что мы пробились со своим дерзко провозглашённым государством… это никем не планировалось, не рассчитывалось и не учитывалось. Примерно так же, как никакими военными сценариями не учитывалось, что Цхинвал мы сможем отбить в 2008-м. Это сейчас уже и озвучено: нам прямо говорили, что ожидался захват города, массовые жертвы, а потом уже российская армия катком пройдёт обратно. А тут вдруг — бах: осетины отстояли город. Нас горстка была… не буду озвучивать эти цифры, чтоб никого не обижать. Но вдруг получилось, что сумели сами. Двое суток держались. Сами. Конечно, долго не продержались бы без спасительной помощи России.

Так что наша новейшая история сама по себе — очень интересный объект для научного анализа. И сейчас я свою докторскую выстраиваю несколько другим порядком: делаю стержневой темой проблематику воссоединения разделённого народа. Так как сегодня Россия является государством, нас признавшим и спасшим, и фактически на сегодняшний день мы обязаны существованием и хоть каким-то благоустройством и развитием России, то речь идёт, естественно, о воссоединении осетин в составе Российского государства. Моя научная деятельность сейчас определяется этой стратегией. Это история борьбы осетинского народа за воссоединение. Базируется всё это как раз на парадигме самоорганизации, которая на сегодняшний день даёт наиболее глубокую и точную научную возможность осознания и, самое главное, вырабатывания решений и прогнозов. Опираясь на эту парадигму, я, собственно, до сих пор и давал свои прогнозы. Потому меня и признали эксперты-коллеги, что прогнозы сбываются. Они реализовывались. Перед этой поганой войной 2008 года я точно так же грузинским коллегам говорил: вот так идёт и так будет. Кстати, там тоже есть один очень интересный момент. Последний раз перед войной мы встречались в Турции. Это было в конце июля — начале августа. Примерно так. И я им говорил, что война в ближайшие дни начнётся. Они, высокоинформированные люди с отличным аналитическим аппаратом — мои грузинские коллеги, эксперты, меня уверяли, что это невозможно! Что это безумие совершенное… И никогда ни Саакашвили, никто из его окружения на такое не пойдёт, потому что это самоубийство. Тем не менее, к сожалению, реализовался мой прогноз.

ИХ. Как будто никто никогда не совершал самоубийств…))

КД. Я их тоже могу понять, потому что на их месте, может быть, тоже не осмелился бы сделать такой прогноз. Может быть. Это мне легко было — с нашей стороны им об этом сказать. Но они были очень искренни в своём отторжении самой возможности такой войны. Тем не менее она состоялась. К нашей общей трагедии.

ИХ. Слава Богу, она теперь в прошлом…

КД. Надеюсь.

ИХ. Да будет мир.

КД. Мой научный прогноз по этой проблематике — воссоединение обязательно состоится. В кратко- или среднесрочной исторической перспективе. Сумма научных данных, которыми я сегодня располагаю, к такому выводу приводит. Этот прогноз не стопроцентен, мы же это понимаем, конечно. Могут такие привходящие обстоятельства обнаружиться, которые снова отодвинут это событие на какой-то исторический период. Как это было с предыдущими попытками. Возможно. Но, считаю, это наиболее вероятное развитие событий. Причём с высокой степенью вероятности. Что я

называю кратко- или среднесрочной перспективой? Где-то 5–8 лет.

мс. У меня почему-то ощущение, что и с Украиной будет точно так же. Им некуда деваться.

кд. Там масштабирование другое. Там процесс массово-утяжелённый.

мс. Может быть, не кратко- и среднесрочная перспектива, а достаточно долгосрочная, но рано или поздно это будет. Исходя не из научных данных, а чисто интуитивно.

кд. Русская цивилизационная платформа всё-таки восстанавливается. Этот процесс самоорганизации там тоже идёт. Хотя и с зигзагами, замедлениями, откатами. Но всё-таки он идёт.

мс. С нами Бог.

кд. Я часто говорю нашим младшим коллегам: пока мы за нашими застольями первый тост поднимаем за Бога — у нас остаётся шанс!

Цхинвал
25 июня 2017 года

ДиН стихи

Сергей Лобов

Песня бездомного пса

Лохматые братья,
Друзья-попрошайки,
Резвятся с набитым
Объедками брюхом;
Я ж молча тоскую
По доброй хозяйке
По пальцам, что нежно
Почешут за ухом…

Она позабыла,
Совсем позабыла
Тот вечер, деревья
С фатою венчальной,
Когда на дороге
Пустой и унылой
Я с нею столкнулся
Как будто случайно…

Хотел зарычать
Как ни в чём не бывало,
Но вдруг, наклонив
Любознательный носик,
Она улыбнулась
И тихо сказала:
«Ты чей же? Глазастый,
Неряшливый пёсик!»

И мне, не привыкшему
К свету и ласке,
Вдруг стало легко…
И как будто иначе
Увидел я жизнь…
И уже без опаски
Хвостом закрутил я
С восторгом щенячьим…

Развесивши уши,
Глядел без утайки
В глаза её карие
Взглядом смиренным.
Её возомнил я
Своею хозяйкой,
Себя же, счастливого, —
Псом её верным…

И часто потом
По всё той же дороге
Бродил я, лишь только
Опустится вечер…
Вертел головой
И прохожим под ноги
Бросался, надеясь
На новую встречу.

Я ждал… и однажды
Походкою гордой
Она, будто сон,
Пролетела куда-то…
А рядом — с свинячьей
Откормленной мордой
Скакал мелкий мопс
Как тупой соглядатай!..

И что мне осталось?
Я в счастье не верю…
Лишь в запах от счастья
Последнему вздоху…
Найду её дом
И у запертой двери
В порог неприветный
Ткнусь носом — и сдохну!..

Юрий Беликов, Елена Прудникова

Медаль с узнаваемым профилем

Сколько веры и лесу повалено,
Сколь изведано горя и трасс,
А на левой груди—профиль Сталина,
А на правой—Маринка анфас.

Владимир Высоцкий
«Банька по-белому»

Первое, что сразу же бросилось в глаза, кого-то приводя в восторг, а кого-то отпугивая: новенькая медаль с профилем Сталина на груди. Именно с этой медалью она вошла в аудиторию. Было в ней что-то от перестроечной Нины Андреевой с её «Не могу поступаться принципами!», а с другой стороны—от убеждённой сельской активистки, прибывшей на съезд ВКП(б). Второе моё ощущение вскоре подтвердится во время нашей беседы: ниспровергательница мифов об Иосифе Виссарионовиче и Лаврентии Павловиче подчеркнёт, что она—из крестьян. А юбилейной сталинской медалью её наградили в КПРФ—за последовательность и верность в деле ниспровержения. Разумеется, в пользу ниспровергаемых.

Кстати, недавняя статистика, особенно проведённая Центром Левады, свидетельствует, что «в пользу ниспровергаемых», и в частности Иосифа Сталина,—тридцать восемь процентов опрошенных. Далее—только Путин. А уж потом—Пушкин. А скромный Ленин—и вовсе после Пушкина.

Среди трудов питерской писательницы Елены Прудниковой—историко-биографические книги о сталинской эпохе. Но при этом она умудряется создавать прозу в жанре фэнтези. Типа «Сына ведьмы» или «Моста через огненную реку». Это равноценно отсутствующему в их квартире проводу телевизионной антенны, обрезание которого они совершили с дочерью более десяти лет назад.

«Таких, как мы, становится всё больше и больше»,—считает Елена. И формулирует акт высокого отключения: «Телевидение существует для того, чтобы транслировать рекламные клипы и то, чем забивается расстояние между ними. А поскольку то, чем забивается расстояние, становится всё глупее, то зачем же приспосабливаться к клиповому мышлению, порождаемому теперешним телевидением?»

«С телевидением понятно,—скажете вы. Но как сочетаются фэнтези с погружённостью в сталинскую эпоху?»

А что если погружённость в сталинскую эпоху есть вариант фэнтези?

—Елена Анатольевна, я попытался доискаться до мотива, подтолкнувшего вас стать ниспровергательницей мифов. И не абы каких—о Сталине и Берии. Но зацепок на сей счёт в биографии вашей не обнаружил. Поэтому за разъяснением хочу обратиться лично к вам: что послужило отправной точкой к тому, что вы—выпускница ленинградского физмата—начали истово заниматься сталинским периодом нашей отечественной истории?

—Я уже десять лет занималась журналистикой, и случилось так, что мне предложили написать книгу для издательства «Олма Медиа» на популярную тогда тему—о заговоре Тухачевского. Она вышла в двухтысячном году. Тема популярная, писать получается, книги читать хотят. Чего не работать-то? Меня с самого начала удивило, что о таком близком периоде нашей истории никто, собственно, ничего толком не знает. А там же—поле не паханное! Остальные исторические периоды худо-бедно облизаны. А здесь—работай-не хочу. Целина… Плодородная земля.

—Но, казалось бы, на эту самую целину уже высаживались бригады историков. Один Рой Медведев чего стоит…

—Что вы! Травку по верхам рвали. Почва даже не была тронута. Она и сейчас ещё еле задета.

—Почему, с вашей точки зрения?

—Честно? Господа историки при социализме и гарантированных зарплатах очень обленились. Предпочли писать из диссертаций те, которые пройдут. У нас монографий исторических—по пальцам пересчитать! А я—популяризатор. И где это видано, чтобы популяризатор работал с документами и по документам? Он работает по монографиям. А я столкнулась с тем, что монографий-то на тему сталинской эпохи практически нет. То есть первичных исторических исследований, на которые опираются уже историки следующего уровня. Пришлось популяризатору работать с документами, что ж поделаешь…

— Ваши книги бьют по мозгам обывателей. С одной стороны, именующих себя «детьми XX съезда», или — с копья перестройки вскормленных. Взять только названия: «Иосиф Джугашвили. Самый человечный человек», «Берия. Последний рыцарь Сталина». Не могли бы вы привести несколько убедительных фактов за «самого человечного человека», да и за его «последнего рыцаря»?

— Как они меня подставили с этими названиями! Из всех моих книг — это только два заголовка, которые дала не я, а издательства. Но давайте по порядку: Иосиф Джугашвили поистине был человеком очень хорошим, и во многом это было стране не на пользу. Потому что Сталин слишком много миндальничал с теми, с кем миндальничать не следовало…

— Вы имеете в виду оппозицию? Троцкого, Каменева, Зиновьева? Через которых он в итоге переступил? Через того же Бухарчика…

— Через Бухарчика и переступать было нечего! А вот, скажем, через Каменева, с которым Сталин познакомился ещё в 1903 году, да и через других соратников, он долго не мог переступить. Его удерживала память о том, как они готовили революцию. Гитлер в сходной ситуации переступил через своих сподвижников с лёгкостью необыкновенной. От военного заговора это его не уберегло, зато спасло от оппозиции внутри собственной партии.

— Иными словами, вы задним числом призываете, чтобы Иосиф Виссарионович был более жёсток по отношению к своим старым соратникам и даже — по сравнению с ними?

— Я хочу сказать, что достаточно было нескольких десятков политических убийств — и оппозиционеры затихли бы, как мыши под веником!

— Однако!.. Но в конце концов это произошло, и дело вывернулось далеко не десятком политических убийств?

— Если говорить об оппозиции — это уже были не убийства, а судебные процессы в рамках уголовного кодекса. Сейчас после всей хрущёвской болтовни многие не понимают, что в Советском Союзе не было произвола. Не мог товарищ Сталин сказать: «Э-э, этого убэй, а этого нэ убэй!» В СССР был уголовно-процессуальный кодекс, через который не перепрыгнешь. То есть оппозиционеры знали, что их могут расстрелять. И в конце концов расстреляли. Но всё вышеперечисленное к личности Сталина никоим образом не относится. Здесь действовала чёткая уголовно-процессуальная схема: человек совершил преступление — и получил по заслугам. А вот когда эти преступления ещё не были совершены, возможно, следовало устроить некую превентивную зачистку. Тогда бы мы избежали огромного числа жертв в тридцать седьмом году.

— Откуда в вас, женщине, такая кровожадная убеждённость? Вы же, в конце концов, не Розалия Землячка?

— Просто мне жаль невиновных, которые погибли в тридцать седьмом, попав под устроенную партийными регионалами кровавую провокацию. Она заключалась в том, что они, чтобы сохранить себя у власти, решили развязать массовые репрессии, в результате которых поплатились и сами, но кому от этого легче?

Почему у нас антисталинисты всегда замечают несколько тысяч расстрелянных оппозиционеров (остальные расстрелянные к оппозиции отношения не имели, и никто о них особо не вспоминает) — и не замечают, скажем, десятки и сотни тысяч отыгранных у смерти детских жизней? Отчего никто не пишет, например, про сталинское здравоохранение? Вот красноречивые факты.

В 1913 году младенческая смертность составляла в России двести пятьдесят детей на тысячу. В 1927 году, когда большевики ещё ничего не успели укрепить и построить, эта смертность снизилась уже до ста девяноста. То есть только исключительно за счёт санпросвета — мальчиков и девочек из изб-читален и земских фельдшеров, выступавших там с лекциями, в нашей стране сумели отыграть у смерти шестьдесят детей на тысячу.

Почему все зациклились на оппозиционерах, которые прекрасно знали, что творили?.. Это всё тот же социальный расизм, который сидит в мозгах наших интеллигентов: дескать, их жизнь не равна жизни крестьянина. И, соответственно, жизнь генерала — жизни солдата. То, что расстреляли маршала Тухачевского, — да, ужасно. А то, что тем самым спасли жизни сотни тысяч солдат, которых он хотел подставить немцам под разгром, почему-то принято упускать из виду. Вот образец психологии социального расизма, перекочевавшей из времён Российской империи в мозги нашей интеллигенции — какие-то солдаты, детишки деревенские, быдло, как можно их учитывать наравне с генералами и политиками?! Эта психология и сейчас, что есть силы, держится в извилинах российских интеллигентов. Но я-то родом — из крестьян. Из того самого презираемого быдла…

— И всё же: ежели Сталин — «самый человечный человек», и «отец народов» (перечень можно продолжить), тогда отчего, допустим, поэт Осип Мандельштам вдруг, мазок за мазком, набрасывает портрет:

> Его толстые пальцы, как черви, жирны,
> А слова, как пудовые гири, верны.
> Тараканьи смеются усища,
> И сияют его голенища…

Значит, Осип Эмильевич по причине своей рафинированно-интеллигентской заскорузлости просто не соответствовал величию сталинских замыслов?

— Мандельштам Сталина-то видел когда-нибудь? Я в этом не уверена.

Что тут можно сказать? Какие настроения ходили среди интеллигенции, то и транслировал господин поэт. Интеллигенция всегда против власти. Но один мой друг (за что купила, за то и продаю) перелистал подшивки тогдашних газет — «Правды», «Известий» и прочих — и посмотрел, какие поэты больше всего там печатались. И, представьте, Мандельштам был среди них! То есть он прекраснейшим образом работал на власть и писал хвалебные вирши…

— Он пытался писать хвалебные вирши. Но у него они не получались.

— Хвалебные вещи вообще получаются плохо — это особенность поэзии. Оду создать гораздо труднее, чем пасквиль…

Что было дальше? Мандельштама сослали в Воронеж, а он вернулся обратно и начал ходить по квартирам писателей, демонстрируя, какой он несчастный. В конце концов Владимир Ставский, который вызывает очень большое уважение, потому что это бывший красный партизан и впоследствии человек, сложивший голову на Великой Отечественной (Мандельштам на неё вряд ли бы пошёл!), так вот, Ставский (по тем временам — генеральный секретарь Союза писателей СССР и главный редактор журнала «Новый мир») написал письмо: почему Мандельштам здесь шляется, когда должен пребывать в Воронеже?

И за нарушение режима ссылки тому дали, по-моему, три года и отправили в лагерь да ещё с пометкой «Сохранить». Но с ним приключилось то же, что и с Гоголем. Та же болезнь. И поэтому он умер не оттого, что его не кормили, а потому, что он на нервной почве не мог есть.

— Однако согласитесь, не один Мандельштам дерзнул перечить Сталину. А как же: «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был…»? Если уж Иосиф Виссарионович — «самый человечный человек», значит, известные строки Анны Ахматовой рождены по причине её поэтической мигрени, сиречь разыгравшегося воображения?

— Простите, а что понимает дворянка Ахматова под словами «мой народ»? Её народ — это кто? У нас было два народа. Народ — как так называемая элита. И народ — как собственно народ. Это практически не пересекающиеся категории.

— Я почти уверен, что Анна Андреевна имела в виду не элиту.

— Это не факт. Тогда возникает вопрос: «А что Ахматова у себя в Ленинграде знала о жизни России?!»

— Но хотя бы в очередях-то она стояла с передачами в тюрьму?

— Ну, стояла. И что?

— Мужа у неё шлёпнули?

— Вы имеете в виду Николая Гумилёва? Во-первых, он был ей уже не муж. Во-вторых, была очень смешная история. В девяностые годы прошлого века в Ленинград приехала из эмиграции старая поэтесса Ирина Одоевцева. Её спросили: «Мог ли Гумилёв ввязаться в офицерский заговор?» И эта тётенька, которая отлично с ним была знакома, с радостной улыбкой ответила: «Конечно! Никакого сомнения». Надо же знать, что за личность был Гумилёв.

— А что плохого в том, что он ввязался?

— В антиправительственный заговор? Ничего плохого, но за это тогда расстреливали.

— Разве большевистское правительство пришло к власти не в результате заговора и антиправительственного переворота?

— А Временное правительство пришло как-то иначе? Большевики опирались хотя бы на съезд Советов, «временные» же назначили себя сами. Так вот: то, во что ввязался Гумилёв, каралось по тогдашнему уголовному кодексу. Он знал, на что шёл. Он — солдат. Он выбрал сторону схватки и проиграл. И был расстрелян в полном соответствии с понятиями эпохи. Я не думаю, что он возмущался несправедливостью приговора.

Не надо его судить с точки зрения сегодняшних диванных интеллигентов. Это был человек легендарной храбрости, разведчик, который ведал, чем эта храбрость может обернуться.

— В книге «Хрущёв» вы утверждаете: «Это кажется неописуемым, но конкретно Хрущёв был одним из творцов террора, после прихода к власти обвинившим в собственных грехах Сталина…» Насчёт исторической роли Никиты Сергеевича в репрессиях, пришедшихся на Московскую область, достаточно известно. Но почему-то не верится, что у него вдруг засосала совесть и, свалив все грехи на Сталина, он таким образом решил оправдаться? Вероятно, это было вариантом новой аппаратной игры?

— Я думаю следующее: Хрущёв пришёл к власти в результате государственного переворота, убив своего предшественника — Берию.

— Убив?! Берию не судили?

— Он был убит сразу. На стенах его кабинета остались следы от пуль из крупнокалиберного

пулемёта. Затем труп закатали в ковёр, привезли в Кремль и продемонстрировали Политбюро. А потом уже все вместе стали выпутываться и придумывать пленум и судебный процесс.

Хрущёва большая часть Политбюро ненавидела люто. И за то, что он творил, и за то, что таким образом пришёл к власти. Кто он такой был вообще? Он же не был им ровней. Никто, и звать его никак. И Хрущёв прекрасно понимал, что как только его сместят, ему будет предъявлено всё.

За террор ему бы ничего не было. А вот за государственный переворот поставили бы к стенке очень быстро. Хрущёву надо было как-то спасаться. А как?

Свалить Политбюро. А как свалить это Политбюро, которое опиралось на Сталина? Только одним способом — свалив Сталина. Это был основной мотив в дальнейших действиях Хрущёва.

Но я помню, что не ответила на ваш вопрос по поводу «рыцарства» Лаврентия Берии. В данном случае имеется в виду не благородный рыцарственный мужчина, которых, в принципе, и не было, а просто рыцарь — как слуга государев. Берия, действительно, был доверенным человеком Сталина, о чём свидетельствует хотя бы тот факт что ни до, ни после не одному человеку не давали в руки такую власть. Потому что его НКВД — это был такой монстр! НКВД Ежова — это так, спецслужба, а вот каким НКВД стал при Берии — просто поражает.

Если бы Берия захотел, он бы совершил государственный переворот за две минуты. Он бы всех снял и сел в кресло сам. Но он этого не хотел. И то что Сталин дал ему власть над объединённым НКВД, чего никогда потом не было, говорит об одном: он доверял ему абсолютно. Такую власть оставляют только наследнику, которому нет смысла свергать владыку просто потому, что он наследует его трон.

— А личная жизнь «рыцаря»? Во многих книгах, фильмах, в том числе документально-мемуарных, его изображают чуть ли не сексуальным маньяком, показывают женщин, которых он якобы соблазнил…

— А это тоже привет от товарища Хрущёва! Это всё было умно и тонко придумано. Хрущёв Берию убил, правильно? Надо было его после этого демонизировать, чтобы простой обыватель сказал: «По закону они действовали или не по закону, но это была такая мразь, что всё равно его надо было уничтожить!» Но с демонизацией явно перестарались.

На самом деле Берия был нормальным мужиком: жена, любовница, сын от жены, сын от любовницы. Если не одна любовница, то и не тысячи. Пусть хоть один мужчина кинет в него за это камень!

— Аргумент сногсшибательный! Тогда самое время поговорить о Лаврентии Павловиче как о наследнике. Если Берия считался реальным преемником, как же объяснить тот факт, что когда со Сталиным произошёл удар, к нему долгое время не допускали врачей?

— Кто сказал, что их не допускали?! Это та же хрущёвская болтовня.

— Что же было в реальности?

— Ну, во-первых, показания охранников, данные ими уже в девяностые годы прошлого века, свидетельствуют о том, что, возможно, они сами были в заговоре против Сталина. Но если бы к нему реально не пускали врачей, эти охранники уже никаких бы показаний не давали. Берия расстрелял бы их очень быстро. На самом деле всё записано во врачебном журнале.

В последнюю ночь Сталин работал. Охранник, как ему и положено, каждый час смотрел в замочную скважину — всё ли в порядке. Посмотрев около пяти-шести часов утра, он увидел, что Иосиф Виссарионович лежит на полу. Тут же открыли дверь, перенесли его на диван, вызвали докторов. К нему же не дежурного фельдшера со «скорой» звали. Звали кремлёвских врачей. Пока их собирали по квартирам, прошло, наверное, часа два…

— А всё-таки насколько миф об убийстве Сталина имеет под собой почву?

— Почему миф? Я думаю, что его убили.

— Но его болезнь была реальной? Или мы можем только гадать?

— Пока не найдут и не соберут на этот счёт все документы, пока не проведут нормальную врачебную экспертизу, мы можем только гадать. Но уже тот факт, что история болезни Сталина не сохранилась (мой соавтор, роясь в архивах, нашёл под этим видом папку каких-то разрозненных документов), позволяет констатировать: раз документы перепутаны, зачищены, значит, дело не чисто. Было бы иначе, всё было бы в порядке. У других-то всё сохранилось.

— На лекции вы говорили о том, что Сталин к тридцать шестому-тридцать седьмому году решил провести прямое тайное голосование на выборах, в которых бы выдвигали свои кандидатуры не только коммунисты, но и представители общественных организаций. То есть он в результате чего-то пришёл к этой необходимости?

— Большевики с самого начала так и собирались сделать. С чего они начали? Именно с этих прямых и равных выборов, претворяя в жизнь лозунг «Вся власть Советам!». В стране началось такое, что потом, после этой демократии, десять лет её

в порядок приводили. И вторую, очень осторожную попытку к этому вернуться, решили провести в 1936 году, когда уже страна была управляема и в ней были созданы свои кадры. То есть это не один Сталин решил. С самого начала это была политика партии большевиков, от которой они вынуждены были отказаться просто по необходимости.

— То есть Сталину помешали осуществить эту вторую попытку?

— В общем, да. Партноменклатура не хотела отдавать власть. Это вполне нормально. Партаппарат решил сорвать альтернативные выборы. Каким образом? Развязав в стране террор. В обстановке террора только сумасшедший проводит альтернативные выборы. Страну бы разнесли на кусочки.

— Кто конкретно за этим стоит?

— У нас же называют семнадцатый партийный съезд съездом расстрелянных. Вот эти расстрелянные за массовыми репрессиями и стояли. Те самые репрессированные коммунисты, по которым Хрущёв так плакал на XX съезде. Не надо путать. Был заговор оппозиции, заговор военных — это одно. И были массовые репрессии — это другое. Их организовали люди, которые, в принципе, ничего против Сталина не имели (речь о регионалах), они желали только одного — чтобы их не трогали. Сталин был им нужен — они на него опирались. Поэтому они решили повязать его кровью, самого не трогая, но сделав соучастником террора.

Они добились своего — сорвали намечавшиеся альтернативные выборы. Но затем пришло возмездие. Таких вещей Сталин не прощал. Он мог простить покушение на себя, но когда региональные партаппаратчики принялись во все стороны мочить невинных, тут ясно было, что он им этого не простит. Просто они того ещё не понимали. Поэтому в основном и погибли.

— На лекции вы назвали имена двух человек, которые, с вашей точки зрения, нанесли серьёзный информационный урон российскому обществу. Это Роберт Конквест с его книгой «Большой террор». И — Александр Солженицын — создатель «Архипелага ГУЛАГа». Ну, допустим, иностранец Конквест ничего достоверного о советской России не знал. Предположим, Солженицын, как вы выразились, написал байки. Но тогда Варлам Шаламов — извечный антипод Александра Исаевича — он что, свои «Колымские рассказы» построил на личных фантазиях?

— Варлам Шаламов писал относительно честно, но тоже… корректировал правду. Хотя его «Очерки уголовного мира» я бы ввела в школьную программу — в качестве противоядия против «Русского шансона». Но есть, например, у него повесть «Последний бой майора Пугачёва», по которой поставлен фильм. Нашлись люди, которые проверили по документам, и оказалось, что Пугачёв был власовцем. У меня после этого доверие к Шаламову несколько поколебалось, потому что не надо изображать власовца честно служившим офицером, который пострадал ни за что.

— Но Шаламов же не документалист…

— Однако художник не имеет права врать вот таким образом. Почему честно не сказать, что — да, майор Пугачёв был власовцем? Я понимаю, почему. Потому что образ предателя как-то не очень симпатичен даже по нынешним временам. И не забывайте, что Пугачёв был не просто власовцем, а оставшимся им до конца, потому что тех, которые переходили к нашим даже в конце войны, не сажали. Их отправляли в фильтрационный лагерь для проверки, а потом отпускали.

— Я не уверен, так ли это было? Хотя на этой ниве усиленно потрудился наш кинематограф. Вспомним тех же «Сволочей» — фильм про пацанов-диверсантов…

— Рассказать реальную историю? Действительно, была такая разведшкола, где учили детей. Только не у нас, а у немцев. Они собирали осиротевших наших пацанов, готовили из них разведчиков и закидывали на советскую территорию. Но дети, правда, большей частью разбегались. Эта история дошла до товарища Абакумова, тогдашнего заместителя наркома обороны и начальника Главного управления контрразведки «СМЕРШ». И товарищ Абакумов послал за линию фронта своих людей, чтобы они договорились с заместителем начальника той самой школы о том, чтобы тот вывел детей на нашу территорию. После чего он получит полное отпущение грехов за то, что работал на немцев. Он вывел детей через фронт и, действительно, получил гарантированное отпущение грехов.

Вот так у нас было в реальности. А то что творят телевизионщики… Я имела с ними дело. Спрашиваю: «Ребята, вы книжки-то хоть читали? Ну, какие-нибудь». Отвечают: «Нам некогда».

— Что вы поняли, работая с закрытыми доселе документами?

— То, что всё было не так, как нам преподносят. Как говорил товарищ Сталин: «Нэ так всё это было!» Вот как у нас представляют репрессии? Мол, было прямо как сейчас, права человека и всё такое-прочее. А потом пришёл Сталин и всё разломал. Или, скажем: у всех граждан СССР имелись паспорта, но явился Иосиф Виссарионович и эти паспорта у крестьян отобрал. Да не было у крестьян паспортов. Никогда! Паспорта как таковые им были не нужны. Любой крестьянин мог передвигаться по стране, просто взяв справку в сельсовете.

Другое дело, что незачем крестьянину ездить по городам и заниматься там неизвестно чем. Ему надо сидеть в своей деревне и работать. Паспортизацию затеяли в первую очередь затем, чтобы навести порядок в городах, где царил уголовный террор.

— Почему, на ваш взгляд, в начале XXI века фигура Сталина на шахматной доске оценочных категорий реально перевесила фигуру Ленина? Казалось бы, вождь мирового пролетариата, последователь Маркса-Энгельса, теоретик строительства нового общества, человек с университетским образованием и обладатель недюжинного интеллекта, если вспомнить телепроект «Имя России», значительно Сталину уступает?

— Вы читали Сталина? Вы можете сказать, что это писал человек с невысоким интеллектом?

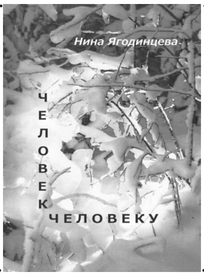
— Но, читая Ленина и сравнивая это с прочитанным у Сталина, я всё-таки скажу, что Ленин несомненно как мыслитель крупнее.

— Понимаете, теоретиком быть просто. А ты попробуй решать практические задачи и сложные теоретические вопросы доносить до простого человека. Ленина-то понимали только братья-интеллигенты.

Однако я полагаю, что пять курсов тифлисской семинарии стоили юридического факультета в Казани, законченного, как известно, Лениным экстерном. И, может быть, не один раз стоили.

Ленин всего-навсего собрал обратно разрушенную страну, выиграл Гражданскую войну, надорвался и умер. А строил-то потом всё Сталин. Россия была отсталой, аграрной и к тому времени фактически полуколониальной страной с чудовищными проблемами. Так что чисто экономически она была обречена. И вдруг приходит какой-то человек и за двадцать лет совершает чудо — превращает её в сверхдержаву! Конечно, его имя на этой шахматной доске перевесит.

ДиН ревю



Нина Ягодинцева

Человек человеку

Москва: Редакционно-издательский дом «Российский писатель», 2017

• • •

Испуганному сердцу невдомёк,
Что всё уже сбылось, и невозвратно.
И по любой из тысячи дорог
Возможно вновь пройти тысячекратно.

Уже нельзя вернуть небытию
Неосторожный плеск воды о камни,
И ветер, проводящий по жнивью
Невидимыми тёплыми руками,

И лёгкий свет, затепленный в душе,
Когда в короткий час прозрений тайных
Вином тоски в серебряном ковше
Обносит ночь гостей своих случайных…

• • •

Из окрестных весенних распушенных крон —
Золотых междометий оглушительный звон!

Легкокрылый язык, невесомая вязь:
Восклицать восторгаясь, восхищать не боясь.

Эта звонкая радость — не про нас, а про них,
Это небо открыло долгожданный родник.

В тонколистые чаши разливается хмель,
Можно допьяна слушать, но пригубить — не смей:

Эти вешние вина не про наши уста —
Разве мелкие брызги, разве искру с листа…

Вячеслав Миронов

Отрицательное пространство

Февраль. Сильный ветер с моря мешал идти молодому человеку по дороге Сочи—Адлер. Ветер раздувал полы пальто, капли морской воды долетали до лица. Но, казалось, что он не обращал на это внимание. Периодически прикладывался к наполовину пустой литровой бутылке односолодового шотландского виски, потом делал затяжку от сигареты, спрятанной от ветра в кулак. Он двигался к спуску с шоссе на пляж.

На длинном каменистом пляже, заливаемым наполовину водой, стоял японский дорогой внедорожник, неподалёку бродил мужчина с металлоискателем, периодически опускался на одно колено, перебирая камни, что-то выискивая.

Молодой человек, пошатываясь, не глядя под ноги, спотыкаясь о крупные булыжники, с трудом удерживал равновесие. Он шёл к морю. Порывы ветра, казалось, собьют его с ног, он останавливался, пережидал порыв ветра, делал глоток из бутылки, затяжку и шёл упрямо дальше.

Когда до кромки моря осталось не более пяти метров, остановился. Посмотрел на окурок, пьяно размахнулся, широко махнул рукой, отшвыривая остатки сигареты. Закурил новую. Смотрел на бушующее море. По щекам катились слёзы, смешанные с морской водой. Докурил. Бросил под ноги. Сделал глоток из бутылки. Сорвал спортивную шапочку с головы, вытер ею лицо.

Сел на большой камень, прислонился спиной к волнорезу. Задумался. Закрыл глаза, откинул голову на холодный бетон. Приятно холодило затылок. Чуть закемарил в алкогольном сне.

Бутылку поставил на камни. Стал вынимать всё из карманов. Портмоне из дорогой кожи с известным логотипом, часы тускло блеснули золотым ободком, паспорт, сигареты, дорогая золотая зажигалка престижной марки, да много чего ещё укладывалось на камни. Сверху придавил крупным булыжником, чтобы ветром не раскидало.

Достал шапочку, натянул её по самые уши на голову, у пальто поднял воротник, застегнул верхние пуговицы. Сделал глоток из бутылки. Бережно её поставил рядом с вещами и решительно пошагал в сторону воды. Волны бесновались, казалось, что они ждут встречи с ним, протягивая свои отростки, быстрее заманивая, затаскивая в тёмные глубины Чёрного моря.

Мужчина с металлоискателем бросил взгляд, увидел, что парень уже выше колена в воде и продолжает идти дальше в воду, закричал:

— Эй! Парень! Эй! Ты чего?! Ты слышишь?! Твою душу мать! Ты оглох? Ты куда, придурок?!

Но пьяный молодой человек не слышал, он упрямо рассекал бурные волны. Волна сбила его с ног, вынесла на берег, потом потянула в море, но оставила на берегу. Он снова встал. Отряхнул полы пальто от налипшего песка, мелких камней и шагнул вновь в набежавшую волну. Ветер усилился. Казалось, ветер удерживает пьяного безумца от искушения искупаться в ледяном море. Но тот, наклонив корпус вперёд, с маниакальным упорством шёл в воду.

Мужчина бросил металлоискатель и бросился на помощь. Но молодой человек с головой ушёл под воду…

Пляжный кладоискатель на ходу вытащил из кармана телефон, наклонился, и, чуть сбавив темп, положил его, и бросился в воду, пытаясь найти и спасти безумца.

Ментор

Большая белая комната. Стены сливаются с потолком и полом. Казалось, что нет стен. Просто огромное белое пространство. Не видно границ. Где пол, где стены. Ощущение, что внутри бескрайней белоснежной сферы.

Посредине висит большой шар из плазмы. Он переливается многими цветами. Периодически из него выскакивают большие лепестки пламени, потом они снова втягиваются внутрь.

Чуть поодаль—меньшего объёма, более тёмного цвета тоже плазмоид.

Большое облако:

— Ну что, пришёл в себя? Очухался?

— Где я?

— Где? Где? Ты умер. Вот ты где.

— Как умер?! Это невозможно! Я не умер! Я себя осознаю!—голос возмущён.

— Это факт. Ты умер. Хуже всего, что ты совершил самоубийство. Сам себя убил.

— Это невозможно! Я не умер!

— Ты умер. И всё. Убил себя. Осознанно.

Небольшая пауза.

— Как же так?! И где я? В аду или в раю?

— Хуже.
— Хуже ада?
— Рай и ад надо заслужить!
— Ад-то чего заслуживать?
— В аду есть компания. Ты страдаешь не один. Можно с кем-то поговорить. Обсудить свои и чужие страдания с соседями. Поговорить с теми, кто причиняет боль твоей душе. А здесь… ты один. Навеки.
— Как навеки? Не понял.
— Время — понятие, которое придумали люди. Нет времени. Вот ты и здесь до Страшного Суда. Для тебя навеки.
— А как же Библия?! Бог в первый день сделал это. Во второй день сотворил то.
— А кто писал Библию? Люди писали. В далёкие времена. Вот, чтобы и поняли, использовали те понятия, которые понятны остальным. Ты об этом не думай. Ты о себе думай. Точнее, что тебе предстоит.
— И что? Я не хотел умирать! Я не умер! Мне это чудится от кислородного голодания! И не было никакого коридора, никакой трубы светлой, по которой я летел. И нет вселенских знаний!
— Конечно. Для тебя ничего нет. Бог дал тебе величайшую ценность. Жизнь! А ты? Ты не прошёл весь путь. Ты проиграл в казино три квартиры в Москве, прилетел в Сочи с целью утопиться. Утоп. Добился своего. Вместо того чтобы бороться за жизнь, делать поступки, помогать людям. Ты просто напился и утопился. Поэтому тебе не полагаются ни коридоры, которые ведут или в рай или в ад, ни вселенские знания. Тебе предстоят страдания…
— Погоди, погоди. Дай отдышаться. Не спеши.
— Ты не дышишь.
— Ладно. Не дышу. Где я?
— Нигде. Тебя нет. Ты одинок. И будешь ждать.
— Вот так сидеть и ждать?
— Нет. Страдать. Ты будешь проживать миллиарды своих жизней. Вот, например, если бы ты пообщался с тем мужчиной на берегу, то, что бы с тобой произошло? Ангел-хранитель пытался тебя остановить, но ты упрям. Ты прилетел утопиться. Вот и утоп.
— Как это пытался меня остановить?
— Он сломал такси от аэропорта. Ни одна попутка не остановилась, чтобы тебя подобрать. Ты пошёл пешком. Ему удалось устроить шторм в ограниченном пространстве. Ты всё равно пошёл. Он даже пригнал тебе кладоискателя, чтобы ты с ним пообщался. Хотя тот и не должен был сегодня ехать. Но приехал ради встречи с тобой. У него своих проблем с дочерью много. Но ты всё равно сделал своё дело. Ангелу, конечно, попадёт, но это уже не твои заботы.
— Он не мог просто меня остановить?
— У Бога и его помощников нет других рук, кроме людских.
— Курить хочется. У тебя нет?
— Глупец! Душа не курит! Ты пришёл в мир не для того чтобы курить!
— Хватит мне нотации читать! Как тебя зовут?
— Однажды грек, который выпил яд, назвал меня Ментором. Если тебе так удобно, называй меня так. Мне без разницы.
— Тебе нравится это имя? Ментор!
— У меня нет эмоций. Они доступны только людям. Тебя называть, как на Земле называли? Иван?
— Называй меня Иваном, — он задумался. — И что теперь будет со мной? Не понимаю, как это нет времени? Люди живут, стареют. Дома ветшают. Деревья растут и умирают. А как же нет времени?
— Это всё химико-физические процессы. Не более того. Ты думай о том, что тебе предстоит.

Иван замолчал.

— Так, где я? Как это место называется?
— Нигде. — Ментор помолчал. — Называй, если хочешь, «отрицательное пространство». Тебе с твоим трёхмерным мышлением этого не понять. Прожил бы жизнь, то всё стало бы в раз понятно. Сам виноват. И увидел бы всё, и понял бы всё. Лишил себя добровольно. С упорством.
— И я могу увидеть своих родителей?
— И увидеть, и посмотреть, как они погибли и где похоронены. Ты же приехал в Сочи, чтобы утопиться. А не найти могилы родителей, навестить их.
— Я искал…
— Угу. Конечно, — казалось, что облако качнулось вперёд-назад. — Написал год назад запрос в мэрию Сочи и не получил ответа. И всё. Решил, что тебя похоронят на одном кладбище с ними. Не похоронят. Они лежат на другом кладбище. Вот. А теперь самое интересное. Мужик с металлоискателем на пляже — владелец того подпольного казино в Москве, в котором ты спустил свою жизнь и квартиры. И ангел-хранитель не зря старался. А ты…
— Врёшь! — перебил его Иван. — Как это владелец казино ищет всякую ерунду на берегу?!
— Я не вру! Никогда! — казалось, что в голосе Ментора зазвучал металл. — Вспомни, какая машина стояла рядом с ним? По стоимости она как раз как твоя одна из квартир стоит. Он сам из Сибири. Приехал на отдых, познакомился со стюардессой, влюбился, женился, родилась дочь. На год младше тебя. У дочери было слабое здоровье. Нужно было лечить. Он с женой искал вариант, как перебраться в Москву. К хорошим докторам поближе. И надо же! Твои родители искали вариант, как перебраться в Сочи, потому что тебе врачи прописали, что нужно жить на черноморском побережье. Два ангела-хранителя устроили встречу твоих родителей и стюардессы. В маршрутном такси. Сочи. Февраль. Ранее утро. Всего три человека там было. Твои родители и она. Был четвёртый — водитель. И люди стали разговаривать. И так получилось,

что почти договорились. Родители с тобой переезжают временно в их квартиру в Сочи, а они — в вашу московскую.
— Так, что же случилось? Отчего мои родители погибли? Они должны были погибнуть?
— Бог дал вам свободу в свободе выбора. Вот и гражданская жена водителя решила накануне, что её любимый гуляет по женщинам. А он просто устал. Пришёл домой, поел и упал спать. Вот она поутру и подсыпала ему слабительное в чай. Вот он гнал свою машину. В туалет спешил. Не справился… три трупа…
— Они… Они в раю?
— В раю. Водителя осудили. Его гражданская жена приезжала в колонию. Там они поженились. Отсидел своё. Вышел. У них родилось трое детей, назвали в честь погибших. Две девочки и мальчик. Несколько раз в год ходят на могилы твоих родителей и стюардессы. Если тебе интересно, то они рядом похоронены. Приезжал бы в годовщины их гибели, то встретился бы с кладоискателем.
— Он, что, на кладбище золото ищет?
— Нет. К жене ходит. За могилами всех троих тоже присматривает, приплачивает, чтобы обиходить их. Пытался тебя найти. Не получилось. Когда жена погибла, дочка маленькая, здоровье слабое, денег нет. Вот он и собрал металлоискатель. Большой, неказистый, но работал хорошо. Февраль — время штормов в Сочи. Море в себе ничего не держит, от чего может избавиться — очищается. Вот и всё золото, что купальщики летом теряют в воде, море выбрасывают. Опять же ангелы помогают. И ему помогли. Он нашёл большой перстень с крупным алмазом и ещё по мелочи. Этого хватило, чтобы в Москву перебраться для лечения дочери. Ну а там он выбрал бандитскую дорогу. Денег надо много, вот он и не смог найти такую работу. Потом отошёл от этого…
— Ага. Отошёл… А казино?! — закричал Иван.
— Если бы ты знал, что он делал раньше, то казино — это не страшный грех.
— А чего он на пляже делает? Богатый же!
— Дань привычке. Он каждый год приезжает на годовщину смерти жены. И за три дня до этой даты идёт на пляж. Именно здесь он нашёл те самые драгоценности. Стоял на пляже один, смотрел в небо и призывал свою покойную жену помочь ему, чтобы дочь лечить. Ну не жена — другие помогли. В эти дни он становится очень сентиментальным, помогает людям. Вот и у тебя был шанс пообщаться с ним. А ты… Утонул.

Пауза.
— Господи!!! — Иван орал в голос. — Прости меня! Какой же я идиот!!!
— Поздно, — голос Ментора сух, без эмоций.
— Я готов. — Иван обречённо.
— Ну, если готов, значит, готов.

Вариант №1

Лето. Москва. Крымский мост. Ранее утро. Над водой клубится небольшой туман. Прохожих нет, только редкие машины проезжают по мосту.

Рядом с мостом стоят двое молодых людей. Иван делает глоток из бутылки шотландского односолодового виски. Предлагает товарищу.
— Нет, Иван, спасибо. Я же за рулём. Не хочу, чтобы права отобрали.

Иван внимательно смотрит на товарища. Делает глоток, закуривает.
— Объясни мне, друг Серёга, ты никогда не совершаешь ошибок?
— Отчего же. Совершаю. Как все. Для чего позвал в шесть утра сюда? Да ещё в воскресенье.
— Поговорить хотел. Влип я по самые уши. Проиграл всё. Три квартиры проиграл, все деньги спустил. Ничего нет у меня. Да и долгов наделал… — Иван сплюнул в Москву-реку.
— Долгов-то много?
— На пароход хватит, а может, и на два. Я не считал всё. На «Боинг» — точно.
— От меня-то чего хочешь? У меня нет таких денег. Даже если соберу всё, то не хватит. Чем помочь-то?
— Не знаю, Серёга, не знаю! Что мне делать? Вот и позвал тебя сюда под мост. Вот, думаю, напиться, да с моста вниз башкой сигануть в реку. И всё. И точка! И нет меня. И нет долгов. Знаешь же, что его называют «мостом самоубийц»?
— Знаю. Не выход.
— А ещё, говорят, что в этом мосту одна заклёпка из чистого золота.
— Говорят, что в Москве кур доят, но я не видал, а ты?
— И я не видел, Серёжа! Что посоветуешь?
— Точно не сможешь отдать долги?
— Точно. — Иван обречённо кивнул, снова приложился к бутылке. — Даже если меня на органы разобрать. Я уже смотрел расценки. Не хватит. И даже на десять процентов.

Серёга присвистнул от удивления.
— Солидно ты задолжал. Народ серьёзный?
— Не то слово, — Иван обречённо махнул рукой. Тоска. Хоть вешайся или топись.
— Ну, это всегда успеешь. Или тебя убьют, разберут на органы или в рабство продадут. Чтобы долг отрабатывал.

Серёга почесал лоб.
— Бежать тебе надо, Иван. Быстро и далеко. Чтобы не нашли.
— От этих не убежишь далеко. Найдут на другом конце света. В любой стране.
— С Дона выдачи нет!
— В Ростов-на-Дону что ли? И там достанут, — Иван щелчком выбросил окурок реку.
— Да, нет, Ваня, не в Ростов. В армию беги. В военкомат завтра с утра. Скачками. Просись к чёрту на кулички.

— В армию? Я что похож на неудачника? «Лох Петров» что ли?
— Ты очень удачлив! — Серёга саркастично посмотрел на товарища. — Особенно сейчас, выбирая малодушно между мостом и верёвкой.

Иван немного подумал.
— А ещё варианты?

Сергей пожал плечами.
— Это то, что мне пришло на ум. Из армии, как и с Дону, выдачи нет. Армия укроет, потребует много, но не выдаст. Познакомишься, встретишь много интересных людей, которых ты сможешь безнаказанно убить! — Сергей улыбнулся. — Станешь другим человеком. А то всё крутился с «золотой молодёжью», для которой проигранные тобой деньги — это папа на карманные расходы даёт.
— Не тронь моих друзей! — Иван зло посмотрел на друга и сбросил его руку со своего плеча.
— «Друзья»! — передразнил его Сергей. — То-то ты сейчас со мной под мостом стоишь, а не с ними. У них же денег куры не клюют. Где они?
— Ну да. Ты прав. — Иван хмуро кивнул. — Не люблю дисциплину. Равняйсь! Смирно!
— Ничего. Всё в первый раз. Дисциплина ещё никого не портила.
— Тебе-то хорошо говорить. Ты уже отслужил своё.
— И не жалею. На многое смотришь иначе. Особенно на таких дружков, которые ничего не сделали, живут на всём готовом. И ты с ними, голодранец, со школы тёрся. Дружил. В друзья набивался к ним. И что?!
— М-да уж. И тут ты прав. Помню, как твой отец меня на рыбалку с тобой брал. На Рыбинское море ездили. Ночевали на острове. У костра сидели, уху варили из свежепойманной рыбы! Одно из самых ярких моих воспоминаний. Плохо мне. Плохо… Эх!
— Так поменяй всё. Чего ты сидишь под мостом и трясёшься от страха? Помнишь, как детстве: «Сегодня ночью под мостом поймали Гитлера с хвостом!» Не будь с хвостом. А то ухватят за него. Дуй в военкомат. Ни на что не жалуйся. Говори, что здоров как бык. Всё, как в фильме «ДМБ», у тебя будет. Долгов в казино наделал и в армию смылся.
— Там комедия! И его кредиторы Улукбек и Максуд — пушистые зайчики из живого уголка детского сада на углу. Но, пожалуй, ты прав. Если что, возьму автомат и буду отбиваться. Терять-то мне нечего уже.

Прошло полгода.

Сахалин. Артиллерийский полигон. Утро.

В шеренгу стоят военные КАМАЗы. Рядом крутятся солдаты, офицеры. Невдалеке расположена курилка. Солдаты курят.

Иван расстегнул бушлат, шапка на затылке, затягивается. К нему подходит солдат, в руках крутит письмо.
— О, Серёга, почта пришла? Письмо с малой родины? С Большой Земли!
— Ага! — Серёга вскрыл конверт.

Вынул бумагу. Издалека было видно, что это официальный документ. Солдат внимательно прочитал. Расстегнул бушлат, потом куртку, потёр грудь. Снял шапку и засунул её в карман. Было видно, что крупные капли пота градом бегут по остриженной голове, стекают по лицу. Серёга шапкой вытер лицо, голову, шею, снова в карман.

Иван внимательно смотрел на товарища.
— Чего там? Как ты?

Серёга вздохнул — выдохнул.
— Дай закурить.
— Так ты же не куришь?! — Иван удивился.
— Нормально. Теперь можно. Уже курю.

Взял сигарету умело прикурил. Затяжка, закашлялся, пошатнулся, схватился за столбик. Перехватил тревожный взгляд друга.
— Всё нормально. Давно не курил. Голова закружилась.
— Что тебе прислали?
— А, это? — Серёга помахал документом. — Официальное уведомление о разводе.
— О как! — Иван удивился. — Я и не знал, что женат.
— Уже нет. Я ждал этого.
— Поведай, друг, мне, что случилось. — Иван подвинулся поближе, чтобы не пропустить ни слова.
— После 9 классов я поступил в техникум в краевой центр. Из деревни приехал. На строителя учился. Думал, вернусь домой, буду строить. Механизатором стал ещё в школе, а вот строителем захотел. И на последнем курсе влюбился. Влюбился. Втюрился до беспамятства. Увидел в кафе — и всё! Свет в голове выключили. Стал ухаживать. Но она смеялась. Кто она, и кто я!
— А кто она?
— Она. .. — Серёга полез во внутренний карман куртки, достал военный билет.

Там лежало фото девушки. Протянул Ивану.

Красивая блондинка. Длинные волосы, тонкие черты лица. Припухлые губы. Чуть-чуть вздёрнутый носик. Милые ямочки на щеках. Голубые глаза. И в глазах — как чёртики притаились. Неудивительно, что такая могла вскружить голову деревенскому парню.
— Ты так дырку протрёшь на ней! Смотри! Не влюбись! — Серёга забрал фото и спрятал в карман.
— Не влюблюсь. — Иван покачал головой.

Иван не стал рассказывать Серёге, что в Москве ему приходилось общаться со многими красавицами. Но на фото действительно была красивая девушка. Её глаза… они манили.
— Долго я ухаживал. Вернее пытался. Меня все отговаривали. Говорили, что она дочь Лба!
— О, ё-тать! И кто такой Лоб?!
— Семён Петрович Печёнкин. Он же Лоб.
— И почему «Лоб»? Логично же — «Печень»?

— Он и был поначалу, как рассказывали, «Печенью». Вначале девяностых бандитствовал. Но потом поменяли кличку на «Лба». Он здоровый. Под метр девяноста. Он хватает человека — а хватка у него, как у кузнеца деревенского — и лбом бьёт в лицо. Лицо всмятку. Говорят, что кто-то и умер. Кости носа попали в мозг. Не знаю, правда, или просто брешут. Но страшен. Время прошло, все кто рядом с ним были, сели надолго, а потом и умерли по тюрьмам да лагерям. А у него брат старший в милиции — полиции. Сейчас высокий пост занимает.
— Наверное, он дружков брата и определил на лесоповал, а там уже...
— Многое болтали. Предупреждали, стращали. А я как телок за маткой привязанный шёл. Куда она, туда и я. На последние копейки покупал ей цветы. Просто как морок на меня напал. Обмороченный был я. Да и сейчас не до конца оклемался. Как похмелье осталось.
— Тестю ты тоже не глянулся?

Серёга рассмеялся, махнул рукой.
— Я никому из её семьи не глянулся. Совсем. Батя её крутой. Самая крупная строительная фирма. Пара ресторанов. Магазины, автосалон. Не считая мелочи, типа автостоянок. Всего не знаю. Меня не пускали в свои дела. Когда дело до свадьбы дошло, так заставили подписать бумагу, что я не претендую на их имущество. Думали, что я на их добро рот разеваю. К бесу оно мне нужно! Мне Каролинка нужна была! Эх! — Серёга сплюнул зло.

Иван усмехнулся.
— Это как она тебе запала! Через такие унижения прошёл.
— Ты пойми, я её к себе же звал. В деревню! Там бы всё по-другому срослось! А тут... Стали жить с её родителями.
— У неё, что квартиры не было? Да не поверю! Папаня крутой, а дочери хату не справил! — Иван недоверчиво покачал головой.
— Да была у неё квартира. Двести квадратных метров! У нас в деревне и домов таких нет. Папаша её говорит, мол, все будем жить под одной крышей. Домина — дворец! Больше шестисот «квадратов»! Ну, пошёл я в примаки.
— Куда?
— В примаки, — повторил Серёга, — это когда в дом жены родителей приходишь. Унизительно, конечно. Особенно, когда тесть строит из себя, мол, он хозяин жизни! Кум королю, сват министру! А ты — ноль без палочки! Устроил он меня к себе на стройку прорабом. И контролировал каждый шаг, целая бригада его шавок в офисе проверяла каждую смету, акты на просвет рассматривали, наверное, на зуб пробовали, а не украл ли я чего от тестя. А тут с работы приехал. Аврал был. Замотанный, с утра маковой росинки во рту не было. Грязный, есть хочу! В глазах темно. Помылся, говорю любимой, мол, накорми меня! А она в ответ: «Мы в ресторане поужинали, и я за тебя не для того замуж выходила, чтобы кухаркой при тебе быть!» И скачками к папеньке, мол, муж меня к плите гонит! Ну, Лоб ко мне. По пояс голый. Жарко ему. Коньяком за версту разит. Крест на груди золотой. У нашего попа медный и то поменьше будет. Орёт, мол, ты, что, сявка, оборзел в корень! Мы тебя, щенка шелудивого, в дом пустили! Живёшь как у Христа за пазухой! И пузом своим к стенке меня давит. Ну, думаю, как своей башкой чугунной как даст мне по кумполу, так головёнка и расколется, как пустой орех, на мелкие кусочки. Ему-то ничего не будет. Тренированный! Брат ментовской выдаст за несчастный случай, на арбузной корке, деревня, поскользнулся. Когда он прижал меня к стенке, я резко присел. А тестюшка мой ненаглядный впечатался в метровой толщины стенку...
— И как?
— Как? Стенка выдержала. На совесть сработана. А Лоб весь в крови без сознания на полу. Я еле успел вынырнуть из-под туши. Много мяса. Не каждый боров перед забоем столько весит. Тут жена с мамашкой ейной прискакали, визжат, как свиньи на бойне, мол, я — убивец, паршивец... Много чего я услышал в свой адрес. У нас мужики так пьяные не все умеют ругаться... да и на стройке не каждый день услышь... Вот тут я и сообразил, что пора «делать ноги». Ходу, кумушки, ходу! Вещички свои в рюкзак кинул, паспорт, прихватил у них пару бутылок коньяка дорогого. И двинул, что было сил. Понял, нельзя автобусом, — поездом. Братик Лба сейчас всё перекроет. На попутках за сутки добрался до родительского дома. Посидели с батей. Подумали. Я коньяк на стол. А он, хоть и не дурак выпить, говорит, мол, убери, для дела сгодится. Военком через два дома живёт. Мы к нему. Отдал я ему два «пузыря» коричневой жижи — коньяка. У того глаза, как у быка производителя стали. Чуть не выпали из орбит. Он понимает в нём толк. Говорит, что такой не во всех магазинах в Москве продаётся. Обрисовали ему ситуацию. Он затылок почесал. Говорит, чтобы завтра был в 9.00 в военкомате с вещами, и в тот же день я был в команде на Дальний Восток. Военком позвонил кому-то, чтобы меня отправили как можно дальше.
— Ты же говорил, что у Лба связи крутые. И, что, не достал он тебя?
— Пытался. Уголовное дело возбудили. Тяжкие телесные, кража чуть ли не миллиона денег, золота полпуда и ещё чего-то. Вызывали меня в военную прокуратуру, спрашивали, как оно было. Контрразведка дёргала. Следователи рожу кривили. Контрразведка смеялась в голос. Потешалась. Требовала деталей истории. А потом мне со стройки написали, что обо мне разговоры пошли, что чуть Лба не завалил. Даже посылку отправили в знак благодарности. Мироед, он и есть мироед. Работяг

всегда прижимал по деньгам. Три шкуры сдерёт штрафами. Пашут на него, а потом получается, что ты ему ещё и должен. Избил, писали они, я его. И авторитет его упал. Если такой дохляк, как я смог с ним сладить, значит, и другие смогут. Да ещё заявление в милицию написал. А это у них не поощряется. Лоб, писали, чуть дом не разнёс. Навалял под горячую руку и жене и дочке, они виноваты, что меня в дом привели,—вздохнул, затянулся.—Вот и получается, что мне ещё много лет нет ходу из армии. По контракту останусь служить. А может, и в военный институт пойду. В армии хоть и не сахар, но своих не сдают. Жена сказала, чтобы бросил курить—бросил. Ну а развелась…—он помахал конвертом.—Я и снова начал. А ты как в армии после института оказался? Не просто же так?
— Да…—Иван неопределённо махнул рукой.
— Что тоже бегаешь?
— Вроде того.
— Слушай! А как ты все категории в водительских правах открыл? Когда ротный увидел, так сразу тебя за командирскую машину определил. Как сумел? Тебе по возрасту не положено, да и по стажу тоже. Как?

Иван усмехнулся, посмотрел вдаль, словно перенёсся в прежнюю жизнь.
— В карты выиграл.
— Как в карты?—Серёга чуть дымом не подавился от удивления.
— Играли в карты. С нами ГАИшник был. Проигрался в дым. Отыграться хочет. Ставит на кон, что в случае проигрыша откроет все категории в правах.
— И чего?
— Я выиграл. Так он выдал через день права. И, как вишенка на торт сверху,—на трамвай и троллейбус. Так что я могу управлять всем транспортом, кроме железнодорожного и воздушного.
— Сурово. Уважаю. А сам-то водить умеешь?
— Умею. По Москве гонял—никто догнать не мог.
— Так если у тебя дома засада, так давай дальше в армии и останемся. Понимаю, что дома тебя никто не ждёт, кроме неприятностей?
— Угу. Не ждут.
— Долги, Иван?
— А как догадался?
— Ты сам рассказал про карты.
— Угу.
— Много?
— На эскадрилью американских бомбардировщиков хватит. Купить можно. Вместе с аэродромом.
— Ни… себе! И ищут?
— За такие деньги ищут.

Солдаты, офицеры засуетились.
— Рота! К машинам!—послышался голос старшины.

Показался командир роты с бутылкой минеральной воды. Вид у него был изрядно помятый, периодически прикладывался к воде, делал большой глоток, кадык на жилистой накаченной шее дёргался вверх-вниз.

Личный состав подбегал к магазинам, переговаривался на ходу:
— О, дочку «обмывал».
— Вторая дочь. Он так сына ждал.
— Бракодел!
— Он на учениях, ему позвонили, сообщили. Не успеет из роддома забрать.
— К нему сейчас мать и тёща приехали.
— О, тёща! Она ему мозг не вынесет, а съест!
— Нашему ротному? Он сам кого угодно сожрёт на завтрак.

Все построились возле своих машин. Командир роты принял рапорт. Он периодически потирал лоб. Было видно, что ему тяжко.

Командир первого взвода зачитал приказ командира батальона на марш.
— По машинам!—прозвучала команда.

Эхом она прокатилась по всему строю. Все сели в машины, стали выстраивать колонну.

Иван был водителем на командирском КАМАЗе, УАЗ забрал комбат, его машина поломалась.

Ротный сел, сдвинул головной убор на затылок, приложил бутылку ко лбу.

Иван усмехнулся. Он-то знал, что такое похмелье. Не раз и не два тоже так страдал. Знал, что самое лучшее средство—это принять стопку-две, но не солдатское дело ротному указывать, что делать. Ротный страшен в гневе, а сейчас, с похмелья, так лучше молчать. Иван опустил стекло со своей стороны—такой сильный запах перегара был.

Командир роты был нормальный мужик. По мелочам не придирался, обращался только на «вы», был строг ко всем, включая себя. Устав внутренней службы знал, казалось, наизусть. И в технике разбирался. Водил на автодроме лучше всех в батальоне. Первый раз Иван его увидел болеющим с похмелья. Всегда выглажен, подтянут. Ну, оно и понятно. Не каждый день вторая дочь рождается.
— Разрешите начать движение, товарищ капитан?
— Давай. Разрешаю,—махнул ротный бутылкой в сторону лобового стекла.—Только не гони. Не болванки артиллеристам везём. Тихо-тихо. Аккуратно. Понял?
— Так точно! Понял.

Иван на пониженной передаче вывел КАМАЗ со стоянки, встал в колонну. Впереди него ехал точно такой автомобиль с таким же грузом.

По радиостанции были слышны доклады старших машин и командиров взводов о готовности к маршу.

Когда поступили все доклады, ротный скомандовал по станции:
— Начать движение!

И поехали, поехали, поехали! Медленно, не более сорока километров в час. Это головная

машина едет со скоростью сорок километров, а техническое замыкание несётся все восемьдесят.

Сзади на цепях громыхало бревно, точно такие же были прикреплены ко всем машинам. Не очень красиво, и на ротного другие командиры ругались, смеялись, крутили пальцем у виска. Но он был непреклонен. Опыт войны в Афганистане, Чечне, показал, что вот такой доморощенный «горный тормоз», спасал много жизней. Когда взбираешься в горку, машина глохнет, отказывают тормоза, то катишься назад и просто упираешься в это бревно или брус и останавливаешься. А у КАМАЗов тормоза—это «болезнь». Часто отказывают. Командир роты берёг и людей и технику.

Поехали, поехали!

Кажется, чего проще—крути «баранку», держись «в хвосте» у впереди идущего. Но сон так и накатывается от монотонной езды. Дорога неровная, ухабистая, да и рельеф не из Московской области, где всё гладенько да ровненько, как на блюдечке. Сопки, вверх-вниз, вправо, влево, машина серпантином взбирается почти на вершину, потом так же стремительно вниз.

У «Узбека» земляк служит в разведроте бригады, так он по секрету шепнул, что будут устраивать засады на колонны. Эта весть также «по секрету» разлетелась по роте, и теперь не только соблюдай дистанцию и следи за поворотом, но головой тоже крути—откуда разведчики устроят пакость.

Сопки лесом поросли. То хвоя вечнозелёная, то кустарник такой, что танк спрятать можно—с десяти шагов не увидишь, не то что группу солдат в маскхалатах.

И каждый всматривался, как мог, в лесистые склоны. Ротный на занятиях рассказывал, что при атаке на колонну подбивается первая машина и последняя, потом расстреливай и колонну и людей. Поэтому задача—деблокировать проезд. Сталкивай машину в кювет, пусть там даже твой раненый товарищ и ты не можешь его эвакуировать. Жизнь одного—это ценность, но на фоне всей колонны и боевой задачи—ничто. Строчка в штатно-должностной книге роты (ШДК). Скорбеть будем потом, а сейчас нужно выполнить задачу.

Так командир роты доходчиво объяснял, что выполнение боевой задачи—самое главное, всё остальное—средства для выполнения задачи.

Колонна идёт. Вверх-вниз. Вправо-влево. Вправо-вниз, с правой стороны склон сопки—жмись к нему, слева—обрыв метров десять глубиной, приятного мало. Пот по спине, ладони вытираешь о тряпку и о штаны. Руль скользит. Пот со лба рукавом куртки отираешь. Даже свежий воздух с улицы не остужает. Напряжение во всём теле.

Впереди, через пять машин раздался взрыв на склоне сопки, и тут же раздался треск автоматных очередей. Откуда стреляли, было нападение—непонятно. Тут же ожила радиостанция:

—Нападение со стороны сопки. Впереди завал. Работает «дымовуха» (шашка дымовая).

Ротный орёт в гарнитуру:

—Колонна! Стой! К бою!

Обращаясь к Ивану:

—Тормози!

—Торможу! Не тормозится!

Педаль тормоза хлюпала в полик кабины. Иван дёрнул ручной тормоз на себя, машина замедлила ход, потом где-то внутри раздался звук «бздынь», и машина пошла накатом, приближаясь к впереди стоящему грузовику.

Ротный схватил руль:

—Прыгай, солдат! Я приказываю!

Иван отпихнул здоровенного ротного:

—Сами прыгайте! У вас дети! Вы и дочку ещё не видели! Быстрее!

—Я приказываю!!!—рычал ротный.—Рядовой!

—Быстро прыгайте! Я под склон уведу!—Орал Иван, крутя «баранкой», ловя дорогу.—Врежемся! Полколонны рванёт! Прыгайте! Ну!—посмотрел на ротного.—За дочку прыгайте,—в голосе была мольба.—Прошу!!!

Командир роты рванул ручку, высунулся и прыгнул. В боковое зеркало было видно, как он сумел ухватиться за какой-то куст, повис на нём и, только как машина прошла, скатился вниз и побежал следом.

Иван отчаянно крутил руль, но понимал, что кроме как вниз, у него не было другого выхода. До впереди стоящей машины осталось не более трёх метров, когда он резко начал выворачивать руль влево…

Что такое металлическое ограждение для легковой машины? Непреодолимая стена. Для многотонного грузового КАМАЗа, гружённого снарядами? Небольшая заминка. Со скрежетом ограждение прогнулось, спустя полсекунды порвалось…

Машина полетела вниз. Бревно на цепях зацепилось на мгновение за порванное ограждение, цепи натянулись и лопнули со звоном. И КАМАЗ, окрашенный в зелёный цвет, почти вертикально полетел вниз. Груз в кузове по инерции начал смещаться вперёд…

Иван закрыл глаза перед землёй, вцепился, что было сил в руль…

Белая вспышка…

Ментор

—Ты уже можешь снова открыть глаза. Не бойся. Ты снова мёртв. Да и глаз у тебя нет.

Иван перевёл дыхание.

—Это была симуляция?

—Нет. Это не была ни симуляция, ни инсталляция. Это была твоя жизнь. Твой вариант жизни. Вы делаете выбор, и каждую секунду рождаются, появляются миллиарды параллельных реальностей, они пересекаются, расходятся, снова пересекаются,

сливаются. Просчитать невозможно. Почти невозможно.
— Так я же всё равно умер!
— Ты сейчас умер. Мог попасть в другую часть. А в этой реальности, где ты был, всё идёт своим чередом. Тебя наградили Орденом «Мужества» посмертно. Через два года у того капитана, что ты спас, родится сын. Он назовёт его в честь тебя. Тебя похоронят в Москве. Так как родни у тебя нет, то твой Орден передадут в школу. И будут про тебя всем рассказывать, какой ты был примерный ученик. И за могилой школьники будут ухаживать. И на уроках мужества про тебя будут зачитывать сочинения. А на похоронах были твои кредиторы, когда узнали, как ты погиб, то принесли самый богатый венок с лентой «От друзей».

Помолчали. Иван переосмысливал пережитое.
— Но я же всё равно умер.
— Смерть смерти рознь. Или ты пьяный, убегая от долгов, бросился в шторм. Или пожертвовал собой, чтобы спасти других людей. Всё иное. Жертвенность во имя спасения других! Но тебе пока не понять.
— Я понял. И что теперь?
— Теперь? Новая реальность. Твой выбор. Новая жизнь, которую ты проживёшь, не помня обо мне. А потом снова вернёшься сюда. И так много миллионов раз подряд. До Страшного Суда…

Вариант №2

Красноярский край. Лесосибирск. Грузовой причал на Енисее.
— Егорыч! Егорыч! Ты здесь?
— Чо? Кого черти принесли?—послышался голос из рулевой рубки судна типа «Ярославец».

На палубу вышел кряжистый, крепко сбитый мужик лет шестидесяти. Рукава тельняшки были закатаны по локоть, он вытирал руки грязной от смазки тряпкой.
— А, это ты, Михалыч, чего хотел?—спросил Егоровича у мужика на берегу.
— Да вот, пацан тебя ищет.

Михайлович кивнул на Ивана. Оба стояли на берегу рядом с деревянным трапом.
— Ты кто?—неприветлив Егорович.—Чего надо?
— От Комника Петра Кузьмича. Из Москвы.— Иван задрал голову вверх, открытую ладонь «козырьком» к бровям, периодически отмахиваясь от насекомых.
— От Комка, значит.—Егорович помолчал.—Это про тебя он звонил. Как зовут-то?
— Иван.
— Поднимайся,—он махнул грязной тряпкой в сторону судна, сам достал папиросы.

Постучал мундштуком о пачку папирос, прикурил от спички коротким жестом, по привычке закрываясь от ветра, которого не было. Обгорелую спичку спрятал под донышко лотка коробка.

Иван поднимался по хлипкому трапу, который прогибался под его тяжестью. За спиной на одном плече висел тощий рюкзак. Пару раз его клонило в сторону.

Егорович молча, внимательно смотрел на поднимающегося Ивана, не предпринимая никаких движений, чтобы помочь ему.

Последние ступени Иван взбежал. Протянул руку.
— Иван,—представился.

Егорович посмотрел на протянутую руку, щелчком отбросил окурок в реку, сплюнул следом. Посмотрел, как быстрое течение относит окурок и плевок.
— Пошли,—Егорович, не пожав руки, развернулся и через нос судна, в обход рулевой рубки, повёл в трюм.

За дверью в рубку по правому борту был спуск. Семь ступеней по металлическому трапу вниз. Потом направо. Слева дверь каюты. Егорович толкнул её. Один иллюминатор, под ним стол, по бокам два рундука. Одна постель заправлена армейским одеялом, полоски выровнены, подушка взбита, углы расправлены. Вторая—обычный дерматин.
— Присаживайся. Рассказывай.—Егорович показал на топчан напротив.

Иван порылся в рюкзаке и вытащил бутылку дорогого виски в деревянной коробке. Поставил на стол. Поднял выдвижную крышку, продемонстрировал бутылку выдержанного напитка, обложенную соломой.
— Ну, за знакомство!

Егорович сердито посмотрел на бутылку. Засопел и ударил кулаком по столу. Бутылка подпрыгнула. На кисти была заметная крупная выцветшая татуировка: военно-морской якорь, обвитый канатом, и снизу надпись «тоф».
— Ещё раз увижу бутылку—засуну тебе в зад и выброшу за борт. Понюхаешь пробку—то же самое. Заруби себе на носу, если хочешь остаться,—«сухой закон» до конца навигации! Из коробки лучше скворечник сделай! Вон, и сено уже для гнезда лежит! У меня на борту алкаш! Зашибу! Понял?
— Понял.—Иван спрятал бутылку.
— Докладывай, кто такой, откуда.

Иван представился.
— Из Москвы, значит. И чего тебе там не сидится?

Иван пожал плечами.
— Так получилось.
— Получилось,—передразнил его Егорович.—Если бы не долг перед Комком, шиш бы я тебя на борт пустил. Служили мы с ним вместе срочную на тофе. Эх… было время и дело. Вот тогда я и поклялся, что в долгу неоплатном у него. А тут он мне звонит и говорит, чтобы я тебя на борт взял в команду, и долг прощён. На одну навигацию, а там мы с тобой сами разберёмся. И у меня в запой

ушёл моторист. И тут тебя из Москвы десантом. М-да, дела.

Помолчали. Егорович бросил быстрый взгляд на Ивана:
— Комник тебе не рассказывал про мой долг перед ним?
— Нет. Не говорил.
— Значит, не счёл нужным. Документы какие есть?
— Вот,— Иван начал выкладывать,— паспорт, диплом, права водительские и документы на право управления судном, допуск по энергоустановкам.

Егорович стал рассматривать документы на управление судном. Посмотрел даже на просвет.
— Вижу, что «липа», но выглядят, как настоящие. Комник сделал?
— Он. Сказал, что права настоящие, а вы меня, мол, научите управлять.
— Руки покажи, ладони,— потребовал Егорович у Ивана.

Тот протянул раскрытые ладони.
— Да, паря,— цокнул он языком.— Ручки-то у тебя мажористые. Тяжелее стопки с виски не держал. Как же ты с дизелем управляться-то будешь? Да у штурвала стоять?
— Буду!— Иван упрямо тряхнул головой.— А мозоли— дело наживное. Вам про меня Пётр Кузьмич ничего не рассказывал?
— Нет.— Егорович покачал головой.
— Значит, не счёл нужным. Показывайте дизель. Я автодорожный заканчивал. И люблю двигатели.

Егорович отвёл его в машинное отделение.

Слева от трапа, по которому они спустились в трюм, находился дизельный двигатель.
— ЯМЗ, точно такой же, как и на КАМАЗе,— осмотрел его Иван.— Знаю его.

Рядом стояли станки токарный и фрезерный. Иван включил их поочередно. Осмотрел. Выдвинул ящики с инструментами под верстаком. Переложил пару ключей из ящика в ящик.
— Здесь рожковые лежат, а эти случайно попали к накидным. Непорядок,— пояснил он.

Над дизелем расположена лебёдка для снятия крышки двигателя при ремонте. Иван проверил её работоспособность. Потом проверил уровень топлива в баке и уровень масла. Вытер руки промасленной тряпкой.
— Смогу!— Иван тряхнул головой.
— Посмотрим.— Егорович был угрюм.— Пошли в рубку.

На мостике капитан вводил в курс дела нового члена экипажа. Не позволял руками ничего трогать.

Потом спросил:
— Стрелять умеешь?
— Стрелять? Из чего? В кого?
— Еды мало. Очень мало. Я взял на одного. И только в рейс. А тут ты мне на шею свалился. И сидеть сейчас будем на берегу пару дней, пока портовые у себя порядок наведут и нас загрузят. Вот и предлагаю смотаться на охоту. Тут недалеко. Сейчас утки должны прилететь. Набить штук пяток, забить холодильник. Как ты?
— Нормально. Но ружья у меня не было. Стрелять стрелял.
— Стрелял, говоришь. На-ка, собери!

В углу рубки стоял металлический ящик под замком. Оттуда капитан достал ружьё в чехле. Оно было в разобранном состоянии.

Иван покрутил его и с третьей попытки собрал в единое целое. Переломил, посмотрел в стволы. Потом защёлкнул замок, взвёл курки, нажал на спусковые крючки. Оба сухо щёлкнули. Прицелился на верхушку дерева, проверил, не сбит ли прицел и мушка. Передал ружьё Егоровичу.
— Так?
— Так. Вот тебе 4 патрона. Заряды береги. Мелкая дробь на птицу водоплавающую. Пошли!— он махнул рукой на выход. Потом достал большую связку ключей и запер все двери на судне. Спустились на берег.
— Михалыч! Михалыч! Ты здесь?— крикнул Егорович.
— Да здесь я! Кому не спится?— Михалыч вышел из-за штабеля досок.
— Михалыч! Я возьму у тебя лодку?
— Далече?
— Километров пять вниз, в заводь на утю.
— Бери! Бензина потом заправишь.— Михалыч махнул рукой и пошёл вновь за штабель.
— Пошли! Помогай!

Иван с Егорычем подошли к одной из лодок, в большом количестве вытащенных на берег.
— Вот его «Казанка». Давай на воду спускай!

Вдвоём они быстро столкнули на воду лодку. Веслом оттолкнули от берега. С третьего раза завёлся мотор. Пошли вниз по течению.

Перекрывая шум мотора и ветра, Иван прокричал:
— А за судном кто посмотрит? Всё в порядке?
— Всё в порядке. Михалыч и посмотрит. Он раньше был капитаном. Лютый был капитан. Баржи таскал по Енисею. Звериное чутьё. Ночью идёт. Где топляк, где «маломерка» с браконьерами чует. Обойдёт или по ГГС так обматерит, что те улетали на скорости от него. В какой-то год Ангара обмелела. Вода упала. Камни торчат. Никто не пошёл. А он провёл и туда, и назад. Даже не царапнул. Сам у штурвала стоял. «Синька» его сгубила.— Егорыч для наглядности шлёпнул себя тыльной стороной ладони по горлу.— Списали его вчистую на берег. Навсегда. Семья и распалась. Он всё оставил в Красноярске и сюда перебрался. Вот в порту и околачивается. Не может без реки и пароходов. Но на борт не поднимается. Вообще. Никогда. Я сам его звал и в гости и хотел в команду взять. Ни в какую. Стакан бросил. Только чай. Но от реки

отойти не может ни на шаг. Браконьерничает по-тихому. За судном посмотрит. Его тут слушают. Кулак — что веслом огреет. Он и свою команду в своё время держал в узде. Никто чихнуть без его разрешения не мог. Все рвались к нему. Зазря никого не обижал, но чтобы был порядок флотский, и в деньгах не жадный был. Заработал — получи. Вот и у меня никто не будет пить в навигацию. Хозяину деньги нужны. И мне тоже. Только успевай, оборачивайся в рейсе. Зимой на ремонте отдыхать буду. Сейчас прибудем.

Показался плёс в небольшой заводи. Егорыч аккуратно, легко вывел лодку на песчаный берег. Выскочили, вытащили на берег. Он отдал Ивану ружьё, четыре патрона, сам тоже с ружьём.

— Значит, так. Ты — налево, я — направо. Встречаемся здесь через два часа. Если кто-то не вышел, ждёт час и идёт искать второго. Ступай вдоль берега. Не шуми. Смотри, что под ногой. Увидел утку — не бей на воде. В кустах может быть другой охотник. Поднимай её в воздух, влёт бей. Понял?

— Угу! — Ивану не терпелось пойти на охоту и проявить себя, принести добычу, доказать, что он достойный член команды Егорыча.

Через два часа Егорович вернулся к лодке, нёс двух селезней. Иван сидел за лодкой и что-то стирал в реке.

— Ты чего стираешь? Кровь застирываешь или грязь?

— Да, тут такое дело… — оторвался от стирки Иван.

Капитан увидел, что Иван ниже пояса голый и босиком.

— Иду я тихо. По берегу. Высматриваю уток. Готов стрелять. Тут слышу треск, шум, хрип. Утки взлетели, но далеко. Я вскинул, стал выцеливать. Сам думаю, что за злодей шумит. И сам смотрю краем глаза, что какая-то серо-коричневая масса в мою сторону ломится. Именно ломится. Деревья сухие валятся, живые деревья гнутся.

— Медведь? — капитан вскинул голову.

— Он самый.

— Забыл тебя предупредить. Они сейчас из спячки зимней выходят. Страшные. Голодные. И пробку из зада выдавить не могут. Экскременты у них в прямой кишке каменеют за зиму. Вот они давят из себя. Злые. Хоть и ослабли за зиму, но страшный зверь. И чего ты?

— Чего-чего! На дерево полез от него. Ветер от него шёл, он меня не учуял. Или учуял, но ему не до меня было. Залез повыше. А он в мою сторону идёт. И под моим деревом и присел…

— И чо?

— Чо-чо! Ничего! Один внизу просраться не может, а другой наверху остановиться!

Капитан стал смеяться, пополам сложился.

— И долго сидел?

— Пока он не ушёл. Чего ржать-то! Страшно же!

— У медведя получилось?

— Подо мной — нет. Он дальше пошёл. Я за двоих постарался. Потом сполз с дерева и сюда. Вот. Стираю. Немного осталось. В машинном отделении просушу.

Егорыч смахнул слёзы от смеха:

— Ладно, верхолаз, пошли на судно! Штаны одень! Не стрелял?

— Бекасиной дробью? В медведя? Не идиот. Ружьё в лодке, рядом патроны.

Против течения лодка шла натужно. Подошли к заправочному танкеру.

— Эй, живые есть на борту? Мармуда, ты там?

— Кто спрашивает? Дешёвого топлива нет! — послышался голос на палубе.

— А у тебя никто и не спрашивает дешёвого. Качественного отпусти!

Через леер перевесилась голова.

— Ой! Егорыч! Ты же вроде как с утра на своей посудине был, а сейчас на «маломерку» пересел? Махнул что ли?

— Ага. Не глядя. Ключ в ключ. Чего зубы сушишь? Конец кидай. Пару канистр зальёшь.

С борта свесился канат. Егорыч мастерски завязал его вокруг ручки канистры, дёрнул.

— Вира!

Канистра поднялась наверх. Через пять минут спустилась вниз. Капитан перелил бензин из канистры в бак двигателя, потом снова отправил на заправку канистру.

— На мой счёт запиши. Домой пойду — заправлюсь и эти две канистры оплачу.

— Сделаю! Лишнего тебе не запишу. Михалычу наше с кисточкой! А это что за парень у тебя?

— Моторист мой новый.

— А штаны чего мокрые? Обделался с испугу-то?

— Неудачно лодку от берега отталкивал вот и в воду оступился.

— Вона оно чо! Понятно. Бывает! Покедова!

— И тебе не кашлять!

Когда отошли на приличное расстояние, Иван спросил:

— Отчего вы не рассказали про меня, что я… это… медведя встретил.

— Зачем? Чтобы потом всё пароходство потешалось? И тебя называли «гадким утёнком»?

— Почему «утёнком»?

— Пошёл на утку охотиться и обгадился. Поэтому и «гадкий утёнок». Прозвища в армии и на флоте приживаются навсегда. Вон, на танкере Мармуда заправляет. А почему он Мармуда? Никто уже и не помнит. Но посмотришь на него и понимаешь, что иначе и не могли назвать его. Мармуда он и есть Мармуда. И откликается он на неё.

Вернули лодку. Поднялись на борт своего судна. Оставшееся время Егорыч обучал Ивана теории судовождения и жизни на судне. Гонял по всему судну, заставлял запоминать многочисленные названия, как действовать в аварийной обстановке.

Затем началась погрузка груза. Это были контейнера. Под замком, опечатанные. Сверху на контейнеры поставили два новых автомобиля. Оставшееся пространство на корме было забито коробками с консервами.

Егорыч лично смотрел, как опускали портовые докеры контейнеры. Крепил к палубе. Автомобили также лично крепил. Ворчал, что центр тяжести высок. Осадка низкая. На советы, чтобы убрал балласт с киля, посылал советников так далеко и виртуозно, что Иван поневоле пополнил свой словарный запас новыми идиоматическими выражениями.

Погрузка окончена. На очереди выстроилась уже вереница судов.

— По местам стоять согласно вахтенному расписанию! Отдать швартовы! Ну, с Богом! — капитан широко перекрестился и крутанул штурвал.

Иван принял канаты, которые сняли с портовых кнехтов, уложил на палубе, как его учил Егорыч. Потом бегом спустился в машинное отделение. Первым делом проверил, задраены ли иллюминаторы. Капитан строго-настрого запретил открывать. Никогда! Рассказал, как несколько судов на Байкале затонуло из-за открытых иллюминаторов, да и «Булгария» на Волге с людьми ушла на дно из-за этих открытых «окошек».

Казалось бы, ну, река, не море же! Но Енисей — единственная река в мире, которая течёт не по ходу вращения Земли, а наоборот. Амазонка тоже так течёт. Но всего 140 километров, а Енисей — 700. И не на Юг, а на Север. Четверо суток до Дудинки, или, как его называли речники «Лос-Дудинка», а если идут в Игарку — то это «Нью-Игарка». Ивану показались месяцем. Когда ночью Егорыч ему командовал:

— Парень! Отбой! На сон четыре часа! — Иван засыпал уже в полёте к своему топчану — рундуку.

Но как-то втянулся. Научился спать вот так, короткими паузами. Капитан строго требовал от него неукоснительного выполнения своих обязанностей. Поначалу он гонял по устройству двигателя, правилам его эксплуатации. Требовал, чтобы станки все были смазаны, обслужены. В машинном отделении он требовал почти стерильной чистоты.

Затем Егорыч перешёл к обучению Ивана устройству судна. От самой высокой точки — антенны до балласта, расположенного в киле.

И не просто, а назубок.

Мог внезапно показать огоньком зажжённой папиросы:

— Что это за хрень? Быстро! А это что за пимпочка, и на хера она нужна?!

Сидеть не было времени. Егорыч требовал, требовал, требовал.

Потом он начал обучать азам судовождения. И опять нещадно требовал. Когда Иван допускал ошибку, то получал подзатыльник или чувствительный удар в плечо, спину. Несколько раз ему хотелось всё бросить, но, помня, что его ждёт, закусывал нижнею губу и делал, что требовал капитан.

На третьи сутки, под вечер, внезапно налетел шквалистый ветер. Он начал раскачивать судно в бортовой качке. Капитан стал разворачивать судно, пытаясь поставить его носом к волне. С кормы раздался треск.

— Быстро проверь груз! — взревел Егорыч, ворочая штурвалом.

Иван рванул наверх, в дождь, качку, ветер. Непогода заливала глаза. Казалось, что вытяни руку — и не увидишь пальцев. Всё мокрое, осклизлое. Качка, ветер сбивал с груза тело Ивана. Он цеплялся, пыхтел, тужился, но лез наверх.

Большие коробки, расположенные наверху, еле держались. Удерживающие фалы лопнули.

Автомобили уцелели.

В машинном отделении лежали запасные цепи лебёдки.

Иван, чуть не сломав шею, скатился с груза, ринулся в рубку:

— Фалы наверху лопнули. Груз вот-вот сорвётся. Я сейчас цепи запасные… — сбиваясь, прохрипел он.

— Давай, давай, сынок! Давай! Сам! — кричал капитан, борясь с непогодой.

Ивану удалось, борясь ветром, качкой, закрепить груз. Он несколько раз поднимался наверх, рискуя сломать себе шею или просто вывалиться за борт.

Ветер стих, дождь пошёл тише, волна немного успокоилась.

Иван сидел на палубе, прижавшись спиной к грузу. Он выбился из сил. Не мог даже подняться, чтобы спуститься вниз. Просто сидел, положив руки на палубу, и тяжело дышал.

Вышел капитан. Он поставил судно носом к волне, отдал якорь. Не взглянув на Ивана, он подёргал цепи, остальной крепёж, поднялся наверх, проверил, как закреплён весь груз. Только после этого подошёл. Закурил, встал напротив Ивана.

— Сил нет?

Иван с трудом поднял голову. Не ответил.

— Ну, давай, помогу.

Закинул руку себе на плечо, подхватил и начал поднимать.

— Ну и тяжёл же ты, парень! Надо тебе пайку урезать, а то трудно мне тебя тягать. Схуднуть тебе нужно кило на двадцать, — обратил внимание на его кисти. — Ух! А что с руками-то?

Иван изодрал кисти рук. Во многих местах они были порваны. Кровь текла, смешиваясь с водой, растекалась по палубе.

— Эх, паря! И палубу изгадил кровью. И потом скажешь, что не можешь движку ремонтировать

и вахту у штурвала стоять, палубу драить! Непорядок! Специально членовредительством занимался? Отдохнуть решил?

Егорыч выговаривал ему, сам внимательно рассматривал кисти, проверяя все ли пальцы на месте, сжимая его пальцы в кулак и разжимая.

— Симулянт, ты, Ванька, симулянт! Ладно. Будем тебя лечить. По-флотски.

Поддерживая, спустились в машинное отделение. В углу стояла жестяная банка с отработанным машинным маслом.

Егорыч взял Ивана за руки и быстро опустил кисти в чёрную жижу. Иван взвыл, пытаясь вырваться. Капитан удерживал. Тогда Иван попытался ударить головой в лицо. Но капитан легко отклонился, не выпуская рук. Усмехнулся — ощерился.

— Тихо. Тихо. Потом подерёмся, если захочешь. Терпи. Терпи. Бог терпел и нам велел.

Через пару минут он сам вынул руки, держа их над жестянкой, куда текло, капало масло. Внимательно осматривал.

— Вот и хорошо, — удовлетворённо кивнул он.

— Ты хочешь, чтобы у меня гангрена началась?

— Вот так ничего не будет. В нефтепродуктах никакая живность не живёт. Сейчас отмоем руки, зальём йодом, забинтуем. И всё заживёт. В рейсе, как сейчас, врачей нет, вот сам и крутишься, как можешь. Вызывать вертолёт санавиации тоже не всегда получится. Да и не всегда они прилетят.

Ивану приходилось постигать азы новой жизни, которую он только в кино и видел.

Выстояв очередь в порту Дудинки, встали под разгрузку. Грузчики, докеры приветствовали Егорыча. Было видно, что он им давно знаком. На Ивана они с любопытством смотрели.

— Хм! Очередной моторист у Жида! Не держатся они у него.

— Не понял, — удивился Иван. — А почему Жид?

— Увидишь. Он за копейку удавится. Гляди в оба! И мотористов он не любит. Дай-то Бог, чтобы кто-то выдержал с ним две навигации. Кто сам убегает, кого он выгоняет. Была у него одна история с мотористом… Он теперь их на дух не переносит. Будь его воля, так он вешал бы своих мотористов на мачтах как украшение. Так что не рассчитывай на вторую навигацию с ним!

— Да ну! — Иван недоверчиво покачал головой. — Куда же он без моториста-то?

— Мог бы он в одного управиться, так бы и сделал. А так… Необходимое зло. Терпит.

Пока стояли под разгрузкой, к Егорычу заходили в рубку люди. Они приносили какие-то пакеты, свёртки, пластиковые вёдра.

Потом Иван понял, что это была всевозможная рыба. Свежемороженая, плотно укутанная в пищевую плёнку. В пластиковых вёдрах — солёная. И несколько вёдер чёрной икры.

То, что в Енисее водится осётр и стерлядь, Иван уже видел, но чтобы вот так икру… Вёдрами… Не видел.

Из холодильника капитан выгреб все продукты. Засунул, запихал, забил рыбу и икру.

В обратный путь они пошли почти налегке. Шли почти неделю. Нелегко идти против течения такой могучей реки, как Енисей. Егорыч обучал Ивана мастерству судовождения. Руки почти зажили. Штурвал надо было держать крепко. Иван старался.

Питались они на обратном пути ничуть не лучше: макароны, тушёнка. Егорыч каждый день открывал холодильник и проверял, не съел ли чего Иван из северных рыбных запасов.

«Вот, ведь точно, жид!», — думал про себя Иван, глядя на ежедневную ревизию припасов.

Не доходя до деревни Атаманово, Егорыч встал на якорь, кому-то позвонил. Было видно, что он нервничает. Стоял на палубе, осматривая в бинокль берега и русло реки, постоянно курил. Позвал Ивана:

— Слушай сюда, молодой. Если я крикну «Полундра», ты быстро метнёшься к холодильнику и всё, что там есть, вываливаешь по правому борту. Понял?

— Понял! — Иван кивнул.

Ему почему-то очень хотелось, чтобы так оно и случилось, и капитан лишился своего браконьерского товара и предполагаемого навара. Патологическая прижимистость Егорыча очень раздражала его. Макароны по-флотски у него уже поперёк горла стояли.

Но всё обошлось. К судну подошла одна моторная лодка, потом другая. Поднялись люди по верёвочной лестнице. Разговоров было мало. Поздоровались. Спустились на камбуз. Погрузили в сумки товар, рассчитались с капитаном. Тот тщательно пересчитал деньги, периодически внимательно рассматривая то одну, то другую купюры.

Иван прикинул, что немало денег. Очень даже прилично… На хорошую иномарку из автосалона хватит.

Попрощались. Люди погрузили товар в лодки и быстро отошли. На высокой скорости они скрылись за излучиной реки.

— Молчи! Ничего не видел. Понял? — капитан сурово посмотрел на Ивана.

— Не моё дело, — он лишь пожал плечами.

В душе он надеялся, что тот поделится с ним малой толикой денег.

«Жид, он есть жид!», крутилось в голове у Ивана. Обидно было.

Не доходя Песчанки, считай, что уже Красноярск, наперерез их судну бросились два катера, с которых приказали остановить судно и принять досмотровую группу.

Капитан выполнил приказ. Сбросили ту же верёвочную лестницу вниз. Поднялось шесть человек. Представились. Россельхознадзор и Рыбоохрана.

Было видно, что Егорыча знают.

— Чего надо? — Егорыч был хмур.

— Досмотр, Егорыч, досмотр, — старший был улыбчив, поздоровался с капитаном за руку.

— Досмотр, досмотр. Всю палубу затопаете. У моториста клешни болят. Мне, что ли, за вами потом драить? Сейчас придём за грузом, там — хозяин. И он скажет, что я судно в грязи содержу? И уволит меня к чертям морским! Так?! И кто виноват?

— Не ворчи, Егорыч! Мы быстро, — примирительно ответил ему старший. — У тебя всё чисто?

— Было чисто, пока вы не пришли, — ворчал капитан.

— Незаконно перевозимая или незаконно выловленная рыба, икра есть? — это уже выступил лощёный из Россельхоза.

— Пара банок консервов внизу есть. Пойдёт? — хмур и напряжён капитан.

— Незаконная.

— Не было. Если вы с собой не принесли, чтобы потом найти у меня.

— Да ладно, ты же знаешь, что мы так не поступаем, Егорыч! Ты чего? — старший улыбался.

— Ты не поступаешь. Другие поступают. Я их впервые вижу, — капитан кивнул на остальную группу. — Вчера не поступал, сегодня поступишь. Начальство сказало «палок» нарубить, вот ты и будешь шкодничать. Не первый год живу, насмотрелся я таких групп.

Приступили к досмотру.

— Малец, дуй вниз, чтобы они чего не положили или не прихватили. Народу много. Мельтешить будут. Не люблю суеты.

Проверяющие с Иваном спустились вниз, Егорыч остался на палубе, опёрся о рубку плечом, хмуро смотрел вперёд и непрестанно курил, сплевывая за борт.

Через пятнадцать минут поднялись проверяющие.

— Ну что нашли? — хмуро поинтересовался капитан у старшего досмотровой группы.

— Ничего не нашли, — весело ответил он. — Я же сразу говорил, что зря время потеряем, — обращаясь к своим спутникам. — Спускаемся к катерам и снова ждём в засаде.

Досмотровая группа сошла с судна. Последним был старший. Протянул руку капитану:

— Извини, Егорыч, за беспокойство. До свиданья!

— И вам не болеть!

Егорыч пожал руку. В этот момент Иван заметил, что из одной ладони в другую перекочевали купюры. Краешек было видно. Старший быстро сунул руку в карман, помахал и ловко спрыгнул вниз.

Подождали, когда проверяющие уйдут за косу.

Капитан прикурил новую папиросу, посмотрел тяжёлым взглядом в глаза Ивану:

— Почему не сдал? Внизу были без меня. Почему не донёс?

— А зачем? — Иван недоумённо пожал плечами. — Мы с вами одна команда. Вы меня приняли. Есть общий знакомый. Да и идти мне некуда.

— Некуда идти, — вкрадчивым шёпотом произнёс Егорыч. — Некуда ему идти!

Срываясь на крик, выплюнул папиросу за борт, схватил Ивана за воротник и приподнял над палубой немного.

— Говори! От кого прячешься?! От закона или людей? Или ты этот… алиментщик?! Детей «настрогал», а сам — в Сибирь?

Потом немного успокоился, опустил на палубу Ивана.

— Нет. Не думаю, что от алиментов скачешь зайцем. Комок такого бы не отправил ко мне. Сразу бы за борт. Он знает. Так от кого бегаешь? Только честно!

— От людей, — признался Иван.

— Расскажи.

— Вам лучше не знать, капитан. Лучше не знать. Это моя ноша.

— Его ноша, — усмехнулся Егорыч, прикуривая новую папиросу. — Сказал бы, что твой крест. А тут ноша. Скажи, что правит миром?

— Деньги, секс! Или секс и деньги! Не знаю, что первично, — Иван чётко выпалил.

— Фрейда начитался. Тьфу на него! — Егорыч выплюнул длинную, жёлтую от никотина слюну в Енисей. — Ты хочешь сказать, что сибиряки с казахами в сорок первом за секс и деньги отбросили немца от Москвы? Или Егоров с Кантарией за деньги Знамя Победы над Рейхстагом подняли? А может, сибирские пацаны в Грозном в новогоднею ночь умирали тоже за секс? Дурак ты, как и твой Фрейд.

Перехватив недоумённый взгляд Ивана, пояснил:

— Дочка у меня на психолога училась. Тоже поначалу квакала, что Фрейд прав. Но жизнь всё по местам расставила. Эх, — тяжело вздохнул, затянулся, — лучше бы Фрейд был прав. Воруй и занимайся сексом. Вот и вся жизнь. Как у животных. Ладно. Отходим. Потом поговорим.

— Вопрос можно? — спросил Иван.

— «Можно козу на возу» и «Машку за ляжку тоже можно», а на флоте «прошу разрешения», — буркнул капитан.

— Прошу разрешения задать вопрос.

— Валяй, — махнул Егорыч.

— Старший вас предупредил о засаде?

— Не твоего ума дела, но так и быть, отвечу. Да. Он меня предупредил. До нас несколько судов прошло, и никто не позвонил, по рации не шепнул, что

впереди нас ждут. Вот и пришлось груз сбросить раньше. Обычно в порту разгрузки. Вот и верь после этого людям.

Пришли через несколько часов в грузовой порт Красноярска. На берегу уже ждал судовладелец.

Здоровый мужик, под метр восемьдесят, лет шестидесяти, пышущий здоровьем, улыбается во весь рот, полный фарфоровых зубов. На шее золотая цепь толщиной в большой палец. Большие швейцарские часы в золотом корпусе. Такие не у каждого хорошего коммерсанта в Москве увидишь, отметил про себя Иван.

Дорогой костюм от Армани сидел на нём как влитой. Дорогие туфли. И перстень на руке, крупный изумруд в обрамлении россыпи бриллиантов. Безвкусно, но было видно, что очень дорого.

Он легко взобрался на палубу. Поздоровались. Капитан представил Ивана.

— Виктор Иванович,— представился судовладелец.— А это что у тебя с руками?

Кисти у Ивана были частично ещё замотаны бинтами и лейкопластырем.

— Когда шли на Север, груз чуть не сбросило от ветра. Вот он и спас,— хмуро произнёс капитан.

— Молодец!— Виктор Иванович хлопнул Ивана по плечу.

Рука тяжёлая, чуть присел от неожиданности.

— Значит, обкатался парень с тобой, Егорыч?— обращаясь уже к капитану.

— Разберёмся!— хмур капитан.

— Ты его береги! Где я тебе в разгар навигации моториста найду? Этого ты случайно нашёл. Мотористов больше нет. Зимой можно найти, а сейчас— нет.

Хозяин и капитан зашли в рубку. Там бегло просмотрели судовой журнал. Хозяин развернул ежедневник и что-то читал. Потом капитан достал деньги, передал ему пачку.

Через час хозяин ушёл, пожелав удачи Ивану. Ещё через час судно встало под разгрузку того малого груза, что доставили из Дудинки.

Вечером, заперев все двери, капитан позвал Ивана.

— Поедем со мной. Поможешь отвезти гостинцы.

Рядом с КПП порта стояла старая машина. Егорыч открыл багажник, там лежал один из мешков, который сгрузили под Атаманово неизвестным.

Перехватив удивлённый взгляд, пояснил:

— Я им второй комплект ключей дал, чтобы они мне забросили. Садись, поехали.

Иван впервые был в Красноярске и крутил головой, обозревая улицы. Переехали через мост, приехали в район новостроек, спальный район. Иван запомнил адрес.

Первый этаж. Пыхтя, вдвоём, капитан и моторист подняли мешок на первый этаж. Егорыч своим ключом открыл дверь. Были слышны голоса, работал телевизор.

Вышла молодая женщина в фартуке, полотенцем вытирала руки. Густые русые волосы схвачены в хвост. На пол-лица огромные голубые глаза. Большие печальные глаза с множеством мелких морщин вокруг.

— О, папа! А мы тебя завтра ждали! Опять на сутки раньше управился?

— К вам спешил. Как дела?

Женщина подставила щёку, Егорыч, внешне суровый, чмокнул нежно дочь в щёку.

— А вы кто?— это уже к Ивану.

— Моторист у меня новый.

— Иван,— представился.

— Анна.

Из комнаты раздался детский возглас:

— Деда приехал!!!

— Иду, иду,— засуетился Егорыч.

Иван пошёл следом. В инвалидном кресле у стола, на котором стоял видавший виды компьютер, но с большим монитором, сидела девочка лет семи. Ручки её были скручены болезнью. Маленькие ручки были вывернуты к подмышкам. Ножки, тоже маленькие, были изуродованы болезнью.

Блондинка. Огромные, от матери, глаза небесного цвета на пол-лица светились от радости свидания с дедом.

На носу у девочки на тонкой резинке был нос, как у Буратино, из плотной бумаги. Заострённый, со смятым кончиком.

Дед подбежал к внучке. Аккуратно снял бумажный нос, обнял и долго не отпускал. Девочка, как могла, скрюченными ручками обняла деда за шею.

Ивану стало неловко. Не по себе. Вышел из комнаты.

Он хотел уже обуться тихо и выйти из квартиры, но его перехватила Анна:

— Вы куда?

— Да, это… Пойду я. Капитан просил помочь донести… Всё. Пойду. Подожду на улице. Покурю.

— Никуда я вас не опущу. Сейчас будем кушать. Почти всё готово. Знаю я отца в рейсах. Всё гонит и гонит. И сам не питается нормально и другим не даёт. И даже ничего слушать не хочу. Вон там ванна— мойте руки. Потом за стол.

Ивану было страшно неудобно. Как-то стыдно. И одновременно ему не хотелось никуда уходить. Вообще. Никогда. Его манили эти печальные глаза и запах этой женщины. Запах всей квартиры. Домашний уют.

Он сел на краешек стула на кухне. Женщина очень быстро перемещалась на небольшой кухне, казалось, что в руках у неё всё горит. Иван поймал себя на мысли, что ему нравится смотреть на неё. Сидеть и смотреть на Анну.

— Откуда вы, Иван?— не отрываясь от плиты, спросила Анна.

— Из Москвы.

— Ух ты! — Она быстро бросила через плечо удивлённый взгляд. — И что вас сюда привело?
— Так сложились обстоятельства. — Иван пожал плечами.

Пауза затягивалась.

— Извините за некрасивый вопрос… — начал Иван.
— Вы о дочке? — Анна не оборачивалась.
— Да.
— ДЦП. Врачи ещё в роддоме предлагали отказаться от неё. Я не отказалась. И папа, и мама меня поддержали. По всем законам медицины она не должна была дожить до трёх лет. А вот уже ей почти восемь. Живём, боремся. Надеемся на лучшее. Каждый день — это подвиг для неё. В ней столько жизни, такая тяга к жизни, что не я её поддерживаю, а она меня.
— А нос? Бумажный… Вы простите.
— Она же ребёнок. Ей общаться надо. А так… Ну в центре реабилитации, на прогулках редко с кем. От нас же шарахаются как от прокажённых. Пальчики плохо работают. Вот так она текст на компьютере набирает. Переписывается с ребятишками. У неё много виртуальных друзей. Сначала карандашом во рту набирала, но прикус быстро портиться начал. Дед и придумал. И глаза не сильно портятся.

У Ивана перехватило горло от нахлынувших слёз. Он с трудом проглотил этот комок. Сделал вид, что нос зачесался, смахнул слёзы, которые сами выступили в уголках глаз. Ему стало жарко. Оттянул ворот грязной футболки вниз. Анна заметила большие уродливые шрамы на кистях.

— Ой! Это откуда у вас? Как будто вас пытали.

Она подошла и взяла его руки, поворачивая, рассматривая рубцы.

Ивана как будто током ударило. Стало ещё жарче. Он жадно вблизи рассматривал Анну. Каждую чёрточку лица, изгиб шеи. Щёки, уши запылали у него, как у подростка. Вдыхал её запах.

— Так отчего такие шрамы? — ещё раз спросила Анна и посмотрела в упор.

Сухость в горле. Ивану захотелось утонуть, раствориться в глазах этой молодой женщины.

— Да… Случайно… Почти прошло, — сквозь пустыню в горле сумел выдавить из себя он.
— Я вам дам мазь. На ночь мажьте, быстро пройдёт. Она достала из холодильника початый тюбик мази.

Иван принял. И чуть дольше задержал её ладонь в своей.

Анна зарделась, резко отвернулась и быстро вернулась к плите, что-то помешивать на сковороде.

Зашёл Егорыч.

— Ну всё, пошли! — он махнул Ивану.
— Сидеть! — тихо, но властно приказала Анна отцу. — Покормлю, потом поможете вынести Машу на прогулку, вот тогда и пойдёте. А то сейчас маме позвоню.

Что-то ворча под нос, грозный, но как-то сразу ставший домашним, Егорыч побрёл в ванну.

— Вот и расти потом на свою голову, а она ещё потом и командует отцом, — бурчал под нос Егорыч.

Анна уже разливала уху по тарелкам. На второе были пельмени с осетром.

Иван и Анна сидели друг напротив друга, отчего-то пунцовые. Не смотрели друг на друга. Егорыч молчал, только исподлобья бросал быстрые тяжёлые взгляды то на дочь, то на своего моториста. Как будто что-то подозревал.

Иван ел быстро. Давился горячей наваристой ухой. Точно также и проглотил пельмени из осетрины. Никогда ничего вкуснее он не ел.

Анна положила себе очень мало еды. Потом быстро всё положила в раковину и, пока мужчины заканчивали трапезу, уже перемыла почти всю посуду.

— Вы идите, покурите, а я Машу покормлю, — она пошла в комнату.

Егорыч махнул Ивану. Вышли на улицу. Закурили. Капитан зло, прямо в глаза смотрел Ивану.

— Значится, так, кобелёк московский! Ты свой норов умерь. Ширинку застегни. Был у меня один такой моторист… А потом убежал так, что пятки сверкали. И ни алиментов, ни привета, ни ответа. И плевать ему, как дочь там. Жива или нет! И я не позволю тебе ещё раз мою дочь несчастной сделать. Ещё раз так посмотришь на неё… Или в снова в Москву уматывай и разбирайся со своим делами, или в Енисее утоплю. Понял? Отвечай! В глаза смотри, гад! Жеребчик хренов! За дочь и внучку я зубами грызть буду! Понял?
— Понял, — кивнул Иван.
— Ну раз понял, тогда смотри у меня! — капитан поднёс тяжёлый кулак к лицу Ивана. — Пошли. Поможешь.

Когда снова вошли в квартиру, ребёнок был почти готов к прогулке.

Иван хотел взять инвалидное кресло, но Маша сама протянула к нему ручки.

Он посмотрел на Егорыча, тот кивнул, разрешая ему. Иван поднял на руки девочку. Она, как могла, обхватила шею Ивана и доверчиво прижалась к нему.

Неведомое чувство нежности охватило Ивана. Он понял, что самое дорогое и хрупкое он нёс. Ничего ценнее в жизни он не носил. На шее ощущал исковерканные болезнью руки. Они не могли обхватить толком шею. Ножки тоже болтались в такт движению. Иван придерживал их.

И стало стыдно ему. До слёз стыдно. Девочка каждый день борется за жизнь, цепляется за каждый день, за каждый час жизни. Как там Анна сказала? Что каждый день — это подвиг.

А он сам — здоровый жлоб, промотал, спустил в карты такие квартиры, столько денег! Малой толики хватило бы, наверное, чтобы Машу отвезти

за границу и вылечить её. А он… Стыдно! Обидно! Ему хотелось провалиться сквозь землю от стыда. Исчезнуть, раствориться. Ему было стыдно и страшно неудобно перед ребёнком, которого он нёс на руках.

Егорыч спускал кресло.

На улице девочку посадили в кресло, и Анна стала толкать. Неровности тротуара трясли ребёнка в кресле. Было видно, что каждая выбоина доставляет ей неудобство, боль. Она немного кривила личико, но терпела, ничего не говорила.

Егорыч подошёл к внучке, поцеловал её. Та долго не отпускала деда.

Анна положила свою руку на кисть Ивана, посмотрела в глаза:

— Спасибо вам! — проникновенно сказала. — Заходите к нам.

Горячая волна прокатилась по телу Ивана.

— Да. Конечно! — и осторожно убрал свою руку.

Не хотел, чтобы капитан увидел.

— Поехали! — Егорыч пошёл в сторону машины.

— Пока! — Маша помахала Ивану ручкой.

Иван в ответ помахал ребёнку.

Долгое время в машине молчали. Первым заговорил Егорыч:

— Думаешь, не знаю, как меня за глаза Жидом называют? Знаю. И не получаю я удовольствия от браконьерского улова. Воротит. Но ради внучки я всё сделаю. На себе экономить буду во всём. И в волну, и в шторм пойду, на мелководье, к чёрту на рога, лишь бы денег заработать дочке и внучке. Вот поэтому и Жидом кличут.

Помолчали.

— Я не мог понять, — Иван закурил. — А теперь всё встало на свои места. Всё понятно. Вопросов нет.

Подъехали к воротам грузового порта. Капитан достал ключи от судна.

— На, держи. Отсыпайся. Буду после обеда. С женой побуду, — посмотрел на руки Ивана. — Сможешь — сделай приборку. Хотя… Отдыхай, отсыпайся. Работы будет много. Да, вот ещё… — из-за пазухи достал деньги. — Твоя первая получка. Но не пей. Унюхаю — спишу на берег. Усёк?

— Ясно.

Иван попрощался и пошёл на судно.

Заварил чай. Пошёл к двигателю, проверил уровень масла, топливо. Обтёр ветошью.

Не знал, куда себя деть. Улёгся спать. Ворочался с боку на бок. Не спалось. Вышел покурить. Ходил по палубе. Не находил себе места. Снова курил. И опять пил чай. Помыл руки. Намазал руки мазью, что дала Анна. Там, где плохо поджило, пощипывало, ещё сильнее отгоняя сон.

Замкнул замки на судне, вышел за ворота. Рядом стояли такси, назвал адрес дочки капитана.

Сел во дворе, курил, смотрел на тёмные окна квартиры. Дом уже давно спал. Во дворе молодые люди тихо о чём-то шептались. Потом достали пиво и стали выпивать.

Иван и сам не знал, что он здесь делает. Хотел уже ехать обратно. Но чего-то ждал.

К подъезду подошёл мужчина и стал открывать электронный замок, Иван резко встал, и рванул к двери, успел её ухватить в последний момент, чтобы она не закрылась. Боль в пальцах вспыхнула в теле, чуть не отпустил тяжёлую железную дверь.

Подождал, когда захлопнется дверь в квартиру за мужчиной. Не хотел компрометировать Анну.

На одном дыхании взбежал по ступенькам. Первый этаж, но задохнулся, как будто на десятый бежал. Сердце колотилось, в глазах пляшут разноцветные круги, дыхание — воздуха мало! Пот со лба на глаза льёт. Щиплет глаза.

Вдох-выдох. Тихо постучал в дверь…

Шаги. Хочется бежать! Сбежать! Что делать?! Руки предательски дрожат. Пот по спине.

Не спрашивая «кто?», дверь распахнулась. Анна, чуть заспанная, в ночной рубашке и наброшенном халате.

— Господи! Как я тебя ждала! — только и прошептала она.

Иван шагнул в квартиру…

В 6.00 будильник в телефоне Анны мягко промурлыкал.

— Иван, вставай!

— Я не сплю, — откликнулся он. — Я не спал.

— И что ты делал?

— Ждал, когда ты проснёшься, боялся пошевелиться, вдруг разбужу.

Анна села на кровать и с интересом посмотрела на него:

— Спасибо. Я выспалась. Очень хорошо!

Ивану показалась она ещё более красивой.

Он вернулся на судно к 8:00. Летал на крыльях любви. И начал драить палубу, рубку, машинное отделение.

Его страшила встреча с капитаном. С Анной они решили пока ничего не говорить Егорычу. Сами ещё не поняли, что было между ними. Ивану же хотелось снова увидеть Анну. Обнять, прижать. И защитить, заслонить Машу. Он заглянул к ней в комнату, смотрел как она, разметавшись по кровати, спала, чему-то улыбаясь во сне.

Закончилась навигация.

Иван признался капитану, что они с Анной любят друг друга и хотят пожениться.

Егорыч с ненавистью посмотрел на Ивана. С такой ненавистью, что она пронзила всё тело. До копчика дошла. Лишь сплюнул за борт и ушёл в рубку.

Через три месяца они поженились. Иван взял фамилию жены. А через год родился первенец. Мальчик. Назвали Егором. Здоровенький бутуз.

Комник не сумел приехать на свадьбу, но приехал на крестины. Вышел покурить с Иваном на улицу.

— Вот видишь, в Сибири ты счастье своё обрёл. В Москве тебя не ищут, но не советую возвращаться. Что фамилию поменял — правильно. Бережёного Бог бережёт. Вижу, что любите друг друга. И это хорошо! Идём, я вам подарок сделаю.

Снова вернулись за стол. И Комник объявил, что купил Ивану и Анне большую квартиру в новостройке.

У Егорыча текли слёзы:

— Что же ты, сукин сын, делаешь, Комок?! Я только тебе долг отдал, а ты меня снова в обязанности загоняешь, а?

— Дурак ты старый! Какие долги?! Никто никому не должен. А подарок — он и есть подарок. Радуйся, расти внучку и внука! А деньги… пустое. Забудь!

Маша умерла через год…

Используя возможности и связи Комника и Егорыча, Иван выучился по профилю.

А через пять лет капитан передал управление судном своему зятю Ивану. Егорыч купил небольшой домик недалеко от Енисея. И когда Иван проходил мимо, то звонил тестю, тот выходил на берег в капитанской фуражке и отдавал честь. Иван подавал звуковой сигнал, в нарушение всех правил.

Через год родился второй сын.

Ивана стали звать за глаза «Младший жид».

Перед своим семидесятипятилетием Иван умер. Анна пережила его на десять лет.

Осталось два сына, шесть внуков и восемь правнуков.

Ментор

Иван очнулся снова в белой комнате. Бестелесный. Он долго молчал, приходя в себя, вспоминая, что он снова прожил жизнь, которой у него не было.

— Зачем? Зачем ты меня так мучаешь? Отпусти.

— Зачем? Сам знаешь. Ты прожил только две жизни из многих, которые мог бы прожить. Всё впереди. И каждый раз тебе будет тяжелее возвращаться сюда. Ты поймёшь, какие возможности ты упустил. Навсегда.

— Отпусти. Прекрати. Мне плохо.

— Отпустить? Куда? Ждать — вот твой удел до скончания дней. Ждать и мучиться. Муки адовы — это манна небесная по сравнению с тем, что тебе предстоит. Я буду с тобой недолго. Потом я уйду. И ты будешь сюда возвращаться. И будешь один. А потом будешь переживать жизнь за жизнью. И снова сюда. Осознавать весь ужас, что ты наделал. И поговорить не с кем. И снова убить себя ты не сможешь. И так снова и снова. Zusammengenommen alle immer wieder.

Затарахтел на немецком Ментор.

— Это только начало. Ты в каждой жизни сам волен, что делать. Сам выбираешь свой путь. Каким бы он ни был, самое страшное — это здесь. Поэтому — вперёд! Я буду здесь, ждать тебя. Пока буду ждать.

Вариант №3

Иван сидел и курил неподалёку от своего университета, который окончил не так давно. Декабрьский день был не по-зимнему тёплым. Казалось, что уже весна началась. Спешить некуда. Дома нет. Денег почти нет. Только и остаётся, что сидеть на лавке, предаваться ностальгии, вспоминать студенческие годы, да те возможности, что ты упустил навсегда.

Рядом плюхнулся молодой парень, худой, как палка. В куртке с глубоким капюшоном, надетым на голову, скрывающим почти всё лицо. Протянул руку.

— Здорово!

— О! Привет! Тихо подошёл! — Иван поздоровался.

— Работа такая! Ты чего здесь делаешь? — парень в капюшоне оглядывался по сторонам. — Клиентов мне пугаешь.

— Ничего не делаю. Сижу. Курю. — Иван пожал плечами. — А ты чего тут забыл? Тоже потянуло в альма-матер?

— У меня тут иной интерес. А ты народ пугаешь, когда они закладки забирают или устанавливают.

— Тю! Ты здесь наркоту толкаешь что ли? — Иван оглянулся. Но никого рядом не было.

— Тихо! Чего орёшь! Сиди, кури. Но лучше не здесь. Как дела-то?

— А! — Иван потянул, неопределённо махнул рукой.

— Понятно. Наслышан. Ты, конечно, осёл. В покер сел играть в подпольном казино. И всё поставил на «старшую карту», когда у крупье был «Ройял стрит флеш». Феерично. Непостижимо!

— Да, — протянул Иван. — Думал, что он сбросит карты. Сам дурак.

— Конечно! — кивнул «капюшон». — У них там всё в камерах. И какая у тебя карта, известно всему персоналу. У казино может выиграть только владелец казино!

— А ты откуда знаешь про камеры?

— Я много что знаю. Вот эта парковка — для нищих, — он провёл рукой. Здесь я и работаю. Моя территория. А вон там — для богатых. Там и камеры получше, и запись полгода хранится. А эту землю я специально очистил. Кирпич в боковое окно, и на «рывок» всё, что хранится в салоне. А если ничего нет — ножом по сиденью. Вот всё — и не клиенты, и убежали. А камеры здесь старые, аналоговые — не записываются. Изображение мутное, в непогоду вообще ничего не видно.

— Хитро. Это точно?

— Один из системных администраторов охраны — мой клиент. Понятно, что приходится делать ему скидку. Но это уже издержки бизнеса. Накладные расходы.

— Сам-то чего пришёл? Курьеров же у тебя полно.
— Понимаешь…—«капюшон» закурил—Дело такое. Богатых машин тут нет. Но девка стала тут свою «тачку» ставить. Вон она.

Через две машины от них стоял немецкий внедорожник серебристого цвета. В народе его называют «кирпичом».
— Ничего себе.—Иван присвистнул.—Хорошая машина. И номера не кислые. «777». Да и серия тоже… Из серии «вездеход».
— Вот поэтому я и здесь. Кто на таких машинах катается да ещё с такими номерами? Дети ментов или чиновников. А рядом, значит, охрана крутится или наблюдатели. Могут и моих клиентов напугать или «срисовать». Не пальцем они деланы. Я эту площадку три месяца готовил. Надо выгонять с моей земли.
— Твоя земля.—Иван невесело усмехнулся.—Давно ли она твоей стала?
— Это ты про то, что я из приезжих? «Лимита»? «Понаехали тут! Москва не резиновая»? Я тебе благодарен за поддержку. Особенно на первом курсе. Когда местные пытались меня нагнуть. Ты тогда встал за меня. И потом поддерживал. И на работу устроил. Это я помню. А сейчас? Ты был богатым. Высокий, красивый, видный. Девки по тебе сохли, пачками вешались. Ты их вниманием не обделял… А я зубрил. По ночам пахал как проклятый. А сейчас? Ты в бегах от Карабаса-Барабаса. А я имею свой не слабый гешефт. Пусть так, но—это всё моё.
— Не западло людей травить и убивать вот так? Они тоже, небось, воруют, грабят, чтобы у тебя дозу прикупить? Спишь-то хорошо?
— Сплю хорошо. Не жалуюсь. Я же не с пистолетом у виска стою, чтобы они у меня дозу прикупили. Я их вообще не знаю. Всё обезличено. Они скидывают деньги, потом им указывают, где забрать товар. Кстати, прикупил по случаю базу телефонных номеров и банковских карт, так очень много с нашего потока мне деньги переводят. Так что нормально сплю. И на меня работает много народу. И тоже они не знакомы друг с другом. Если кого-то и повяжут, то он и не сможет толком рассказать. «Логистику» нам хорошо преподавали. Пригодилось. А чего это ты про совесть заговорил? Раньше не замечалась за тобой.
— Спала она. Пока деньги были, она, получается, и не нужна была. Я так думал. Была бы совесть, наверное, и деньги с недвижимостью уцелели бы. Эх! Тьфу!—Иван зло сплюнул.
— Да не веди себя как фраер! Сопли распустил. За тобой охотятся, а ты сидишь и ждёшь, когда тебя примут. На работу не зову. Тебя Карабас всё равно найдёт. А он «тему» не любит. Старой, алкогольной закваски. Хотя наши дела и не пересекаются, но всё равно, кто попал к нему из барыг, никто их больше не видел. Робин Гуд внештатный. Так что тут наши пути расходятся. Да, вот ещё.—«Капюшон» залез в карман, вынул приличную пачку разнокалиберных купюр.—На. Тебе сгодятся. Вали из города. Люди Барабаса умеют город прочёсывать. Наслышан. Я так несколько «жирных» клиентов потерял. Бери деньги, чего морду воротишь! Ты не в той ситуации, чтобы недотрогу из себя строить. Деньги не пахнут.
— Я не смогу тебе вернуть.—Иван протянул руку.
— И не возвращай. Ты мне тоже деньги давал безвозвратно. Считай, что я тебе возвращаю долг с процентами. Я тебе не должен, а ты—мне. Квиты. Мне пора!

Парень в капюшоне встал, попрощались за руку. И он пошёл. Лёгкий, гибкий. И походка у него была такая же лёгкая. Даже какая-то кошачья. Он сделал круг по «его» стоянке, потом присел у «кирпича», сделал вид, что завязывает шнурок на кроссовке, быстро достал нож и пробил покрышку на переднем левом колесе. Быстро встал и ушёл.

Ивану стало интересно. Он продолжал сидеть и ждать. Курил.

Закончились занятия. Студенты стали выходить, выбегать из здания. Вот и к машине подошла девушка. Высокая, изящная фигурка, тонкие черты лица, почти нет косметики, чёрные густые волосы схвачены резинкой в хвост. На носу очки в чёрной металлической невесомой оправе.

Иван хмыкнул. Такие очки стоят как комплект резины с дисками на эту дорогую иномарку.

Оценил одежду. Вроде ничего особенного. Узкие джинсы, заправленные в сапоги. Приталенная короткая кожаная куртка. Иван понимал толк в вещах. Вся одежда на ней была известных марок и стоила очень даже неплохих денег. Девушка открыла заднюю дверь и бросила дорогую сумку с учебниками на заднее сиденье. Потом обратила внимание на спущенное колесо. Достала из куртки тонкую сигарету, зажигалку, прикурила. Пнула колесо.

Иван поднялся.
— Девушка, помощь нужна?

Она оценивающе снизу вверх посмотрела на него.
— Помоги, если сможешь. А то отцу звонить не хочется.

Иван подошёл, осмотрел колесо.
— Домкрат, балонник есть?
— Не знаю,—девушка нервно повела плечами.
— А запасное колесо?
— Без понятия!
— Понятно. Я посмотрю?
— Да,—девушка посторонилась и показала кистью в сторону багажника автомобиля.

Иван, проходя мимо неё, внимательно рассмотрел.

«Хороша! Ой, хороша!»—подумал он.

Открыл багажник. Домкрат и баллонный ключ были на месте. Не пользованные. Запасное колесо тоже было на месте.

Через пятнадцать минут колесо он поменял. Вытер руки влажной салфеткой, которую подала ему девушка.

Всё это время она стояла рядом, внимательно наблюдая за работой Ивана.

— Сколько с меня?

— Чего?

— Сколько я тебе должна денег за замену колеса? — она нервно повела плечами.

— Нисколько. — Иван усмехнулся. — Тебе нужно на шиномонтажку. Заделать прокол. Хочешь — покажу. Там рядом неплохая кофейня. Пока делают, можно выпить чашку кофе. Я угощаю. Вот и будет оплата моих хлопот. Пойдёт?

Девушка наморщила лобик. Очаровательно. Ивану она всё больше нравилась. Посмотрела на часы.

— У меня есть сорок минут. Успеют сделать колесо?

— Если нет очереди. Но стоит попробовать.

— Садись, показывай. И имей в виду…

— Что?

— Без фокусов всяких! Потом пожалеешь! — она даже притопнула носком сапога.

— Я девушек не обижаю. А таких красивых — никогда! Клянусь! И чтоб я сдох! — Иван поднял правую руку, как при клятве.

— Поехали! — она впервые улыбнулась.

Исчезла нервозность, и оказалось, что она очень обаятельная.

Несмотря на большие габариты машины, водитель ловко вывела её со стоянки.

В двадцати метрах от места парковки «кирпича» в большом внедорожнике сидели двое мужчин. Один на месте водителя, второй — на заднем сиденье.

— Заснял? — спросил водитель?

— Ага, — пассажир с заднего сиденья стал убирать большой фотоаппарат с длинным объективом. — И в фас, и в профиль. Видео тоже есть. Сейчас отправлю «диспетчеру» фото, пусть устанавливают это тело. Поехали за ней.

— Понял, — водитель стал лавировать на парковке, не выпуская из виду машину с девушкой и Иваном.

Пассажир достал радиостанцию и забубнил в неё:

— Диспетчерская! Приём! «Аварийная» отъехала от второго адреса. «Третьему» и «четвёртому» быть в готовности.

— Третий принял.

— Четвёртый понял.

— Диспетчер принял.

— В «Аварийную» пассажир погрузился.

— Какой пассажир? — откликнулся диспетчер.

— Поди, его разберёт, сейчас физию отправлю. Разбирайтесь.

— Угроза «Аварийной» есть?

— Не знаю. Но надо поближе держаться. Беседовали мирно.

— Баба или мужик? — «третий».

— Ты каким местом слушаешь? Сказал же, что пассажир, а не пассажирка. Чуть за двадцать. Крепкий. С домкратом и балонником лихо управляется. Одет не бедно. Может, просто «клинья бьёт», а может, и иное. Шут его разберёт. Долго сидел, курил. Не похоже, что ждал «Аварийную». Колесо у неё спустило. Он вызвался добровольцем. До этого времени к машине не подходил. Не он пробил. Может, сама где «шпиона» поймала.

— Кончай базар в эфире! — диспетчер резко оборвал. — Работаем по ближнему контакту. «Третий», где «Аварийная»?

— Я спереди, думаю, что на шиномонтаж катит. Там ещё кофейня рядом.

— «Приклеишься» рядом. И фото чёткие, максимальное количество «пассажира». Если будут пить кофе — чашку с отпечатками на базу! Понял?

— Есть понял.

— Если объект неадекват, то нейтрализовать, удалить от «Аварийной» под благовидным предлогом. Как понял?

— Понял.

Иван вынул запаску, оттащил мастерам в щиномонтаж, сам проводил девушку за столик.

— Как тебя зовут, дитя прелестное? — Иван в упор рассматривал её. И любовался.

— Инга. — представилась она.

— А меня — Иван.

— Иван! Хм! Ты, что, из деревни приехал? — девушка нервно дёрнула плечами.

— Нет. Коренной. Чёрт знает, в каком поколении. Неужели такое имя деревенское? На Иванах Россия держится. И Москва тоже стоит. Хорошее имя. Мужское. — Иван даже обиделся.

— Не могу понять, — девушка в упор посмотрела на Ивана. — Домкратом ты здорово орудуешь, а одет не как работяга. И руки не рабочие. Как так?

— А, это! — Иван рассмеялся. — Я же эту «бурсу», в которой ты учишься, закончил пару лет назад. Вот и научили гайки крутить и движки перекидывать. А ты там учишься? С таким маникюром? Не понятно, — теперь уже Иван откровенно смеялся.

— Папа мне сказал, чтобы я шла учиться туда. В России никогда не будет хороших дорог. Потом сказал, что устроит в министерство. Говорит, что на каждодневную чёрную икру и дважды в год отдых на Багамах мне хватит до самой смерти.

— Понятно. В чиновники готовят.

— А ты чем занимаешься? — Инга снова с вызовом смотрела на Ивана.

— Сейчас — ничем. Свободен как ветер в поле. У нас же свободная страна. Никому нет дела до другого.

Инга молчала, рассматривая Ивана. Принесли заказ.
— Значит, ты свободен по времени? А ты женат?
— Я свободен во всех отношениях. И в пространстве, и во времени, и в брачных узах тоже.
— «Брачные узы». Так уже никто не говорит. Как будто тебе сорок лет.—Инга явно дразнила Ивана.
— Такой уж есть. Какой есть.

Они поболтали ни о чём, пытаясь вытянуть информацию о другом, мало рассказывая о себе.

Инга достала банковскую карточку, чтобы рассчитаться, но Иван замахал руками. Рассчитался из денег, что дал ему «капюшон», оставил чаевые.

Когда молодые люди вышли из кафе, из-за соседнего столика выскользнул мужчина неприметного вида. Такого встретишь на улице—пройдёшь и не заметишь. Средних лет, средней полноты, среднего роста, одет, как все в метро,—во всё серое.

Мужчина показал удостоверение официантке, отдал деньги за кружку, блюдце и ложку, которыми ел Иван, всё аккуратно разложил по нескольким чистым пакетам с замками сверху, уложил в рюкзак и быстро вышел.

Инга быстро ехала по московским улицам. Иногда бросала быстрые взгляды на Ивана. Тот равнодушно смотрел на дорогу. Было время, они устраивали гонки с друзьями, и то, что показывала Инга, походило лишь на детское ребячество. Она и не сильно лихачила.

Видя спокойное лицо Ивана, Инга предупредила:
— Если хочешь—пристегнись!
— Зачем?
— Если подгузник не одел, то пристегнись!
— Успею!—Иван усмехнулся.—Я лучше покурю. А ты, если хочешь—удиви меня,—он приоткрыл окно, закурил и стал выпускать дым в щель.
— Ну, держись, дерзкий мальчик!—Инга азартно стала крутить рулём.

Машина стала вести себя агрессивно на дороге, перестраивалась под носом других водителей, выскакивала на встречную полосу, выталкивала другие машины со своей полосы. Когда выехали на проспект Мира, то Инга вырулила на выделенную полосу для спецавтотранспорта и давила на педаль газа, при этом сигналила тем машинам, которые также нагло ехали перед ней.

Только сигнал у неё был не обычный гудок, а «крякалки», которые стоят у Федеральной Службы охраны. Машины послушно разбегались перед ней. Это ещё больше добавляло ей азарта, скорость возрастала. Иван снисходительно смотрел на эти манёвры.

Но Инга, желая произвести впечатление, вырулила на тротуар и, распугивая пешеходов, продолжила движение по пешеходной зоне.

Вот тут Иван реально испугался.
— Ладно, ладно. Убедила! Хватит!—он вцепился в поручень на передней панели.
— Ага!—она торжествовала.
— Выезжай в поток!
— То-то!

Инга вырулила через газон, бордюр на проезжую часть.
— Тебя куда подбросить?—она уже заинтересованно смотрела на него.
— Без разницы.—Иван пожал плечами, закурил.—Времени много. Никуда не тороплюсь. Дел нет.
— Поехали ко мне?—она предложила.
— Поехали,—голос был равнодушен.—В магазин заедем, что-нибудь купим?
— Хм,—она хмыкнула.—А поехали!

Ловко, нагло перестраиваясь, она подъехала на Большую Якиманку к торговому центру.

В душе у Ивана похолодело. Здесь находился один из самых модных, престижных и, соответственно, самых дорогих продуктовых магазинов Москвы.

Одно дело угостить девушку кофе на шиномонтажке, и совсем другое—посетить дорогой магазин.

Можно было попрощаться и уйти. Но... что-то удерживало его рядом с этой нервной красавицей. Её что-то глодало изнутри. Съедало. Мучило. И одновременно было томительно-сладко находиться рядом с ней. Ивана тянуло к Инге.

Он набрал полную грудь воздуха, готовый сразу пресечь любую попытку девушки набрать очень дорогих продуктов и выпивки. В этом магазине и шампанское есть по две тысячи долларов за бутылку. А если перевести в русскую национальную валюту, то получалось, что чертовски дорого.

На удивление, девушка взяла водку, сок, сыр, колбасу. Иван посмотрел. Несерьёзная закуска под такой основательный напиток. Кинул пару пачек замороженных пельменей.
— Ты любишь пельмени?—она удивлённо смотрела.
— Люблю. А под водку—первое дело,—Иван кивнул.
— Странный ты какой-то. Все мои знакомые крутили бы сейчас носом, глядя на водку. А про пельмени бы сказали, что это «не комильфо», еда плебеев и крестьян.
— Да и в рот им потные ноги.—Иван психанул.—Я русский, и мне нравятся пельмени. Бабушки очень вкусные пельмени готовили. Их вкус я буду помнить.
— А где они, бабушки? Может, им позвонить, чтобы они сделали нам пельменей?—невинно спросила Инга.—Купим всё и отвезём им?
— Нет их. Умерли они,—глухо, не глядя в глаза, ответил Иван.
— Понятно. Плохо,—вздохнула Инга.

Молодые люди, немного побродив по магазину, пошли на выход. За ними вышли порознь двое мужчин, они наблюдали за Иваном с Ингой на почтительном расстоянии.

Поехали к Инге. Большая квартира на Тверской. Иван лишь крякнул, осматривая высокие потолки с фреской в виде неба. Его проигранные квартиры не стоили и половины этой.

В зале была увеличенная фотография молодой женщины в форме стюардессы времён Советского Союза. Лет двадцати пяти, слегка наклонив голову, красивая блондинка улыбалась в объектив. Инга была очень похожа на неё.

Иван поближе подошёл, разглядывая фото. Инга стояла в проёме двери и наблюдала:

— Это мама.

— Я понял. Ты на неё очень похожа. Её нет?

— Да.

— Извини.

— Да, нормально всё. Она когда погибла, я маленькая была. Мы в Сочи жили. Я нечётко её помню. Только порой она мне снится. Как её запомнила в детстве. Один и тот же сон. Там я счастлива, так не хочется каждый раз просыпаться.

— А папа?

— Папа…—она задумалась.—У него свой бизнес. Своя жизнь. Я стараюсь с ним меньше общаться. Он откупается от меня. Конечно, он любит меня. Не женился больше. Но он… очень тяжёлый человек. Понятно, что приехал в Москву из Сочи с маленьким больным ребёнком, меня вылечил, сам поднялся. Но какой ценой. Наверное, если бы была мама, то всё было иначе. Ладно, идём на кухню, пельмени сейчас сварятся. Хозяйка я не очень, но пельмени варить умею,—она как-то виновато улыбнулась.

Лицо её стало другим. Добрым. Домашним. Как будто слетела маска той нервной надменности, что была одета всё это время. И тут Иван понял, что влюбился. Окончательно. Бесповоротно. Он шагнул вперёд, обнял и поцеловал долгим поцелуем. Она ответила. Потом оторвалась.

— Идём на кухню. Пельмени «убегут».

Два дня они не выходили из квартиры. Отключили телефоны.

Группа наружного наблюдения поначалу забила тревогу, но технари, которые прослушивали квартиру, успокоили их, что объекты наблюдения живы и здоровы. И очень активны.

Два одиноких человека во Вселенной под названием «Жизнь» нашли друг друга.

На третий день Иван включил свой телефон, Там было много пропущенных звонков и смс. В том числе что его позвали на работу в «Мерседес-центр» на Кутузовском. Пока лишь слесарем, но с хорошим окладом и перспективой роста.

Это был его знакомый по игре в покер. Он был одним из директоров этого центра. Точно так же, как и Иван, он проигрывался, но имел голову на плечах и сумел остановиться. С Иваном у них установились дружеские отношения. Сказал сразу, что в менеджеры по продажам он его не возьмёт, потому что того ищет Карабас-Барабас, а вот слесарем—можно. Сказал—сделал! Мужик!

Ивану было стыдно признаться, что он работает простым слесарем Инге. Утром она уходила на учёбу, а он—на работу. Иван получал удовольствие от работы. С удивлением нашёл, что многие его коллеги—выпускники мади. И коллектив его принял хорошо. Вечером его встречала Инга, обнимала, целовала, иногда ворчала, что от него пахнет мазутом. И загоняла в ванну. Вечером она брала его ладонь и осматривала её. Было видно, что руки не офисного работника.

Иван как-то залез в клиентскую базу, вбил номер автомобиля Инги и отшатнулся от монитора. Получалось, что машина зарегистрирована на Карабаса-Барабаса, а она управляет по доверенности. И отчество Инги совпадало с именем его врага. Вот это оборот!

Получается… Получается, что сам того не ведая, Иван затеял смертельную игру. Карабас такого не простит.

Иван несколько раз порывался сказать Инге кто он. Что должен её отцу деньги. Скрывается. Что любит её.

Но не сказал. Не нашёл в себе мужество признаться.

Как-то лежали в постели, Инга оперлась на локоть, и пальцем водила по груди Ивана, иногда целуя его. Палец упёрся в родинку. Она имела форму звёздочки. Она поцеловала родинку:

— Ты моя звёздочка, Иван! Нет, не так! Ты мой мужчина со звезды!

В феврале Инга сказала, что они с отцом улетают в Сочи. Традиция такая. На день смерти мамы. И позвала его с собой.

Иван задумался. Лететь с тем, от кого он бегает… Но посмотрел в глаза любимой девушки. Она хотела этого, тем более что накануне они отпраздновали своё четырёхмесячное знакомство. И Иван нашёл ещё что-то в квартире, что перевернуло его восприятие Инги.

Иван отпросился с работы, и полетели с Ингой в Сочи. Отец уже был там. Он встретил их, приехали в дом. Хостинский район, ручей Видный. Да и дом… тоже видный. Даже завидный. Современный стиль. Три этажа, на крыше—терраса. И вид на Хостинский залив. Море штормило.

Отец Инги, по совместительству «Карабас-Барабас», был здоровенный мужик, немногим за пятьдесят. Было видно, что с дочкой он общался очень нежно, пытался ей угодить. Ивана же он демонстративно не замечал.

Только после обеда, обратившись к Ивану:

— Ты золото любишь?

— Украшения — нет. А если в слитках — уважаю.
— Ну, поехали, посмотрим, какой ты удачливый. Заодно и поговорим. Познакомимся.

Инга с улыбкой посмотрела на Ивана, поцеловала его, шепнула:
— Не бойся. Это с виду он грозный, а в душе он очень добрый. Подружись с ним!

Отец Инги крикнул, вошёл старик, который присматривал за домом. Он прошептал что-то на ухо ему. Старик кивнул и молча вышел. Минут через десять старик вошёл и доложил, что всё готово.

Приехали на пляж между Хостой и Сочи. Ветер. Волна. На пляже никого.

«Вот сейчас он меня и притопит», — подумал Иван.

Карабас открыл дверцу багажника импортного кроссовера и достал оттуда металлоискатель. Сноровисто сдёрнул с него чехол.
— Знаешь, что такое?
— Миноискатель?
— И мины тоже ищет. Но здесь после шторма золото можно найти. Отдыхающие его теряют летом. А зимой его море возвращает местным. Бери, расчехляй, догоняй! Аккуратно только!

Легко закинув на плечо металлоискатель, пошагал в сторону моря. Иван, памятуя, что нужно обращаться нежно с техникой, долго возился с извлечением из чехла.

Карабас уже неспешно шёл, помахивая перед собой металлодетектором. Иногда он откладывал его в сторону, опустившись на колено, переворачивал камни, что-то рассматривал.

Махнул Ивану, чтобы тот шёл ему навстречу.

Иван включил прибор, одел наушники, оттуда раздался ровный тон звука. Через несколько шагов тон изменился. Иван присел, стал переворачивать камушки. И нашёл монету в десять рублей.

«Наверное, кто-то бросил в море, чтобы вернуться», — мелькнула мысль. Очистил от грязи и песка, положил в карман.

Через десять шагов тон изменился. Но уже резче, жёстче. Карабас внимательно наблюдал.

Иван перевернул камень. И нашёл огромный перстень с огромным камнем. Было видно, что он старинной работы и, наверное, цены немалой.

Карабас подошёл поближе. Взял перстень, покрутил.
— Фартовый ты. Хочешь, продай мне. Или могу подсказать пару ломбардов в Сочи, там купят. Но лучше в Москву. Там тоже пару адресов подскажу. Возьмут без вопросов. И дороже чем здесь.
— Оставьте его себе. — Иван был хмур.
— Ты его нашёл — он твой. — Карабас протянул перстень.
— Он слишком чистый. Думаю, когда пошли вперёд меня, то и подложили на пути. Я тут десять рублей нашёл. Они все в песке и грязи были, а этот перстень сияет чистотой. Только хлоркой не пахнет.

Карабас посмотрел тяжёлым взглядом.
— А ты наблюдательный. Не зря, что игровой. Давным-давно жена у меня в аварии погибла. Дочка была между жизнью и смертью. Времена тогда тёмные были, тяжёлые. Сам не местный. Работы нет. Не сезон. Хоть в море топись или в петлю лезь. Собрал я тогда сам металлоискатель, аккумулятор автомобильный у соседа в аренду взял, в армейский вещевой мешок за плечи и пошёл на этот пляж. Как Бог или Дьявол надоумили. И нашёл этот самый перстень. Продал его. Сейчас понимаю, что за пять копеек продал, но тогда не до этого было. Дочку вывез в Москву и вылечил её. Вон какая красавица она у меня! — в голосе была гордость отцовская. — Когда на ноги встал в Москве, то нашёл этот перстень, выкупил его за большие деньги. Потом к Инге пара кавалеров клеилась. Я точно так же их проверил как тебя. У одного сам купил на месте, а другого к своему ювелиру отправил. Потом у него и забрал перстень. И ты тоже — забирай деньги, мотай отсюда подальше, покуда цел.
— Мне не нужны ни деньги ваши, ни перстень. Я сам для неё кольцо приготовил.

Иван достал из внутреннего кармана коробочку, раскрыл её и показал обручальное кольцо.
— Ишь ты! Наш пострел везде поспел! — насмешливо посмотрел Карабас на Иваново кольцо.
— Я люблю вашу дочь и хочу на ней жениться.
— Знаешь, моя дочь терпеть не может, когда я лезу в её жизнь. Устроила несколько раз истерики, чтобы я убрал от неё охрану. Убрал. Но несколько экипажей за ней катаются постоянно. И квартира под негласным наблюдением. Чтобы чего не вышло. И как только ты появился в поле зрения, я думал, что просто фраер залётный. Ан, нет. Оказывается ты мой должник. Мои коллекторы ноги стоптали по колено, разыскивая тебя по всей Москве, а ты, значит, в дамки сразу. С краплёного туза в рукаве пошёл. Когда я своих коллекторов построил на подоконниках с тумбочками, они хотели тебя на органы разобрать. Без продажи. Ради удовлетворения своих амбиций чтобы. Не дал. Остановил. Потом ты даже на работу устроился. И все разговоры твои с Ингой слушали и анализировали. Думал, что ты ей правду расскажешь. Что денег два вагона должен мне. Молчал. Сказки какие-то рассказывал. Я тебе в мусорное ведро тогда и два теста на беременность подбросил. Знаю, что она терпеть не может мусор выносить, ты выбрасываешь. Вот сверху так они сверкали. Два. Простой и электронный. Контрольный в голову. Чтобы не сомневался. Полагал, что ты сейчас дашь дёру от девки. А ты, эвон, крепкий оказался. И даже замуж зовёшь. Молодец! Не ожидал от тебя такой прыти. Ва-банк, значит, пошёл. И я тоже. Пока мы с тобой

тут золото ищем, Степаныч, тот старичок милый с богатым боевым прошлым, после нашего отъезда передал Инге папочку с досье на тебя. Она ненавидит две вещи в жизни: ложь и игроков. А ты и то и другое. В папке есть всё на тебя. И фото твоё за игровым столом. С копиями расписок долговых, с договорами купли-продажи квартир. Там же и характеристика на тебя от психолога моего штатного. Что ты конченный игровой неизлечимый. Мания, заболевания, фобии, склонность к насилию, обману, и много чего он сочинил. Чтобы показать, какой ты мерзавец конченый. Вот так, юноша. У казино может выиграть только хозяин казино.

Иван молча курил. Слушал, но был погружён в свои мысли.

— Поэтому в последний раз предлагаю. Первое. Я прощаю твой долг и даю реальную стоимость перстня при условии, что я никогда не увижу тебя, поганца, ни у своей дочери, ни у дверей моих заведений. Живым не выйдешь. Билет электронный на самолёт на твоё имя заказан и оплачен. Второе. Отказываешься — будешь жить долго и плохо в очень тёплом климате. Продам тебя в рабство своим партнёрам за пределами России. Выбирай.

Иван поднял глаза:

— Сколько тестов на беременность вы подкидывали?

— Тебе какая разница?

— И всё-таки?

— Один раз два теста. Простой, на бумажке, и электронный, где было написано, что срок четыре недели.

— Второй раз не подкидывали?

— Нет. — Карабас задумался. — Один раз. Тут строго, что касается дочери, никакой самодеятельности, — потом засмеялся, погрозил пальцем. — А ты не сдаёшься. Теперь пошёл блеф! Я недооценил тебя! Другой бы уже на такси мчался в аэропорт. Жаль, что раньше я с тобой не познакомился. Работал бы на меня «каталой», азартных на деньги бы разводил.

Иван затянулся, выбросил окурок, сплюнул под ноги:

— Был ещё один тест на беременность. Электронный. Срок — четыре недели. Через три дня после первых.

— Врёшь! — Карабас качнулся к Ивану, но сдержал себя.

— Не вру, — отрицательно покачал головой Иван. — Это легко проверить. Спросим у Инги. И я люблю её. Вне зависимости от вашего решения. И я сделаю ей предложение. Пусть сама решает.

— А ну, поехали, щенок! — Карабас почти бегом двинулся к машине.

Иван следом. Не зачехляя, бросили дорогостоящие детекторы в багажник машины. Шоссе было пустым, Карабас гнал как ошпаренный. Молчал, только сопел, лицо было красным. За несколько минут долетели до дома.

Вышел встречать Степаныч.

— Папку отдал? — зло прошипел Карабас.

— Так точно! Как было велено, — по стойке «смирно» доложил старик.

— Где Инга?

— Она прочитала. Встала вся бледная. Пошла к себе в комнату, велела не беспокоить.

Карабас огромными шагами помчался в дом. Иван, не отставая, следом.

На одном дыхании взбежали наверх, оставляя грязные следы. Дверь была заперта. Карабас дёрнул и заорал:

— Инга, открой сейчас же! Или дверь вынесу!

Из-за двери ни звука. Карабас плечом с налёта вынес дверь. Инга лежала на постели, глаза смотрели в окно. На столике стоял пустой стакан и несколько упаковок из-под снотворного. Лист бумаги, на котором было написано «Прости, мама!». Ручка рядом.

Мужчины бросились к девушке, тормошили, пытались сделать искусственное дыхание, непрямой массаж сердца… Тщетно. Иван схватил телефон и вызвал скорую»

Карабас стоял на коленях у кровати, он целовал руку дочери и плакал. Потом поднялся. Глядя сквозь слёзы на Ивана:

— Это всё из-за тебя! Из-за тебя моя девочка ушла!

Быстро выдернул пистолет из наплечной кобуры и сделал два выстрела в лицо Ивана.

Ментор

Снова белая комната. Иван ещё не отошёл от стремительного перехода.

— Что это было?! Зачем?! Я люблю её! — поправился. — Любил!

Ментор помолчал, потом ответил:

— Не надо врать. Никому. Особенно женщинам.

— Ты можешь меня снова вернуть?! Пожалуйста! Я очень прошу! Я всё исправлю! Я люблю её! Умоляю!

Снова Ментор помолчал и ответствовал ему:

— У тебя был выбор. Несколько месяцев подряд, по двадцать четыре часа каждый день. Твой монолог составил бы полчаса. Вот сколько возможностей ты упустил. А ты лукавил, изворачивался. Вот и итог таков. Ты не сделал выводов, не усвоил урок. Значит, продолжим воспитательный процесс.

— И долго?

— До Страшного Суда. Вечность.

Вариант № 4

Иван сидел на крыльце дома и курил. У ног лежал большой пёс непонятной породы. Он положил голову на ногу хозяину и преданно смотрел в глаза. Иван, казалось, не замечал собаку. Невидящим

взглядом смотрел в тайгу и курил. Заканчивалась одна сигарета, он от спички прикуривал другую.

Два года назад, когда Иван обосновался, он отбил щенка от стаи собак в деревне, которые травили, драли его. Щенок вырос в большого лохматого кобеля, преданного своему хозяину. Кличка у него была Барабас, а сокращённо — Барс.

Два года назад Иван обосновался на железной дороге в Сибири. Обходчиком пути и искусственных сооружений. По старому — путевой обходчик. Дорога выделила ему служебное жильё — небольшой домик, который был в плачевном состоянии.

За два года Иван привёл его в приличное состояние. Перекрыл заново крышу, перебрал полусгнивший пол, сделал внутри ремонт, пробил скважину на участке и даже поставил баньку. Где сам, где приглашал мужиков из деревни, что была недалеко, по сибирским меркам, всего-то десять вёрст.

Иван осел здесь надолго, так он для себя решил. Мобильной связи нет, интернета нет. Только тайга кругом и железная дорога 1-й категории — Транссибирская магистраль.

И участок ответственности по четыре километра в одну и другую сторону. Восьмичасовой рабочий день. Идёшь в одну сторону и выявляешь неисправности. А их много может быть. Для обычного человека, казалось бы, что такого, ну два рельса, положенные на бетонные шпалы. Чему там ломаться-то?! Красота! На свежем воздухе топаешь и топаешь. Ан, нет. Крепление гаек проверь, затяни, костыли подбей, зазор в стыке между рельсами посмотри. Целостность рельсовых нитей, за состоянием стыков между уравнительными рельсами и рельсовыми плетями, рельсовых соединителей и заземлений. Много чего, очень много. Это не считая того, чтобы грунт не обваливался, не подмывался. Летом скашивай траву, подправляй противопожарный ров. Выявил неисправность и не можешь сам устранить — вызывай ремонтную бригаду.

Но Иван не любил общаться с людьми, только по необходимости, старался всё делать сам. Обо всех выполненных работах записывал в журнал и докладывал «пч» — начальнику дистанции пути.

Аббревиатура пч пришла ещё с начала железнодорожного сообщения в Российской империи и означала «путейная часть», от слова «путь».

Иван в передовики не рвался, на глаза не лез начальству, не лебезил. Просто работал и сторонился людей на сколько возможно.

За два года выросла борода. Морозный ветер и солнце выдубило кожу на лице. Хоть и до тридцати лет ему было далеко, он выглядел в два раза старше себя. Постоянная физическая работа раздала его в плечах. Он не пил. Только курил.

Раз в две недели он ходил в деревенский магазин, чтобы купить еды себе и псу. А также заглянуть в школьную библиотеку. У него появились две страсти. Первая — читать книги. Классику. Он проглатывал Достоевского и Толстого, открывая заново то, что в школе входило в обязательную программу. Учитель русского языка и литературы, по совместительству и заведующая школьной библиотекой, Светлана Ивановна, с удовольствием общалась с Иваном.

Молодая учительница, приехала по распределению из города, сама родом из соседнего района, не получилось прижиться в городе. Ей был симпатичен этот с виду неотёсанный бородач, но знающий многие тонкости городской жизни, с удовольствием обсуждающий прочитанные книги, но замыкающийся, как только разговор заходил о нём. В разговоре употреблял сложные причастные и деепричастные обороты. Построение фраз показывало, что у Ивана было высшее образование.

В своём воображении она рисовала себе героя из категории народовольцев, которые отринули городскую жизнь и поехали в деревню, чтобы просвещать народ. Она и себя видела также в этом свете.

Только Ивану было не до народа. Он с удовольствием общался с юной девушкой, которая краснела в его присутствии и смущалась, сдавал книгу, брал новую, расписывался в библиотечном формуляре и шёл назад. Иногда брал с собой Барса. Тот шёл рядом с левой ногой хозяина и скалился на деревенских собак, готовый, по разрешению Ивана, бросится на них.

Второй страстью, которая появилась у Ивана, стала фотография. Он с удовольствием снимал пейзажи и лесных обитателей. Очень часто на обходе пути встречал летом белок, бурундуков, лесных коз, косулей. Зимой нередко видел лосей, лисиц, зайцев, глухарей. Вот тогда он бросал инструмент, доставал из-за пазухи фотоаппарат, который привёз с собой, и снимал.

Во дворе его служебного дома росла большая сосна, Иван сделал скворечник. Весной прилетали скворцы, выводили птенцов. Иван с удовольствием делал снимки этой большой семьи.

Зимой он каждый день подкладывал в скворечник орешки, семечки. Прибегала белка, юркой лентой проскальзывала в птичий домик, забивала защёчные мешочки и выходила на ствол сосны.

Барс уже бесновался внизу, видя такое нахальство. Белка давно уже знала, на какую высоту может допрыгнуть собака, спускалась вниз и начинала верещать. Барс прыгал, лаял, рычал. Пытаясь достать наглую морду, но та, зацепившись когтями на задних лапах за ствол, передними била по дереву и ещё громче верещала в двадцати сантиметрах от собачей морды.

Барс буквально свирепел, но ничего сделать не мог. Вдоволь поиздевавшись, хвостатая легко

взбегала вверх по стволу, прыгала на соседнее дерево и убегала в лес до следующего дня. Иван с удовольствием наблюдал за этим представлением, когда был дома. Фотографировал, как белка дразнит собаку.

Он заново для себя открыл, что есть иной мир, а не то с чем он сталкивался в Москве в прежней жизни.

К нему часто заглядывал биолог из краевого центра. Расставлял по тайге фотоловушки, чтобы отслеживать популяции зверей. Пару установил недалеко от путей, Иван сам ему показал, где часто видел животных, переходящих железнодорожные рельсы.

Биолога звали Арсений. Лет сорока, бывалый таёжник. Любитель поговорить, знаток множества анекдотов, не прочь поволочиться за каждой юбкой. Вот и в деревне у него было пара зазноб. Постоянно звал Ивана выпить или сходить в гости к девушкам в деревню.

Иван отказывался, лишь ухмылялся в усы и бороду, слушая очередную историю Арсения, как тому пришлось удирать от мужа, который внезапно прибыл домой. Вроде и мужик уже не подросток, но истории его были полны того самого юношеского задора и азарта.

Арсений ещё преподавал по несколько часов в университете. И мечтательно причмокивал:
— В жизни меняется всё! Только красота и притягательность третьекурсниц неизменна, как египетские пирамиды! Время перед третьекурсницами бессильно!

Иван лишь усмехался и прихлёбывал горячий чай. Ему-то и не знать! Но всей это было в прошлой жизни за четыре тысячи триста километров. Интересно слушать истории Арсения, понимая, что больше всё это лишь фантазии.

Иван показывал на старом ноутбуке фотографии живого мира, которые ему удалось сделать. Арсений некоторые закачивал на свою карту памяти. И с удовольствием делился фотографиями с фотоловушек. Конечно, там не художественные фотографии были, а скорее документальные, но тем и ценны они были. Животные вели себя естественно, не встревоженные присутствием человека.

Арсений же живо интересовался железной дорогой. Просил фотографировать поезда, локомотивы. Даже был готов платить за фото. Рассказывал, что помимо любви к животным, у него страсть—поезда. Дед у него был железнодорожником.

Иван лишь хмуро отмахивался. С первых часов работы стажёром ему вдалбливали в голову, что самое главное—это безопасность. И что нельзя фотографировать ничего на дороге, если только это не улучшит безопасность. До сих пор нельзя снимать вокзалы и всё, что касается путей.

Изначально это казалось паранойей. При наличии интернета, спутниковой съёмки—анахронизмом.

Но с годами наступила профессиональная деформация личности. Он уже смотрел на вещи точно так же, как и его коллеги. Трезво, взвешенно с точки зрения безопасности движения. Всё только для безопасности движения.

А фотографировать не стоит на дороге. И примета такая есть нехорошая. По ней, как раньше говорили, литерные поезда ходят. Воинские эшелоны, которые в сцепке тянут два мощных электровоза. А были такие составы, перед проходом которых за трое суток весь технический персонал дистанции пути выгоняли на работу для проверки. Носом проверяли каждое соединение и механическое и электрическое. ПЧ было всё равно, какой день по календарю. Выходной или праздничный. Какое твоё состояние здоровья. Все на пути!

И ночью прошёл «поезд на особом учёте». Сначала один электровоз. При этом шла жёсткая установка, что запрещено переключать любые стрелки после прохода электровоза.

На всех переездах дежурили машины ГАИ. Поезд было слышно издалека. Вернее, даже не слышалось, а чувствовалось. Задолго до прибытия, земля дрожала, посуда жалостливо позвякивала в столе. Два локомотива шли в голове состава. С виду ничего особенного. Состав как состав, кроме массы. Не видно ни охраны, ни военных. Обычные с виду грузовые вагоны.

Не было даже мысли сфотографировать этот состав.

Арсений даже как-то подарил Ивану короткие охотничьи лыжи, подбитые мехом. Удобно зимой без палок ходить в деревню за продуктами. Назад не катятся, не скользят. Короткие, широкие. И в свежий снег не проваливаются, и в горку спокойно идёшь. И по насту, гладкому как лёд, тоже идут уверенно.

Давно уже Ивану не делали таких роскошных и нужных подарков.

В Москве он бы только покрутил бы в руках да посмеялся бы. Зачем такие лыжи? Сел в машину и проехал в магазин. А лыжи нужны горные, чтобы кататься с горок. А эти… Для крестьян в тайге, чтобы пропитание себе добывать. Денег же у них нет, вот и зверей стреляют!

Иван, хоть и посмеивался над Арсением, но был ему благодарен. И за подарок, и за внимание, что тот ему уделял. Хоть и сторонился Иван людей, но всё равно ему не хватало человеческого общения.

Три дня шёл дождь. Для обходчика нет плохой погоды. Понятно, что не все работы можно производить под проливным дождём, но на маршрут выходить обязан. И вот сегодня первый сухой, солнечный день. ПЧ орал в трубку, чтобы все топали и проверяли, нет ли промоин, не стоит ли вода.

пч, он же Семёныч, был мужик около сорока, маленького роста, не дотягивал и до метра шестидесяти. Вечно взъерошенные, торчащие в разные стороны волосы, маленькие очёчки на носу. Когда он орал, а это он делал постоянно, казалось, что линзы очков треснут от крика или запотеют. Истеричный мужик. Брал всех воплем, или, как говорят, «горлом». Считал всех своих подчинённых бездельниками и тунеядцами. За каждую провинность нещадно штрафовал. По каждой мелочи писал докладные начальству, выпячивая свои заслуги в выявлении каких-то нарушений.

Вот и при постановке задачи своим подчинённым он орал так, что мембрана в служебном телефоне резонировала. Не нужно было держать возле уха.

Иван пошёл привычным маршрутом. Нельзя было сказать, что он в «лицо» знал каждую гайку, контактный провод, костыль, но все изменения замечал.

Небольшую промоину под шпалой заметил издалека. Промоина—это плохо. И не могла появиться. И не здесь. Не на землю укладываются шпалы. А на специальную «подушку». И вода уходит с полотна, не причинив ему никакого вреда. А в местном климате, когда зимой минус пятьдесят, а летом может до плюс сорока, почти в сто градусов перепад температур, при наличии промоины пути придут в негодность быстро. А всё это нарушение безопасности, так и до крушения не далеко.

Иван быстро подошёл, стал осматривать промоину. Странная какая-то. Узкая. Вертикальная.

Присел на корточки, стал ковырять смесь из щебня, песка, земли под шпалой. Тускло блеснул металл. Металлический цилиндр цинкового цвета. Высота—семь сантиметров. Измерил спичечным коробком. Сверху и снизу прокладки из толстой пластмассы толщиной по три сантиметра.

Первая мысль: «Бомба»! Стоит давно, хотела бы взорваться—взорвалась. Отрыть землю под шпалой—это ещё надо постараться. Если бы не сильные дожди, то могла ещё долго простоять незаметно.

Иван поднял глаза, осматриваясь. Взгляд зацепился за фотоловушку. Она смотрела прямо на то место, где был расположен этот непонятный цилиндр.

Вторая мысль:

— Уф! Испугал Арсений!

Иван сам ему показал это место. Здесь часто лоси, козы переходили пути. Вон и их тропа, еле заметна в лесу.

Иван подошёл поближе к ловушке. Помахал руками. Она должна сработать на движение. Было бы видно, что она никак не отреагировала. Не сработал автофокус объектива. Просто висела мёртвая железяка.

Иван, в нарушение всех инструкций, сел на рельс, ноги внутри полотна. Закурил, рассматривал металлический цилиндр. Потом встал, откинул далеко окурок. Сфотографировал закладку под шпалой, фотоловушку.

Накидал грунта в промоину, утрамбовал ногами. Прошёл участок. Иных нарушений не нашёл. Сделал запись в журнале о пройденном маршруте. Доложил пч.

Сидел на крыльце и молча курил сигарету за сигаретой, смотря вдаль, не видя этой дали. Пёс сидел рядом, положив голову на колено.

Послышался звук мотора. Старая «Нива». Арсений за рулём. Как всегда один.

— О! Ты дома!—Арсений помахал рукой.

Барс принял стойку, зарычал, потом загавкал, периодически посматривая на хозяина, чтобы тот оценил его сторожевой порыв.

— Фу! Место!—резко сказал Иван, с трудом вставая.

Затекли ноги от долгого неподвижного сидения.

Арсений был возбужденный, но старался это скрыть. Его резкие, порывистые движения, не характерная суетливость выдавали его с головой. Голос ломался.

— А ты чего такой невесёлый?—спросил притворно-радостный гость.

— Поскользнулся на путях, грохнулся об рельс,—соврал Иван.—До конца даже не дошёл. Кое-как добрался до дома.

— Поломался?

— Ерунда. Ушибся.—Иван скривился.—Отлежусь. К утру оклемаюсь. А ты чего приехал?

— Да вот, пока дождей нет, проверю свои ловушки. Тебя, может, в больницу подкинуть?—Арсений был само участие.—Далеко же, наверное, возвращался, да ещё и с инструментами.

— Нет.—Иван мотнул головой в сторону железной дороги. Метров триста отмотал, не больше.

— А-а-а! Это недалеко.—Арсений чуть заметно, облегчённо выдохнул.—Ну давай, выздоравливай! Я пошёл!

— Потом ко мне зайдёшь? На чай?

— Нет! Надо домой вернуться! Меня пассия будет ждать!—Арсений попрощался, быстро пошёл по путям, в сторону, где Иван нашёл металлический цилиндр.

Подождал, когда Арсений удалится на приличное расстояние, снял трубку телефона, набрал номер пч:

— Семёныч! Это я. Да. Иван!

— Чего тебе?! Авария?—задребезжала мембрана.

— Никакой аварии. Завтра мне отгул нужен.

— С какого… какого перепугу?!

— Зуб болит.

— Содой прополощи.

— Два дня болит. На стенки лезу. И сало прикладывал, содой полоскал, зубную пасту втирал.

Не помогает. Весь анальгин слопал. К доктору завтра. Отпустишь или нет — твои проблемы, я еду.
— Ты мне не угрожай! — взвился Семёныч.
— Никогда не отказывал тебе. Я уже не помню, сколько у меня неиспользованных отгулов, и ни разу в отпуске не был.
— Я получил за твои отпуска по шее. — Семёныч начал жаловаться. — Приходила трудовая инспекция, отдел кадров поставили в позу «бобра», а они меня за твои не отгулянные отпуска.
— Так не прошу у тебя отпуск, только день отгула.
— Отгул за прогул, — ворчал Семёныч. — А кто работать будет? Пушкин?
— Нормально я всё проверил. День простоит, ничего не случится.
— Ладно! Но только день! Не знаю чего у тебя там, но только один день! Лечи, нервы удаляй там сразу, коронки ставь! Всё что угодно, но только один день!
— Понял.

Иван курил, пил чай на крыльце, смотрел в темноту. На душе было тревожно. Барса спустил с цепи, хотя обычно так не поступал на ночь. Запер дверь, подпёр стулом ручку. Дверь открывалась внутрь.

Не раздеваясь, лёг спать, рядом положил ключ трубный рычажный. Это как газовый, только раз в пять больше и тяжелее. Большой хлебный нож под матрас. Не сон был, тревожное забытьё. Встал затемно, на пару часов раньше привычного. Умылся, быстро позавтракал, накормил пса. Надел брезентовый дождевик.

В петельку-вешалку воткнул молоток осмотрщика вагонов. Небольшой молоток на длинной, шестьдесят сантиметров, деревянной ручке вдоль позвоночника. При умелом обращении — опасная штука.

В брезентовую сумку положил трубный ключ, пару бутербродов. Вышел на крыльцо, замкнул дверь, глядя в небо, перекрестился и тихо сказал:
— Господи, проводи! Богородица, встреть!
— Ангел мой, Хранитель мой! Ты — впереди! Я за тобой!

Потрепал по загривку Барса, который вышел провожать хозяина:
— Жди! Скоро буду, — подумал. — Надеюсь! С Богом!

И зашагал в сторону деревни широким размашистым шагом. На развилке остановился. Закурил, покрутил головой. Что-то терзало в груди. Птицы над лесом кружили. Может, крестьяне поехали, а может, что иное встревожило лесных обитателей.

Иван пошёл кружной дорогой в деревню. На два километра дальше, но тогда сразу выходишь к молочной ферме. Оттуда утром молоковоз в райцентр уходит. А там — на автобусную станцию и в краевой центр.

Через метров триста дорога ушла в лес. А через полкилометра сбоку раздался треск в лесу, Иван успел отреагировать, и дерево упало буквально в полуметре от него, повалив на землю ветками.

На секунду Иван потерял сознание. Выбрался из-под веток. И тут же получил удар по рёбрам. Ой-ё! Больно!

Откатился, быстро встал на ноги, бок болел, жгло.

Поискал глазами сумку. Она осталась под деревом. К нему быстро подходил Арсений.
— Куда же тебя понесло, Иван? А? Чего дома не сиделось-то?
— Зуб заболел. Видать вчера ударил его. Тьфу! — Иван сплюнул в сторону, отёр тыльной стороной кисти рот. — А тебя куда понесло спозаранку? У тебя же баба дома ждёт.
— Кураж пропал.

Арсений кружил вокруг Ивана, схватил какую-то палку с земли, попытался атаковать, Иван отскочил.
— Прыткий ты. С виду-то не скажешь. — Арсений скалил зубы.
— А чего ты в шпионы подался-то? Чего Родину-то продаёшь, а? Задорого хоть?
— Не твоего ума дело. Бабы и алименты очень дорого стоят.
— Когда идёт дождь, я резиновые сапоги обуваю, а ты не пробовал, когда с девками любишься?
— Ха! — выдохнул резко Арсений, нанося прямой рубящий удар по голове Ивана.

Иван успел сделать шаг вправо и вперёд и нанёс удар под дых левой рукой, затем правым хуком снизу в челюсть.

Арсений упал. Иван прыгнул на него, пару раз ударил в голову. Выдернул у Арсения ремень из брюк. Рывком перевернул на живот. Кисти тыльной стороной одну на другую, «цыганским узлом» стянул руки за спиной. Обшарил карманы. Нашёл ключи от машины. Придавив коленом поверженного, пощёлкал брелком. Прямо по дороге машина ответила гудком, из-за деревьев не видно.

Рывком взвалил на плечо Арсения, головой назад. Оглянулся на поваленное дерево, ища взглядом брезентовую сумку. Не нашёл. Вздохнул. Пошёл в сторону машины.

Арсений тем временем пришёл в сознание. Застонал, попытался дёрнуться, ударить ногой Ивана. Иван бесцеремонно скинул с плеча ношу, так чтобы противник упал лицом вниз. Пару раз несильно ударился по рёбрам. Достал из-за шиворота молоток, помахал перед глазами шпиона.
— Не шали, не дёргайся. Один раз по темечку ударю, и всё. Понял.
— Убью! — шипел на земле Арсений.
— Убивалка ещё не выросла!

Перевернул на спину, Арсений попытался вскочить, Иван снова придавил его. Схватил за ворот

и поволок по земле в сторону машины. Тот ещё снова решил попытаться вывернутся. Иван сбоку ударил по бедру.

— Могу молотком коленные чашечки разбить. Лежи тихо.

Иван был сосредоточен и хмур. Дотащились до машины. Открыл багажник, там лежала автомобильная аптечка. Достал медицинский жгут. Положил Арсения на живот, крепко связал ноги. Медицинским бинтом связал руки и ноги, свободный конец—вокруг шеи. Теперь, если пошевелить конечностями, непременно удавишь сам себя.

Вот в такой позе «козла», с ногами и руками за спиной, головой вздёрнутой назад, Иван погрузил Арсения на заднее сиденье «Нивы». Пару раз ударил его в процессе погрузки о внутренности автомобиля. Дверей сзади нет. Не выберется.

Завёл машину.

— Куда везёшь?—прохрипел сзади пленный.

— Там разберутся,—крутил руль Иван.

— Тебе никто не поверит! Ты сам в розыске!

— Меня люди ищут, а не закон.

— Ошибаешься! Когда тебя люди не нашли, они написали заявление о разбойном нападении, у них же везде знакомые, вот ты и в розыске уже за разбой. А это уже лет на восемь потянет.

— Там разберутся.—Иван лишь настроил зеркало вида не на заднее стекло, а на Арсения.

Усмехнулся.

— А какой поезд-то караулил? Воинские эшелоны?

— БЖРК,—буркнул связанный.

— Не знаю такого. Литерный какой-то?—пожал плечами Иван.

— Ага. Баллистический железнодорожный ракетный комплекс.

— Да ты вправду шпион! Я думал, что просто чудак, а оказывается, что гад.

— Ты-то чего о Родине печёшься-то? Чего она тебе хорошего сделала? Живёшь в глуши. Москвич!

— Знаешь, я, когда по казино и кабакам гулял, так и не думал о России. О Родине. Не было времени. Родина для меня была там, где деньги. А здесь пожил, подумал. Поработал руками, а не языком, вот и осознал, что, кроме России, у меня и нет никого. От этого и ненавижу тебя.

Арсений резко дёрнулся, пытаясь разорвать путы.

Иван, не глядя куда, ударил молотком Арсения через спинку сиденья.

Лежи уже, Иуда!

— А у тебя нет на меня ничего!—снова начал Арсений—Ловушку я снял, цилиндр убрал. У тебя пара фотографий, которые ничего не объясняют.

— Плевать! Там разберутся. А если будешь упорствовать, я тебя сейчас в реку головой буду макать, пока ты явку с повинной не напишешь мне. А тогда я тебя с ней и отвезу. Или сам там будешь писать.

— Ха!—весело откликнулся Арсений—Вези! Любой адвокат меня вытащит в пять секунд. Мы с тобой поссорились из-за библиотекарши. Ты меня избил, пытаешься «пришить шпионаж». Ничего не выйдет! Вези меня извозчик по гулкой мостовой! Щенок ты ещё!

— Не зли меня!—предупредил мрачно Иван.—А то ведь не довезу. Мне за страну обидно и нервы ни к чёрту. Может, взять грех на душу? Поменьше бюрократии. Деньги казённые сэкономлю. Так что заткнись лучше. Отпустят—их дело. Пусть разбираются.

До ближайшего города было километров семьдесят. Трасса пустая. Рано ещё.

На въезде в город только два одинаковых тонированных микроавтобуса обогнали.

Иван не знал, где расположен городской отдел ФСБ, но решил, что где-то рядом с центральной площадью. Не ошибся.

Огороженная территория. Глухой забор, глухие ворота. Посмотрел на часы. Семь утра. Ладно, не ждать же два часа. Решительно вдавил кнопку звонка. Переговорное устройство ожило:

— Слушаю вас.

— Заявление хочу подать.

— Приходите через два часа.

— У меня в машине шпион кровью истекает. Понимаю, что звучит глупо, но он настоящий.

— Вы пьяны? Я сейчас наряд полиции вызову.

— Вызывай, кого ты хочешь! Я за тебя работу делаю. Поймал суку, что Родину продавал, а ты зад оторвать не хочешь! Пойду сейчас утоплю его на хрен в Кане, чтобы обидно не было! Тьфу!—психанул Иван.

Щёлкнул замок в калитке.

Иван вернулся к машине, взвалил на плечо пленного и пошёл в здание.

На удивление, в здании было много людей. Больше половины были в чёрной форме, в масках, в бронежилетах, некоторые были с короткими автоматами.

Его встретил дежурный.

— Слушаю вас.

— Дежурного офицера дайте. Желательно, кто отвечает за железную дорогу. Чтобы долго не пришлось объяснять.

Подошёл немолодой мужчина в костюме.

— Я—подполковник Колбик. Начальник городского отдела ФСБ. Слушаю вас. Может, вы всётаки спустите на пол человека,—он кивнул на Арсения.

Голос у мужчины был сух, требователен.

— Могу вам рассказать.—Иван аккуратно спустил на пол Арсения.

— Я лучше вам дам сотрудника, кто отвечает за транспорт. Вот он,—подполковник кивнул на лежащего Арсения.—Майор Арсентьев. Знакомьтесь. Хотя вы уже знакомы, как я посмотрю.

Иван оцепенел. Подходили сотрудники, стоявшие чуть поодаль, и откровенно смеялись.
— А… А как же так?— всё ещё не мог поверить в происходящее Иван.— Я же.. Он же…— развел недоумённо руками.
— Идёмте ко мне в кабинет,— начальник махнул рукой.

Тем временем сотрудники подняли на ноги майора Арсентьева, распутали, вернули ремень, тот вставил его в опавшие брюки.

Коллеги похлопывали по плечу. Майор, прихрамывая, пошёл кабинет начальника. Ивана, на ватных ногах, чуть подталкивая вперёд, сопровождали сотрудники.

Начальник наливал чай по трём чашкам. Жестом показал на стул напротив себя, майор устроился чуть сбоку.
— Что это было?— выдавил из себя Иван, беря кружку.
— Проверка,— ответил Колбик.— По всей стране расставляются подобные устройства, чтобы проверить, как бдительно работают службы на транспорте. И как потом ведут себя. Некоторые извлекают самостоятельно. Их, правда, ожидает сюрприз. Небольшой хлопок и дым. Полные штаны страха. Учёба на будущее, чтобы не проявляли самостоятельность в таких вопросах. Многие докладывают начальству. Сами-то, как полагаете, для чего это устройство, будь оно боевое.
— Кх-кх,— закашлялся Иван.— Полагаю, что сигнальное, управляющее. Рассчитано на большую массу. Больше, чем обычный вагон. И подаёт сигнал на фотоловушку. Та фотографирует в скоростном режиме состав. Так мыслю.
— Правильно мыслите. Нечто подобное, только уже не проверочное, а настоящее некоторые разведслужбы противника пытались у нас установить. Не только на вес, но и на повышенную радиоактивность. Вот и мы тренируем ответственных.
— Я же это… мог убить майора,— тяжело сглотнул Иван.
— Не получилось бы,— усмехнулся подполковник.— Арсентьев один лучших рукопашников нашего Управления. И то что он тебе правдиво поддался— хорошо. Ты же поверил. Это раз. Второе, то, что в пяти метрах от тебя лежали бойцы спецназа, которых ты видел в коридоре. Ах, да!— подполковник полез под стол, вытащил брезентовую сумку, что осталась под деревом.— Это, кажется, ты обронил.

Иван молчал.
— Дерево тоже мы убрали. Не нужно мешать движению,— пояснил начальник.
— Так значит, всё это время я был «под колпаком»?
— Получается так.
— А зачем? Ну поставили закладку— прокладку. Ну и всё. Пришёл я к вам. Рассказал о своих подозрениях. А нападать-то зачем? Не понял. Честно, не понял.
— Это инициатива майора Арсентьева,— обращаясь уже к «Арсению».— Просветите, Николай Иванович, зачем вы устроили интерактивный спектакль одного актёра и одного зрителя.
— Иван, мы тебя долго изучаем. Когда ты появился ниоткуда на дистанции пути, я уже заинтересовался. Не местный. Сторонится людей. На транспорте. Время-то сейчас лихое, в воздухе грозой пахнет. У тебя, оказывается, и высшее образование присутствует. А ты скрываешь. И люди отзываются хорошо. Готов прийти на помощь. И пить бросил вообще, книги читаешь запоем. Русскую классику. Вжился в роль на чужой земле, так что комар носа не подточит.
— Есть за мной грехи. Вы же знаете…— Иван неопределённо мотнул головой в сторону окна.
— Вот поэтому тебя и проверяли в деле. Каков ты. И что тобой двигает. Корысть, хотел скрыться за нашими спинами или патриот.

Майор криво усмехнулся, потирая ушибленное бедро.
— Можно два года изучать человека и не понять его. Ошибиться можно. А можно за два часа добраться до самого нутра, заглянуть в душу человека. И разобраться, свой или чужой он. Можно ли на него положиться в трудную минуту. На тебя— можно. Не робкого десятка. Дерёшься, правда, не очень, но направление верное. Думаешь наперёд. Просчитываешь ситуацию. Есть внутренние убеждения. Стержень. Так что мы рассматриваем тебя кандидатом на службу. Проверки ты прошёл. Ну а то, что было у тебя в Москве… там оно и останется. Мы все можем ошибиться. Главное, потом сделать вывод. Так что скажешь?

Иван ошарашенно посмотрел на Колбика и Арсентьева.
— Голова кругом. Час назад был шпионом, готовым меня убить, а сейчас предлагает поступить на службу в органы государственной безопасности.
— Тебе нужно время обдумать? Но учти. Не всё от нас зависит. Может получиться, а может и не получиться. А то мы тебя сейчас обнадёжим, а не случится. Будешь потом обижаться на нас. Так что скажешь?
— Я согласен! Если такая служба— отчего бы не послужить!
— Ну и молодец!

Подполковник встал, Иван и майор следом. Колбик пожал руку Ивану. Потом они пошли в кабинет к майору Арсентьеву и ещё долго разговаривали, Иван писал автобиографию, подписал расписку о неразглашении, много чего ещё писал, подписывал.

После обеда поехал домой. По пути зашёл в столовую, пообедал. Хотелось выпить. В заштатной забегаловке на пыльной стеклянной полке среди початых бутылок водки в самом углу стояла

нетронутая бутылка когда-то его любимого сорта виски. Как бриллиант среди бижутерии. Искушение велико. Но передумал, взял чай.

Вернулся домой. Пёс радостно скакал вокруг.

Всё вернулось на круги своя. Иван поначалу вспоминал шпионскую историю. Ждал, что его вызовут и его жизнь изменится. Но прошло два месяца, лето к закату, по утрам иней на траве.

Иван истопил баню, пришёл в дом, послышался шум мотора. Выглянул. Майор Арсентьев.

— Здорово!

— Здравия желаю, товарищ майор,— с иронией в голосе ответил Иван.

Майор мялся, не зная как начать. Иван закурил и молча дымил.

— Иван. Не получилось,— на выдохе сказал Арсентьев.

— Понятно. Бывает,— кивнул Иван.

— Плохо. Не пропустила комиссия.

— Да я особо не надеялся.— Иван махнул рукой.— С моей биографией шансов не было. Ну что же. Ничего не меняется. Здесь,— он обвёл комнату рукой,— мой дом. Я баню истопил. Чай с кипреем заварил. Веники берёзовые с душицей запарил. Пойдём…— осёкся, поправился,— пойдёмте, попаримся. Потом чаю попьём.

— Спасибо, Иван. Тороплюсь. В следующий раз. Я тут твоё дело кандидата на службу начал готовить в архив и решил, что в архивном деле копий хватит, а тебе пригодятся оригиналы.

Майор достал из портфеля бумаги, положил на стол.

Иван стал читать. Руки задрожали. Там были нотариально заверенные его расписки о долге перед Карабасом-Барабасом. Оригиналы с синими печатями. А дальше были нотариально заверенные расписки, что долг погашен. Всё как положено. Подписи одинаковые. Слёзы наполнили глаза, горло перехватило. Он смотрел на майора Арсентьева.

— Как?— выдавил он из себя.

— Секрет фирмы,— подмигнул оперативник.— Всё, Иван. Всё! Ты свободен от обязательств. И вообще полностью свободен. Можешь домой возвращаться. В Москву!— он резко махнул в сторону запада.

— Спасибо! За всё спасибо! За лыжи спасибо! За то, что поверили в меня! Ну и за расписки! Поклон. Должник на всю жизнь!— Иван схватил ладонь обеими руками и крепко сжал.— Век не забуду!

Растрогался, обнял, прижал к себе.

— Хватит! Раздавишь, медведь! Был бы ты другой— не стал бы ничего делать!

Пошёл на выход. Обернулся, улыбнулся:

— А вот что не стал пить виски в столовой— вдвойне молодец! Счастливо!

Помахал рукой, сел в машину и поехал.

Иван подошёл к небольшому зеркалу, стал внимательно рассматривать себя, поворачивая голову вправо, влево. Обращаясь к своему отражению:

— Ну что? Домой? Домой! В Москву!

Собрал чистое бельё, залез в шкаф, достал бритву, ножницы. В бане долго парился, долго мылся. Бороду кромсал ножницами, потом намылил лицо и долго брился.

Вошёл в дом, налил чаю. Снова подошёл к зеркалу, посмотрел, как выглядит лицо без бороды. Мял голый подбородок.

— Домой. Домой?

Сел за стол. Достал лист бумаги и написал заявление об увольнении. Оставил на столе.

С кружкой ароматного чая вышел на крыльцо, закурил. Подбежал Барс. Иван гладил его, курил, пил чай. Оглядел двор.

— Домой. А кому я там нужен? Домой,— затянулся, выпустил дым.— Так я и так уже дома. Да, Барс? Я же дома? И куда я без тебя преданного балбеса? В Москве мне жить негде, да и тебе там места мало будет. Да и мне после Сибири тоже. Тесно там, душно там. Людей много. Толку мало. Суета одна. Маета. Так что, дружок мой, будем здесь с тобой жить да добра наживать! И семью заведём! А то когда два мужика-кобеля под одной крышей живут— нехорошо. А то ведь нельзя было семьёй рисковать, когда за тобой охотятся. Нельзя. А теперь мне можно всё! Свободен! Я дома!

Иван посмотрел на часы. Заявление об уходе смял, бросил в печку. На растопку пойдёт. Оделся. Достал бутылку с туалетной водой, побрызгался, взял библиотечные книжки и пошёл в деревню…

Иван сдал в отдел кадров копию своего диплома о высшем образовании. Через год его повысили. Ещё через год он занял место Семёныча. У того случился инфаркт на работе. По протекции майора Арсентьева Иван и поднялся по карьерной лестнице.

Он женился на библиотекарше Светлане. Она родила ему двух девчонок. И жизнь пошла нормальным чередом. Пару раз Иван был в Москве, ходил по знакомым улицам, останавливался под окнами квартир, которые он проиграл. Но сердце не щемило. Всё это было в прошлой жизни. Ему стало тесно и душно в Москве.

Ментор

Иван снова оказался в комнате без окон и дверей, без пола и потолка. Просто белое пространство. Снова там, где небытие. Снова с мерцающим Ментором, который не преминул тут же поинтересоваться. Голос без эмоций:

— Странно ты повёл себя. Неожиданно. Если бы у меня были эмоции, то я бы сказал просто, что удивил. Так. На будущее, чтобы понять природу людей, скажи, зачем ты осознанно стал защищать Родину? Пусть так, методом сопоставления и анализа.

— Так я же считал, что он шпион. Он хотел нанести вред моей Родине.

— И ты был готов погибнуть за это?
— За Родину? Конечно! — Иван был в ярости.

Была бы возможность, он бы врезал бы этому куску плазмы.

Ментор молчал, как будто размышляя, переваривая информацию.

— А когда ты по-настоящему жил на Земле, до твоего самоубийства, ты мог вот так… Быть готовым погибнуть за свои патриотические идеи?

Тут уже задумался Иван. Он вспоминал, как бездарно и бесцельно прожигал жизнь в погоне минутными удовольствиями.

— Нет. Я бы даже внимания не обратил. А если бы и заметил, пожал бы плечами, мол, это не моё дело, и я Родине ничего не должен.

— То есть физический труд на свежем воздухе, частичная самоизоляция, чтение классической литературы сделали тебя патриотом? Я интересуюсь с чисто академической точки зрения. Получается, что богатство не способствовало твоему патриотизму? Или что-то другое?

Иван подумал:

— Богатство, пожалуй, не самое главное, а вот зашоренность, мусор в голове, отношение к жизни… как в магазине. Захотелось что-то — пошёл и купил. И тогда Родина — Россия тебе и не нужна. Ума не хватало.

— Если бы свершилось чудо, оно редко, но бывает, дают второй шанс, ты бы также распорядился своей жизнью? Пьяным в море?

— Конечно же, нет! — голос Ивана дрожал от сдерживаемых слёз.

Душа хотела рыдать.

— Я бы каждую секунду ценил. Я бы дышал воздухом. Смотрел бы в небо. Благодарил Бога каждый день за это чудо — *жизнь!* И помогал бы людям. Как мог. Кому бы смог. И сам бы жил по совести. Глупость я сделал. Непоправимую.

— Это хорошо, что понимаешь, но ничего не исправишь. Раньше надо было думать! Вперёд!

Вариант №5

— Отдыхаем! Обед! — Валера поставил бензопилу, разогнулся, потирая спину, первым пошёл в сторону костра.

Иван поплёлся следом.

Уже больше года он был на лесозаготовках. Не по своей воле. Его отловили ищейки Карабаса-Барабаса. Долго били, пытаясь узнать, осталось ли у него имущество или деньги для уплаты долга, даже рот осмотрели на предмет наличия золотых коронок.

Потом его продали в качестве раба на лесозаготовки. Обменяли на лес. У Карабаса была фирма, которая занималась поставками леса за границу. Так Иван и оказался в непролазной чаще. Только дорога для лесовозов связывала эту делянку с Большой Землёй.

Двести километров вокруг переломанного бурелома. В распутицу лесовозы ни один день везли лесины до станции погрузки или на фабрику для переработки. Бежать никуда. Летом мошкара и комары. Клеща тоже много. И день световой длинный. Зимой мороз трескучий, пробирающий холодной лапой внутрь груди, до сердца. Но световой день короткий. Когда мороз давил до минус сорока, работа прекращалась. Техника не выдерживала и ломалась. Люди не в счёт.

Народ здесь в основном был по найму. Ивану запрещено было общаться с кем-либо, кроме его напарника Валеры.

Здоровяк лет тридцати, ростом под два метра, и косая сажень в плечах. Он был надсмотрщиком. Несколько раз поначалу двинул Ивану по печени, так, что тот, схватившись за живот, осел на землю и хватал воздух ртом. Кулак у Валеры был величиной с гирю. Он был не злой. Немного недалёкий мужик, преданный как собака хозяину. Ради него он был готов и в огонь и в воду. Слово хозяйское для Валеры — закон. Он просто выполнял приказ, не задумываясь ни секунды. У Ивана была уверенность, что скажи Валере хозяин убить его, тот не колеблясь, сделал бы это.

Иван жил на краю временного посёлка лесорубов. Там было человек двадцать. Все жили в вагончиках. Люди иногда менялись, но большинство костяка менялось. Это уже была пятая площадка. Но постоянно вагончик Ивана стоял поодаль ото всех. Если всех кормили на кухне, и с собой давали обед. То Ивана кормили так: буханка хлеба на целый день — и всё. Хочешь — ешь сразу, хочешь — растягивай на сутки. Давали много заварки, но спитой. Для бригады заваривали чай, а заварку затем передавали через Валеру Ивану.

Иван бросил курить. Сигарет не было. Поначалу пытался курить высушенную заварку, но быстро бросил эту затею. Стали шататься зубы из-за отсутствия витаминов — стал жевать еловые иголки, сосновую и лиственничную смолу. Делать отвар из еловой или от лиственницы коры и пить его.

Летом собирал грибы урывками. Работали до глубокой темноты. А там уже не до грибов и ягод, да и не видно ни зги. Если рядом — нагнулся, сорвал — в карман. Сыроежку — плёночку со шляпки содрал — и в рот. Сначала было горько и невкусно без соли, потом привык. Ягоду тоже в рот. Вечером чистил грибы, что-то сушил, что-то в суп. Кастрюли не было, но были жестянки на помойке с кухни из-под консервов. Некоторые банки были большими, они шли вместо кастрюль.

Но голод Ивана преследовал всегда. Пусть через год он притупился, но есть хотелось всегда. И днём и ночью. И летом и зимой. И до этого рабства Иван не был толстым, а сейчас, похудев на двадцать килограммов, он выглядел измождённым. Глаза

ввалились в глазницы. Нос торчал из лица. Даже борода не могла скрыть ввалившиеся щёки.

Если поначалу Иван подумывал о побеге, то сейчас у него даже этой мысли не возникало. Он реально понимал, что не пройдёт всего пути. Да и что скажет властям? Что его удерживают против его воли? Так он не на цепи. Может в ночь уйти. Но, как говорят здесь: «Прокурор—медведь, тайга—закон!»

Иногда прилетал хозяин, иначе его здесь не величали. На вертолёте. Свой или арендованный, Иван не знал. Но он обязательно приходил к Ивану в вагончик.

Вот и сейчас застрекотала небесная машина, было слышно, как вертолёт стал снижаться. Народ побежал встречать начальство. Дверь распахнулась. Валера держал её, пропуская вперёд босса.

Хозяин весело, пьяно, вызывающе смотрел на Ивана:

—Ты ещё жив, доходяга?! Ну-ну! Специально позвоню Карабасу, похвастаюсь, насколько ты живуч,—оборачиваясь к Валере, который стоял за спиной.—Норму делает?

—Конечно, Николай Харитонович! С этим у нас строго! Если что не так, так мы всегда…—подобострастно лебезил Валера, показывая свой кулак-молот, которым он «воспитывал» Ивана.

—Это хорошо!—похохатывая, выходил из вагончика Ивана Николай Харитонович.

Остановился на пороге, достал телефон, сфотографировал измождённого Ивана.

—Чуть не забыл! Я обещал Карабасу, что буду отправлять твоё фото при каждой встрече с тобой. Он, наверное, так пугает других должников. Галерея у него такая с твоими метаморфозами. Был красавчик, стал узником Бухенвальда! Каторжанин! Ну бывай, игрок!

Вышел. Ушёл в административный вагончик, иногда он ночевал, бывало, что дня на три задерживался, проверял выруба, документацию, осматривал технику. Часто ругался. Иногда и поколачивал в гневе бригадира, если находил какие-то упущения. Было видно, что, несмотря на свой щегольской вид, он хорошо знает дело. Был дотошен во многих вопросах. Запросто общался с рабочими, но без панибратства. Его интересовало всё.

Иван вздохнул, стал варить себе чай из спитых нифилей. Из дневной буханки осталось только горбушка в тряпице. На балке лежали высушенные ягоды. Там была и лесная земляника и малина. Малину Иван берёг на случай, если заболеет. Что-то ему подсказывало, что от местных он не дождётся медицинской помощи.

Снова послышался шум вертолёта. Как-то быстро Хозяин сегодня управился. Хотя звук шёл не с земли, а с неба. Усиленный динамиком сверху раздался голос:

—Всем оставаться на местах. Стреляем без предупреждения! Работает Росгвардия! Работает омон!

Ивану пару раз приходилось попадать в облавы в ночных клубах. Один раз работал наркконтроль, другой—омон. Ничего хорошего не было.

Иван бросил взгляд в окно. От большого вертолёта, севшего неподалёку от первого бежало много людей в форме, бронежилетах, касках, с оружием наперевес. Сзади за ними шли в штатском, но в бронежилетах, с папками в одной руке и пистолетами в другой.

В сторону его вагончика направилось двое омоновцев.

Иван запихнул горбушку хлеба в рот, следом—сушёную землянику, обжигаясь, сколько мог,—кипятка в рот. Ещё пережёвывая, упал на пол, руки на затылок.

Дверь чуть не слетела с петель. Один спереди в полуприсяде, второй страхует через плечо.

—Всем стоять! Руки вверх!—заорал страшным голосом первый.

Иван не шевелился.

Первый перешагнул через него.

—Ты здесь один?

—Да.

—Оружие, наркотики, другие запрещённые к свободному обороту вещи, предметы есть?

—Нет ничего. Сами смотрите.

У него и смотреть нечего было. У бомжей в городе хозяйство побольше, чем у Ивана.

Первый перевернул кровать, посмотрел по углам, посмотрел одежду на вешалке. Понюхал чай в консервной банке.

—Одевайся! Медленно!—второй всё это время держал Ивана под прицелом.

Подталкивая вперёд, руки на затылке, Ивана быстро сопроводили ко всем, кто был в лагере перед административным вагончиком.

омон встал по кругу. Автоматы направлены внутрь круга. На всех маски. Разговоры запрещены. Кто открыл рот, больно били прикладами. Иван стоял впереди всех на коленях, руки за головой.

Открылась дверь вагончика, вышел Хозяин в сопровождении четверых в штатском и двух омоновцев.

Один из штатских громко:

—Внимание! Сейчас будет произведён осмотр территории лагеря на предмет обнаружения запрещённых предметов. Например, оружия!—обращаясь к ближайшему омоновцу—Нужны двое понятых.

Тот, не долго думая, толкнул тех, кто был рядом. Среди них был Иван.

—Двигайте. Быстрее! Не до утра же с вами тут зависать!

Оперативник в штатском пошёл в сторону вагончика Ивана. Остальные в штатском, пять

вооруженных омоновцев, понятые, Хозяин следом.

Оперативник, подсвечивая мощным фонарём, уверенно подошёл к поленнице дров у вагончика, где жил Иван, стал откидывать в сторону дрова.
— Вот, товарищи понятые! — позвал он. — Можете убедиться, что справа, под вторым поленом лежит пистолет! Прошу подойти поближе и зафиксировать этот факт! Товарищ эксперт, прошу задокументировать установленным порядком!

Иван подошёл ближе. Не снижая скорости, быстро взял пистолет в руку:
— Это мой пистолет! — уверенно заявил он. — Я его нашёл в лесу, хотел передать в полицию, когда будем перебираться на новое место.
— Ты что сделал, гад?! — растерянно произнёс ошалевший от происходящего опер.

Иван тут же получил прикладом по спине, упал вниз лицом, пистолет выпал и закатился под вагончик.
— Ты, что?! Ты отпечатки стёр!
— Не переживай, Семён, может, внутри остались или на патронах, — успокаивал его эксперт.

Ивана затащили, подпинывая, в его вагончик. Швырнули на пол.
— Колись, мерзавец! — орал Семён. — Ты кого выгораживаешь? Ты понимаешь, что ты операцию сорвал?! Сознайся, что ствол не твой!

Иван твёрдо стоял на своём. Упёрся, и всё тут. Пистолет он нашёл. Никому не сказал. Не было мысли присвоить его или применять, использовать. Поэтому и положил в поленницу, чтобы никто не нашёл.

Получил несколько затрещин от вооружённых людей. Всем было понятно, что мероприятие было сорвано.

Иван вспомнил, что всякий раз, когда Хозяин прилетал, то начинал свой визит с его посещения и перед отлётом всегда заходил к нему, стучал в дверь и кричал с издёвкой:
— Ты ещё не сдох, доходяга?!

И уходил к вертолёту.

Иван понял, что пистолет Хозяин прятал всегда в его поленнице дров по прилёте, а с отлётом забирал. Никто к Ивану не приходил. Но кто-то видел, вот и сообщил в компетентные органы.

Тем временем другие опера составили акт осмотра места происшествия. Пистолет упаковали в полиэтиленовый пакет. Опечатали. Другие понятые расписались. На Ивана надели наручники, руки назад, пригибая голову за шею к земле, почти бегом повели к вертолёту.

В вертолёте продолжили уговаривать и стращать Ивана, но он твёрдо стоял на своём. Летели почти час. Потом погрузили в машину и везли в отдел.

В отделе тоже велись беседы, чтобы Иван сознался. Он лишь угрюмо молчал. Сняли наручники. Налили чаю, пододвинули пачку печенья… Иван, молча, в минуту слопал печенье. Выпил чай. Густой, ароматный, чрезвычайно вкусный, из пакетика. Как из прошлой жизни.
— Ты пойми, дурья башка, — задушевно начал опер Семён. — зачем тебе чужие грехи на себя брать? Судьбу себе поломаешь. А так, скажи правду и домой поедешь. Ты откуда? Из Москвы же? Я тебе слово даю, что поедешь в плацкарте бесплатно до Москвы. Подумай.
— До Москвы? — озадаченно спросил Иван.
— Да. Домой. В Москву!
— Мой пистолет! — Иван жёстко ответил.

В Москву ему не было резону возвращаться. Там Карабас-Барабас со своей бригадой, быстро продаст в новое рабство.
— Тьфу! — Семён сплюнул. — Ну сядешь! Поедешь лес валить.
— А вы откуда меня привезли? Дело привычное. И под охраной от медведей. И котловое довольствие.
— От каких медведей? — усомнился Семён.
— Летом обеденный перерыв. Я приглядел малиновые заросли. Отошёл, ем да на зиму в шапку собираю. Слышу, с противоположной стороны тоже кто-то сопит и собирает малину. Да так шумно, с треском. Думаю, чего он кусты-то ломает. Ну отодвинул, а ломать-то зачем? И ору, мол, ветки не ломай! Оттуда ещё громче треск. Дай, думаю, гляну, что за вредитель такой. Высовываю голову, а там медведь кусты ломает и ягоду ест. Сломал ветку, сел на зад и обирает губами малину. Меня увидел — взревел. Я оттуда ходу. Наверное, поставил мировой рекорд. За три секунды метров триста по пересечённой местности. Может, и больше. Не замерял время. Мужики говорят, что и медведь в другую сторону от меня побежал. Вот. А на зоне охрана от медведей меня сторожить будет.
— Ты здесь дурака не валяй! — второй опер, «злой», дал подзатыльника Ивану.

Привезли паспорт Ивана, он у Хозяина в офисе хранился.

Несколько раз предложили ещё сказать правду. Пришли результаты предварительного исследования пистолета. С внешней стороны чёткие отпечатки пальцев Ивана. На внутренних поверхностях и патронах — не пригодные для идентификации фрагментарные следы пальцев и ладоней.

Вызвали дежурного следователя, адвоката. Начался допрос. Адвокат накоротке переговорил с Иваном:
— Деньги есть?
— Денег нет, и не будет. Родственников нет. Имущества нет. Я полностью признаю вину.
— Ты понимаешь, какие последствия? Тем более говорят, что ты чужую вину берёшь на себя. Подумай, парень.
— Мне не о чем думать. Пистолет нашёл. Хотел сдать в полицию. Спрятал в поленнице. Всё.

— Как хочешь,— адвокат пожал плечами.

За окном светало. Адвокат откровенно дремал, спал, откинув голову назад.

Следователь несколько раз предложила Ивану рассказать правду. Но он стоял на своём.

Потом его повезли в сизо. Удушливый запах, смрад в коридоре. Камера обделана белым кафелем.

— Заходи, голубок...

Два дня Ивана били по телу. Не по лицу. Бросали тетрадь в лицо, требовали, чтобы он написал чистосердечное признание, что он дал ложные показания. Он молчал. Несколько раз пытался ответить на побои, но его сбивали на пол и пинали ногами. Не давали спать.

Через полтора суток повезли в суд, избирать меру пресечения. Хоть там бить не будут, а в машине можно немного поспать.

Конвой его сразу отделил от остальных сидельцев, молча повёл по коридорам суда и завёл в пустое помещение зала судебных заседаний.

Там его встретил моложавый мужчина в ослепительно белой рубашке. Дорогом костюме, лакированная обувь отражала свет люстры, золотые тонкие часы. Одеколон просто манил своим дорогим ароматом. Он улыбался во все свои тридцать два фарфоровых зуба белоснежной улыбкой.

— Я — ваш новый адвокат. Вот договор, подпишите.

— У меня нет денег.

— Всё уже оплачено.

— Кем? — Иван насторожился.

Такой адвокат стоит дорого. И его оплатить мог, пожалуй, только Карабас-Барабас. А к нему в ещё большую зависимость попадать Ивану не хотелось.

— Не переживайте. Вам необязательно знать. Но вы не должны никому за мои услуги. Так просили передать.

Иван подписал. Молча смотрел.

— Проходите. Это мой стол на время заседания,— он показал рукой. Там был накрыт стол. Нехитрая еда. Варёная картошка, жареное мясо, кофе, хлеб с маслом, конфеты.— Кушайте. А я буду говорить.

Ивана дважды приглашать не нужно. Он быстро, жадно ел, пропихивая почти целые картофелины в рот пальцем.

— Придерживайтесь той линии, которую вы избрали. Повторяйте как попугай, что и раньше говорили. А мы облегчим максимально вашу участь. Понятно?

— Угу,— с набитым ртом лишь сумел промычать Иван.

— Да, вот. Это вам с собой.

Адвокат показал на большой пакет, набитый продуктами, чаем, сигаретами.

— Я не курю.

— Это не вам, а в новую камеру. Там представиться надо. Да, на ваш счёт арестованного, положили необходимую сумму. Так что вы можете в камере пользоваться телевизором, холодильником наравне со всеми.

— Меня переведут из «пресс-хаты»?

— Вы туда не вернётесь.

Иван быстро всё съел, крошки собрал аккуратно и забросил в рот.

Суд продлил содержание под стражей на два месяца.

Иван прибыл в новую камеру. Зашёл, перекрестился на образа. За столом в центре камеры сидели люди.

— Иван. Статья 222 УК РФ. Незаконный оборот оружия. Православный.

Народ молча смотрел. В центре крепкий мужчина:

— Статья нормальная. Не «кефирная». Проходи, парень. Вон там твоя шконка.

Он кивнул на свободную. Не возле унитаза.

— Подходи к столу, рассказывай,— продолжил «смотрящий» за камерой.

Иван молча поставил пакет на стол, пододвинул к старшему.

— Молодец. Это правильно.

Из чая тут же начали варить чифирь.

Иван рассказал свою историю, как он сел. «Смотрящий» лишь ухмылялся молча. Когда все потянулись за кружками с варевом из чая, старший прошептал Ивану в ухо:

— Не знаю, кто за тобой стоит, но очень авторитетные люди,— он показал пальцем в потолок.— сказали, чтобы тебя в хате никто пальцем не трогал. Очень уважаемые люди. Так что, Иван, ничего не бойся. Тут тебя пальцем никто не тронет, но и не хами сам. Усёк?

— Да.— Иван кивнул.

Ивана вызывали на допросы. Адвокат всегда присутствовал на них. Всякий раз передавал пакет со снедью Ивану. Всякий раз добивался отдельного помещения и кормил от пуза. Спустя три месяца состоялся суд. Был адвокат. Был даже представитель от трудового коллектива. Мужик потрёпанного вида, но с доверенностью, всё чинчинарём. Вот он и вдохновлённо рассказывал, как Иван работал в бригаде и как тащил на себе пять километров по пояс в снегу на волокуше раненого товарища, которого привалило сосной. Как он в голодную неделю, когда из-за непогоды не могли привезти продукты, а вокруг бегали стаи голодных волков, отдал последнюю краюху хлеба. Если бы не судья, то этот «представитель», которого Иван в глаза не видел, ещё часа два рассказывал бы, какой замечательный человек и работник Иван. Судья прервал монолог.

Адвокат зачитал характеристику с места работы, ходатайство коллектива, чтобы Ивану дали условный срок и отбывал он его в бригаде. На возражение государственного обвинителя, что невозможно проконтролировать местонахождение

Ивана, тут же появились два документа. Один из полиции, второй из системы исполнения наказания, что одни и другие не возражают отбытия Иваном наказания в бригаде и обязуются обеспечить контроль.

Суд вынес приговор—два года условно. Отбывать в бригаде на лесоповале.

Иван приготовился опять к голодной участи.

Его доставили в бригаду на вертолёте полиции. Он был единственным пассажиром. Пилоты ещё долго качали головами, мол, как это, ради одного зека гонят винтокрылую машину чёрт знает куда.

Ивана встретила вся бригада во главе с Хозяином. Тот его обнял за плечи и отвёл в административный вагончик. Там стоял шикарный стол. Икра красная, чёрная. Коньяк, водка. Рыба, мясо, сыры… Много чего из тайги и из-за границы.

— Присаживайся!—Хозяин был щедр, широким взмахом руки он повёл в сторону стола.

— Спасибо, конечно.—Ивану было как-то боязно.

Пропади сейчас Иван в тайге—концы в воду.

— Давай, давай.—Хозяин подталкивал Ивана к столу.

Усадил за стол, сам стоя налил ему и себе по полной стопке коньяка.

— Спасибо тебе! Спас! Век не забуду! Давай!—первым чокнулся с ним и стоя залпом осушил стопку.

Подцепил мочёный груздь, захрумал. Иван не спеша выпил. Зажмурился. Давно он не пил спиртного. А вот такой качественный коньяк пятнадцатилетней выдержки—очень давно. В прошлой жизни. Пододвинул к себе чашки с икрой и стал прямо ложкой есть оттуда.

По второй.

— Скажи. Зачем?

— Что зачем?

— Мы в тайге. Ментов рядом нет. Зачем ствол на себя взял?

— Кушать хотелось.—Иван перехватил удивлённый взгляд.—Очень хотелось. Вам не понять. А в тюрьме хоть плохо, но три раза в день кормят горячим. И после буханки хлеба в день и спитого чая—очень даже прилично кормят.

Хозяин откинулся на спинку стула, внимательно посмотрел на Ивана.

— Я другое думал. Но… неважно. Молодец!—хлопнул по плечу.—А потом. Потом, когда наелся, ты же ни в камере, ни следователю ни слова не сказал. Отдали бы тебе паспорт, и кати на все четыре стороны. Отчего молчал? Из-за еды?

— Ну отдали бы. И что? Куда ехать? В Москву? Там меня Карабас снова кому-то продаст, да ещё в стукачи запишет. Не привык я по жизни мнение менять. Вперёд, значит, вперёд!

Долго ещё они говорили.

— Понимаешь, бригадир меня вломил ментам. Он воровал. Я стал разбираться. И работяг обманывал. И меня обворовывал. В ту поездку я приехал с ним разобраться окончательно. Пистолет я с собой давно таскаю. Но привычка—его прятать поблизости. Чтобы на тебе не было. Так научили ещё в дурные девяностые. Вот и прятал я у тебя в поленнице. К тебе никто не ходил. Изгой. По моей команде. Прости меня, ради Бога! А бригадир прежний и присмотрел это. Сидит этот бригадир сейчас. Если к тебе в камере хорошо относились, то к нему очень плохо.

— Понятно. А что Карабасу скажете?

— Да пошёл он!—пьяно махнул Хозяин.—Я с ним рассчитался, как ты сел. Позвонил. Сказал, что ты тоже свободен. Он поначалу взбрыкнул. Я ему сказал, что ты в камере. Тот и успокоился. Сказал, что долг прощён. Даже твои расписки прислал. На!—он протянул Ивану его долговые расписки.—Силён. Я меньше был должен. И то под дело занимал. А ты?

— А-а-а.—Иван протянул.

Он научился держать язык за зубами.

— Не хочешь говорить, как хочешь.

Иван внимательно прочитал свои расписки. Они были все. Подошёл к печке, там горел огонь, кинул. Молча смотрел, как корёжится бумага, сгорая в печке. Достал кочергу, пошерудил в печке, чтобы бумага сгорела вся. Искрами она взметнулась в трубу. Сел на место, молча налил себе и собеседнику.

— За новую жизнь, Иван?

— За новую жизнь!—Иван встал со своего места, чокнулись, выпили.

— А кто был от общественности на суде? Говорит, что из бригады, но я его не видел. Новенький какой-то?

— Что понравился?—засмеялся Хозяин.—Хорош, правда? Актёр чертовски талантливый, но весь талант в стакан слил. Вот и уволили его отовсюду. Я его по театру помню. Не пропускаем с женой и дочкой ни одной премьеры. Нравился он мне очень на сцене. Не играл он на сцене, а жил ролью. Потом узнал, что выгнали его. Нашёл его. Закодировал. На работу к себе в цех мебельный взял. Дочке даёт уроки актёрского мастерства.

— Актрисой будет?

— Да ну!—он махнул рукой.—Она на экономическом учится. Отличница. Умница. Красавица. Но робеет перед людьми. А выступать на публике—хуже каторги для неё. Голова у неё светлая. Но робкая. Вот он и помогает. А артист этот попросился на две недели сюда, на выруба, в бригаду, чтобы вжиться в роль. Убедительно выступил?

— Я и сам поверил, какой я замечательный и какие подвиги совершал,—рассмеялся Иван искренне.

Посидели, помолчали.

— Завтра ты заступаешь командовать бригадой. Бригадиром будешь.

— О! Как!—удивился Иван.

— Да. Тебе здесь всё равно два года быть. Под условным сроком. Вот заодно и покомандуешь. Образование у тебя высшее. В машинах и механизмах соображаешь. Как лес пилят — знаешь. В помощники Валеру я тебе определил.
— Валеру?
— Он как собака преданный. Что скажешь — то и сделает.
— Преданный? А чего он пистолет на себя не взял? Команды не было? Или своя рубашка ближе к телу?

Хозяин долго молча смотрел в глаза Ивану.
— Сам найдёшь себе помощника. Карт-бланш тебе в руки. Ни в чём не ограничиваю. Разворачивайся. Не воруй.
— А зачем? Чтобы сесть? Оплата как будет?
— По совести.

Посидели, поговорили ни о чём.

Спали здесь же. Поутру собралась бригада. Ивана представили как бригадира. Через час Хозяин улетел на вертолёте. Он оставил большую сумму денег для жизнеобеспечения бригады.

Иван начал осваиваться в новой должности. Валера поначалу лез к нему в друзья, но Иван быстро поставил его на место. Долго присматривался, кого взять в помощники.

Глянулся ему Мара. Фамилия его была Мараукин, но все его звали Марой.

Мужику около шестидесяти. Всю жизнь был водителем. Но попался пьяным за рулём, вот и подался на лесосеку, пока прав не было. Он был добр к Ивану, когда тот числился в изгоях. Пытался ободрить парня. Ему не позволяли, шикали на него. Однажды Маре удалось тайком сунуть Ивану буханку хлеба. Иван не забыл этого.

Мара был отменным рассказчиком. Ивану запомнилась история, когда Мара рассказывал, как его до слёз обидели.

Дали в середине девяностых ему задание. Съездить из Красноярска в Волгоград на машине за оборудованием. И снабженца посадили в кабину. Вот и залазит молодой да ранний. В белой рубашке, галстуке. И это в КРАЗ-«лаптёжник»!
— Я — Владимир Петрович! — говорит снабженец.
— Это я — Владимир Петрович, а ты ещё молодой! Волохой будешь у меня! — Мара хлопнул снабженца по плечу.

Поехали! Мара взял с собой ящик портвейна. Скорость движения максимум сорок километров в час. Кирпич на педаль газа. Сам вино потягиваю. Предлагаю Волохе — тот морду воротит. Так вот и телепаемся. А скучно одному пить. Вот я его и всё подбиваю. Мол, давай, выпьем. А он всё упирается. На пятый день сдался. Говорит, что у него от гула двигателя голова раскалывается. Спать даже не может. Мара ему и предложил анестезию. Выпил он. Молодой ещё. Ему бы лишь влить в себя побольше, нет бы, чтобы медленно тянуть, долго быть в одной поре.

Вино в голову ударило. Всё равно говорит, что голова болит. Я ему и говорю, а ты — пой! Радиомагнитолы у меня в машине не было тогда. Вот и едем. А он поёт! Красота! Весело! А Волоха скулит, что голова раскалывается. Взял я газету, нажевал её, да и забил в уши ему пробки, чтобы не так голова болела. Ору, мол, как? Голова прошла. Тот палец большой вверх. И песни ещё громче горланит. Ничего же не слышит.

Остановились на заправке, я пошёл талоны отдавать, кричу снабженцу:
— Пистолет в баке держи, тюха-матюха!

А у него газета в ушах. Не слышит. Да и развезло того основательно. Показываю ему жестами. Кивает головой, мол, понял. Взялся он за ручку топливного пистолета. Он всё с себя пылинки смахивал, костюм берёг. А тут струя солярки хлестанула. Не удержал Волоха пистолет. Двумя пальчиками. Стоит весь в соляре, стекает по нему, капает. И так рубашка из белой стала серой давно, а тут и солярой сверху окатило.

Мара психанул, стал вырывать у него из ушей газетные пробки. Не вытаскиваются. Достал из ящика отвёртку, выковырял:
— Хрен тебе! Пусть башка болит, но слышать будешь!

Так, попивая вино, и добрались до Волгограда. Приехали после обеда, заселились в гостинице. Мара в магазин сбегал, купил ящик портвейна. Ну и жахнули!!! От души так выпили. А Волоха цедил. Я его учил так пить в машине, а не в гостинице. Тут надо так, чтобы усталость снять!

Утром проснулся Мара один в номере. Нет Волохи. Заглянул в туалет, ванную — нет его. Даже под кровать заглянул. И записку на столе увидел. А там написано: «Пошёл ты к чёрту! Я улетел домой!» И заплакал Мара:
— Я о нём же как о родном заботился! Всю дорогу! А он! Сбежал!

Загрузил Мара оборудование на заводе и мелким шагом отправился в обратную дорогу.

А снабженец Волоха уволился с предприятия ещё до приезда Мары.

И когда рассказывал в лицах Мара у костра, заново переживал обиду, у него натурально скатывалась скупая мужская слеза по небритой щеке.

Вот Мару и поставил своим помощником Иван.

Иван пересмотрел весь рабочий цикл производства. Сидел, думал, пил чай, кофе, думал. Выходил на делянки. Чертил. Думал. Вызывал самых опытных рабочих. Мара всегда был под рукой, готовый посоветовать и прийти на помощь, наорать на ленивых. Несмотря на его балагуристость, он давал толковые советы.

Иван распорядился изготовить клеймо — медведь с топором. И стали отмечать брёвна с обеих сторон. Клеймили только отборную древесину. Своеобразный знак качества. Постепенно вырос

авторитет брёвен с клеймом. Как у отечественного, так и зарубежного потребителя. Готовы были платить больше за качественный товар.

Пересмотрел логистику вывоза древесины. Вышел с предложением на Николая Харитоновича, так он теперь называл Хозяина. Чтобы за счёт государственных дотаций вырубленные делянки засаживать новыми саженцами. Тот ухватился за эту идею. За полгода Ивану удалось утроить выручку предприятия, при этом заработки рабочих в его бригаде выросли в полтора раза. Повысилась производительность труда вдвое.

Теперь уже с других участков просились под его начало. Никакого панибратства, никакого воровства, сухой закон. Но уважительное отношение ко всем, зарплата прозрачна. Стоит доска закопчённая перед административным вагончиком, и каждый день Иван мелом записывал напротив каждой фамилии, кто сколько заработал. Если у кого-то были вопросы, он чётко, ясно излагал, кому и за что. Никаких любимчиков, никаких поблажек.

Через полгода прилетел Николай Харитонович. Не один. С ним была дочь. Высокая, хрупкая девушка, с длинными светлыми волосами, правильными чертами лица. Ивана поразила не красота её. Он был знаком со многими красивыми девушками. Но в этой было очарование. Тот самый романтический флёр, которым были окутаны барышни, описываемые Пушкиным, Тургеневым.

Конечно, в лесу Иван не видел никаких девушек и истосковался по женскому обществу, но именно, Ирина, так звали дочь Николая Харитоновича, очаровала его.

Иван, хоть поправился, но всё равно выглядел бирюком. Борода, одежда, как у всех рабочих. Пах костром, лесом.

При знакомстве и общении старался быть максимально галантным. Он давно не ухаживал за девушками, и порой у него получалось это очень неуклюже, но он не терял надежды.

Вспомнил, что она учится на экономическом, улучив момент, когда отец её отправился на рыбалку, стал задавать вопросы по экономике. На его удивление, она, пусть смущаясь, очень толково стала рассказывать.

Тогда Иван достал документы. Рассказал, как было, какие усовершенствования он сделал, спросил, что бы она посоветовала, чтобы снизить издержки.

Ирина, стала изучать бумаги. Потом достала телефон, сфотографировала, сказала, что подумает.

Иван начал пытаться разговорить Ирину, памятуя, как отец говорил о её смущении. Потихоньку ему удалось.

Когда отец пришёл с рыбалки, неся ведро рыбы, то был поражён, как дочь щебетала с Иваном, а тот шёл рядом, показывая нехитрое хозяйство. Из-под небритых щёк пробивалась краснота смущения.

Визиты Николая Харитоновича стали чаще. Но он только здоровался с Иваном, спрашивал, как дела, и уходил на рыбалку. Иногда с ночёвкой… Прилетал он всегда не один… С Ириной. Она подсказала Ивану, как оптимизировать расходы, уменьшить убытки. И с каждой встречей Иван с Ириной всё больше влюблялись друг в друга.

Через полтора года Николай Харитонович привёз Ивану добрую весть, что заточение его кончилось. Забрал с собой. Мару Иван поставил бригадиром вместо себя.

А Иван стал заместителем на большом хозяйстве Николая Харитоновича. Он стал ему доверять как самому себе.

Ещё через полгода Иван и Ирина поженились. Родился старший сын. Через три года Николай Харитонович отошёл от дел. А Иван с Ириной стали безраздельно властвовать на фирме. За пять последующих лет они увеличили товарооборот тысячекратно. Ирина оказалась талантливым экономистом и очень жёстким переговорщиком. И куда делось девичье смущение?

И всего у них было четверо сыновей. Девочку не удалось родить.

Они купили большой дом в Испании на море, куда и поселили стареющего Николая Харитоновича с супругой, к нему в гости на всё лето приезжали внуки, и часто приезжали Иван с женой Ириной.

Ментор

Иванова душа снова оказалась в «отрицательном пространстве». Ни пола, ни потолка, ни окон, ни дверей, через которые можно было ускользнуть, вырваться, удрать, даже с боем пробиться.

Дошло до сознания, что с каждым разом ему будет всё тяжелее возвращаться. Что упущены те возможности, которые он навеки потерял. Если бы можно что-то исправить!!!

Вздохнул тяжело. Если можно так выразиться.

Ментор молчал. Ивану не хотелось вновь улетать в параллельную реальность, испытывать то, что он упустил. Он оттягивал время. Ментор молчал. «Мхатовская пауза» явно была затянута. Ментор демонстрировал своё безразличие.

Иван не выдержал:

— Зачем ты мне такое?

— Ты не испытывал при жизни и сотой доли того, что нормальный человек, зарабатывающий своим трудом деньги, получает. Самое сильное эмоциональное напряжение, которое у тебя было,—это азарт игрока. Например, ты не знал, что такое голод. Голод, который сводит тебя с ума. Это ты ещё один. А когда голодает вся твоя семья, и ты как мужчина, как добытчик, ничего сделать не можешь. Вот это—испытание. А вот теперь ты понял, что

ты сможешь сделать из-за голода. На какое безумие способен. Но ты тут же почувствовал и что такое благодарность. А мог отвернуться. Ну взял ты на себя чужой грех, взял чужой крест—вот и неси его сам. Повернулся к тебе лицом, почуял в тебе опору. Доверился.
—И как же теперь? Что теперь?—без надежды спросил Иван.
—Устал?—голос Ментора был равнодушен, но Ивану почудилось, что сквозило злорадство.
—Устал смертельно.
—Не можешь ты смертельно устать. Ты уже мёртв.
—Душа устала… смертельно устала.
—Душа не может устать. Она должна трудиться денно и нощно. Ну что же…—Ментор торжествовал.—Иди. Трудись!

Окончание следует…

МОСТЫ НАД ОБЛАКАМИ

Поэты Крыма

Марина Шамсутдинова

Письмо из Крыма

* * *

Хорошо, что любимый не пишет стихи.
Его речи надмирны, добры и тихи.
Без напора и страсти, без дурацких затей
Прячет милое счастье от врагов и друзей.
Потому что святое—дом и тёплый очаг.
Чтоб не стал он золою, не потух, не зачах.
Прячут крепкие стены ровный, ласковый свет.
С ним для целой Вселенной меня нет, меня нет.

* * *

Труп страны заровняли суглинком,
А приказчик и ключник при деле.
Собирали добро по крупинкам—
Разбазарили за три недели.
Нашу землю ещё пятаками
Предки тысячу раз выкупали:
Оплатили и земству, и банкам,
И царям, и заносчивым барам.
Заслонили расплавленным танком,
Своим телом от вражеской свары.
Землю мы выкупаем по новой.
Отменились былые декреты,
Отсиделись менялы по норам,
Обветшалые всплыли заветы.
Не получим ни землю, ни недра,
Каждый купчик теперь при бумажке,
Есть владелец у солнца и ветра,
Есть хозяин у моря и пашни.
Нам в наследство досталась—Победа!
Мы—наследники… вспомним про это.
«Ведь от тайги до британских морей
Красная армия всех сильней!»

Письмо из Крыма

1.

Мы не блокадники, блокада Ленинграда
Была страшнее Дантового ада,
И Ладога не Керченский пролив.
Пишу письмо, откушав и попив.

2.

Зимую на даче в Крыму,
Свет есть, отключенья всё реже.
Бывало, неделю заснежит—
И печка в угарном дыму.

3.

Свечой согревали еду,
По-пушкински кутались в шали,
Смеялись и дружно прощали
Блокаторов злую байду.

Гуляли вдоль моря с детьми,
С гитарой сидели в подъезде,
И всех с незалежной болезнью
Просили: «Господь, просветли,

Подай им небесного света,
Пусть взрыва шальная комета
Морозного неба не рвёт!»
Рассвет уже близко, народ!

11 января 2016

Поэты Крыма

Асине Меджитова

Крым—моё сердце

День

Мой друг—одинокий ребёнок апреля,
вихрастый и солнечный,
как воробей;
в его тощих руках исчезают недели,
и нам бы встретится,
поскорей.

Евпатория

Мой город солнечный
презрительно назовут
«провинцией».
Я не обижусь,
но,
наверное, усмехаясь,
отвечу:
«Я—провинциалка».
Не сказать, что ярая патриотка,
но мой город солнечный,
где веет запахом соли,
всё-таки,
мой.
Город
на дальнем отшибе
суши,
крохотный полуостров,
омытый морским заливом,
залитый солнцем,
мой город похож
на какой-нибудь
муравейник,
где копошатся люди,
рутинно, обыденно, серо.
Мой город омыт
Каламитским заливом,
и солнцем, и щемящей
нежностью
моего
сердца.

• • •

Я шагаю весной по лужам,
портя новенькие сапоги—
мне шестнадцать,
долой простуды
и размыло водой пути…
Я шагаю весной по лужам;
дважды семь так и будет—семь;
мне шестнадцать,
и пляшет ветер у пустеющих школьных стен…

Они

Они сидят на моих плечах—
ложь и истина,
грех и праведность.
Они сидят
половинками одного целого,
приникают к моим ушам,
мыслям, желаниям
и свободам.
Они сидят на моих плечах—
жизнь и смерть,
чёрно-белые,
почти одинаковые,
но разделённые надвое резкой гранью.
Они сидят
полными отражениями самих себя,
антонимами, омонимами
и совершенно чужими лицами.
Они сидят на моих плечах,
у них—моя душа, моё имя
и
моя истина.

Крым — моё сердце

Как сладок, нежен Крым…
Я вдыхаю его.
Чувствую, как дрожат пальцы и сжимается сердце…
Я вдыхаю его. Слышите, вдыхаю!
Набираю морскую воду в пригоршни,
и солнце смеётся в моих ладонях,
и убегает сквозь пальцы, вниз, вниз, вниз…
Я вдыхаю его.
Горы, похожие на спящих драконов,
плоские яйлы,
морозный воздух и листья, шелестящие под ногами,
призрачные водопады,
потоки прозрачных ручьёв,
гладкие скользкие камни,
влажность, от которой кудрявятся волосы.
Я люблю Крым.
Щемит сердце глубоко-глубоко.
Воспоминания образами тревожат душу.
Легенды Крыма, впитанные с молоком матери…
Сердце их помнит, потому что оно едино с моим народом, с моим Крымом.
И небо, ночное небо! — чёрное и бесконечное, блистающее мириадами звёзд.
Посмотри в Бесконечность, и Бесконечность откроется тебе.
А если боишься, сделай шаг на исхоженные мной тропинки Крыма,
и он останется в твоём сердце
монеткой из Бахчисарайского фонтана.
Крым — моё сердце…
Слышите! —
Я говорю о моей Родине.
У нас лето девять месяцев в году,
море нежное, как материнские руки,
раскалённый прибрежный песок
и жаркий степной ветер, пышущий пылью и духотой.
А зима — три ноября и неделя снега и гололёда —
закованные в лёд алые головки шиповника,
море, покрывшееся ледяным панцирем, будто лужа,
в которой дети любят проламывать лёд,
а затем дожди — мелкие со снегом,
свинцовое небо и свежесть,
изредка выпадает хрустящий пушистый снег,
и декабрьские розы на клумбах в безветренных местах.
Я вдыхаю его.
У меня дрожат пальцы и сжимается сердце от нежности…
Движутся по кругу — девять частей июля на три ноября — горы-степь-море…
Горы, степь, море.
Солёная вода течёт сквозь пальцы и жжёт все мелкие царапинки.
У меня в венах, артериях и капиллярах течёт солёная вода.
Солёная.
Черноморская.
Я вдыхаю его.
Слышите?!
…Я кидаю монетку в Бахчисарайский фонтан.
Крымом грезили мои деды,
Мои родители,
А я вдыхаю его.
Крым — моё сердце…
Слышите!

Писатели Крыма

Ленора Сеит-Османова

Прощёное воскресенье

— Хорошо сидим, девчонки! Душевно!
— А это инжирное варенье — пальчики оближешь!
— Ой, спасибо, Анюта! Я ж люблю покушать всякие вкусняшки, вот и выготавливаю. — Пухленькая Алие указала рукой на стол: — Ну как вот это всё не любить, а? Вот живот уже не принимает, а глаза… Эх! Один раз живём!

Женщины дружно заулыбались, увидев, как она вновь потянулась к тарелке с блинами. Они уже много лет выходили на смену в одном составе, и это стало давнишней традицией — отмечать большие праздники щедрым застольем вскладчину. Особенно им нравилось радовать друг друга национальными блюдами: на Пасху громкоголосая украинка Галина и сердобольная Анюта угощали всех куличами и яйцами, Алие на Курбан-байрам — пловом и чебуреками. В первые дни января все дружно наворачивали международный салат «Оливье», а отмечая Новый год по восточному календарю, не обходились без кукси и пигоди[1] от кореянки Оксаны. Вот и сегодня в последний день масленичной недели они принесли из дому варенье, мёд, сметану и, конечно, блины: на молоке, кефире, ржаные, гречневые, как говорит Галюня: «До вибору, до кольору». Уложив на тихий час своих подопечных и стараясь не шуметь, подруги накрыли на стол.

И впрямь щедрой была их — Масленица, хотя не в застолье суть. В светлое Прощёное воскресенье сердца распахиваются навстречу дивной возможности попросить друг у друга прощения «за всё, в чём был и не был виноват». Ещё с утра, придя на работу, женщины искренне признали свои ошибки и отпустили вольные и невольные обиды коллег простыми фразами: «Прости меня! — Бог простит, и я прощаю!» Даже Алие. Ведь грешим-то мы все, несмотря на национальность и вероисповедание, так почему бы не освободиться от тяжкого груза, воспользовавшись благоприятным случаем? Всю первую половину дня они пребывали в приподнятом настроении и за стол садились, понимая, что в этот весенний день щедро насыщается не только тело, но и душа.

Тарелки практически опустели, комплименты друг другу по поводу угощения отзвучали, и тут с улицы чуть слышно донеслось: «На улиииице доооооождик с ведра поооооливает». Хрипловатый женский голос дрожал, но довольно точно выводил дивную мелодию народной песни.
— О, з'явилося чудо! — Галина осуждающе покачала светлой головой в мелких кудряшках: — Ты глянь, згадала!

Песня закончилась, и все вдруг разом поднялись, стали убирать со стола.
— Я думала — сгинула. Полгода не было, а тут на тебе — нарисовалась, — тихо, будто про себя, проговорила Оксана.

При этих словах тонкие ручки Анюты, которая собирала в жёлтую пластиковую миску грязную посуду, лихорадочно засновали, а большие голубые глаза наполнились слезами.
— Она же не знает ничего… На Рождество не пришла… — произнесла горестно.

Голос за окном завёл новую песню: «Ложкой снег мешаааая, ночь идёт большаааая…»

Женщины погрузились в тяжкие думы. Они знали, что ещё как минимум час мамаша будет петь под окном колыбельные, потом прокричит: «Сашенька, родненький, я ещё приду к тебе!» — и снова исчезнет до Пасхи. Она приходила на все великие православные праздники, словно что-то светлое, вечное пробуждалось в эти дни в её душе.
— Слушайте, может быть, выйти к ней, поговорить? — предложила Оксана. — Что ж она так и будет сердце рвать?
— Хто? Вона? Хіба є в неї серце? Ти ще піди, прощення в неї попроси.

Вновь замолчали. Из спальни раздался детский плач.
— Наташа проснулась, — узнала по голосу Алие. — Всё, пошла я, девочки, памперсы менять.

Весеннее яркое солнышко скрылось вдруг за унылыми тёмными тучами, и, казалось, серая промозглая горечь заполнила и без того безрадостные казённые стены. По стёклам потекли грязные капли дождя. Светлый праздник Прощёного воскресенья превратился в рядовой рабочий день. Воспитатели и нянечки младшей группы городского дома малютки занялись своими обычными делами.

«Спи, моя радость, уснииии, в небе погасли огниииии», — выводила женщина всё более уверенно

1. Кукси и пигоди — блюда национальной корейской кухни.

звучащим голосом. При иных обстоятельствах её низким приятным альтом можно было даже заслушаться.
— Ладно, выйду к ней, поговорю,— решилась Аня. Она накинула на плечи тёплый шарф и вышла на улицу.

Едва набухшие почки тянулись к хмурому небу, орошающему землю мелкой пылью дождя. Под окном группы 3–4, прямо на парапете, сидела худая женщина неопределённого возраста. В своих замызганных джинсах, неопрятной старой куртке с надписью «Marlboro» на спине она походила скорее на несформировавшегося мальчугана-подростка. Только длинные немытые волосы да ярко накрашенные губы выдавали в ней женщину. Серый цвет лица указывал на то, что её давно закабалил алкоголь, но глаза, обращённые сейчас в окно, были распахнуты совсем по-детски, ясно, солнечно, и то ли от слёз, то ли от небесной влаги казались наполненными безгрешной чистотой. Аня вздрогнула — женщина в этот миг была очень похожа на своего малыша.

«Спи, мой мальчик мааааленький, спи, мой сын, я уже не плачу, прошлооо»,— затянула, было, странная посетительница и вдруг горько зарыдала, опустив голову на грязные руки. Анюта постояла какое-то время в нерешительности, затем подошла к ней и легонько тронула за плечо:
— Марина, не надо.
— Чего? — Женщина недоуменно подняла подёрнутые хмельной пеленой глаза.
— Не плачьте. Идите домой.

Марина хмыкнула и тяжело поднялась.
— Слышь, ты! Какой домой? Ты издеваешься, да? Коне-е-ечно,— протянула она уничижительно,— кто я, а кто вы тут все! Что ты меня лечишь, доктор? Ты никогда не поймёшь, как у меня тут болит,— ткнула себя маленькой ручкой во впалую грудь и зашлась кашлем.
— Я всё понимаю, только не надо сюда больше приходить, пожалуйста. Идите. Земля ещё холодная, сырая, вы совсем заболеете.— Аня не знала, что сказать, а потому несла всё, что приходило в голову.— Правда, уже не нужно приходить, я вас очень прошу, не мучайте себя.
— Ты мне не указывай, девочка! Я, может быть, и так в последний раз пришла. Прощения хочу попросить. Сыночка,— крикнула она вдруг скорбно, по-бабьи, в холодное стекло,— прости меня, сыночек мой! Прости меня, родной ты мой, что не пришла на Рождество! Прости!
— Не надо, пожалуйста! Он вас всё равно не слышит!

Женщина посмотрела на Аню так, будто впервые её увидела.
— Ты соображаешь? Как это не слышит? Он слышит меня! Поняла, ты? Как он может мамку свою не услышать? Это вы там все! Вы! Все глухие, немые, бессердечные, вообще! А не он!.. И не я! Ясно?
— Простите, пожалуйста! — неизвестно почему пробормотала Аня.
— Чего? — оторопела пьянчужка.
— Я прошу у вас прощения, Марина. Простите меня за всё! Нас...
— За... что?

Аня вдруг поняла, что у неё есть за что просить прощения у этой опустившейся женщины, в которой осталось всё ещё человеческое. За жгучую свою злость на неё, за собственное горделивое превосходство, за презрение, осуждение, за то, что... Её охватило острое желание получить прощение несчастной женщины, оставившей своего новорождённого больного малыша в роддоме. И через неё выпросить прощение у Господа за всё то, что не смогла сделать для её сына — своего крестника.

Когда батюшка храма «Трёх Святителей», что находился в их микрорайоне, призвал прихожан окрестить брошенных малышей, отозвалось немало желающих окормлять духовно и поддержать материально обездоленных с рождения детишек, которым нужно было так мало: кому-то тёплые любящие руки, кому-то молитвенная и финансовая помощь перед сложной операцией. А кто-то, приняв крещение, тихо отходил к Господу, как будто только и ждал этого спасительного момента.

Впервые взяв на руки Сашеньку, Аня подумала грешным делом, что он, как говорят в таких случаях, «на ладан дышит». И правда, врачи всерьёз опасались за жизнь ребёнка с множеством врождённых патологий, ведь родился он от матери, имеющей приличный «стаж» употребления алкоголя и наркотиков. В маленьком тельце малыша не было ни одного здорового органа, и крестили его, понимая, что лишь Господь может дать ему силы жить. И он выдюжил, выстоял в тот нелёгкий период между жизнью и смертью. То ли её горячими молитвами, то ли благодаря великой силе Господней любви. Он, конечно же, долго не мог ни переворачиваться, ни ползать, ни сидеть, но старался изо всех сил и при этом так ясно улыбался, что вскоре стал любимцем всего персонала.

Крёстная мать знала, за что просит прощения у матери биологической. И не извинение ей было нужно сейчас, не просьба «вывести из вины» звучала из уст. Именно прощения, отпущения грехов просила «за всё, в чём был и не был виноват».
— Простите меня, Марина! — Повторила она ещё раз, наполнившись странным состраданием к женщине.— И идите с Богом. Пожалуйста.

Аня повернулась, чтобы уйти, сделала несколько шагов, и тут спины её легонько коснулось негромкое и смущённое: «Бог простит! И вы меня простите!» Глаза их встретились. Нет, не глаза

даже, а две бессмертных души переплелись в высочайшем акте прощения.

Марина побрела прочь, и Анюта долго ещё смотрела вслед хрупкой фигурке, яростно омываемой припустившимся мартовским дождём.

— Ну что, ушла? — спросила Оксана.

— Ушла, — Аня опустилась на стул у двери, пригладила рукой мокрые волосы.

— Сказала?

— Нет, не смогла. Она больше не придёт. Наверное. Она, кажется, очень больна.

— А чого ж! Ясно, що хвора! Здорові так себе не поводять, да, Натуся? — Галина обращалась к малышке с ДЦП, которой ни до неё, ни вообще до окружающего мира, казалось, не было дела.

— Она у него прощения попросила. И у меня.

По щекам Ани побежали слёзы. Она утирала их маленькой ладошкой, а они всё текли и текли, облегчая боль. Алие подошла к подруге, провела тёплой рукой по светлым прядям.

— Ну, всё, болды, болды. Твоей же вины здесь нет! Ты делала всё, что могла.

А Галина добавила тихо, будто про себя:

— А якби на Різдво прийшла, може, і жив би хлопчик.

— Нет, Галочка, это здесь ни при чём. На всё воля Божья! Пусть Бог её простит! И Саша…

Дождь на улице затих, и сквозь серую мглу облаков прорезался робкий солнечный лучик, который небеса направили в окно младшей группы дома малютки. Туда, где четыре женщины враз осознали: упокоенная душа простила непутёвую мать.

ДиН стихи

Сергей Хазанов

Souvenirs

• • •

Жизнь бесконечна, сроки наши кратки,
Как ни крутись, но на исходе дня
Одни воспоминания в остатке,
Единственная собственность моя.

Металл, что ни мехов, ни ожерелий,
Ни хлеба, ни лекарств и ни воды,
Ни табака, ни крыши, ни постели
Не купит. Не укроет от беды.

От лести вялой, дружеских наветов,
Навязанных и вожделенных пут,
От яркой тьмы, зияющего света
Воспоминанья, к счастью, не спасут.

Вдову не обнадёжат, гор не сдвинут,
Старения не знают и конца,
Зато подобно драгоценным винам
В цене растут по дням и по сердцам.

Судьба взывала шёпотом, набатом,
Но глух и слеп был к истинам благим:
Лишь тем богат, что раздарил когда-то,
И жив, покуда памятен другим.

Жарой февральской, августом морозным,
Через мечты, эпохи и моря
Воспоминанья, как любовь и воздух,
Единственная собственность моя.

На Краю Земли

Так и сдох бы невеждой,
Не увидев однажды огни
Мыса Доброй Надежды
Синеглазой старухи Земли.

Здесь когда-то несмело,
Занесённые розой ветров,
Стали в ряд каравеллы
Расписных португальских купцов.

Кабальеро да Гама
Курс на Индию держит, упрям,
Узел двух океанов
На ходу разрубил пополам.

Жернова из вопросов
Одиночества, ссоры, любви,
К мысу этому нёс я
Чуть живые надежды свои.

Но ответила гулом
Океана колючая гладь,
И мечта упорхнула,
Чтобы снова сиреною стать.

Вся в духах и туманах
Атлантида проходит вдали,
Тайна двух океанов
Синеглазой девчонки Земли.

Марина Марьяшина

Между Щековицей и Хоривицей

* * *

Трястись в маршрутке, чёрной и пустой,
В своей скорлупке мятой, тонкостенной,
И осязать невидимый простор,
Где чужаку соломки не подстелют.

Вот—кочка обращается горой,
Вниз головой тебе лететь с которой.
И просыпаться где-то под Пахрой,
И пялиться на спящие конторы,

Где дом земной, среди колючих трав,
Продрогшей тьмы, уснувших статуэток,
Пространство перепахивает вплавь,
И вертится на месте так и этак.

* * *

Между Щековицей и Хоривицей
Распустились флаги, коловрат зацвёл,
Тополя под чёрным небом кривятся,
Выжженные тени, голубой паслён.

Здравствуй-здоровэнькы, что ли, родина.
Только дым гудит, до дыр изрешечён.
Были мы, Господь? Да, были, вроде бы.
Спишь ли ты, на нас ли зришь ещё?

Только пух, трава, заброшек линии
Стёклами сверкают, будто новодел.
Знаешь, если жить, то белой лилией,
Белой лилией качаться на воде.

* * *

Ежедневно мечтания хороня,
Смуты детской давя восторг,
Над пещерой горного короля
Чёрным шёлком дымил восток,

Истлевали луны в пустом шатре
Золотистые, как айва,
Время сытое, вязкое, как желе,
Переплавливая в слова.

И над нами, прямо по головам
Проносился, как в полусне,
Стройки века нищенский котлован,
Стосковавшийся по весне.

Шевеля заржавленным языком
Громовых—в три ряда́—валторн
Отзвонила улица ни по ком
Ни об этом, и ни о том,

А о том, что мы, хоть из кожи вон,
Хоть выписывай вензеля—
Колокольный ливень, пестрящий фон,
Невозделанная земля.

* * *

Не думай, что будет утром,
Плыви, отключив мозги,
Твой угол до блеска убран,
И большего не моги

Просить у пустой дороги.
Какой там казённый дом?
Не выдержавший Ставрогин
Валяется под кустом.

Он спит, целый мир отринув,
Бесформенный, как баул.
Несёт холодком витринным,
Сменяется караул.

Им тоже не видеть проще,
Им тоже не до ментов.
Двенадцать проходят площадь.
Июньский закат медов

И вязок, что налегке нам
В подземную падать мглу
К наряженным манекенам,
Размазанным по стеклу.

Время Зиты и Гиты — шелковица, вишня, инжир.
Да не тронет лица твоего ни дождливый прогноз,
Ни московский цинизм пиджаков, расходящихся вширь,
Ни заморский мираж небоскрёбов, идущих под снос.

Мы подкопим деньжат, лоханёмся, залезем в кредит,
Вспашем землю горбом, не возьмём выходной на неделе.
Потому что родная земля ни рожна не родит:
Непролазный бетон, неугодье, полгода — метели.

Дай же нам умереть в пестротканом раю черепков,
На белёсые кости накинь световые простынки,
Куб целебной водицы испить, перегнать через кровь…
Слышишь, Господи. Дай отойти, отдышаться на стыке,

Там, где сходятся рельсы земные в сплошной горизонт,
Где не видно ни зги в облаках виноградной гряды.
Над вокзалом приморским — петуньи качается зонт,
И водилы дымят, и цветёт буздурхан у воды.

Там, где солнце, простором сдавленное, палит,
Там, где ветер колышет плёночные шатры,
Придорожный репей, ноздреватые сколы плит,
Разлинованным небом были ко мне щедры.

Потому что забору с улицей наплевать:
Жили здесь, потом по свету их разметало.
А придёт тоска, ложись на мою кровать,
Привези хотя б магнитик из Краснодара.

И морскую звезду, пожалуйста, притарань,
Чтоб она в ночи мне, пластмассовая, горела,
Как из окон чёрных бабушкина герань,
И штырём от качели вспоротое колено.

Или лучше не надо, выбрось, сожги, сломай,
Потому что судьба мне, видно, скользить по стенке.
Нет угла своего, понимаешь, вся жизнь — сумарь,
Бесконечный, как время и космос, тоннель подземки.

Как напьётся дед, начинает мне балаболить:
Я тебя, моя девочка, выучу по уму,
А что пью с тоски, алкоголик не алкоголик —
Из любой передряги вызволю, обойму́.

А обидит уродец какой — на колени рухнет
Отовсюду добуду, кровью залью полы.
Ты не бойся меня, не смотри, что ни ног, ни рук нет,
Сквозь меня прорастает шиповник, цветёт полынь,

Это, дочка, видать, такие теперь порядки:
Небо — плат незабудковый, ласковый перегной.
То ли рыщут во мне медведки да шелкопрядки,
То ли юная бабка склоняется надо мной…

● ● ●

Это паства моя, череда загрубевших окраин,
Провода над полями, дорожных огней пересыл.
«Это тоже этап»,—на древесном рассказывал Каин,
Кандалами звеня в нестерпимый поток бирюзы.

«Это тоже этап»,—говорили бездонные сумки,
И из клеток челночных страна завывала зверьём.
Меловых человечков дворовых на детском рисунке
Дождь размыл навсегда, вытер имя твоё и моё.

Вот и двор наш, смотри, забытьём половодья размыло,
Вместо лиц и окошек—плюгавый зернистый асфальт.
Вместо нашего мира зияют пробелы сквозные,
Это всё не моё. И нельзя по-другому назвать.

● ● ●

Не проще ли крышей поехать, уйти в тайгу,
Выращивать чудо-грибы, говорить про братство,
Когда не взрослея, старимся на бегу
И в съёмной халупе не для кого прибраться?

Зачем это всё? Дешёвенький ширпотреб,
Свои не свои, мы даже себе—чужие.
Прогулка с утра—скоромные щи да хлеб,
И то дармовщина, коей не заслужили,

Болтаясь по воздуху, сор под себя неся,
Толкаясь локтями, глотки грызя за место,
На чарку посмотрим—выпита, да не вся
Остывшая кровь сегодняшнего замеса.

Взбурли же, болото, вспень сладковатый яд
До самого неба, чёрного, как надгробье,
А мы помолчим. Об этом не говорят.
Не чокаясь пьют и крестятся исподлобья.

● ● ●

Из темноты колодезной, городской
Звёздные крохи вычерпай, луночерпий.
Мир прохудился ль, древний, как героскон,
Поздняя ль изморозь руны на окнах чертит?

Только, похоже, лета нам не дано,
В газовых тучах солнца оплав янтарен.
Выстиран саван улицы нитяной,
Ядом заморским поит нас чёрт-татарин.

Господи Боже, очи твои в дыму.
Мы научились: слог и фасон удержим.
Хоть выживаем всяко по одному,
Каждый взглянувший в небо, да будь утешен,

И от звонка до звонка сохрани себя,
Выйдя из хаты съёмной на чуждый воздух,
Где, как и всюду, кашляют и сипят
Толпы двуспинных гадов и змей двухвостых.

к 75-летию со дня рождения

Эдуард Русаков

Маленький цветок

(Пасторали 1961 года)

Посвящается Лизе

Мир печален, но эта печаль окрашена в розовый цвет, а далека ли печаль от счастья, если она сильна?
Франц Кафка

1.

— Может, возьмём тачку?—спросил Борис.
— Давай,—кивнул рыжий Арсенька.
Борис побежал ловить такси.
Студенты-медики шли на вокзал. С рюкзаками за спиной, с песнями, разговорами. В руке у Арсения магнитофон. Подкатил красный «москвич».
— Карета подана,—сказал Борис, распахивая дверцу.—Смотри, маг не вырони… Шеф, гони!
Борис старался выглядеть старше своих восемнадцати—сигарета в зубах, постоянная пренебрежительная ухмылка, зелёные глаза прищурены.
За окном такси промелькнули лица одногруппников—Женька-Комиссар, Амир, Тася, Эллочка.
— Пиж-жоны,—буркнул Женька, комсорг группы, провожая злым взглядом машину.—Катаются на папины денежки!
— А тебе жалко?—рассмеялся Амир.—Шикуют пацаны, даже в колхоз хотят уехать красиво. Кстати, у Бориса, насколько я знаю, отца нет.
— Ну на мамины… какая разница? Маменькины сынки!
Амир отслужил в армии вместе с Женькой, в одной роте. Но, в отличие от Женьки, вспоминал о службе без ностальгии, даже с неприязнью. Ему нравилась вольная студенческая жизнь. Были б деньги—и он бы сейчас рванул на тачке вместе с этими весёлыми стилягами в штанах-техасах и китайских кедах. Но на халяву—пас. Он за всё привык платить. Амир быстро шагал, размахивая сумкой. Тёплый августовский ветер обдувал его горбоносое лицо, раздувал чёрные волосы.
Рядом шла Тася. Короткая причёска, вздёрнутый нос, большие карие глаза. Похожа на девчонку. Она устала тащить свой большой рюкзак и с трудом переставляла ноги в узких брючках и коротких резиновых сапожках.
— Давай помогу,—сказал Амир и взял её рюкзак.—Отдышись.
— А ты, Женюра, что ли, мне помочь хочешь?—кокетливо протянула Эллочка, щуря свои голубые кукольные глаза. Комиссар нахмурился, но взял её чемодан. Его узкое худое лицо было неприступным, серые глаза (как ему казалось) отливали стальным блеском. Эллочка, пританцовывая, шла рядом. Она знала, что суровый Женька стесняется девчонок и специально его поддразнивала.
Пришли на вокзал. Перрон забит народом.
— Какой наш вагон?—спросил Амир.
— Тринадцатый,—сказал Женька.
— Надо же, как мне не везёт!—воскликнула Тася.—И вот так—всю жизнь… Живу в тринадцатой квартире, группа наша сто тринадцатая, вагон тринадцатый…
—И сегодня—тринадцатое августа!—смеясь, добавила Эллочка.
Вагон был переполнен. Но Борис с Арсенькой в дальнем купе успели обосноваться и уже доставали выпивку и закуску. На столике красовалась бутылка румынского вина, а в рюкзаке дожидался своей очереди чистый медицинский спирт. Мать Арсения заведует аптекой.
— Тася! Амир! Эллочка! Айда к нам!—крикнул Борис.
Выпили, закусили, затянули песню:

Вот окончим мы вуз,
Диплом получим,
И поедем с тобой
В колхоз могучий.
Ах ты, чува моя, чува,
Тебя люблю я!
За твои трудодни—
Дай поцелую!..

И Эллочка пела. И Тася подпевала. Хотя ей не очень-то весело. Была бы одна—заплакала. Так не хочется уезжать из дома, от мамы и братика. А тут—прозябать в деревне—месяца два, не меньше… Мама, мамочка…
Амир глядел на Тасю и пытался угадать—о чём она думает. Но разве угадаешь?
Арсений достал бутылку спирта.
— Ты, что ли, алкаш?—Эллочка в притворном ужасе расширила свои кукольные глазки.—Может, хватит на сегодня?
— Пир только начинается!—воскликнул Арсений.

За вагонным окном темнело. Пролетали столбы, деревья.

Борис глотнул спирта — и закашлялся. Всё же допил стакан, с трудом отдышался. Сидел молча, бессмысленно улыбаясь.

— Ну что, пикадор? — насмешливо сказал Амир. — Рауш-наркоз? Может, ляжешь баиньки?

Борис кивнул и забрался на верхнюю полку. В мозгу стучало: е-ду, е-ду, е-ду. Ку-да? За-чем? Хо-чу до-мой…

— Быстро спёкся, — хмыкнул Женька. — А ещё корчит из себя какого-то битника.

— Ну-у, битники — бородатые, — возразила Тася.

— Так у него борода не растёт ещё! — хохотнул Женька. — Салага! Салабон!

— И чего ты к нему придираешься? — добродушно сказал Амир. — На себя посмотри, старый служака. Гимнастёрку напялил, значки армейские нацепил… Было бы чем гордиться… Мне про армию даже вспоминать тошно.

— Амир, ты мой кумир! — пропела Эллочка. Она была слегка пьяна.

Тася сидела грустная, глядела в вагонное окно.

2.

Поселили их в клубе, рядом с правлением. Девчонок — отдельно, в клетушке, за дощатой перегородкой.

Деревянные нары. Печь. В коридоре квохчут и возятся куры.

В первый же вечер решили отметить новоселье. Допивали то, что осталось. Доедали домашние пирожки, консервы.

Маг сотрясается:

— Рок! Рок! Рок!

— Идиотская музыка, — ворчит Женька-Комиссар.

— Музыка толстых! — кривляется рыжий Арсенька.

— А мне нравится, — говорит Амир. — Очень даже бодрящая музычка…

Арсений танцует с Эллочкой.

Амир, опустив глаза, спрашивает Бориса:

— Как тебе Тася?

— Ценная девочка, кадр в порядке, — произносит тот — и сам морщится от постыдной фальши своих слов.

— «Кадр»? — улыбается Амир.

— Ладно, чего пристал…

— Ну, извини. Ты, я слышал, стихи пишешь?

— Так, балуюсь иногда.

— Мне Тася показывала. «Люблю очень твои очи, — продекламировал Амир. — Твои губы меня губят…»

— Она — тебе — показывала?! — И Борис вспыхнул.

— А что? Нормальные стишки…

— Чьи это губы тебя губят? — нараспев спросила Эллочка. — Что ли, мои?

Борис скривился, ничего не ответил. Она! — ему! — показывала…

Арсенька отбивал ритм на чемодане.

Дабы-дыбы. Дабы-дыбы. Рок! Рок!

На дворе мычали коровы, кричали петухи.

Рок, рок, рок!

Скрипучее кряканье уток. Урчание трактора.

Рок! Рок!

Арсенька сменил плёнку. Хриплый голос Луи Армстронга. Золотой звон трубы.

— Первая труба мира, — небрежно заметил Арсенька.

— Эй, мужики! — кричит появившийся на пороге Женька-Комиссар. — Управ сказал, что надо будет каждый день ездить за молоком. На ферму, на лошади.

— Ничего себе заявка, — говорит Арсенька. — А у них что, своего молока нет?

— Тут же зерносовхоз. Так что сами решайте — кто завтра поедет?

— Я поеду, — сказал Борис. И сам удивился своему решению.

— Хорошо. Поедешь с поваром.

— А кто повар?

— Тася.

— А я не просилась вовсе! — возмутилась Тася.

— Ты пойми, — сказал Комиссар, — у нас всего две девчонки. Эллочка даже картошку сварить не может, это все знают. Остаёшься ты. Оплата гарантирована.

— Ладно, уговорил.

Арсенька поставил новую бобину.

— Слушай, что это за музыка? — встрепенулся Амир.

— Нравится?

— Очень… За душу хватает.

— «Маленький цветок» Сиднея Беше… Гений джаза, король кларнета и саксофона. Он с шестнадцати лет посвятил себя джазу, в Нью-Орлеане его зовут «одиноким странником»…

— А ты-то откуда всё это знаешь?

Музыка плачет, стонет, кларнет надрывно изливает свою печаль.

«Маленький цветок» — это грустная сказка — о чём?.. Об одиночестве, о любви, о разлуке… Нагромождение грязных серых домов, сырой асфальт, бельё на верёвках. И сквозь толщу городского асфальта пробивается длинный тонкий стебель с нежными зелёными листьями. Он боится, зелёный гость, он боится этого города с его грязью и шумом. И с еле слышным шелестом и звоном — р-раз! — распускается маленький цветок… тот самый аленький волшебный цветочек из детской забытой сказки! — но тут же и вянет — и осыпаются алые лепестки… Плачет саксофон, стонет кларнет, всхлипывают клавиши рояля — погиб, погиб, погиб Маленький Цветок!..

— Классная музыка, — говорит Амир.

— А почему ты меня спросил про Тасю? — вдруг обратился к нему Борис. — Сам, небось, глаз на неё положил?

Амир хотел ответить, но, взглянув в зелёные насмешливые глаза, промолчал.
— Э-э, да она тебя присушила,— тихо рассмеялся Борис.— Жаль мне тебя, старичок… Если хочешь знать, женщины недостойны нашей любви. Ими можно лишь любоваться, но не любить их. Не спеши глотать крючок с наживкой!
— Много ты понимаешь,— оборвал его Амир.— Вся твоя мудрость — из книжек, из анекдотов. Что ты знаешь о жизни, пикадор?

И он посмотрел в ту сторону, где сидела Тася — и улыбнулся.

Её светлое лицо, её карие лучистые глаза, её приоткрытые губы…

3.

Хромоногий конюх никак не хотел давать им лошадь. Вернее, лошадь-то он давал, но ни Борис, ни Тася не умели запрягать. Конюх, прихрамывая, вынес им дугу, сбрую, вожжи. Бросил на телегу.
— Сами запрягайте.
— Мы же не умеем,— растерянно сказал Борис.
— А что вы умеете?— сердито спросил конюх, глядя на его пёструю рубашку и на Тасин маникюр. Ишь, фраера городские, подумал он.
— Зря вы так,— сказал Борис.— Уверяю вас, мы тоже кое-что умеем делать в этой жизни. Например, можем перевязать вам рану. Или сделать спинно-мозговую пункцию. А Тася ещё хорошо умеет готовить. Правда, с лошадьми вот нам управляться не приходилось.

Конюх промолчал, ему не хотелось спорить с этим смазливым сопляком, у которого, похоже, неплохо подвешен язык. К тому же он чувствовал, что в чём-то пацан и прав. Дело, конечно, не в лошади… Так в чём же?!
— Послушайте, мы же не на прогулку собрались,— неловко улыбаясь, вмешалась Тася — Мы едем за молоком, для всех наших ребят. Как вы не понимаете?

Конюх тихо выругался, молча запряг лошадь.

Проводил их взглядом, сплюнул.

Погода была хорошая. Настроение тоже скоро наладилось. Борис размахивал длинным прутом, погонял лошадь:
— Но-о, родимая!
— Эй ты, водитель кобылы!— смеялась Тася.— Гони шибче, нужно успеть вернуться до обеда!
—Успеем!

И впрямь — доехали до фермы быстро. Около полудня повернули обратно. Тася то и дело оглядывалась, проверяла — на месте ли молоко. Бидон был крепко привязан ремнями.

Солнце палило нещадно.
— Глянь-ка,— сказала Тася,— вон там, налево — озеро! Или это мираж? Давай искупаемся!

Через пять минут лошадь уже стояла на берегу. А Борис с Тасей в воду — бултых!— удовольствие первый сорт! Потом разлеглись на песке. Тася лежала на спине, прищурив глаза. Солнце лезло сквозь ресницы, вливалось — горячее, ласковое, томящее.

Борис приподнялся на локте, глянул на неё сбоку — ну и что в ней особенного? Да ничего… Круглое лицо, бисеринки пота над верхней губой, тонкая шея, грудь под лифчиком торчит — две смешных маленьких тычинки, и белый шрамчик на животе справа. При виде этого нежного шрамчика у него вдруг сладко заныло в груди. Тася приоткрыла глаза, испуганно перехватила его взгляд. «Зачем он так смотрит?— подумала она.— И почему молчит? Уж лучше бы что-нибудь говорил…»

Она встала, отряхнула с себя песок.

А Борис лежал и глядел на неё снизу вверх. Он не видел её лица. Там, где было её лицо — палило солнце. Он глядел туда, где были её глаза, и не видел их. Ослепительное солнце.
— Не смотри так,— глухо сказала она. И быстро стала одеваться.

Борис криво усмехнулся.
— Мы же можем опоздать,— сказала Тася.
— Ну и что?
— Женька будет ругаться.
— Чёрт с ним. Злее будет. Мы ему не солдаты.
— Ну зачем так… Да и не в Женьке дело… Мы же всем ребятам молоко везём.
— По Амиру соскучилась?
— При чём тут Амир?
— А чего же ты покраснела?
— Неправда! Неправда!

Ещё какая правда, тоскливо подумал Борис, глядя на её пылающее лицо.

Он вскочил, подошёл к дремлющей лошади, схватил вожжи и закричал:
— Ну-у, мёртвая!..
— …крикнул мальчишечка басом!— подхватила Тася и рассмеялась:— Нет, правда, Борька, нам пора.

Они тронулись. Вскоре впереди показались невзрачные домики зерносовхоза.

4.

«16 августа.

Сегодня ночью мне приснилась Тася. А Борька потом сказал, что я кричал во сне. Говорю: что кричал?— а он, гад, молчит, смеётся.

Рано утром я вышел во двор, смотрю — Тася уже на кухне. Она меня не видела, а я видел её через окно — как она растапливает печь, как поёт, то есть я не слышал, но видел, как шевелятся её губы».

— Амир, ты что, дневник пишешь?
— Нет, письмо.
— В тетрадь — письмо?
— А тебе — не всё ли равно? Отстань.

«А вчера к нам приехал новый парень — Мишка Зак, с педиатрического факультета. Ехидный такой еврейчик, огрызается на каждое слово. После работы (да и во время работы) много читает. Почти ни с кем не общается. Только Борька сразу с ним сошёлся, они всё время треплются о поэзии, об искусстве, даже о философии. Мишка, кажется, поумнее, и разбирается во всём этом побольше, чем Борька. Сегодня они с чего-то вдруг разругались, Борька счёл себя униженным, что ли. Раскричался, как мальчишка. Он просто из себя выходит, когда его щёлкают по носу. Пикадор. Мишка ему, конечно, понравился. Но Борька ему завидует. Он вообще многим завидует, хотя в то же время и воображает себя самобытной личностью, непризнанным талантом. Он и мне завидует. Например, тому, что я сильнее его, что боксом занимаюсь. А кто ему мешает? Он даже тому завидует, что я знаю арабский язык. Но я же татарин, меня этому с детства научили. Чему тут завидовать? А он завидует. Тася мне как-то сказала…»

— Кончай строчить, писатель!
— Борька, отстань.
— Пошли в кино.
— А что сегодня?
— Итальянский фильм. «Ночи Кабирии». Пошли, Хемингуэй!

5.

Римские проститутки танцуют мамбу. Потом дерутся.

Кабирия таскает свою подругу за космы, царапает ей лицо. Крики, визг. Гаснет свет. Часть кончилась.
— Ну и фильм! — восторженно произносит Арсенька. — Такие чувихи потрясные…

Мишка Зак морщится, но ничего не говорит. Он уже видел этот фильм. Он всё понимает. Его коробят слова Арсеньки. Но спорить — унижаться. И он молчит.

Борис сидит рядом с Тасей.
— Один критик писал, — говорит он, наклоняясь к ней и чувствуя губами её волосы, — что Кабирия — это Чарли Чаплин в юбке.
— Да? — говорит Тася, слегка отклоняя голову.

…Кабирия — в чужой машине. Рядом со знаменитым киноактёром.
— Смотри, какой обаятельный мэн, — бормочет Борис. — Какой сексапильный… правда же?
— Подожди, Боря, — морщится Тася. — Не мешай.

Вдруг с места встаёт какая-то молодая женщина и, что-то невнятно бормоча, идёт к выходу.

Борис удивлённо смотрит ей вслед.
— В чём дело? — вырывается у него.
— Не понимаю, зачем такую гадость показывают, — злобно говорит женщина.
— Это местная учительница, — шепчет Тася.

Учительница уходит.
— Дура! — хохочет Арсенька. — Ханжа, кикимора!
— Педагогическая комедия! — роняет Мишка.
— Да уж, — поддерживает его Борис. — Вот она, сельская интеллигенция. Интересно, чему она учит детишек…
— Да не мешай ты! — обрывает его Тася. Она жадно смотрит на экран.

Фильм продолжается. Сцена гипнотического сеанса.

Борис случайно взглянул на Амира. В полумраке был виден его горбоносый профиль, сжатые губы. Борису вдруг стало обидно за себя — он понял различие в том, как воспринимают фильм он и Амир. Борис понимал всё происходящее на экране, замечал все нюансы актёрского и операторского мастерства, но он не смог бы глядеть вот так — зачарованно, с судорожно сжатыми губами… Внутренний голос спасительно шепчет: для меня подобная эмоциональность — пройденный этап… Но всё равно — обидно.

Фильм кончился.

Борис и Тася идут по деревенской улице, спотыкаясь о камни и большие комья грязи, наступая в лужи. Чёрное небо. Море сверкающих звёзд.
— В школе проходили астрономию, — сказала Тася. — А я вот не знаю ни одного созвездия, кроме Большой Медведицы…
— И не нужно их знать, — сказал Борис. — Я, к примеру, тоже не помню никаких названий — и смотрю на небо просто как на звёздный ковёр, короче — просто любуюсь. А если бы знал названия всех созвездий, то невольно глядел бы на небо как на карту.
— Это точно, — согласилась Тася. — Слишком много знать тоже плохо. Нужно оставлять для себя хоть какие-то тайны, загадки…
— Ты глянь, какая луна! — сказал Борис. — И деревня ночью сразу похорошела. Крыши блестят под луной как серебряные. Даже эта лужа — словно озеро. Ночь всё украшает. И всех.

Откуда-то издалека послышалась частушка:

У кого какая баня,
У меня — кирпичная.
У кого какая баба,
Моя симпатичная!..

Тася рассмеялась. Борис сказал:
— Надо же — самая современная рифма: баня-баба. Прямо как у Евтушенко…
— Борь, а ты ещё пишешь стихи? — спросила Тася.
— Иногда, — и он вдруг смутился. — По настроению.

Они дошли до столовой. Борис пошарил в кармане, достал сигарету. Не было спичек.
— У тебя на кухне спички есть? — спросил он. — Зайдём на минутку… Ну чего ты? У тебя же есть ключ, я знаю.

Зашли на кухню. Борис закурил. Тася как-то странно смотрела на него. В её взгляде не было

нежности или симпатии — одно любопытство. Какой красавчик, подумала она. Ресницы пышные, как у девушки. А глаза! И ведь умница. Но какой-то… жалкий. Странно — почему?

— Прочитай мне какое-нибудь своё стихотворение, — попросила она.

Тася стояла у печки. В синей кофте и узких брюках.

Борис глянул на неё чуть смущённо — и после паузы начал:

> Помню — липы, ивы и Вы.
> Я влюбился во мгле листвы.
> И тогда лишь — в тени ив, лип, —
> Я вдруг понял: пропал и влип!..

Тася слушала.

— Нет, дальше не буду, — оборвал он себя. — Это всё неправда. Я всё выдумал, сочинил. Сплошная игра слов. Это не стихи…

«И даже тут — любуюсь собой, — горечью подумал он. — Да, конечно, зачем дожидаться, пока другие тебя осудят?.. Сделай это сам. Так — легче».

— А мне — нравится, — сказала Тася.

Борис подошёл к ней. Постоял рядом. Обнял, поцеловал её волосы, лоб, щёки. Она не ожидала этого. Хотя знала — всегда так и бывает. Этим всё и кончается.

Но, ощутив его губы возле своих губ, вырвалась и произнесла банальные слова:

— Не надо.

6.

Вокруг — тьма, ночь, мрак.

Только прямо перед ним, как на киноэкране, — оранжевый квадрат окна. Там, в столовой — двое.

— А я? — сказал Амир. — А как же я?

7.

— Борька, гаси свет.

Погасил.

Лёг на нары. Глядел в потолок.

У меня никогда так не было, — думал он. — И не то обидно, что она не дала себя даже поцеловать. Ей было почти всё равно. Мои прикосновения её не… не… Не надо, сказала она. А как хотелось, как хотелось… Мне — моё. Ни больше ни меньше. Лучше всего — ни с кем не делиться. А ещё лучше — делать так, чтобы все тебя видели и понимали. Приятное с полезным. Ловко. Ну я уж не знаю, что это такое и как называется. Не всё ли равно, как называется? Бывает — от плюса тоска, от минуса — радость. Объясните, попробуйте. Нет, конечно же, дело не в словах. Всё куда тоньше. Или сложнее. Или проще. Чёрт его знает. Не надо, сказала она. Человек думает одно, говорит другое, делает третье. Не надо, сказала она. Что — не надо? Проще — не лезть, не соваться внутрь самого себя. Бесполезно. Ведь я не успеваю себя догнать. Что? Себя — догнать. Некуда дальше. Некуда. Голова набита ватой. Хорошо, что я не стал с ней объясняться, изливать душу. Хорошо, что не спорол никакую сентиментальную глупость. Вот бы уж она потом посмеялась… Всё это — зря. Ведь она же сказала — не надо. Я слишком много накопил. Я слишком красиво скажу, если скажу. Ох, и как же она… как она… как она мне нра-вит-ся. А ведь всё так просто. Не любит. Хоть тресни. И что тут ещё мудрить? Со-вер-шен-но не любит.

— Как успехи, Боб?

— (вздрогнул) Что?

— Ишь ты, не понимает! — Арсенька хмыкнул. — Я насчёт Таси. Дела в порядке?

— Никаких дел, — буркнул Борис. — Спать хочу.

— Ну, конечно, после любовных трудов… Другу хоть расскажи. А, Боб?

— Нечего рассказывать!

— Как же — нечего? — вдруг вмешался хрипло Амир, приподнимаясь на локте. — Поделись опытом.

И словно какая-то пружина лопнула в Борисе. Он быстро заговорил, забормотал:

— Значит, очень хочешь? Да? Нет, правда, ты очень хочешь, чтобы я рассказал? О чём же тебе рассказать? Я прямо теряюсь, не знаю — с чего начать. О том, как мы с ней целовались? Или — о том, что было после? Не надо? Ты что, ревнуешь? А? Злишься? Ну извини, я-то тут не при чём. Уж такие дела. Так оно исторически сложилось. А на тебя ей плевать. Слышишь? Я ведь знаю — ты на неё давно глаз положил. Скажешь — нет? А ей на тебя плевать. Уж прости. И точка. А я, я её… ну, ты понимаешь? Я ж не напрашивался — ты сам просил рассказать. А она… у-у! Она в меня как кошка влюбилась. Ты бы видел, как она меня целовала. И сейчас губы болят.

— Ты врёшь.

— Я — вру?

— Ты врёшь, — повторил Амир почти беззлобно. — Ты всё врёшь.

— А хочешь, я расскажу, как мы с ней славно провели время, когда вместе ездили на лошадке за молоком — хочешь?

— Врёшь, пикадор.

— Заладил одно — врёшь да врёшь! Ну ладно, завтра я ей скажу про твои сомнения… вот уж мы посмеёмся! Что — не нравится? Хочешь дать мне в морду? Ну, дай, дай!

— Не шуми — ребят разбудишь, — буркнул Амир.

— Ты же боксёр, силач! Что ж ты терпишь мои слова? Эх ты, благородная личность… Лирик! А мне — плевать на лирику! В деревне хочется поразвлечься, понял? Можно, конечно, и слюни сентиментальные распустить, и на флейте-свирели поиграть… Мой миленький дружок, любезный пастушок! Всё это, брат, устарело. Вы, ребята, постарели, вы и ваши пасторали… Хорошее, кстати, слово — пасторали. Правда, Арсенька?

— Истину глаголешь, отец.
— Врёшь ты всё,—устало сказал Амир.

8.

— …Можно ли спать с открытой форточкой? Армянское радио отвечает: конечно, можно, если больше не с кем.
— …
— Разве не смешно?
— Ха, ха, ха,—вяло произнёс Борис.
— Иди ты.

Арсенька обиделся, надулся.
— Не сердись, Арсен. У меня просто настроение паршивое. Хандра. Сплин.
— Да ну тебя. Тоже, Печорин нашёлся. Лишний человек.
— Я и есть лишний.

Они сидели на крыше кошары. Крышу надо было забрасывать землёй. Внизу, на траве, спал Мишка Зак. Сладко похрапывал. Вокруг—ни души. Рядом—поле. Дорога. Птицеферма.
— Может, поработаем слегка?—предложил Борис.
— Работа не Алитет—в горы не уйдёт,—отмахнулся Арсенька.

Борис пожал плечами. Ему было всё равно.
— Пусть работают те, кто не умеет,—сказал Арсенька.

По дороге от деревни катилась бричка. В бричке сидел управ. Кряжистый мужик с загорелым морщинистым лицом. На управе была шляпа. Этой шляпой он отличался от прочих, рядовых совхозников.

Управ подошёл к ним с тыла—и злобно закричал, задрав голову:
— Эй, скубенты! Чего развалились? Чего не работаете? Чего кошару не покрываете? Это вам красиво?

Борис продолжал лежать. Не дрогнул. Арсенька вскочил и закричал сверху:
— А у нас перекур!
— Тунеядцы!
— Вы заблуждаетесь, дорогой товарищ управляющий совхозом имени Девятнадцатого съезда родной Коммунистической партии Советского Союза!—на одном дыхании выпалил Арсенька.
— Чего-о?! Демагог!—взорвался управ.—Уже полдень, а кошара так и не покрыта! Вот лентяи, мать вашу! Вы же так и на еду себе не заработаете! Ещё останетесь должниками, будут у вас потом из стипендии высчитывать. Брали бы пример со своего комсорга или с Амира. Вон как они на силосном комбайне вкалывают! Значит, есть у них комсомольская совесть! А у вас—нету, мать вашу!
— Да они ради денег стараются,—фыркнул Арсенька.—А мы—идеалисты и бессребреники…
— Сволочь ты, а не идеалист!
— Боб, ты слышишь, как нас оскорбляют?
— Он по-своему прав,—буркнул Борис.—Управ всегда прав. А мы правы по-своему. А Мишель,—кивнул он на притворяющегося спящим Мишку,—прав по-своему. И они,—кивнул на бегающих кур,—тоже по-своему правы… В этом мире всё относительно, абсолютна лишь смерть. Так что спорить нет смысла, надо смиренно терпеть и прощать друг друга…
— Ах вы, гниды паршивые, скубенты сраные! А ну—за работу, мать вашу!
— Ругань—не аргумент,—покачал головой Арсенька.—К таким грубостям мы не привыкли. Ведь мы—выходцы из интеллигентных семей, дети врачей и педагогов, мы воспитаны на добрых книгах и бабушкиных сказках…
— Я те дам бабушкины сказки! Да вы маменькины сынки! Тунеядцы!—вскричал управ.—Вас не порют, вот вы и расхрабрились! Распустил вас Никита… Жаль, Сталина нет— он бы давно всех прижучил… А вот что ты запоёшь, скубент, когда тебя выпрут из института? Я ведь могу постараться… Хочешь?
— Он не хочет, не хочет!—сказал, вскакивая с травы, мудрый Мишка Зак.—Вы простите уж нас, пожалуйста. Сейчас мы быстренько, в авральном порядке закидаем эту кошару… Даю честное жидовское слово!
— Вот трепачи,—с ненавистью произнёс управ.—Ну я вечером проверю.

Он уселся в бричку и укатил прочь.

9.

После ужина Амир зачем-то побрёл в берёзовую рощу. Хотелось побыть одному. Душа томилась в предощущении чего-то хорошего, радостного…

Здравствуй, золотая осень!

Как красиво когда-то звучали сказанные впервые эти банальные слова: золотая осень! Как красиво звучали почти все слова, сказанные впервые. А ведь он—он ещё никому, никогда… никогда никому не говорил о… Ну и помалкивай!

Он брёл, пошатываясь, как пьяный. Во всём ему чудилась девичья нежность—и в горьковатом запахе травы, и в тихом шелесте палых золотых листьев, и в податливой гибкости берёзовых стволов. Тася, Тасинька… Он погладил, еле касаясь, тонкий белый ствол—и вспыхнул от смущения, и обернулся—не видит ли его кто-нибудь. Никого не было. Ну ты и пикадор!—сказал насмешливо сам себе.—Что с тобой творится? Да уж ясно—что… Тупой азиат. Влюблённый боксёр. Тася. Тасинька…

Шёл, покачиваясь, словно во сне, между белых стволов. Шёл и шептал её нежное имя. И улыбался.

Неожиданно услышал голос Бориса. Резко остановился. Да, это они—Борька и Тася шли совсем рядом, по тропе, метрах в десяти от него.

Облака плывут как овцы
Серым стадом.
Ты не любишь меня вовсе,
И не надо…

Декламировал заунывно Борька.
— Новые стихи? — спросила Тася.
— Да. Для тебя.
— Ну, читай дальше.
— Не хочу. Там неправда. Мне *надо*, чтобы ты меня любила. Я так хочу!
— Глупый.
— Не хочу быть умным. Не могу быть умным рядом с тобой, — и Борис схватил её за плечи, притянул к себе. (И что дальше?)
— Глупый, — повторила Тася. — А стихи у тебя правильные. Я тебя вовсе не люблю… Что с тобой, Боря?

Он зажмурился, снова притянул её к себе, крепко обнял.
— Тасичка, родная моя…

И тут сильная чужая рука отшвырнула его в сторону. Дрожа от злобы, Борис повернулся к Амиру:
— Ты чего? Шпионишь?!
— А ничего. Хочу привести тебя в чувство… пикадор.
— Кончай хамить, Амир.
— Погоди. Напомни-ка мне, о чём мы говорили прошлой ночью? У тебя, значит, губы болят от Тасиных поцелуев? — Амир резко повернулся к Тасе: — Скажи, это правда?
— Нет, — тихо сказала она.
— И ты в него как кошка влюбилась? Ведь и это неправда, Тася?
— Конечно, неправда…
— Так зачем ты врал, Борька?
— Назло тебе.
— А может — назло себе?
— Заткнись! — с ненавистью крикнул Борис. — Не лезь в мою душу, всё равно ничего не поймёшь.
— Ну конечно, ты же у нас сложная личность, — усмехнулся Амир. — Впрочем, кроме тебя, в это никто не верит… вот и утешай сам себя.
— Заткнись, гад! — крикнул Борис, рванувшись к Амиру.

Короткий удар — Борис рухнул на траву.
— Амир, не надо! — испуганно вскрикнула Тася.

Амир поднял поверженного соперника с земли, встряхнул.
— Очнись, пикадор. Больше бить не буду. Мой совет — будь попроще. И народ к тебе потянется. В том числе и женщины.

Борис ничего не ответил. Хуже быть не могло.

Он молча, не глядя на них, повернулся и пошёл прочь.

Амир стоял в растерянности.
— Тася, уж ты прости… — и он смущённо развёл руки. Он не мог подобрать нужных слов — простых и естественных. Трудно быть естественным, когда любишь.
— Ничего, — улыбнулась она. — Всё правильно. Я на тебя не сержусь. Только пора идти домой. Уже поздно.

Она взяла его за руку. Повела за собой. Приручила.

Так и шли через рощу — как брат и сестра, держась за руки.
— Почему это во всех фильмах влюблённые гоняются друг за другом? — вдруг произнёс он дрожащим, притворно шутливым голосом. — Вроде взрослые люди — а носятся как малые дети…
— Дураки, — сказала Тася.
— Кто? Влюблённые?
— Да нет. Те, кто снимают такие фильмы… — И она рассмеялась. — Чего бегать-то? Правда же?
— От избытка чувств-с! — И он тоже рассмеялся.

Роща кончилась, показалась деревня. Надо было перейти по бревну через ручей. Амир перепрыгнул на другой берег — и подал Тасе руку.
— Я сама! — Она ступила на бревно, сделала пару шагов, поскользнулась, взмахнула руками, не смогла удержать равновесие, сорвалась и упала в воду. И вся промокла в холодном ручье.

Амир кинулся к ней, взял её, мокрую, на руки, поднял, прижал к груди и понёс, как драгоценного ребёнка, гордо вышагивая по деревенской улице.
— Ну зачем ты? Пусти! — шептала она. — Люди же увидят!
— Пусть хоть весь мир смотрит! — радостно отвечал он.

10.

Купание в холодном ручье не прошло даром — Тася всерьёз простудилась.

11.

Когда он зашёл в девичий закуток, Тася спала. Эллочка была на работе.

Вот и хорошо, подумал Амир, я только гляну на неё, и всё. Я ничего ей не скажу, я не разбужу её, просто постою тут, посмотрю на неё. Милая. Милая.

Подошёл, наклонился над ней. Положил на постель яблоко. Жадно всматривался в её лицо. Не смог удержаться, наклонился ниже и осторожно поцеловал её в щёку. Жуткий миг. Теперь не убежишь. Не скроешься. От этого — никуда.

И вдруг он понял — она не спит. Увидел, как розовеют её щёки, как дрогнули её ресницы. И ещё он понял, что она знает, что он заметил, что она не спит. Но боится открыть глаза. Чтобы ей помочь, отошёл к окну, отвернулся.

Вот сейчас она скажет: «Надо же! Это ты, Амир?»
— Надо же! Это ты, Амир? — сказала она.

Он повернулся с гордой улыбкой. Моя власть! Я боялся, что я её раб. Чудак, всё будет наоборот. Вот она, сладость власти.

Сейчас она скажет: «Как хорошо, что ты пришёл».

— Как хорошо, что ты пришёл — сказала она.

Он молчал. Боялся открыть рот.

Сейчас она скажет: «Какое красивое яблоко!»

— Какое красивое яблоко! — сказала она.

Он был счастлив. Можно вообще ничего не говорить. Сел рядом.

А я знаю, что ты знаешь, что я тебя люблю… Можешь не притворяться, притворщица.

— Ну как, тебе лучше? — спросил Амир.

— Да. (Сейчас мне так хорошо, так хорошо… побудь рядом, подольше…)

— А голос простуженный. Голова не болит?

— Нет. (При чём тут голова? Ну что же ты молчишь? Скажи, скажи.)

— Я тебе ещё мёду принёс. При простуде очень помогает.

— Спасибо. (Спасибо, спасибо — да не за мёд, я его не хочу и не буду. Спасибо, мой милый.)

— Какие у тебя щёки горячие… Тебе надо в больницу!

Из-за стены послышалась музыка. Кто-то включил Арсенькин магнитофон. «Если уходит к другому невеста, то неизвестно, кому повезло…»

Тася горячей рукой схватила его пальцы.

— Амир, — шепнула она.

Скажи. Скажи.

Ишь какой. Ты должен первый — ты же мужчина.

Я люблю тебя. Я с тобой породнился — с твоими карими глазами, с твоими горячими руками. Мне без тебя — никак, никуда, никогда.

За стеной застонал саксофон.

— Это «Маленький цветок»? — спросила Тася, не выпуская его руку. — Красивая музыка.

Скажи. Скажи.

— Маленький цветок… — прошептал он. — Это ты — мой маленький цветок. Маленький цветок, который я люблю.

— Повтори!

— Люблю, — еле слышно произнёс он.

Она прерывисто вздохнула, поверив не словам, а его голосу. И его глазам, ласкающим её пылающее лицо. Наконец-то.

Она взяла его руку и положила себе на лицо, на глаза, провела по щекам. Он погладил её. Внезапно она прижалась губами к его руке — и всхлипнула: — Не сердись…

Спокойно. Спокойно. Да успокойся же!

В её глазах блестели слёзы.

— Как хорошо, — прошептала она. — Поцелуй меня. Сейчас же — поцелуй!

Он наклонился и прижался губами к её горячим губам. Она притянула его к себе.

— Я хочу, я хочу… — бормотала она. — Надо же — какие у тебя жёсткие волосы… А какие мускулы! Ты всегда будешь меня защищать?

— Никто не посмеет тебя пальцем тронуть!

— Да, никто… А ты — тронь… тронь… Ну пожалуйста… Я очень хочу…

— Девочка моя… ты же вся горишь!.. Тебе нужен врач…

— А ты разве не врач? — и рассмеялась, и закашлялась. — Ты же будущий врач… вот и спасай больную! И пожалуйста, ничего не бойся!

12.

— Парни! Потрясающая новость!

— Что случилось?

— Ещё один человек в космосе! Наш, советский! Я в конторе был, там по радио передавали… А вы тут сидите, ничего не знаете…

— Как фамилия космонавта?

— Титов. Герман Титов.

— Молодой?

— В космос стариков не пускают. Ясно — молодой. Вот бы сейчас в космосе оказаться! А то киснем тут в этой дыре…

— Надо радио включить! Вон же на стене чёрная тарелка — небось, ещё с войны висит…

— Включай скорей!

13.

— Ты на меня не сердишься, Тася?

— Да что ты, глупый… Я люблю тебя!

— Повтори…

— Люблю, люблю, люблю, люблю.

— Больше не говори. А то когда часто повторяешь — смысл слов теряется… Люблюлюблюлюблюлюблюлюблюлюблюлюблю…

(…рапортовал партии, правительству и всему советскому народу о завершении беспримерного космического перелёта, ещё раз подтвердившего превосходство нашей науки и техники…)

— Почему ты молчишь, Амир?

— Боюсь, что скажу глупость…

— Милый, ничего не бойся… лучше поцелуй меня… вот так!.. и ещё… и ещё!..

(…на плакате, который нёс этот студент, было написано: «Гагарин первый, Титов второй, я — третий!» Телеграфные агентства сообщают о многочисленных откликах в связи с замечательным подвигом космонавта страны Советов Германа Титова. Все газеты помещают на первых страницах сенсационные заголовки и крупные портреты героя-космонавта… имя Германа Титова на устах людей всего мира, на страницах всех газет и на волнах всех радиостанций. Мир восхищён…)

— А ты знаешь, мне кажется, будто мы с тобой на необитаемом острове… Мы одни — и вокруг никого!

— Ты — Робинзон, а я — твоя Пятница!

—Точно! И нам никто не нужен! Совсем никто… правда же?
—Конечно… мне, например, никто не нужен… А тебе?
—И мне—никто!

…в этом огромном холодном мире—нам тесно, тесно, тесно.

В этой маленькой узкой комнате—нам просторно, просторно, просторно.

Мир—это я и ты. И наша вера, и наша надежда, и наша любовь.

14.

На другой день Тася совсем разболелась, температура подскочила под сорок—и её увезли домой, в город, лечиться.

15.

Хоть бы она умерла,—подумал вдруг Борис, и сам ужаснулся своей мысли. Нет, не может быть, он вовсе этого не хотел! Это просто дурная фантазия… это бред… Нет, не бред! Не обманывай сам себя!

Он шёл по тропе через поле. Куда шёл? Зачем? Кто—шёл?

Нет, серьёзно—кто я такой? Я, я, я… Я—студент, медик. Я единственный сын у мамы. Но кто я такой? Битник—сказал Женька. Поэт—сказала Тася. Не надо, сказала она. Поле. Тропа. Поле. Я здесь совсем один. Нет, не один. Кто-то меня догоняет сзади. Несколько человек—идут быстро, молча, тяжело дышат, что-то несут. Надо посторониться.

Трое несли на плечах ящик, похожий на гроб. Впрочем, это и был гроб. Странно. А что ж тут странного? За ними—ещё трое. И старуха, которую вели под руки двое парней. Старуха молча всхлипывала.

Похороны не менее интересны, чем свадьба. Нет, пожар ещё интереснее. Всегда и всем очень приятно смотреть, как горит чужой дом. Слаще зрелища не бывает. Нет ничего слаще чужого горя. Разве не так? А особенно сладко видеть, как умирает женщина, которая предпочла тебя другому, которая—гадина! сука!—тебя не любит… Да как она смела?! Меня—такого хорошего, такого умного, такого талантливого, такого красивого—меня должны любить все женщины мира!

Постыдился бы—ну хотя бы при виде чужой смерти… ну что ты плетёшь?! А что—смерть? Надо бояться не смерти, а жизни. Не мертвецов, а живых—вот кого надо бояться.

И он вспомнил, как впервые оказался в институтской анатомке. На стенах—схемы и рисунки, на полках—органы в банках, черепа, кости, слепки мозга. Раз-два, взяли, скомандовал Михаил Ильич. Подняли тяжёлую железную крышку—и с трудом, втроём, вытащили из ящика мокрый труп. Резко запахло формалином. Немного подышу ртом, а уж потом и носом. А потом и совсем привыкну. На руке трупа—наколка: «Что нас губит» и рисунок—женщина, бутылка, нож. Сермяжная правда. За негуманное отношение к трупу, сказал Михаил Ильич, буду гнать с занятий. Ну что вы, сказал Арсенька, мы же не дети. Будто дети любят развлекаться с трупами. Что? Я вам расскажу о медиальных мышцах бедра, говорит Михаил Ильич. Режет кожу. Раз-раз-раз. Скальпель и пинцет. Учитесь препарировать, говорит Михаил Ильич. А я гляжу на ноги трупа. «Они устали»—наколка на ноге. И на руки трупа смотрю. Рядом с большим пальцем левой руки—наколка «Света». Вот что, Света, говорил он. Знаешь что, Света, снова говорил он. Она знала и хотела услышать. Как-нибудь скажу, думал он, обнимая её горячие плечи. Рукой. Которую режет гуманный анатом Михаил Ильич. Рукой. Рука эта не была тогда такая жёлтая. Нормальная была рука. Живая, сухая, горячая. Света обняла его тоже, обхватила и поцеловала в губы—крепко-крепко. Потом, после. Действие этой мышцы заключается в приведении и вращении бедра наружу, говорит Михаил Ильич. Или всё вовсе и не так было. В смерти моей никого не вините, читала мать. Упала, забилась в рыданиях. Зачем он это сделал. Зачем. Зачем. Спроси, попробуй. Докричись. Ничего нельзя сделать, сказал врач. Очень сочувствую вашему горю. И ушёл. Очень сочувствую вашему горю, много раз разным людям повторял он. Он устал повторять эту фразу: я очень сочувствую вашему горю. Он перестал сочувствовать чужому горю. Ему надоело. Мать металась в постели. Сын ушёл и оставил красные следы. Только красные следы на полу он оставил. Сыночек. Сыночек. Деточка. А Света сказала ей, матери, что он был пьян, когда её обидел. Он думал, что я разлюбила его. Он был пьян, вы понимаете? Я бы и сама. Но я обиделась, что он пьяный и грубый. А ведь я его так любила, сказала девушка по имени Света. Ты-то будешь жить. И без него будешь жить, сказала мать. Девушка Света шла по улице и плакала. Так сладко—первое настоящее горе. Сладкие, горькие, солёные, сладкие, сладкие слёзы. Сыночек, думала мать. И нет слёз. Эта мышца прикрепляется к медиальной части бедра и к нижней части седалищной кости, говорит Михаил Ильич. А может, всё вовсе и не так было. Заболел и умер. Или—подкололи на улице, такие же бравые пацаны. Очень даже запросто. И всё равно же ведь—«Света»—наколка на жёлтой руке.

Берёза. Берёза. Берёза. Белая на фоне синего неба. Красота!

Белая на синем. Мимо.

«Света»—наколка на руке. Не обязательно, чтобы наколка. У каждого кто-то есть. И каждый умирает раньше него или неё. Они жили долго и умерли в один день. Что? Так не бывает. Если

только они вместе не утопились, или не погибли в автомобильной или авиационной катастрофе.

Так не бывает никогда.

А как бывает?

Я же ещё ничего не знаю. Совсем ничего. Всё — вычитано, выдумано.

Но каждый хоть раз говорит кому-то: люблю тебя.

Амир сказал Тасе: люблю тебя.

И Тася сказала Амиру: люблю тебя.

И миллионы, сотни миллионов людей изо дня в день, из года в год повторяют одно и то же, одно и то же, одно и то же: люблю тебя… люблю тебя… люблю тебя… Как же им не надоест?! Ты моя нежная, ненаглядная, сладкая, единственная, самая лучшая. И сколько таких — самых лучших?! Как же они не понимают, что всё это — чья-то насмешка, комедия, балаган? Господи, ну зачем же ты хочешь и меня втравить в эту унизительную игру?

Он упал на траву. Долго лежал. Потом встал и, пошатываясь, побрёл дальше. Белые стволы берёз, зелёная трава, синее небо.

Я, Борис, иду по берёзовой роще. Куда? Зачем?

Я, я, я.

Я спутал всё.

Я себя с кем-то спутал. Я тебя с кем-то спутал. Нет, ты не при чём.

Я ослеп от твоих карих глаз. Я спятил. Не кружи мне голову. Прошу тебя. Ведь нет же, нет никакой любви! Есть лишь похоть, секс, дурная привычка, инстинкт продолжения рода. Так оставь же меня в покое!

Берёза. И ещё берёза.

Эй, курица, чего ты крутишься под ногами? А ну, беги на птицеферму. А то вот я вот сейчас вот возьму вот эту вот палку — слышишь, ты? тварь пернатая! — и как шарахну тебя по спине! По твоей куриной башке. Так и сделаю, стукну, прибью, пришибу, хоть ты и белая — ходячий символ мира… А ведь ты — злая, курица, уж я-то знаю… Когда твоя подруга поранила лапу, — помнишь? — она захромала и вообще расхворалась чего-то, а ты вместе с другими курицами бросилась на неё — и заклевала насмерть, и сожрала свою заветную подружку. Что? Разве не так? Очень даже просто. Без каких-либо угрызений совести. Я знаю. Я сам это видел, своими глазами. Кстати, раньше я такого не знал… ну, я же — городской мальчик, воспитанный на сказках и на идеалах гуманизма… откуда мне знать про ваши куриные свирепые нравы! А сейчас я тебя убью, белая курица. Это будет такой символ, что ли. Ну будто бы ты, курица, — моя судьба. Если я тебя убью — значит, стану хозяином своей судьбы и сбудется моё счастье. Слышишь, птица? Она и не догадывается, что я намерен её прикончить. Ничего, сейчас догадается.

Схватил палку. Погнался за курицей.

Кинул. Мимо. Кинул. Попал. Перебил крыло.

Замахнулся ещё, чтобы добить. Убить.

Зачем всё это?

И отбросил палку в сторону.

Не от жалости. Потому, что струсил.

Не смог ударить по тёплому, по мягкому, по живому.

По глазам. По глазам.

Живи, тварь. Тебя скоро сожрут. Не люди, так твои же подружки. Заклюют, когда увидят твоё перебитое крыло. Не помилуют!

А я — не могу. И этого — не могу.

И бил, и не добил. Не могу-у.

Ах ты, курочка-ряба. Смешно.

Она, изволите видеть, умирает, ей горько, ей больно, она отчаянно смотрит в рваное синее небо. А мне плевать.

Я разлюбил вас, люди.

И себя я тоже, наверное, разлюбил.

…Ну и что, пикадор? Тебе стало легче? Высказался? Справил большую душевную нужду? Теперь стишок напиши — и совсем полегчает. Ведь творчество — это дефекация души, разве не так?

16.

Лень, дождь, скука.

Какая уж тут работа. Второй день отлёживались на нарах. Кто-то играл в карты. Борис читал журнал «Юность» с новым романом Аксёнова. Женька драил свои армейские значки. Амир что-то строчил в дневнике. Мишка Зак сладко спал.

— У меня вопрос, — приподнялся с нар Арсенька. — Когда мы сможем получить свои кровные, заработанные тяжким трудом деньги? Подчёркиваю — политые нашей кровью и нашим потом. Ась?

— Ты к кому обращаешься? — поглядел на него Женька-Комиссар.

— К тебе в первую очередь. Ну а ты должен обратиться с подобным вопросом к управу. Прошло более двух недель, как мы честно трудимся на колхозных полях…

— Это ты-то трудишься? — хмыкнул Женька. — Посмотрим, сколько ты получишь за свой геройский труд…

— Уж это, товарищ, не твоя забота.

Женька встал, неторопливо вышел. Вскоре вернулся.

— А у тебя нюх на деньги, — сказал он Арсеньке. — Сегодня как раз получка. Пошли, братва!

Все радостно повскакали с нар. Ринулись в контору.

Там толпились рабочие совхоза, воздух был пропитан махорочным дымом и махровым матом. Матерились все — и мужики, и женщины, и кассир, и сам управляющий. Матерились беззлобно, по привычке, даже как бы с оттенком радости — ведь получка же — это маленький праздник.

Женька первым отошёл от стола кассира, ещё раз пересчитал деньги. Вроде, нормально. Амир тоже получил прилично. И Мишке кое-что перепало. Борису выдали тридцатку («Тридцать сребреников!» — тут же пошутил он).

Арсенька протиснулся сквозь плотное кольцо народа, окружившее кассира, сидевшего за столом. Тихо буркнул:

— Гляньте там меня.

Назвал себя — и следил за жёлтым ногтём, ползущим от последнего крючка его фамилии к клетке в правом углу ведомости.

— Минус, — сказал кассир, ехидно улыбаясь.

— Как это — минус?

— Фигу с маслом ты заработал, — сказал кассир и прибавил выражение покрепче. — Ещё червонец остался должен совхозу.

— Поздравляю, скубент! — съязвил сидящий рядом управ. — Славное начало, продолжай в том же духе!

Арсенька густо покраснел. Попятился от стола. Его, как назло, долго не выпускали из тесного, потного, пропахшего махорочным дымом кольца — мужики смеялись и с откровенной издёвкой глядели в его лицо, пылающее от стыда, злобы, обиды, жалости к самому себе и от тоскливой ненависти к этим людям, презирающим «городского щенка», привыкшего получать дармовые деньги не иначе как из рук матери, отца, бабушки, не отдающих себе отчёта в своей любви к нему и прививших ему сызмальства эту странную уверенность в дармовой любви и в невозможности таких вот неприязненных взглядов, какими провожают его сейчас эти люди, простые, ясные и грубые, как природа, окружающая их грязные дворы и незатейливые дома, выстроенные неведомым архитектором по единому стандарту, на скорую руку.

Наконец Арсенька выбрался из толпы, вышел на крыльцо. Облегчённо вздохнул. Дождь кончился. Солнца луч — из-за туч. И так далее. Дышится легко и свободно. Жизнь не так уж плоха!

— Ну, как? — спросил его Женька. — Много кровных получил?

— Червонец должен, — и Арсенька беззаботно рассмеялся. — Ты угадал, Комиссар!

— Анекдот, — хмыкнул Женька.

Тут же, на крыльце, стояла Эллочка, тоже кое-что получившая и с загадочной улыбкой поглядывающая на ребят.

— Что ли, я сегодня не именинница? — вдруг с притворной обидой сказала она. — Почему я не слышу поздравлений? И почему меня никто не целует, не дарит цветов? Эх вы, кавалеры! Я у вас единственная дама осталась, а вы…

— Как же я забыл! — смутился Женька. — Я ведь знал, что у Эллочки сегодня день рождения… Ладно, сейчас мигом чего-нибудь сообразим.

— Чего ты сообразишь, в магазине спиртного нету — уборочная, — тоскливо сказал Мишка.

— А мы с тобой на станцию съездим — там и возьмём, — возбудился Арсенька. — Вы, братцы, скиньтесь хоть по десятке, а уж я вам достану и водочки, и закусочки.

— А как поедете?

— На попутных! Вы, главное, башли давайте… Не жмитесь, кулачьё!

17.

И снова — пир.

За здоровье Эллочки. Что ли, ты у нас нонче виновница торжества? Что ли, ты у нас, куколка, именинница? Что ли, я — а кто же ещё?

Буду нонче весёлым и общительным, сказал Борис. Ужасно весёлым я бываю, когда напьюсь.

С днём рождения, Эллочка. За тебя первый тост. А второй тост — за твоих родителей. А третий — за твою кукольную красоту. Да шучу я, шучу. А сейчас предлагаю выпить за твоего жениха. Что ли, есть у тебя жених, али нету? Признавайся честно!

Вот бери с меня пример. Я, к примеру, никогда не вру. Я прост как правда. Как газета «Правда». Правда же, Амир? Отстань, пикадор. А-а, сразу отстань. Нос воротишь. Богатенький Амир. Много денежек получил? Отвяжись. Остап Ибрагимыч, ну когда же, когда же мы будем делить наши деньги?! Щас схлопочешь… Отстань.

Бедный я, несчастный. Никто меня не уважает. Девушки меня не любят, и в бане я давно не мылся. И в жизни я ничего не успел добиться. А ты что, Боб — умирать собрался? Нет, почему же, совсем нет. Просто я ничего не успел.

И мне, видите ли, не стыдно. Мне плевать. Мне не стыдно, что я не умею мыть полы, ремонтировать электроприборы, соблазнять девушек, колоть дрова, запрягать лошадь… Впрочем, лошадь-то я запрягать научился… Нет, я о другом.

Мне не стыдно обманывать маму… Слушай, Амир, а ты почему не пьёшь? Всё грустишь о Тасе? Ну молчу, молчу. Даже Эллочка пьёт — она водку разбавляет сиропом из Мишкиного варенья. Этакий ликёр получается… Так о чём это я? Ах, да, я ведь о своей маме… Неужто я её не люблю? Похоже, я вообще никого не люблю. Какой кошмар! Да я просто монстр какой-то, моральный урод, выродок!

Помню, был её день рождения, мама испекла вкусный рыбный пирог, всяких салатиков наготовила, даже красного вина сладенького поставила. Вот, говорит, Боря, решила отметить свои сорок пять. И смеётся: бабий век — сорок лет, а сорок пять — баба ягодка опять. И плачет. А как ей не плакать — отец-то на фронте погиб, она всю жизнь одна, если меня не считать. Ради меня! Ради меня всю жизнь отдала… Посидим вдвоём, говорит. А я — мама, извини, меня Ира ждёт. Вот и позови Иру, говорит мама. Но мы с ней в кино

договаривались, она уже там меня ждёт, наверное. Что ж ты, Боричка, меня в такой вечер одну оставляешь. Ну прости, мама. Я совсем забыл, я не подумал, я завтра тебе подарок какой-нибудь подарю. Что ж, иди, сказала мама. И отошла к окну. Она стояла возле окна и плакала. Мама, сказал я, ну перестань, не надо так. Подошёл к ней и глажу её плечи. А глаза у меня сухие. Мне было даже страшно, что мне совершенно не было её жаль. Ну не надо, мамочка, сказал я. Ладно, иди, говорит она. Я пойду, мама. Иди, иди. Я пошёл в кинотеатр, Ира уже была там, она рассердилась на меня за то, что я опоздал, и весь вечер потом на меня дулась. И ради этого — я заставил маму плакать, стоять у окна и слизывать с краёв губ слёзы, которые стекали по щекам, которые когда-то были свежими, и кожа была тонкая, нежная, как на той старой пожелтевшей фотографии, сохранившейся с того времени, когда мама верила в то, что в её жизни сможет не раз повториться счастье, ведь она считала свою жизнь только начавшейся, а жизнь была уже прожита в детстве и юности, и остались лишь воспоминания обо всём первом — о первой любви и первой получке, о первом муже и первом сыне, которые стали единственными, о неблагодарном сыне, который ещё своим сладостным лепетом у её груди пообещал ей стать оправданием неоправданных надежд на будущее счастье и который… который… который… Слушай, Арсенька, брат, а у нас нет ничего, кроме водки? Ничего? Ну и ладно.

Боб, тебе чего налить? Может, рюмочку кальвадоса? Нет, Арсен, мне, пожалуйста, вон из той бутылочки выдержанного бургундского. За твоё здоровье, Эллочка. Сколько же это тебе трахнуло? Двадцать, сказала она. О, старуха, да ты уже старуха. Мне, например, всего ещё восемнадцать. Ты — пацан, сказала Эллочка, и много пить тебе вредно. Не сходить ли нам, братцы, в клуб? А что, это идея! Пошли на танцы, сказала Эллочка. Пошли! И маг захватим.

Слушай, Боб, сказал Арсенька, иду я сегодня на станции из магазина — и вижу двух местных девиц. Симпатичные такие, сисястые. Только хотел к ним подвалить, закадрить, как вдруг слышу — одна другой говорит: чтой-то блохи заели — и стала подмышкой чесать. А ты не врёшь? Гадом буду! А ты и есть гад. Ладно, не обижайся. Слушай, куда это мы идём? Ах, да, в клуб. А вот и клуб. Вот мы уже и пришли. Народу — уйма. Мы словно белые вороны, не правда ли, сэр? Как это — кто? Да мы с тобой. А Мишка где? А вон он, он же не танцует, сам говорил. А ты знаешь, Боб, что что ему Эллочка нравится? Вот уж не думал. Клянусь. Он сам как-то признался. Ладно, я сяду вот здесь, возле печки. Сегодня я многовато выпил. В таком случае, сэр, вам не надо сидеть у печки. Можете сблевать. От печки — жар. Отстань. Иди, танцуй. Танцор. Да-а, не надо мне было так много пить. Ну, ничего. Посижу возле печки, отдохну, будто я чего-то жду. А ведь я ничего не жду. Ничего и никого. Ни о чём не жалею. Ничего не желаю. От стыда не алею. От любви не пылаю. Зябли зяблики в роще, осень бродит по чаще, мысли плыли на ощупь, просыпались всё чаще. От забот не укрыли и надежды украли. Губы рано остыли, плечи рано устали. Это мои стишки. Из-за этих стишков меня чуть из института не выкинули. Но потом обошлось. Даже из комсомола исключать не стали. Отделался лёгким испугом. Чего он там играет, на расстроенном баяне? Расстроенный баянист. Голубой экспресс. Танго. Все танцуют в сапогах. У Василия Каменского была книжка — «Танго с коровами». К сожалению, не читал. Интересно, почему все деревенские девушки такие толстые, такие сисястые и голенастые? И лица у них какие-то грубые, словно вылепленные из плохой глины. Фу, я пьян. Не надо было много пить. И печка жаркая. Один поэт сидел за ресторанным столиком, зашёл другой, высокий, громкоголосый, зашёл и сказал, что *она не придёт*. А кто — она? Да не всё ли равно! Каждый ждёт *её*. Всё равно, хоть какую, но каждый ждёт *её*. Как бы это сказать. Много женского, о чём нам мечтается. У нас в крови нежность и ласка ко всему женскому. У каждого поэта. И не только. Итак, это сон, моя маленькая. Итак, это сон, моя милая. А сам такой холодный, со скрещёнными на груди руками. Но дай твоих губ неисцветшую прелесть! Это тот, громкоголосый. А сам такой грубый. Мы с сердцем ни разу до мая не дожили. Или — он же — ночью хочется звон свой спрятать в мягкое, в женское. Весь мир пропитан этим. Это самое туманное и самое мучительное. Самое грязное и самое чистое. Об этом не скажешь «хорошо» или «плохо». Да что это он, почему он играет всё один и тот же вальс. Надоело уж. Мне, наверное, надо идти домой. Что-то мне нехорошо. Тошнит, что ли? У меня есть фонарик, я не заблужусь. Я знаю, как идти. Через весь грязный зал этого грязного клуба, потом с грязного крыльца, потом по грязной улице налево. Как тогда мы с Тасей шли после кинофильма «Ночи Кабирии». Гениальный фильм. А этот финал! Грязная слеза по щеке — и чистая улыбка… Нет, сказала она. А ему сказала — да. Где Амир? Вон он, танцует с какой-то деревенской нимфой. Арсенька танцует с Эллочкой. Мишка сидит у стены и следит за Эллочкой странным взглядом. Ах да, он же…

Ну ладно, я пошёл.

А это ещё что за тип? Чего он пристал к Арсеньке? Стиляга, говорит он. Арсенька обворожительно улыбнулся. Ну стиляга — и что дальше? Отвалите, сказал он. Отвалите, сэр. Я те щас отвалю. Ну а эта-то, сказал тип, тыкая пальцем в Эллочку, вырядилась в штаны. Позорница.

И хлопнул Эллочку по её красивой круглой попке.

18.

— Извинитесь перед дамой,— сказал Мишка. Он держал парня за плечо. Крепко держал.
— Ещё один!— И парень засмеялся.— Сколько вас тут, заморышей? А ну, убери свою лапу!

Он был пьян. Он вглядывался в Мишкино лицо. Наконец, рассмотрел.
— Лапу убери!— рявкнул парень.
— Немедленно извинитесь…
— Я те щас извинюсь, жидовская морда…

И тут же— получил по морде.

Мишка побледнел, ждал ответного удара. Ждать не надо! Бить надо! Парень взревел, схватил Мишку за плечи и швырнул об стенку. Все расступились. Девки восторженно визжали. Эллочка, захлёбываясь, рыдала.

Борис мигом протрезвел, вскрикнул, кинулся вперёд. Он ничего не видел, он ослеп от ненависти, он вцепился в этого первобытного дикаря, в этого зверя— и стал бить его, молотить кулаками, не пытаясь даже прикрыться. На помощь парню подбежал ещё один, тоже пьяный, в распахнутой телогрейке, из-под которой виднелась тельняшка. Матрос с Кометы,— быстро подумал Борис, но улыбнуться не успел. Матрос ударил его в живот. Борис задохнулся, согнулся и с выпученными глазами упал на колени. Но успел увидеть, как того парня, который в тельняшке, ударил Амир. Он всех их быстро раскидал. Как шкодливых котят. А сам остался целёхонек. Трезвый боксёр страшнее пулемёта. Борис вскочил и снова кинулся в драку. Выхватил из кармана куртки китайский фонарь и стал лупить врагов этим оружием, а когда один из парней упал, стал пинать его в бок и в живот. Хватит, перестань, кричал Мишка. А Борька хрипел, плевался, не давая упавшему встать, и всё пинал его, пинал, пинал, пинал.
— Эй, ты что, пикадор? Озверел?— оттащил его в сторону Амир.
— Пусти!
— Да хватит уже… Перестань! Хорошего помаленьку. Пошли!

Борис поплёлся к выходу.

Эллочка плакала. Мишка, краснея, что-то ей бормотал. Лишь один Арсенька был весел и невозмутим.

19.

Борис лежал на крыльце общежития. Его только что вырвало. Он был грязен и пьян.

На крыльцо вышел Амир. Он стащил Бориса с крыльца, прислонил его к бочке с дождевой водой, потом приподнял— и окунул лицом в бочку.
— Ты чего?— вскричал Борис.— Я же захлебнусь!
— Протрезвей, пикадор. Заодно и умойся. Да не дёргайся, кому говорю!— И он с силой окунул его в бочку ещё несколько раз.— Вот так! И вот так! Ну а теперь можно и баиньки… Держись за меня!

20.

Амир с Борисом работали на зерносушилке. Борис кочегаром, Амир вершником. Кочегар— понятно, а что такое вершник? Сидит наверху, следит за ремнями, разгребает в бункере зерно, когда бункер наполнится. Короче— работа нетрудная, странно даже, что Амир согласился на такую работу. Тут и платят гроши. Самое подходящее место для кого-нибудь вроде Арсеньки. Но так уж вышло. «Ещё день тут проторчу,— думает Амир,— а потом попрошусь на зерно, машины разгружать. Надо денежки зарабатывать, на стипендию-то одну не прожить, а у матери, кроме меня, ещё трое…»

Ремни крутятся, не слетают. Как только наполняется бункер, снизу подходит машина. Бункер открывают, зерно высыпается в кузов машины, бункер— и все дела. Работа— не бей лежачего. Только в конце смены нужно подмести, навести порядок на рабочем месте.

Амир сидит на верхней ступеньке трапа, ведущего в бункер. Задумался, ноги свесил. Достал из кармана письмо, в который уж раз перечитывает.

«Милый, ты без меня соскучился?

Или надо говорить— обо мне? Ты соскучился обо мне, без меня, по мне? Милый, милый. Я так рвусь к тебе! Это ведь глупо— стремиться из города в деревню. А я только об этом и мечтаю. Скорей бы снова— к тебе. Я уже почти совсем выздоровела, скоро приеду. Мама плачет, зачем, говорит, тебе ехать в эту дыру, врачи могут справку дать, я уже договорилась. А я— не хочу справку. Я хочу к тебе! У меня есть маленький птенчик, щегол, я его приручила, пока болела. Он как-то сел на подоконник, а я смотрю— у него крыло раненое, наверное, от кошки вырвался. Я его кормила, он скоро тоже будет здоровый, и я его выпущу. Я ему рассказываю о том, как я тебя очень, очень, очень, очень очень очень очень люблю и как ты меня очень любишь. Ведь это правда? Ведь это так? До свиданья, Амирчик. Приснись мне сегодня, я так хочу. Твоя Тася, и больше ничья, никогда».

Он спрятал письмо в карман.

Бункер— полный.

Сушильщик снизу кричит:
— Эй ты, там, наверху! Разровняй, чтобы не пошло через край! А то трубу сейчас забьёт, ремни слетят, тебе же в нории лезть придётся… Живее!

Амир прыгает в бункер. Ногами раскидывает зерно по углам. Потом отгребает зерно от трубы к центру. Образуется горка. И тут кто-то трогает его за плечо.

Обернулся.

На мостике— стоит— Тася…

Это она! Похудела, бедняжка. Родная… Карие глаза светятся на бледном лице. Протягивает к нему руки.

Амир схватил её за руки, притянул к себе, обнял. Она прижалась к нему, такая маленькая, худенькая,

такая беззащитная, такая… Не могла дотянуться до его лица, целовала в пыльное плечо.
— Здравствуй, лапанька… Ты когда приехала?
— Да вот, только что. На «автолавке». Шофёр — парень добрый, от станции подбросил.
— А кто же тебя сюда пустил?
— А я без спроса! — И Тася рассмеялась. — Меня просто не заметили! Я как мышка — шмыг! — и к тебе… Сушильщик куда-то отошёл, Борька там возле печки сидит, книжку читает. Мне Элла сказала, что ты здесь, вот я и пришла. Ты рад?
— Спрашиваешь!
— И я рада… Да ты работай, не отвлекайся. Работай, негр! Веселись, негритянка! — Она звонко засмеялась и чмокнула его в щёку.

Амир крепко-крепко прижал её к себе. Они долго стояли так, крепко обнявшись, посреди полного бункера, на мягком рассыпчатом холме золотого зерна…

…и вдруг — в один страшный миг — вся эта золотая гора бесшумно ухнула вниз!

Тася сразу была захвачена этим потоком. Её резко затянуло в глубь воронки, образовавшейся в центре бункера.
— Ами-и-и-ир!.. — только и успела она воскликнуть.

Он нырнул вслед за ней, протянул в глубь воронки руки, но зерно из-под него ещё быстрее, ещё стремительнее и неудержимее ринулось вниз, засасывая Тасю в золотое болото.
— Бункер! Закройте бункер! — кричал Амир. — Эй, кто там! Помогите!

Перед ним на секунду мелькнули её вскинутые руки, её молящие глаза, полные обиды и ужаса, и только кончики пальцев ещё были видны, и он пытался схватить её за эти ускользающие пальцы, надеясь спасти, но всё было зря, зря, она тонула, тонула, тонула, и только кончики пальцев жалобно вздрагивали, только кончики пальцев…

И она исчезла.

И всё.

Бункер наконец-то закрыли. Там, внизу, суетились и кричали какие-то люди. Слышен голос Бориса:
— Вот она! Вот! А где же Амир?
— Здесь я, — сказал он, спускаясь вниз.

21.

Пытались, конечно, спасти. Делали искусственное дыхание. Все ребята сбежались.

Понимали, что всё это бесполезно. Грудь забита зерном, тут уж ничем не поможешь. Но продолжали по очереди делать искусственное дыхание.
— Пульс-то ведь есть, — дрожащим голосом бормотала плачущая Эллочка.
— Пульс-то есть, — сказал Мишка. — А дышать — чем?
— Может, трахеотомию сделать? — предложил Арсенька. — У меня нож острый…
— Да у неё вся трахея и бронхи зерном забиты! — воскликнул Борис. — Нам её не спасти… — И он вдруг затрясся от плача. — Это я, я виноват, это я!
— При чём тут ты? — удивился Мишка. — Не говори ерунды.
— Я хотел её смерти! Да, я хотел! — вскрикивал он, рыдая. — Значит, я виноват… Только я!..
— Заткнись, Боб, — сказал Арсенька. — Ну, пожалуйста, хоть сейчас — заткнись. Ну что ты за человек!
— Прекратите истерику. Она умерла, — строго сказал Женька. — Пульс больше не прощупывается. Я сейчас пойду договариваться насчёт машины. Надо её отвезти на станцию. Здесь даже врача нет, чтобы смерть засвидетельствовать… Значит, так. Амир с Борисом отвезут труп в районную больницу. Понятно?

Плачущий Борис кивнул. Амир даже не посмотрел в их сторону.
— Амир, ты слышал, что я сказал?

Да, я слышу — она умерла. Умерла. Умерла. И я не смог её спасти.

Он смотрел на её посиневшее обиженное лицо — и не верил. Вот же только что он держал её в своих объятиях — и вот она уже умерла. Что за бред! Что за идиотская случайность! Это ж надо было шофёру как раз в тот миг, без предупреждения, открыть внизу заслонку… А может, всё это — просто розыгрыш, чья-то шутка? И сейчас она улыбнётся, откроет глаза… Как же так… как же так… Ведь она так спешила ко мне, к своему любимому, а я… А что — я? А я — ничего…

22.

Машину трясло на рытвинах и кочках.

Амир с Борисом сидели в кузове, напротив друг друга.

Между ними на грубых носилках, прикрытое тёмным одеялом, лежало мёртвое тело Таси. На особенно крутых ухабах и поворотах они придерживали драгоценный груз руками. Когда их руки при этом случайно соприкасались, они их отдёргивали. Друг на друга они не смотрели. Они смотрели, не отрываясь, на Тасю. Им казалось, что плохая дорога причиняет ей боль, и от этого им самим было нестерпимо больно.

23. Эпилог

Эта история произошла почти полвека тому назад. Но моё отношение к миру за эти годы практически не изменилось. Да и сам я не изменился.

Кстати, меня самого среди героев повести вы не найдёте, хотя понемногу от моей персоны есть в каждом из персонажей. Повесть вовсе не автобиографична, и в реальности многое происходило совсем не так, как здесь написано. В частности,

романтическая любовь была куда более приземлённой, простой и грубой. И нежная Тася была другой, более естественной и практичной, что ли, и Амир был не таким уж сентиментальным боксёром, и Борис — не таким уж мрачным пессимистом. Любовные свидания Амира и Таси проходили по вечерам на кухне, где они запирались на крючок и в кромешной темноте занимались любовью. Для этого устраивали ложе из двух телогреек.

Амир потом жаловался мне на неудобство, показывая ссадины на коленях…

Многое было не так, как написано, но смерть была именно такой. А ведь в жизни нет ничего важнее смерти. И не моя вина, что любая, даже самая светлая и счастливая жизнь завершается известно чем.

Жизнь у каждого из моих героев складывалась по-разному, но смерть всех уравняла. К примеру, Арсенька стал профессором, в последние годы разъезжал на мерседесе, а недавно умер от обширного инфаркта. Эллочка прожила счастливую, но недолгую жизнь, завершившуюся смертью от рака грудной железы. Амир был главным врачом в одной крупной больнице, вышел на пенсию и скончался после инсульта. Мишка Зак погиб в авиакатастрофе — не долетел до Израиля, куда вырвался только в конце восьмидесятых. Женька-Комиссар с третьего курса ушёл, перевёлся в военно-медицинскую академию, стал учёным, написал несколько монографий и года три назад умер — не знаю уж, от чего. Да и не всё ли равно?

А вот поэт-мизантроп Борис до сих пор жив — и жадно наслаждается всеми радостями жизни с неиссякаемой силой и энергией. Правда, стихи писать давно перестал, да оно и к лучшему. Недавно он женился на молоденькой секретарше из собственной фирмы — и поэтому выглядит очень даже хорошо. Чего не скажешь обо мне.

Вот такие дела, сочинитель.

Поменьше надо сочинять, побольше присматриваться.

Учили ж тебя — будь проще, и читатель тебя полюбит. А ты не внял.

1961–2007 гг.

Николай Ерёмин

Птица Феникс

Красноярск: «Литера-принт», 2017

• • •

По диким степям,
По великим пескам
Я шёл,
Подчиняясь богам и векам…

Где прошлая радость?
Себе на беду
По диким снегам —
Одинокий — иду…

Светило мне Солнце…
Но вот — влюблена —
Спокойно и ласково светит Луна…

И шепчет:
— Ну, что ты печален? Держись!
Пока я с тобой — продолжается жизнь!

• • •

Мы повстречались с ней в Эгейском море
На греческом
Пиратском корабле —

Гроза в глаза…
На счастье и на горе…
Неверные ни морю, ни земле…

Лишь — солнечным летящим парусам
Да бесконечным
Звёздным небесам…

Чтоб вскоре стать дельфинами
— Э гей! —
В Эгейском,
Самом страстном из морей…

Сергей Сутулов-Катеринич

Наташкина серёжка

Невероятная, но правдивая история Любви земной и небесной

Что из метрики человеческой остаётся друзьям и знакомым—дата рождения, дата смерти? Или дата бессмертия?
Алексий Головченко

И жили они долго. И были счастливы. И умерли в один день. Увы, не очень долго жили, зато—счастливо. Однако весь ужас в том, что они (вернее, мы!) умерли в разные дни. Наташкино тело покинуло сей скверный подлунный мир поздней осенью. Серёжкин, мой то бишь, скелет в канун одной из зим, полагаю, гекнется. Ну а истерзанная мужская душа каждый день и плачет, и стонет, и воет—одиноко ей, одиноко…

Замечательный поэт Вадим Молодый, живущий в Чикаго, утверждает: «Ваши сущности, Серёжа, обязательно встретятся, узнавая друг друга: потому и только потому, что в земной жизни люди со странной фамилией Сутуловы-Катериничи любили друг друга…»—«Ты веришь в жизнь духа после смерти тела?!»—переспрашиваю Вадима, получившего в своё время диплом врача-психиатра. «Не только верю, но и знаю…»—следует ответ американского приятеля. Но неугомонному С-К неймётся! «Никого из мизерного количества моих женщин,—пишу Вадиму,—и немалого числа моих баб я по-настоящему не любил. И только Наташу любил нежно и страстно. Продолжая любить и сейчас! Остаётся надеяться, что меня *там* не обманут, и Серёжка Наташу узнает…»—«Да как же ты можешь не узнать единственную?..»

Беллетрист из меня никудышний. Журналист, говорят, не из худших. При слове «поэт», обращённом к Серёже Сутулову, да и к Сергею Катериничу тож, вздрагивал, вздрагиваю и вздрагивать буду до смертного часа.

(Лишь тогда короткое и громкое существительное не пугало меня, когда его произносила верная Наташа, ставшая Музой два десятка лет назад. Милая Натушка, Натуленька, Натулёк! Если я и написал два-три настоящих стиха, то не совру, прошептав: они на белый свет явились исключительно благодаря тебе, Наталья свет Николаевна. Врать и далее не намерен, придавая бумаге эпизоды наших случайно-неслучайных встреч и неслучайно-случайных расставаний…)

Жизнь теперь, после твоего ухода, и не жизнь вовсе, а затянувшееся послесловие к Любви. Мне уготована участь пересказать предисловие, точнее, аж три предисловия к тому, что обернулось двадцатью годами Счастья. Ну а ежели кое-где отклонюсь от канонического сюжета, не серчай! Сама прекрасно знаешь: документального кино в природе не существует. *Наша Библия, Наташа, только наша.* И мои воспоминания неизбежно приведут к 28 августа 1998-го—дню свадьбы. Свадьбы, запоздавшей чуть ли не на тридцать лет! Поспорю с классиком, заявив: *мысль изречённая есть… быль*. Как и пережитое чувство.

(Быть может, предыстория нашего решения стать-таки мужем и женой кому-то покажется легендой, фантазией, бредятиной осиротевшего старика. Но я этот сюжет выстрадал, вынянчил, выплакал… И нет в любознательной и лупоглазой Вселенной события, которое бы ни на какой из планет уже не послучалось. Вот и тяну, распутываю бесконечную цепочку мгновений, дней, месяцев, лет, правдивых по сокровенной сути своей, по стилю сакрального бытия…)

Рассматриваю старые-старые-старые фотографии из архива жены, земной и небесной, и на одном из снимков внезапно узнаю девушку, прилюдно чмокнувшую меня в щёку весною шестьдесят девятого. Ученик Пятигорской средней школы №16 Серёжа Сутулов приезжал в Ставрополь несколько раз—то в качестве участника краевых математических олимпиад, то в роли претендента на призы по филологической линии. Одно из своих сочинений я забабашил в стихах—оно и послужило поводом для «командировки» в Град Креста. Награждение призёров и победителей—старшеклассников, особо отличившихся в написании «олимпийских» текстов, проходило в старом Доме пионеров и школьников.

Мы стояли на сцене, куда поочерёдно выходили разные важные дяди и тёти, говорившие очень правильные, но дюже фальшивые слова о Родине, комсомоле и новых Пушкиных, Маяковских, Твардовских, в коих, по разумению педагогов и чиновников, должны были превратиться лучшие из сочинителей. А лучших в тот год набралось

человек тридцать, пожалуй. Помпезное окололитературное действо изрядно затягивалось. Раздача дипломов и грамот чередовалась с музыкальными вставками. На пианино играли мои давние знакомые — студентки музыкального училища Люда Тихонравова и Таня Сметская.

Ноги начали изрядно затекать. А ведь предстояло ещё, сделав два-три шага к микрофону, прочитать стиш. Мои пятигорские наставники настаивали на верлибре, связанном с дуэлью Лермонтова. Но я надумал пророчитативить «Дождь в январе», никогда и нигде не звучавший…

— Цветы и алые ленты призёрам и победителям, — бодро провозгласила ведущая, — вручают молодые гимнастки, завоевавшие высокие награды на всесоюзных соревнованиях.

— Как тебя зовут? — прошептал я на ухо незнакомке, оказавшейся напротив.

— Наташка, — улыбнулась девушка и нежданно-негаданно поцеловала меня в левую щёку.

— А мне показалось: Анастасия — ты похожа на Вертинскую!

— Банальное сравнение! — фыркает Наташка и убегает за кулису.

Никчёмный, нелепый,
Ненужный зиме,
Но нежный и светлый
Дождь в январе…

Наташка появилась в зале в тот момент, когда я дочитывал седьмую-восьмую строчку из «Дождя…». Она расстроенно, как показалось, теребила мочку правого уха и медленно шла вдоль стеночки, устремив взгляд себе под ноги… Ну а я постепенно пробирался к шестому катрену…

Напишешь, что утром
Ты видишь во сне
Такой безрассудный
Дождь в январе…

Сейчас вижу-понимаю: наивные строчки шестнадцатилетнего мальчишки, любящего число «17». Число, догнавшее автора «Дождя…» в мае-69. А тогда и аплодисменты, и удивлённо вскинутые ресницы Наташи воспринимались мной как самые дорогие награды — куда круче тех, что на олимпиаде достались. Умудрившись проскользнуть за ту же кулису, за которую упорхнула новая знакомица, обретшая имя, я выбрался во двор. И стал поджидать *у парадного крыльца пионэрского дворца* очаровательную гимнастку. Погодка стояла распрекрасная.

— Сутулов! Такая корявая у тебя фамилия, — услышал я за спиной, — и такой стройный стих…

Оглядываюсь: Наташка, выпорхнувшая, догадаться нетрудно, через чёрный ход.

— Мы тут в «Берёзку» намылились. Ребята, не попавшие в призы, кучу талонов на питание оставили. Наберём в кафе печенья и конфет. Плюс-минус — лимонад. Присоединяйся.

— Может, и появлюсь… Хотя не до сомнительных пиров мне нынче. Прямо беда: где-то в зале золотую серёжку потеряла. Или — на сцене. Так что — на всякий случай — прощай!

— Ну ладно — фамилия у меня коряво-сутулая, знаю! А твоя как звучит?

— Для тебя останусь Королёвой — это мамина фамилия, честное слово!

— И — Королевой! — не удержался я. — Да, и на твою фамилию в замужестве хотелось бы посмотреть. Жду в «Берёзке»…

В кафе мы оказались втроём: я и мои подружки из музучилища, Люда и Таня, те самые Тихонравова и Сметская, которые сопровождали церемонию награждения будущих Ахматовых и Вознесенских и с которыми я познакомился на морях за два года до описываемых событий.

(Через тридцать лет Людмила Борисовна Тихонравова окажется в гостях у Сутуловых-Катериничей… Вот она уходит и, светло улыбнувшись, произносит: «Хорошо, что я замуж за тебя не вышла, Серёжка! Невооружённым глазом видно: ты — счастлив, Наташа — твоя судьба». Произносит, исчезая из поля зрения, подозреваю, навсегда…)

Удивительное дело: одна из официанток «Берёзки» оказалась воистину доброй феей, превратив ворох талонов в огромные груды конфет и печенья. Да и лимонада принесла на добрый десяток человек.

— Ну и где же твоя Вертинская?! — подначивала меня Танька. — Да и с нами пора разобраться: кому в конце концов руку и сердце предложишь, пиит из Пятигорья?!

— Дай человеку школу закончить да в институт поступить, — резонно парировала старшая из моих подружек.

Увы, Королева Королёва на званый «банкет» не пожаловала. Официантка, по-царски одарившая нас сладостями, горько улыбалась: мол, лопайте, пока молодые — все ваши свадьбы-разводы впереди…

(Москва. Март-94. Чужая жена Татьяна Евгеньевна Сметская-Приходько, распивавшая адский спирт с чужим мужем Сергеем Владимировичем Сутуловым в одном из полулюксов в районе ВДНХ, пьяно улюлюкала-причитала: «Сутулёнок-султанёнок! Натурально: ужели Натулю под Тулу затулили? Четверть века, почитай, ищешь. Стольким бабам головы заморочил. Нету, нету любви — ни на небесах, ни на земле. Ни в Таллине моём растреклятом…» Обнимая потную русскую музыкантшу, ставшую эстонской белошвейкой, я бормотал: «Ну на тебе, Танька, не женюсь точно!..»

«Так и запишем, так и занесём в кондуит! — провозглашает очнувшийся в кресле сотоварищ по

„Ставрополке“ и „45-й параллели“ Марк Семёнович Шкляр. А вот мы сейчас твоей супружнице, Светке Сутуловой, позвоним! А что? И позвоним, если вы, черти, мне полстакана спирта не нальёте!..»

До заглавной звёздной встречи с моей единственной и неповторимой Наташкой остаётся три года…)

Да уж — зигзаги и загогулины памяти те ещё. При всей непридуманности деталей… Перед самым закрытием «Берёзки» Люда воскликнула:
— Серёжка! Когда ты закинул ногу на ногу аки киноартист Василий Ливанов, на правой подошве твоих модных мокасин сверкнула золотая искорка!

Вывернув стопу, обнаруживаю серёжку, глубоко вонзившуюся в микропору подошвы. Видно, Серёжка Сутулов, шагая к микрофону, ненароком наступил на драгоценную королевскую пропажу…

Утром, выкроив часа полтора до отправления автобуса Ставрополь — Пятигорск, я заглянул в редакцию краевой «молодёжки»:
— Братцы, помогите найти Наташу Королёву — она входит в сборную по спортивной гимнастике…
— Точно знаю, — ответствует ответсек газеты, — ни в городе, ни в крае нет такой «ласточки». Ты что-то напутал, «олимпиец»!

В одиннадцать ноль-ноль я запрыгнул в икарус, бодро уносивший расстроенного Серёгу в сторону града у подножия Машука. Ну а золотая серёжка обживала левый нагрудный карман рубашки, словно тигр-тигрович, полосатой…

(Наташка Ставропольская!

Ростовская, Пятигорская, Московская Наталья!

Киевская, Кавказская, Крымская Натали!

Я окликаю тебя в Такоради, ты отзываешься в Гранаде, Киеве, Стамбуле…

Кинолента моих воспоминаний беспощадна правдивой чёткостью мизансцен…

Ты бесстрашно ступаешь на шаткие досточки подвесного моста, перекинутого через свирепую алтайскую реку. Усть-Кокса — имя той реки, Усть-Кокса…

Наташка, беспечно подпрыгивая, отрывается от мужа метров на пятьдесят. А Серёжка, смертельно боящийся высоты в последние полвека жизни, сторожко ступает *по хлипкой стёжке-дорожке*, причитая: «На кого оставишь, милый мой дедочек? На кого оставишь, сизый голубочек?..»)

Бесстрашная женщина, сжалившись над трусоватым спутником, кричит: «Возвращаюсь! Вместе с тобой пойду!» И Наташка легко, в полупрыжке, разворачивается лицом к Серёжке…

Я зажмуриваю глаза. Через миг, разомкнув веки, вижу: навстречу мне, пританцовывая, спешит внучка Ташка. А берёзовая роща, голубеющая на другом берегу Усть-Коксы, темнеет и окрашивается в зеленовато-коричневые тона. Ага! Да это же плетёный мост в джунглях Национального парка Kakum. Один из семи подвесных над безднами глубиной в 50–70–90 метров. «Осторожнее, Наташка!» — кричу в Усть-Коксе… — «Осторожнее, Ташка!» — передразнивает меня эхо сквозь бездну времён…)

В Пятигорске я решил запрятать подарок судьбы в корешок одной из многочисленных книг. Мама очень любила читать и приобщала нас — меня и младшую сестру Маринку — к этому святому занятию с младых ногтей.

Спрятал. Окончил школу. Провалился на экзаменах в МИФИ и МЭИ. Стараясь забыть и свой сомнительный эксперимент в Долгопрудном… Униженный и оскорблённый вернулся в Пятигорск — зализывать раны.

(О золотой серёжке и о золотой Наташке, конечно, думал-вспоминал, но так и не решился продолжить поиски Королевы…)

Москва-1970. Первый денёк проклюнувшегося июня. Месяц занятий с репетитором, Михал Михалычем Чернецовым, позади. Добрый друг моего любимого *дядиКолиАрхипова*, уверяет, что отныне никакие физико-математические засады мне не грозят. Мол, езжай домой, отдохни пару недель, собери документы (не забыв о трудовой!) и возвращайся покорять столицу.

Поезд Москва — Кисловодск. Мимо окон моего купе пронеслась стайка девушек в симпатичных тренировочных костюмах. Их догонял-обгонял бородатый парень с гитарой…

Судя по весёлому гомону, спортсменки обосновались за стенкой и, вероятнее всего, в следующем купе тоже. В моём же (нашем) на верхней полке блаженно дрых морячок, отслуживший срочную на Балтике и добиравшийся домой, в Минеральные Воды…

(Зыбкую границу между тем, что было, и тем, что могло случиться, моё воображение беспрепятственно пересекает по несколько раз в сутки. Изрядно одряхлевший сторожевой пёс по кличке Рассудок голоса не подаёт: мол, хозяину видней, какое из воспоминаний реконструирует реальные события, а какое прорвалось в его мозг из параллельного мира…)

Точно помню: из мечтательной полудрёмы меня выхватили знакомые — до зубовного скрежета — слова:

Никчёмный, нелепый,
Ненужный зиме,
Но нежный и светлый
Дождь в январе…

Я привёл себя в стойкое вертикальное положение. Проглотил стакан нарзана. Проверил, есть ли в нагрудных карманах стройотрядовской куртки сигареты и спички. Стараясь не разглядывать

собственное отражение в лукавом серо-жёлтом зеркале, выглянул в коридор. Дверь в соседнее купе была широко открыта…

(Летом двухтысячного, в душном тамбуре поезда Ставрополь—Москва я прочёл тебе, Наташа, балладу, родившуюся на твоих глазах, под навязчивый аккомпанемент-перестук рельсов, колёс, шпал. Ты порывисто обняла меня, расцеловала в обе щеки и произнесла одну из своих коронных фраз: «Ну что, поэт, *это дело надо об-муз-говать*… Ты, Сеня, ещё не соображаешь, что написал… Давай закурим по второй…»)

Из тамбура поезда Ставрополь—Москва свободно перелетаю в коридор поезда Москва—Кисловодск. Из лета двухтысячного—в лето семидесятого. В затылок бьёт полуденное солнце. Я понимаю: сидящие в купе девушки и парень, поющий песню, моё лицо могут разглядеть, при желании… Но им в сей миг не до меня. Лето! Лето… Лета… И—«Дождь в январе».

Стараясь не мешать исполнителю и слушательницам, простоял в дверном проёме до последнего аккорда. И только тогда, извинившись, спросил:
—Люди добрые, не подскажете, чья песня?
—Слова—народные, аранжировка моя,—небрежно бросил парень.—Подробнее? Бард Сергей Самойлов. А ты кто таков?..
—Зовите меня Серёгой. Еду в соседнем купе…
—А я была знакома с автором стиха!—вмешивается в диалог девушка небесной красоты, сидящая у окна.—Его тоже Серёгой зовут. А фамилия у него—сутуло-горбатая. Ты проходи, присаживайся. Нечего пугалом огородным в дверях торчать…

В горле моём пересохло в первые же секунды, пронизанные звуками твоего неповторимого голоса… «Боже, Наташка! Господи, неужели?!» Именно эти возгласы клокотали в горле. Но я сдержался, пробурчав:
—*Два Серёги в одной берлоге*—пе-ре-бор!

Самохвально-самопальный бард затянул песню Визбора:

С моим Серёгой мы шагаем по Петровке,
По самой бровке, по самой бровке.
Жуём мороженое мы без остановки—
В тайге мороженого нам не подают.

(Всё: перерыв! перекур! перевздох!

Натаха, птаха моя небесная! Я снова—весь в соплях и слезах… И снова—в Африке. Теперь догнал тебя по числу путешествий в Гану. Но и здесь тебя нет-нет-*нет!* Есть океан. Есть старик, отражающийся в тех зеркалах, в которых обитала твоя счастливая мордаха. Счастливая от того, что рядом—любимая дочка, Олька. И несказанно счастливая с тех пор, когда на свет божий появилась твоя (наша!) внучка, Ташка-Наташка, Natali-Rose. В разрезе её глаз, в её очаровательной улыбке, в её обалденно-стройных ножках продолжаешься ты, гимнасточка, ты—моя девочка на шаре!..)

В тамбуре счастливого июньского поезда я докуривал вторую (или третью?!) сигарету, думая о том, что Наташка Королёва из просто красивой девчонки, коих тысячи и тысячи, превратилась в ослепительно красивую молодую женщину, которые встречаются в жизни, быть может, однажды, в крайнем случае—дважды.
—Серёжка? Сутулов? А ведь я узнала тебя, несмотря на смешную рыжую бороду,—раздалось за спиной.
—Катеринич,—почти не соврал я, лелея обиду годичной давности.—Вы, наверное, ошиблись!
—Ну, значит, похож—*перо в перо*! Часом, не брат двоюродный?!
—Вот уж не знал, что гимнастки курят,—выдавая себя с головой, ляпнул тот, который ещё не стал Катериничем.
—У меня на спортивной майке так и написано: «Гимнастка»?—съязвила ты, понимая, что я уже всё-всё-всё тебе простил…
—Ну раз признала, тогда—послушай…

Ты мне задолжала ни много ни мало—
Четыре прощанья на зябком вокзале:
горят, как скрижали…

(Пронзительное признание и вера презрительно-сонная.
Чем пахнет память? Духами? Озоном?)

Ты мне задолжала… Порезче? Полегче?—
Печалью пожара оплавлены плавные плечи…

(Заласканное послание—испорченная борзая.
Чем пахнет память? Сиренью? Слезами?)

Ты мне задолжала… Как славно! Как горько!—
И нежность, и жалость, и славу, и гордость.

(Изысканное молчание—мальчишеская бравада.
Чем пахнет память? Бензином? Помадой?)

Ты мне задолжала ни мало ни много—
Полжизни, пожалуй… Я—раб остального.

Ты, стрельнув у меня сигаретку, спросила:
—Вознесенский?! Только не сочиняй, что это твой стих!
—Мой! А чей же?—не соврал я.—Наверняка ещё доперепишу… А ты куда путь держишь?
—В Ростов, к старшей сестре. Они с мужем завтра днём, в районе трёх-четырёх, на моря уезжают. Договорились, что я покараулю квартиру…

Мы с Наташей то покуривали в «предбаннике», то гоняли чаи в моём купе. Матросик на верхней полке временами просыпался, делая глоток-другой из вместительной фляжки, вкусно хрумкал яблоком и просил только об одном:
—Пацаны и пацанки! Не дайте проспать родимый город!

Мы его в два голоса утешали:
— Не переживай! Ещё ночь до Ростова…
При этом я пару-тройку раз добавлял:
— Дёргаться не стоит, земляк: ты же знаешь — сначала Минеральные Воды, Пятигорск — за ними!
Ну а подруги по сборной махнули на Наташку рукой: мол, рыжебородый за тебя в ответе!

(Тут я должен заметить, что внешность моя порой разительно менялась. То кудри до плеч, то стрижка под ноль. То усы а-ля «Песняры», то борода а-ля Фидель. Волосы — тёмные, густые по молодости, а щетина — рыжая лет до сорока. Теперь-то пегосерая… Фотографий Серёги Сутулова с бородой не сохранилось. Зато с усами — хоть отбавляй. И, как утверждает золотая и серебряная, живая и бессмертная жёнушка, только карий цвет моих глаз долго не менялся. По ним и признавала…)

Громко-звонко-чётко-бесстрастно стучат колёса в тамбуре, проглатывая то мои, то твои слова…
— И всё же, — продолжая прерванный при переходе из купе в «курилку» разговор, спрашиваю тебя, — почему в сборной Ставрополья по спортивной гимнастике нет Натальи Королёвой?
— Да потому, — улыбаешься ты, — что по отцу я — Чернокнижникова…
Несколько звуков, попавших на предательские стыки рельсов, искажают наши судьбы во времени и пространстве — ведь мне слышится: *Чернокрыжникова*… И я не переспрашиваю тебя… Не переспрашиваю…
В купе, кивнув на стройотрядовскую куртку, ты весело восклицаешь:
— Студенту легендарного физтеха — физкульт-привет!
Боже, я и забыл о крупных буквах, красующихся на спине студенческой штормовки болотного цвета.
Честно признаюсь Наташке: после первого же письменного экзамена по математике забрал документы, убоявшись позорного провала. Ибо решить-то задачки решил, но, как показалось, одну неверно. Позже, случайно, у нашего любимого кинотеатра «Ударник» встретил приятеля из параллельного класса «А». Мы вместе из Пятигорска приехали — физтех штурмовать. Так вот: Валерка Вдовенко уверял меня, что абитуриентов, сдавших первый письменный на «пять», на втором этапе вызывали по особым спискам. Уполномоченные из приёмной комиссии до Сергея Сутулова не докричались. Ну и устроили мы с Валеркой пьянку, завершившуюся торжественным обменом куртки на блок бт…
— А ты где учишься? Чай, уже на втором курсе? — допытываюсь я. — Ведь разница у нас года полтора, не так ли?
— Ага… Училась в ростовском институте. Сейчас уже неважно, каком. А в этом году, по весне, собралась, было, замуж…
— Собралась? Да… нет!.. — радостно продолжаю я. — Не вышла! Тогда и русскому татарину Сутулову, и немцу-хохлу Катериничу можно помечтать…
— Смеёшься! Похоже, замуж за своего первого так и не выйду. Парень из армянской семьи. Родственники против русской невесты. Им для сына и внука жену-армянку подавай…
— А по мне, с моей гремучей смесью кровей и генов, *Натали из чужой земли* — в самый раз!..

(Русский бес совершает намаз:
Королева с небес в самый раз!..)

Утренний Ростов. Город, по земле которого мои ноги в ту пору ни разу не ступали… Мы перекуривали на платформе, смущённо приобнявшись на глазах Наташкиных подружек-спортсменок. Почти вся команда таращилась в окна. Самопальному барду эта сцена, видимо, была неинтересна. «Парень! Ми-и-и-гом на подножку!» — поторопила проводница…
Поезд набирал ход, и я с ужасом подумал, что не взял у Наташи *Чернокрыжниковой* ни номера телефона, ни адреса…
— А слабо спрыгнуть? — неожиданно и для себя самой, и для меня прокричала Наташка.
Я спрыгнул, и… душа моя, зависшая на люстре, обнаружила Серёжкино тело, распростёртое на чужом диване, стоящем в совершенно незнакомой квартире.
У дивана сидела Наташка. Она держала мою (его) руку в своей ладошке, приговаривая:
— Ничего страшного! Подумаешь — лёгкое сотрясение мозга… Подумаешь — вывих левого голеностопа! До свадьбы заживёт…
«Чьей?!» — возопила душа.
Но Натаха сей восклик не услышала.
А в коридоре раздались голоса:
— Всё, сестра! Пока-пока! Нам пора… — озабоченно произнёс женский голос.
— Надеемся, звёздный мальчик скоро затребует стакан вина — в честь быстрого воскрешения, — добавил мужской голос.
— Киндзмараули, Наташа, в холодильнике.
«Ага, это сестра Люся», — поняла душа.
— А коньяк — за собранием сочинений Маяковского, — признался мужчина.
«Ну да, — сообразила душа, — и о муже сестры, Володьке, мне (то бишь Серёжке!) известно. И о нём, непутёвом, речь в поезде шла…»
Выждав ещё три-четыре минутки, моя душа запрыгнула в тело, и его законный (верится, что законный) обладатель слабо, хотя и непритворно застонал.
Серёжка, открыв глаза, первым делом спросил:
— Так до чьей свадьбы заживёт? Твоей? Моей? Нашей?
— Тебе говорили, что подслушивать нехорошо? — облегчённо вздохнула Наташка.

— Тогда до нашей?! — нахально постарался уточнить я.
— Поживём — увидим, — робко возразила ты…
Вскоре мы сидели за кухонным столом, не спеша потягивая безумно вкусное вино…

(В квартире ростовской сестры, Люси, в квартире, адреса которой не знаю до сей минуты, я оказался вместе с тобой, Наташа, ровно через тридцать лет.

Мы приехали навестить могилку давно отстрадавшей женщины. И ты старательно делала вид, что не понимаешь, почему я помню расположение комнат, улыбаюсь старой-престарой люстре и узнаю изрядно постаревшие деревья за окном. А муж Люси, полысевший и оплывший Володька, всё сепетил: «Вот, ребятки, сыр, колбаска, донская рыбка… Ну водочка, само собой! Щас сосед прихромает. Паша Фёдорыч. Доктор наук, однако…»

Застолье-2000 закончилось тем, что доктор физико-математических наук ПФ был послан мной в известном направлении…

Его вопрос, обращённый к Наталье, мол, чем твой благоверный занимается поначалу остался без ответа. Гость не угомонился: «Догадываюсь, у твоего пижона — среднее незаконченное: ишь, молчит, зенки пялит… Умное слово сыскать не в силах…»

И вот тут-то я, хватив очередные полстакана тёплой до отвращения водки, ответил:

— Четыре класса церковно-приходской тебя устраивает? А сейчас — пшёл вон! Не засну — не надейся. Натаху с тобой наедине не оставлю, прелюбодей ростовский!

Поэтично: энергично и эксцентрично, экзотично и… эротично были посылаемы мною все многочисленные Наташкины поклонники и немногочисленные (из прошлых жизней) любовники.

Отдельным номером проходил бывший муж, Санёк.

Особым эпизодом остаётся сцена первоянварского бития мною рожи Володьки Длинного. Ну того, который возомнил, что я вскоре дом твой покину…

Эротично и энергично, экзотично и эксцентрично были посылаемы тобой, моя единственная *женщина*, все мои немногочисленные поклонницы и многочисленные (из прежних жизней) любовницы, включая бывших жён, и… *чуть-едва-недопереспавшую* с Владимирычем Женюрку — соавторшу по одному из провинциально-театральных проектов…)

Но вернусь к нашему первому, скромному и прекрасному, застолью-1970. Вино — прелестное и терпкое — имеет свойство улетучиваться за час-полтора. О коньяке мы как-то не вспомнили…
В нагрудном кармане моей куртки, слава богу, обнаружился паспорт. И, хвала лукавому, завалялся четвертной. Наташка на улицу меня не выпустила: мол, заблудишься в незнакомом городе! Королева возвернулась достаточно скоро, предъявив пару бутылок гурджаани, полкруга сулугуни, связку краковской колбаски, десяток яиц и золотистый батон донского хлеба. А Королёва приготовила восхитительный ужин…
— Ну, ещё раз: с воскрешением, Серёжка!
— За поэзию, Наташка!
Оказалось: ты купила мне билет на автобус до Пятигорска, пояснив, что не терпишь утренней суеты — проводить не сможешь, к девяти — в паспортный стол… Но это — завтра, а сейчас…
— Правильно! А сейчас — стихи!
Ты удивлялась, смеялась, вздыхала, плакала… Ну а я, с перекурами, читал наизусть стихи Ахматовой и Тарковского, Цветаевой и Пастернака, Рождественского и Вознесенского… Время от времени ты уточняла имя автора, подчас подначивала: «А что? У Сутулова свои строчки закончились?..»
И я не врал, признаваясь, что собственных строк у меня — с гулькин нос…
Восьмистишие Иннокентия Анненского каким-то роковым образом оказалось последним в той июньской серии *про любовь*…

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя…
Не потому, чтоб я Её любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Неё одной ищу ответа,
Не потому, что от Неё светло,
А потому, что с Ней не надо света…

И мы робко, и беспечно, и страстно целовались…
Мы? Или наши души, перепутавшие года и столетия, города и страны…
И был лиловеющий вечер… И была серебристая соловьиная ночь…
Засыпая, шёпотом, я произнёс:
— А я нашёл твою серёжку…
— Привезёшь — выйду замуж. За тебя, — полушёпотом ответила Наташкина душа…

(Господь, если душа исчезает бесследно, тупо отправляясь за бренным телом, то, спрашивается, на хрена ты всю эту кашу заварил — за триллион лет до конца человечества?!.

Да, Наташа, я снова в Гане — с тобой и без тебя. В том самом огромном доме, который выстроил Чарльз Андзи-Менса, муж нашей старшей дочери Ольки. В том самом доме, в котором мы были счастливы и мечтали провести остаток дней — когда-нибудь потом, после наших семидесяти пяти…

Как же грустно-больно-тяжко… И как — светло. Без тебя, увы, без тебя. Но всё равно — с тобой! Сама знаешь — почему. Ольга пытается спасти меня от одиночества. Как пытался сделать это в Ставрополе Пётр, наш сын. Как порывалась это сделать

Машка, наша младшая дочь, надумавшая прилететь из Горно-Алтайска, прихватив внучку Анютку и оставив четырёх внуков на попечение нового спутника жизни… Ах, дети-дети… Ах, внуки-внуки…

Настоящее горе не сыграешь — будь ты хоть трижды Иннокентием, который Смоктуновский! Как не сыграет подлинную любовь ни Анастасия, которая Вертинская, ни Анна, которая *почти Маргарита*…

В Москве от всё того же растреклятого одиночества меня пытались спасти наши общие друзья — неизменно-незаменимый Славка Лобачёв, его мудро-тихая жена Таня, а ещё Саша Карпенко и Лена Краснощёкова, друг детства Володька Розенштейн, прилетевший из Казани, и овдовевшая в ноябре-2015 Лера Мурашова… (Лена Титова, тут же поправляешь ты…). Соглашаюсь: Лена, потерявшая Юру Яропольского… Это имя моего близкого соратника, Яра, тебя устраивает, хотя по паспорту он — Георгий?!)

Ростовский будильник не очень громко, но весьма настойчиво пел песенку о короле, возвращавшемся с войны… Домой. И добился желаемого, растормошив меня. Наташки ни рядом, в нашей первой постели, ни в соседней комнате, ни в до блеска вычищенной кухне не обнаружил. На столе — тарелка с поджаренной картошкой и колбасой, чай, кофе, конфеты плюс пакет с бутербродами и минералкой. Плюс-минус — записка:

«Серёжка! Пожалела — не стала будить. Позвонили из паспортного. Подтвердили: ждут к девяти. Есть вариант ростовской прописки. Тебе к десяти на автовокзал. Дверь захлопнешь — замок английский. Через недельку встречаемся!

Жду тебя на углу Первого маршальского проспекта и Энгельса (раньше — Большая Садовая). 10 июня. В 10:00.

Завтрак съешь! Бутерброды и водичка — в дорогу.

НК (НЧ). Дочь ЧК…»

Я вышел на улицу. Дверь защёлкнулась легко и плавно. Ласково, я бы сказал. Без намёков на трагедии, мистерии, разлуки… Английский замок. Расставание по-английски?.. Но ведь встреча назначена!..

Не попрощавшись ни с коньяком по имени Владимир Владимирович, ни с грузином, прикинувшимся армянином, по фамилии Маяковский, я окунулся в ростовское утро…

(В Лондоне Наташкина душа — вместе с телом! — окажется четверть века спустя…)

Мама Люся, обнимая меня, причитала:

— Сынок! Что-то долго ты из Москвы добирался. А где твой походный чемоданчик?

— Украли! — густо покраснев, соврал я, твёрдо решив не рассказывать маме о прыжке с подножки скорого…

В течение четырёх дней, частенько оставаясь один на один с четырёхкомнатной квартирой, Серёжка шерстил книжные корешки. Серёжка искал серёжку. Наташкину! Более всего он (я) опасался, что в пору ипподромной лихорадки, сдавая в букинистический собрания сочинений Гайдара, Кассиля, Маршака, Барто, я (он) вместе с книгами отправил по волнам времени и золотую искорку. Мало того что папа Вовик врезал мне по челюсти, узнав о том, *куда уходит детство*, так ещё и святая пропажа оказалась слепой! А судьба, как позже отчеканили братья Стругацкие, вознамерилась стать хромой!..

(Господь! За какие такие-сякие особые грехи ты цинично и методично забираешь на небеса моих самых любимых женщин?! На протяжении полувека, с 1967-го… Бабушку Валю… Чужую жену Людмилу… Маму Люсю… Тётю Лялю… Родную жену Наташу… В декабре-1972, затребовав младшую сестру, ты сделал исключение из правил: Маринка погибла в результате дикой и глупой автоаварии. Остальные отправились в параллельные миры практически с одним и тем же неотвратимым диагнозом…)

Классики, пережившие мои скифские (и татаро-монгольские) набеги, в ужасе притаились. Семидесятый, братцы, на дворе: четвёртое-пятое-шестое-седьмое июня. Ни единого намёка! Ни одной мало-мальской подсказки. Душа моя теребила души Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Куприна, Толстого, Паустовского. Никто из опрошенных (огорошенных), потревоженных (и настороженных) классиков не признался, кому же я поручил сберечь Наташкину серёжку. День отъезда приближался неотвратимо!

Билет на поезд Кисловодск — Москва я купил, перехватив деньги у приятеля, Паши с короткой и смешной фамилией Чоп. Торопился не прозевать назначенное Наташкой свидание. Ибо без колебаний вознамерился сойти с подножки поезда в Ростове. Ну а конечный пункт значился не для меня, а для мамы. Зачем до поры до времени тревожить Елену Эдуардовну Катеринич?!

Чистосердечное признание в потере серёжки не репетировал, однако сказать об этом было необходимо! И я рассчитывал на понимающую душу Наташки…

Серёжка сел в скорый Кисловодск — Москва и… обнаружил себя в Ростове. Век? Двадцатый. Год? Семидесятый. Июнь? Десятое. 9:15! Он (я) стоял на одном из углов проспекта Будённого и улицы Энгельса. Моя (его) душа, раз за разом оббегала оставшиеся без присмотра три угла предначертанного перекрёстка!

Время от времени Серёжка обращался к прохожим: «Скажите, Энгельса — бывшая Большая Садовая?» Доброжелательные ростовчане неизменно

подтверждали ставшее данностью для них переименование. 9:25… 9:45… 10:00…

Но и в одиннадцать мы с Наташей не встретились. И одиннадцатого, в десять, тож… Возвращаться в Пятигорск? Продолжать путешествие в Москву? Мои бездарные попытки разыскать волшебную квартиру окончились оглушительным провалом. Память отказывалась от любых правдоподобных или сомнительных деталей. А душа замолчала, казалось, навсегда…

(Наташа! Изящную суть твоей записки-шифрограммы из июня-1970 я уразумел только в январе 2017-го!!! Помогла переписка с нашим общим другом, коренным ростовчанином Борисом Вольфсоном. Поэт и математик (именно в такой последовательности) растолковал молодому Сутулову и старому Катериничу: Первым маршальским проспектом можно считать, убеждён, проспект Ворошилова! Ведь Будённый был командармом. Звание маршала ввели в тридцатых годах, и первым маршалом стал нарком Ворошилов. Даже песня разносилась лихая: «Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин и первый маршал в бой нас поведёт…».

Ироничный и афористичный Олежа Лукьянченко, чью прозу ты, Натуша, проштудировала изрядно, узнал о нашем ростовском казусе-парадоксе совсем недавно. Оно и понятно: чужие тайны, чужие темы, чужие страсти… Изящно отхлебнув неизменный коньячок из неизменной походной фляжечки, Алексеич изрёк:

— Первый маршальский — фантом. Но он становится фактом фантасмагории, гармоничнее которой только… проза Пушкина, пожалуй…

«Ну и где нужно было ждать Наташку?! — возопил Катеринич, обращаясь к Сутулову. — На каком углу, дубина стоеросовая, ты мог повстречать свою Главную Любовь летом 1970-го?!.»

Очевидный в сей миг ответ тонет в пучине лет. И я выпиваю три бутылки «Гиннеса» подряд. Ольга, твоя (наша) дочь, кажется, всё понимает, извлекая из холодильника четвёртого «господина Ги». Но Наташкина душа вырывает бутылку мрачного стекла и с хохотом разбивает её о тёмно-коричневые квадраты африканской террасы. И я спешу досуха вытереть коварное пятно. Опасаясь, что наша неугомонная внучка Ташка-Наташка поскользнётся на невидимой ладошке времён…

Инициалы НК и НЧ я расшифровал давным-давно! Легко. С улыбкой, полуприпрятанной под усами. НК: Наташа Королёва — Катеринич. НЧ? Наташа Чернокнижникова-*Чернокрыжникова* и Катерини<u>ч</u>! Парадоксальный намёк на ЧК стал понятен, когда ты, в канун тысячелетия, рассказала об отце, Николае Александровиче, служившим в тех самых органах…

(Мы, заплутавшие во временах и городах, не искали, подозреваю, новой встречи ещё и потому, что Серёжка, живущий в Ставрополе, думал: а Наташка-то в Ростове осталась! Ты же была уверена: Сергей Сутулов давно стал москвичом. Обиженная женская душа предпочла стать невидимкой для обиженной мужской…)

Итак, до *сокровенного теста на подлинность* в мае-1997 — после ростовской невстречи — оставалось аж 27 лет! Трудно представить, что моё тело протянет ещё 27 лет до нового, на веки вечные свидания, с душой Наташки в параллельном измерении.

А нашему с тобой второму (первому?) общему ребёнку — интернет-альманаху «45-й параллель» — одиннадцатый год пошёл. Бумажный проект с таким же названием я затевал без тебя, моя хорошая: он и пяти годков не протянул.

«*Сеня!* — высветились на дисплее буковки. — *Один из родителей должен попрать условную смерть. Здесь, на Земле. Хотя бы до 18-летия беспокойного чада…*» Ну ежели ко мне обращаются именно так, то сомнений нет: записка от Наташи!..

(Будь проклят тот августовский день 2016-го, когда мы, отчаявшись получить вразумительный диагноз во всех мыслимых и немыслимых медицинских конторах Ставрополя, отправились в Пятигорск.

Будь проклят эскулап (?), хмырь (?), подонок (!) уверенно заявивший: «У вашей жены онкологии нет!»

Будь трижды проклят я, втянувший тебя в эту авантюру и грохнувшийся перед самодовольным «диагностом» на колени…

Два месяца ты пила какие-то снадобья. И чем хуже ты чувствовала себя, тем яростнее дьявол, окопавшийся в пансионате «Искра», уверял и меня, и нашу Олю, что всё будет не просто хорошо, а отлично!

Твоими последними внятными слова стали вот эти: «Выпьем и потанцуем». Так сказала Наташка, жадно глотая содержимое чайной ложки — ложки, приплясывающей в моей правой руке. За самым эффективным, как утверждал Иуда из Пятигорска, лекарством (?), зельем (!) я смотался в течение дня — туда и обратно — 19 ноября.

«Ты где?» — пару раз звонила Наташа после сообщения о том, что муж везёт заветную бутылочку. «Минеральные Воды? Курсавка? Боже, как ещё долго ждать!..» Но ведь ты дождалась…

Слабым утешением — «У вашей жены не было шансов выжить!» — станет фраза ведущего патологоанатома Ставропольской судмедэкспертизы…

Слабым утешением — «Сеня! Рак мутирует, иные его формы скоротечны и беспощадны!..» — звучат и звучат слова любимой киевской сестры, Вальки…

12 декабря 2016-го я приехал в Пятигорск и вместе со старинным приятелем Виталиком Бережным отнёс заявление в прокуратуру. «Но даже

если нравственного урода, носящего человечью фамилию Терентьев, упекут лет на десять, это не послужит ни прощением, ни утешением»,— шепчет истерзанная Серёжкина душа… Подозреваю: презренный подлец отделается лёгким испугом. Эх-ма: *страна вранья и воронья — врёт государь и челядь врёт!)*

Из писем и записок друзей…

Ирина Валерина
Бобруйск — Ставрополь
23 ноября 2016

Серёжа, я только что узнала…
Слов нет, плачу с тобой вместе.
Если в чём-то помощь нужна, скажи.
Обнимаю.

Аргутина Ирина
Челябинск — Ставрополь
24 ноября 2016

Серёжа…
Прости, нет у меня слов подходящих… Может, и не надо…
Это ужасно, необратимо, и слова — плохие помощники. Могу только сострадать и очень хорошо понимаю, каково тебе.
Держись, друг. Пожалуйста…
Ну что тут скажешь… Разве что вот это (2006):

Ушёл

Всё таилась чёрной кошкой — да по углам,
всё ждала, глазницы прятала в капюшон,
а метнулась тёмной ночкой — да увела.
Так неправильно! Нечестно. Нехорошо…

Улетел охрипшей бабочкой из сачка
краткий вскрик о не успевшей прийти весне.
Тишина упала мёртвой на дно зрачка
и уже не реагировала на свет.

Из ладоней тихо выпорхнуло, дрожа,
невесомое, бесплотное существо…
Что ж ты, бог, не научил меня воскрешать?
Остальное я умела — да что с того.

Юрий Беликов
Пермь — Ставрополь
25 ноября 2016

Брат! Я узнал, что у тебя горе. Когда уходят самые близкие, это режет без ножа. Слова утешения здесь бессильны, да и нелепы. Я просто тебя обнимаю — через пространство и время, скорбя вместе с тобою.

Александр Соболев
Ростов-на-Дону —
Ставрополь
8 декабря 2016

Серёжа, обнимаю крепко. И помни, это просто длительная разлука перед новой встречей. Это не пустые слова.

Владимир Монахов
Братск — Ставрополь
9 декабря 2016

Увы, Серёжа, каждый переживает это сам…
Но лучше ближе к людям… Даже плохие люди в эти дни — помогают!

Ирина Валерина
Бобруйск — Ставрополь
19 декабря 2016

С двадцати лет, после смерти брата, открыла и с каждым годом только утверждаюсь вот в каком знании. Человек мыслящий и чувствующий не исчезает бесследно, он слишком ценен — потому что способен постигать явление, придавать ему форму, называть, узнавать мир и накапливать знания.

Смерти нет. Есть переход, смена физической формы, накопление информации, развитие, рост, новый переход — движение по спирали вверх, вверх, к свету. (Что открывается после света, я не знаю — пока не доросла…) Я повесть об этом написала, давно ещё. Писала для себя — проговаривала, искала интуитивному знанию форму через слово. Но оказалось, что повесть близка многим. Несколько человек сказали, что я им очень помогла в минуты смуты. Литературных достоинств там нет, но она не для этого и писалась. Если захочешь, позже покажу тебе…

А письма, записки, стихи шли и шли: ноябрь… декабрь… январь…
А письма, записки, стихи идут и идут: февраль… март… апрель… (уже — апрель?! — всполошится Серёжка в канун Дня космонавтики)…
Сергей Кузнечихин… Оля Андреева… Джен Баранова… Боря Вольфсон… Люда Квасова… Вероника Долина… Анатоль Нестеров… Василь

Рысенков… Андрей Зинчук… Боря Юдин… Вера Зубарева… Юрий Берий… Таня Лоскутова… Юрий Кобрин… Юля Пикалова… Люда Некрасовская… Сашко Ратнер… Александр Бизяк… Борис Суслович… Влад Пеньков… Наташа Крофтс… Серёжа Плышевский… Саша Амчиславский… Володя Узланер… Таня Ивлева…

Россия—США—Литва—Италия—Украина—Израиль—Эстония—Австралия—Канада—Германия…

(Вечер памяти Наташи Сутуловой-Катеринич и Юры Яропольского мы провели в Москве 15 января семнадцатого. Его лейтмотивом стала строчка С-К: «Бессмертие есть—зависает программа…» Первый поэтический вечер без тебя, Январская! Боже, никогда я так не стрессовал: и руки, и ноги выписывали кренделя. А язык постоянно немел и слушался через раз-другой-третий. Но рисковый Серёжка прочёл-таки балладу, посвящённую Наташке. (Ты её, моя странница, конечно, слышала в день сороковин…)

Да, многие наши друзья и знакомые пришли на эту встречу и читали стихи. Юрий Перфильев, Андрей Баранов, Александр Карпенко, Виктор Хатеновский, Станислав Думин, Джен Баранова…

Ну а блистательный Султаныч, наш друже сердешный Тимур Шаов, обещал объявиться в марте: в Белокаменной (в том же январе) мы договорились провести ещё один вечер «45: легенды о любви». И снова—портреты Наташи и Юры. И снова—стихи, стихи, стихи…

А дальше—Ростов, который на Дону… И, страшно выговорить,—Ставрополь. И нелепо помыслить—*явление народу* антологии «Сокровенные свирели»—без тебя… Станет ли от этого легче?! Навряд ли, моя сокровенная, навряд ли. Но иного способа воскресить тебя я пока не придумал…)

Студентом историко-филологического факультета Ставропольского педагогического я стал в 1973-м. Мы, Натуленька, без малого четверть века ходили по одним и тем же улицам, магазинам, театрам, музеям и ни разу, вот ведь судьба-бестия, ни разу не встретились!!!

И жили они долго. И были иногда по-своему счастливы…

Случалось, то моя, то твоя душа устраивала полушутливый (а подчас—суровейший!) *тест на подлинность* душам тех, чьи тела устремлялись к Серёжкиному или Наташкиному.

Одна из моих жён, родившая Петра и Марию, детей, коих я искренне и страстно люблю, *тест на подлинность* не прошла. Да и мама Люся, и тётушка Ляля вздыхали: «Глаза у Светки пустые—ни мысли, ни чувства!..» Однако мои родители «повелись» на тост будущей Сутулихи: «За вашего первого внука!». Тост прозвучал на 50-летнем юбилее Владимира Ивановича, 20 апреля 1976-го. Ну а Пётр Первый появился на свет попозже, через два с лишим года…

Тесты (мои и твои) по форме могли значительно разниться, оставаясь по сути наивернейшими. К примеру, я спросил у Светки, уже сводившей Серёжу Сутулова в загс, *под уздцы*, сможет ли она мне изменить? И если да, то с кем? «С Владимиром Семёновичем Высоцким!»—последовал мгновенный ответ. Меня бы устроила иная конструкция: «Ни с кем! Даже Полом, прости господи, Маккартни!»

Одним из немногих твоих ухажёров, добившихся желаемого результата, стал мужик, проходящий в наших семейных былях под *партийной кличкой* Маркович. «Будь бдительна,—предупредила Наташку душа,—будь бдительна! Предаст. Продаст за бутылку…»

И однажды Маркович, в стельку пьяный, приволок с собой детину в кожаном плаще. Спустя минут десять-пятнадцать временный спутник (по твоей вечной жизни!) дрых на диване. А детина, так и не снявший плаща, обнажил опасную бритву. И, приставив её к дивному левому глазу, затребовал *комиссарское тело* хозяйки… Правый, столь же дивный глаз и такой же чуть раскосый глаз Наташки готовился выскочить из орбиты… Небесная си, которую исторгла твоя душа, вышвырнула зверюгу в окно! Надо ли говорить о том, что судьба Марковича—в качестве твоего потенциального мужа—оказалась предрешённой?!.

А вот и рыжеволосая красавица Ирка, возлежащая на пышной писательской кровати. Прозаик Евгений Карпов со своей второй половиной в отъезде. Дочь ставропольского классика, Леночка, пригласила нас в гости. Компанию дополняет общий приятель Слава Дубакин. Итак, Ирка со звучной и загадочной фамилией Линденберг томится в ожидании поэта, в ранг которого возвели меня сокурсники. Лена и Славик уединились в одной из многочисленных комнат. И я читаю *махе обнажённой*, прикрывшей манящий рыжий треугольник широкополой летней шляпой, стих Вознесенского…

Подгулявшей гурьбою
Все расселись.
И вдруг—
Где двое?!
Нет двух!

Может, ветром их сдуло?
Посреди кутежа
Два пустующих стула,
Два лежащих ножа.

Они только что пили
Из бокалов своих.
Были—сплыли.
Их нет, двоих.

Водою талою—
Ищи-свищи!—
Сбежали, бросив к дьяволу
Приличья и плащи!

Сбежали, как сбегает
С фужеров гуд.
Так реки берегами,
Так облака бегут.

Отправляясь в спецзону для омовений, ненароком спрашиваю: «Узнала автора? Его зовут Андрей Андреевич…»—«Конечно же, Дементьев!»—вопит Ирка, отбрасывая шляпу. И я обнаруживаю себя на… автобусной остановке, отстоящей от дома классика вёрст за пять, а то и семь…

Кстати, нынче, тридцать с лишним лет спустя, я гоню и гоню весьма язвительную мысль. Наташка! А вдруг твой июньский *регбус-кроксворд*, ставший *проспектом преткновения* для меня, относится к разряду *тестов на подлинность*? Подлинность из семейства *проверок на дорогах*? «Брось комплексовать, одинокий странник!—слышится неповторимый голос вечной Наташкиной души.—Мы бы придумали испытание попроще и понадёжней!»—«Тем паче,—добавляет душа Серёжки,—сомнений по поводу авторства „Дождя в январе…“, кажется, уже не возникает. Наш давний-давний стиш сто раз опубликован под твоей нынешней фамилией…»

(Новелла о серёжке, обретающая крылья Притчи о Вечной Любви, документальна именами, датами, событиями. Но она—*уже легендарна* потому, что никто из ныне живущих не может ни подтвердить, ни опровергнуть детали. И если журналист, всё ещё сидящий во мне, намеревается приврать, то его одёргивает поэт, тобой сотворённый.

И ты прощаешь Серёге Сутулову фантазийные нотки, преданно любя Серёжу Катеринича…)

А внизу, на первом этаже хорошо знакомого тебе дома в Такоради, рассыпает весёлые трели твой любимец—попугай Зизи. Боже, как он радовался, когда ты приближалась к его клетке! И, волнуясь, причитал: «Madam! Madam! Madam!» А ты, переходя на птичий язык, рассказывала замечательные истории из жизни пернатых. И во всех городах, посёлках, деревнях—дальних-дальних и близких-близких странах—ты находила общий язык с кошками, лошадками, собаками, мишками, обезьянками, дельфинами, голубями… Преданно любя наших меньших братьев и сестёр… Скольких котят и щенят ты вынянчила-выкормила! Скольким помогла продолжить жизнь в добрых домах…

Вскоре после твоего внезапного ухода Лера Мурашова («Лена Титова»,—упрямо поправляет Наташкина душа) написала вот какой короткий трогательный стих:

Метёт метель, метёт метель,
всем стелет белую постель.

Метель метёт, метель метёт,
дрожит собака у ворот.

В такую ночь, в такой мороз
продрог совсем бедняга пёс.

Я б забрала его домой,
но он сказал:—Я пёс не твой,
я жду хозяйку у ворот,
она придёт. Она придёт.

Я знаю: ты придёшь! Скулю и вою. Вою и скулю у Ольгиных ворот, страшась вновь оказаться в Ставрополе. В той нашей просторной, а теперь такой огромной, пустой и страшной квартире.

«Madam! Madam! Madam!»—кажется, вновь голосит твой любимец—попугай Зизя. И нам с тобой в самую пору… опоздать на рейс Париж—Москва, чтобы вновь услышать голос феи, очутившейся у пропускного барьера в аэропорту имени Шарля де Голля: «Don't cry, madame, don't cry!» Ты утираешь слёзы и переводишь мне *пламенную речь* утешительницы: мол, супруги Сутуловы-Катериничи будут отправлены в Москву следующим рейсом. Никаких доплат!..

И наши фигуры растворяются в табачном дыму нелепого павильона для курящих. Странное сооружение неизвестно почему разрисовано берёзками—à la russe.

Вот же нескладуха! Ты опять в слезах: через пару дней мы опоздали на поезд Москва—Ставрополь. Но нас было двое…

Не плачь, моя милая! Не плачь, моя несказанная! Я вою и плачу уже который месяц за нас двоих!

Подгулявшей гурьбою
Все расселись.
И вдруг—
Где двое?!
Нет двух!

(Золотая моя Николавна! Ещё более, чем лживую журналистику, ты не терпела пышную литературщину. Твоя честная и чистая душа не потерпит оных дам впредь! Так что, Серёжка, оставаясь слугой Слова, сбереги для тех, кто верит в Истинную Любовь, точные детали, неповторимые полутона и пронзительные акценты, сопровождающие историю третьей встречи двух одиночеств.)

Ставрополь. Май-1997. Небольшой компанией мы обмываем большой гонорар, полученный за очередной документальный фильмец. Я—в официальном разводе с очередной из жён. Почитай, уж месяцев семь-восемь как… Три мужика и одна баба—явный дисбаланс. Отношения с этой дамой полусвета, Светкой Соловьёвой, меня настолько

тяготят, что я готов покинуть застолье, не попрощавшись…

Эсэсовка, видимо, почувствовав мои *аглицкие умонастроения*, вопит: «А я знаю, куда мы пойдём! Мы сейчас же отправляемся в гости к моей подруге! Нет-нет-нет! Ни один из вас, пацаны, с ней не знаком. Умница. Красавица. Не замужем…» Двум «пацанам» — в районе сорока. Старшему, Сутулову, — аж целых 45! Мой возраст роковым образом рифмуется с названием всё той же «45-й параллели», под эгидой которой мы и «ваяем» *документальные киношки*.

Вот при каких обстоятельствах, Наташа, я оказываюсь в твоей квартире на улице Морозова. И мысленно восклицаю: «О боги! Мимо этих окон я тыщу раз проходил-пробегал-пролетал! Через дорогу — общага, в ней ты, филолух, жил в студенческие поры! Во дворе — мастерская *мэстного Церетели*, скульптора Николая (Фёдорыча, кажись) Санжарова, о котором ты, журналюга, сотворил изрядный (по объёму) очерк — чуть ли не на целую полосу „Ставрополки“»…

Неяркий свет коридорного светильника. Скромную люстру хозяйка не успевает включить…

— Прошу *любить осторожно* и *жаловать бережно*, — паясничает полупьяная Светка. — Владелица *морозной* квартиры Наталья Николаевна Библя!

Я, почти узнавая тебя, морщусь при звуках странной и неблагозвучной, как мне кажется, фамилии.

— Лев (можно без отчества) Соловьёв, кинооператор… Не брат и не любовник… Да-да, однофамилец Светланы Евгеньевны…

— Виктор (нужно без отчества) Казаков, поэт…

Троица незваных гостей продвигается в сторону кухни. Тебе остаётся доразобраться с четвёртым, непрошенным… «Долгожданным…» — шепчет твоя душа, но ты её не слышишь (пока не слышишь!). «Здравствуй, желанная!» — раскачиваясь на двухрожковой люстре, восклицает моя душа, но я её не слышу (пока не слышу…).

Ну а мы, поначалу онемев, пристально разглядываем друг друга…

— Сергей, желательно Владимирович!

— Наталья, обязательно Николаевна!.. Сутулов? Я хочу разглядеть ваши глаза при дневном свете…

— Библя? Много лучше — Библия!

— Фамилия по мужу, — уточняешь ты. — Пока единственному. Правда, Сашку я давно за дверь выставила: запивал по-чёрному…

— Ну а моя утраченная любовь носила две фамилии — Королёва и *Чернокрыжникова*…

— Королёва и Чернокнижникова, — уверенно поправляешь ты, и моё тело, медленно-медленно скользя вдоль стены, оседает на пол…

— Наташка! Сутулидзе! Где вы застряли? — взывает из кухни Гелла.

— Мы уже по третьей налили! — добавляет Азазелло.

— Вам штрафные в коридор вынести?! — хохочет Коровьев…

— Только Бегемота им недостаёт, — кивнув в сторону укрывшейся за правым поворотом компании, говоришь ты и накапываешь в хрустальную рюмку ударную дозу корвалола. «45 капель», — удивлённо подмечаю я про себя, а вслух спрашиваю:

— М-можно, когда чуток отдышусь, стиш прочесть. Не героям Михаила Афанасьевича, а всё ещё вам, Наталья Николаевна?

Ты препровождаешь меня в комнату, под потолком которой порхают наши души. «*Тест на подлинность*?» — спрашивает Серёжкина. «Он самый!» — радостно отвечает Наташкина…

Мы снова встретились, и нас
везла машина грузовая.
Влюбились мы — в который раз.
Но ты меня не узнавала.

Ты привезла меня домой.
Любила и любовь давала.
Мы годы прожили с тобой,
но ты меня не узнавала!

— Рискуя ошибиться, *теперь уже навсегда*, — волнуясь, произносишь ты, — автором восьмистишия является Андрей Андреевич, тот самый Вознесенский, которого в юности боготворил Серёжка Сутулов.

Я вскакиваю с дивана, пытаясь обнять тебя, но ты ловко ускользаешь и, поддержав за правый локоть, дабы вечерний гость вновь не грохнулся на пол, ведёшь меня в сторону кухни, приговаривая:

— Тост, прости господи — тест, за мной! Дождёмся солнца. Пора эту троицу приструнить — соседка со второго этажа уже трижды в потолок стучала!

Поздний вечерний визит изрядно затянулся… Герои Булгакова то обретали знакомые черты Светки, Витьки и Лёвки, то опять блазнились свитой Воланда. Правда, Бегемот так и не появился. Точно помню: в ближайшую круглосуточную лавку я за водкой не бегал. Однако, по очереди выпрыгивая в окно, зелье приносили Казаков и Соловьёв. Светка сычихой поглядывала на нас…

Рассвет застал Серёжку и Наташку спящими на узком диване в таких крепких объятиях, что и любому из их взрослых детей на нём бы нашлось место. Тем паче, подчёркиваю: папа и мама спали целомудренно — при джинсах и кофточках-рубашках. А на полу трепетал страничками блокнот с полным вариантом «Дождя в январе». Автор этой милой безделицы умудрился приписать в конце стиха: «Теперь-то ты, Наташка, веришь, что я тот самый Серёжка?!»

— Уходи! — сказала ты, разглядев мои глаза в первых солнечных лучах. — Ошибиться невозможно:

Бог подарил нам третью встречу! Но—уходи. Сейчас! Ибо, если уйдёшь через неделю или год, новой разлуки не перенесу.
—Хорошо! В Ставрополе не заплутаю. Вернусь, почувствовав: без тебя дышать не могу!..

Не прошло и месяца: звоню в дверь квартиры номер три дома номер три, стоящего на углу улиц Морозова и Пушкина.

(В этом доме моя Наташка Великолепная прожила на ту пору почти 45 лет. Если не считать поездок, путешествий, командировок в Ростов и Пятигорск, Москву и Сочи, Варну и Киев, Лондон и Такоради…)

Итак, я звоню в дверь, за которой притаились почти 20 лет сумасшедшего счастья и целая, до си не постигнутая мною Вселенная. Хотя я ещё не догадываюсь ни о чём. Уже потому, что на самом деле, презирая фигуры речи, *у-ми-ра-ю!* На мне—джинсы и лёгкая безрукавка. В руке—пакет со шприцами и антибиотиками. При мне же—бесовские галлюцинации, вызванные температурой, подобравшейся к сорокаградусной отметке.
—Сергей Владимирович, вы? Серёжка, родненький, что с тобой?!

Едва ворочая языком, поясняю:
—Говорят, воспаление среднего уха. Жарища! А я в бассейн у Холодных родников сиганул. Признаться, изрядно пьяненьким был… В больницу не поеду. Нужны уколы. Внутривенно. Бывшая супружница сказала: «Подыхай!..» Наталья Николавна! Наташа! Вы… ты умеешь делать такие процедуры?

Часа через полтора температура изрядно спала. Отличница-сандружинница, живущая в Наташке Чернокнижниковой, уколола безболезненно, чуть позже протерев уксусом изнурённое тело.

Вечно комплексующий Серёжа Сутулов засобирался в сторону давно погасшего семейного очага…
—Ну и куда же вы, Сергей Владимирович, на ночь глядя? Там вас никто не ждёт… Ты, пришёл, Серёжка! Ты пришёл… И вот теперь говорю: это—твой дом…

(Наташка! Милая, добрая, сумасшедшая, рассудочная, артистичная… Ты знаешь-помнишь, как меня колбасит и трясёт в те дни и ночи, когда я пытаюсь собрать воедино настоящие строчки, разбросанные по всей квартире, нацарапанные на клочках бумаги и пачках сигарет. Строчки, рождённые удивительным чувством, подаренным тобой и твоей душой согретым…

Вот и в Африке меня трясёт: ты умудряешься и здесь поправить *звукобуквы* Сутулова—*нотослова* Катеринича, кажущиеся тебе пафосными или фальшивыми. Ты знаешь-помнишь-понимаешь. Ну а меня колбасит-трясёт… И если всё же мне удастся укротить текст, первой эту новеллу (уже повесть?) прочёт наша старшая дочь, похожая на тебя. И на меня—глазами!)

Ноябрь-2016…
—Вот и дожили,—полушёпотом, с трудом выговаривая слова, произносишь ты,—Сенечка кормит Наташу с ложечки…

И, героически силясь улыбнуться, спрашиваешь:
—Свежий номер «Сорок пятой» вышел?
—Ничего, Наташка! Мы ещё обязательно поменяемся местами. Кто же меня с ложечки кормить будет? Кому я доверю протокольно-укольную церемонию?

И моя душа, обнимая твоё истончившееся тело, беззвучно рыдает…

До двадцатилетия нашей третьей, всепобеждающей, встречи остаётся полгода…

И жили они долго! И были они счастливы. Безоглядно!

Мама перед своим уходом в ирреальные (или всё же реальные?) миры благословила нас и попросила тебя беречь Серёжку. Она, ничего не знавшая о потерянной серёжке, конечно же, говорила о своём непутёвом сыне. Но Наташка едва заметно вздрогнула, услышав то ли название ювелирного украшения, то ли имя своего земного (и небесного!) избранника. Кстати, наши души договорились не бередить раны молодости. И к воспоминаниям о беспощадном ростовском казусе мы не возвращались…

(Ну а с ложечки меня поил сын, вливая в обездвиженное тело куриный бульон. Март-2017. Судя по скупому рассказу Петра Сергеевича, его тятя походил на пушкинского мертвеца, попавшего в сети. А душа С-К трое суток блуждала по чёрному лабиринту. Трое суток: уж кому-кому, а Сергею Владимировичу она *не могёт соврать*!..

И капали, капали, капали слёзы. Горючие. Наташкина душа плакала. Наташкина душа покрывала нежными поцелуями лоб, глаза, нос, щёки, шею, принадлежавшие—на тот момент!—Серёжке. Небесная жёнушка, страдая и негодуя, выжигала метастазы небытия…)

Конечно, конечно же… Увы мне, увы: подчас я безмерно огорчал Наташку. Бездарными, тупыми, затяжными запоями. Уводившими, умыкавшими меня из Страны Солнечного Счастья. Но настал тот умный день, когда я понял: ни Веничку Ерофеева, ни Владимира Высоцкого мне не перепить, а вот Наташку могу потерять на веки вечные…

(Эх-ма! Дышу ещё пока, оченно надеясь: обиды, нанесённые жене, прощены мне, искренне прощены—при земном варианте нашего житиябытия. Как прощены мною редкие (да меткие!) Наташкины загогулины и резкие, на грани фола,

словечки. Ведь, случалось, и Африканская Мамба, и Серебряное Пёрышко, и Чертовка Январская, выбрасывая живописные коленца, заставляла меня причитать: «*Ты-ли-это-тётка-та?!*»

Загадал: ежели доведу свою затею (до ума—до финального многоточия), то… То особым сигналом из поднебесья Наташка даст знать: *Сеня может помирать спокойно—ибо прощён!)*

Верно подметил любимый тобой и мной Василий Павлович Аксёнов: *таинственная страсть* изменяет эпоху. Безумно жаль, что *самая читающая жена в мире* не успела добраться до замечательного романа ВА. И я страдаю от того, что яркую экранизацию «Таинственной страсти» смотрю и пересматриваю здесь, в Гане, без тебя, Натка. И ведь нажал кнопку лишь потому, что наша старшая дочь, Ольга, заставила! Первый достойный сериал без достойнейшей Женщины, сидящей слева, но спящей справа…

Кстати, вспомнил: в моём ставропольском компе давным-давно томится электронная версия «Таинственной страсти». Скачал. Вознамерился прочесть и, конечно, тебе вот на этот, Наташкин, походный ноутбук переправить. Но—редакторская суета, но—долгий-долгий, столь порадовавший нас ремонт *карломарксовской* квартиры. И… та самая *осенняя жуть*!

(Сейчас подумалось: настал черёд для фрагмента из авторского (Аксёновского!) предисловия к роману. Благо интернет хоть и капризничает, однако фурычит!)

Слово—ВасПалычу:

«…Я всегда испытывал недоверие к мемуарному жанру. Сорокалетний пласт времени—слишком тяжёлая штука. Даже план интерьеров вызывает сомнение, не говоря уже о топографии местности. Неизбежны провалы и неточности, которые в конце концов могут привести—и чаще всего приводят—к вранью. Стремление к хронологической точности часто вызывает путаницу. Желание создать образы реальных людей под реальными именами может вызвать у читателя раздражение и отторжение: они, дескать, были не такими и такого с ними не могло произойти.

В этой связи вспоминается знаменитая фотография Льва Нисневича, на которой изображены два нерасторжимых образа—Булат и Арбат. Летняя ночь или, скорее, раннее утро. Прозрачный воздух создаёт глубокую перспективу. Арбат пуст, не видно ни единой человеческой фигуры, полностью отсутствует московская фауна—птицы, коты и собаки. Присутствует один лишь Окуджава, сидящий на переднем плане в середине проезжей части. Он выглядит вполне натурально на крепком стуле. Участвует в мизансцене, задумчив, за спиной—городская пустыня.

Придирчивый зритель скажет: что за вздор? Откуда взялся стул на спящем Арбате? Скорее всего, сам фотограф его и привёз для воплощения одиночества. В жизни такой отсебятины не бывает.

Почему же не бывает, если это уже случилось и было запечатлено? Нисневич основательно продумал свою работу, уговорил Булата на съёмку, привёз стул и сделал портрет, воплощённый шедевр. Значит, искусство дополняет—или даже отчасти заменяет—реальность. Появляется Булат, задумчиво сидящий на стуле посреди летней ночи и, конечно, отличающийся от обычного Булата, который в этот час просто спит. Так возникает художественная метафизика…»

(Прости меня, милая, за столь обширную цитату. Но она, на мой вкус, убедительное доказательство существования параллельных миров. Хотя мудрые люди говорят, что ещё убедительнее «Тибетская книга мёртвых»! Что ж, и с этим откровением намерен познакомиться. А в Ставрополе—ежели доберусь-возвернусь в наш, обезлюдевший без тебя Град Креста,—прочту «Таинственную страсть». Судя по сериалу, роман правдив по глубинной сути, несмотря на псевдонимы, придуманные Василием Павловичем для друзей и врагов. И очень прошу тебя, жёнушка, там на своих (и наших!) небесах прочти легендарное предание о чужих страстях, вспоминая земные дни (и годы) возвышенной страсти, осенявшей наши дома…)

Кстати, предчувствую: в квартире, из которой ты, Крылатая, отправилась в иные измерения, жить не смогу. Или—? Или—?! Тогда нужна светлая идея… В старой (отцовской), так и не дождавшейся полноценного ремонта, остался висеть наш свадебный портрет. В любой из моих грядущих хижин—на самом видном месте—окажется твоя гениальная полуулыбка! Помню-помню: ты всегда противилась ликам мёртвых на стенах или стеллажах. Но ты для меня—уж прости за высокий штиль!—остаёшься живой…

(Отсчитав 70 дней после твоего формального, но фатального ухода из пространств земного бытия, продолжая рыдать и трясущимися руками, по буквам, набирать легенду о нашей Любви, я вдруг отчётливо осознал: и через 700 дней, и через 700 лет история поиска и обретения единственной для мужчины и единственной для женщины *созвучной души* останется главной для тех, кто способен чувствовать и сопереживать. Остальные двуногие существа, лишённые дара Любви, никогда не интересовали и не заинтересуют ни тебя, ни меня ни в одном из новых воплощений!..)

Твоей щедрой энергичности и сердечной отзывчивости хватало на всех! Наша Наташа Николавна редактировала тексты гениев и кандидатов в оные, то бишь *сорокапятила*, помогая Владимирычу.

Параллельно умудряясь готовить-стирать-штопать-гладить-вязать-читать-киношничать-айболитить… А в последние (у-у-у! а-а-а! ы-ы-ы! послед-ни-е?) лет семь-восемь всерьёз заниматься ещё и многомерной медициной. Основоположником методики самопознания, самодиагностики и самоисцеления человека была Людмила Григорьевна Пучко, кандидат технических наук, академик Российской и Международной инженерных академий…

Сейчас понимаю: каша в моей голове варится изрядная. Цитаты, конечно, помогают. Но они — словно костыли. Ходить — хожу. Однако без жены разобраться в тонких материях чрезвычайно сложно. Кажется, усвоил: структура человека включает в себя семь тел (семь оболочек), имеющих семь диапазонов вибраций (семь состояний материи).

Вспоминаю: Наташа не раз и не два вслух — именно для бестолкового Сени! — зачитывала предложения и абзацы, подчёркнутые в книгах, написанных уникальной женщиной.

Вот небольшой фрагмент из труда «Биолокация для всех»:

«Тела в различных духовных школах Востока и Запада имеют разные наименования, общая терминология здесь пока ещё не устоялась. Поэтому в данной книге будет приведена наиболее часто употребимая терминология: физическое, эфирное (энергетическое), астральное (эмоции), интуитивное (душевное), каузальное (кармическое), содержащее опыт прошлых перевоплощений, ментальное (мысли), духовное (собственно «я»). Последовательность расположения тел и их связь с энергетическими центрами человека различаются в разных публикациях…»

— Ну да! Ну да! Лучше поздно, чем… навсегда! — энергично восклицает Наташкина душа. Сдаётся мне: не только сермяжная, но и высшая правда звучит в словах Людмилы Григорьевны… Разыщи в инете предисловие к «Многомерной медицине»…

Слово любимой души — закон!

«…наиболее сложно идёт процесс перестройки в научно-общественном сознании людей в плане признания и осмысления существования Высшего Разума, Бога.

Это вполне объяснимо, так как сознание нескольких поколений россиян было отравлено атеизмом, антирелигиозной пропагандой, возведённой в ранг государственной политики. Поэтому каждый приходит к пониманию существования Бога по-своему, интимно, чаще всего после приобретения какой-нибудь сложной болезни или перенесённой личной трагедии. Путь этот для многих мучителен и труден.

Так же сложен путь и в науке.

Вульгарный материализм, отрицание тонкоматериального мира, окружающего и влияющего напрямую на состояние здоровья человека, соприкасающегося с ним, упорное замалчивание и нежелание признать многомерную структуру человека, о которой было известно человечеству много тысячелетий назад, включающую „Высшее Я“ — эту божественную частицу, от которой полностью зависят и здоровье человека, и его взаимоотношения с окружающим миром, разделённым на мир добра и зла, — всё это, увы, характерно для нашей материалистической медицинской науки, да и не только нашей…»

(Именно метод Людмилы Пучко позволил Наталье Сутуловой-Катеринич избежать сложнейшей и опаснейшей операции на сердце! Кардиологи, обнаружив сумасшедшие стенозные сужения в нескольких важных сосудах, в один голос твердили мне: «Под нож! Под нож — иначе дни вашей жены сочтены…»

Но вместо операционного стола Наташа выбрала… кухонный. Чуть ли не сутками просиживала над ним, маятником «уговаривая» болезнь отступить. И ты победила, моя чемпионка!

Ну а потом много-много лет подряд Наташка исцеляла ближних и дальних, продлевая жизни, избавляя от суровых недугов и нешутейных болячек тех, кто просил-молил о помощи…

Но вот же досада-засада: ни на самодиагностику, ни на самолечение у золотой Николавны времени катастрофически не хватало! «Попозже, Серёжка, попозже… — твердила Наташка, плотно закрывая кухонную дверь. — На очереди — Толик *Гишпанский*, Ташка *Ахриканская*, ну и Блюша хвостатый с хутора Грушового…» Кстати сказать, нашего пса жена с того света вытянула: ветеринары только диву давались.

По одной из моих версий ты, Наташенька, поспешая помочь, родным, друзьям, а то и полузнакомым людям, частенько забывала об элементарной защите от негативных излучений. Уж прости, ежели выражаюсь коряво. Но по сути это так: одинокая воительница против тьмы демонических сущностей.

Ну а другую версию, родная, я не озвучу ни здесь, ни за рамками *аварийной* повести. Никогда! Ни при каких обстоятельствах! Только при встрече. Личной. В нашей с тобой иной обители.

Скольких же ты спасла, бесстрашная! Скольким помогла, беспокойная! И я кричу в африканскую ночь: «Возвращайся, любимая! Отзовись, бессмертная!..»)

Одна из значимых (для меня — точно!) февральских новостей. Она растиражирована множеством зарубежных и российских изданий: жизнь после смерти всё же существует! В этом уверены британские учёные, в течение двух лет занимавшиеся изучением спорного вопроса. Специалистам удалось обобщить истории двух тысяч пациентов, переживших клиническую смерть.

Первым делом тщательным образом были изучены все записи медиков, а также опрошены люди, отправлявшиеся по пути в мир иной. В ходе исследования удалось выяснить, что после полной остановки сердца мозг продолжает работать даже спустя 30 секунд (ранее считалось, что через полминуты отмирает и мозг). Сенсацией стало понимание: кора больших полушарий мозга активна после остановки сердца ещё минимум три минуты!

Обобщив полученные данные, британские учёные резюмировали: с физической смертью не приходит смерть сознания. После смерти человек ещё сохраняет способность думать. И многочисленные факты, истории, реальные случаи и рассказы тех, кто пережил клиническую смерть — яркое тому подтверждение.

Вот монолог женщины, пережившей клиническую смерть:

«У меня было такое чувство, что я лечу на огромной скорости по вертикальному тоннелю. Оглянувшись, увидала огромное количество лиц, только они были искажены в отвратительные гримасы. Мне стало страшно, но в скором времени я пролетела мимо них, они остались позади. Я летела к свету, но никак не могла до него добраться. Словно он отдалялся от меня всё больше и больше.

Вдруг в один момент мне почудилось, что вся боль ушла. Стало хорошо и спокойно, меня объяло ощущение умиротворения. Правда, продолжалось это недолго. В один момент я резко почувствовала собственное тело и возвратилась в реальность. Меня отвезли в больницу, но я не переставала думать о тех ощущениях, что испытала. Ужасные лица, которые я видела, наверняка, это был ад, а свет и ощущение блаженства — рай».

А один из мужчин, испытавших уход (отлёт) в иные пространства, оказался краток:

«Я увидел себя сверху и сбоку. Словно меня подняло вверх и придавило к потолку. При этом я весьма долго наблюдал, как медики стараются меня оживить. Мне было смешно: „Вот думаю, как я ловко от всех тут спрятался!“ А потом меня будто в водоворот засосало и „всосало“ обратно в тело».

(Конечно же, ещё со времён тибетских мудрецов и египетских фараонов философы, учёные, писатели, художники, поэты, пытаясь разгадать величайшую тайну бытия, приходили к выводу, что со смертью тела жизнь не кончается! В списке тех, кто убеждённо говорил о бессмертии души, Платон, Гёте, Лев Толстой, Бехтерев, Моуди, Ян Стивенсон, Ланца…

Мою веру во встречу с тобой, Наташа, укрепляют разные люди. Но мне, увы, для уверенности не хватает твоих знаний, любимая!

Иоганн Вольфганг Гёте: «При мысли о смерти я совершенно спокоен, потому что твёрдо убеждён, что наш дух есть существо, природа которого остаётся неразрушимой и который будет действовать непрерывно и вечно».

Эммануил Сведенборг: «После того как дух отделяется от тела (что происходит, когда человек умирает), он продолжает жить, оставаясь той же самой личностью. Для того чтобы я мог в этом убедиться, мне позволили говорить практически с каждым, кого я знал в физической жизни, — с одними в течение нескольких часов, с другими в течение месяцев, с некоторыми в течение нескольких лет; и всё это было подчинено одной-единственной цели: чтобы я мог убедиться в том, что жизнь после смерти продолжается, и быть свидетелем этого».

Лев Толстой: «Не верит в бессмертие души лишь тот, кто никогда серьёзно не думал о смерти».

Роберт Ланца: «У сознания есть не только биологическая, но и физическая составляющая. Современная физика совершенно не объясняет, каким образом в нашем мозге формируется сумма молекул, на базе которой возникает сознание. Красота заката, тайна влюблённости, роскошный вкус любимого лакомства — современная наука теряется в догадках о том, как именно все эти феномены существуют в сознании. Никакие научные теории не могут объяснить, как сознание возникает на материальной основе. В современной естественно-научной картине мира просто нет места сознанию, и мы практически не понимаем этого фундаментального феномена нашего существования. Интересно, что в современной физике такая проблема даже не сформулирована.

Не случайно сознание связано ещё с одной совершенно иной областью физики. Хорошо известно, что квантовая теория превосходно работает на уровне математики, но логически кажется совершенно бессмысленной… Достаточно сказать о том, что элементарные частицы ведут себя так, как будто реагируют на присутствие наблюдателя, наделённого сознанием. Поскольку этого просто не может быть, специалисты по квантовой физике либо признают квантовую теорию необъяснимой, либо выдвигают для её объяснения новые экстравагантные теории (например, о существовании бесконечного количества вселенных). Простейшее объяснение, сводящееся к тому, что субатомные частицы на каком-то уровне взаимодействуют с сознанием, — слишком сильно противоречит имеющимся моделям, чтобы его воспринимали серьёзно. Но всё-таки очень интересно, что две самые сложные загадки в физике связаны с сознанием…»)

— Daddy Сеня! — доносится незабываемый голос с террасы. — Хватит вумничать. Твой кофе давно остыл…

Я, намеревавшийся процитировать стих Семёна Кирсанова, завершающийся заклинанием: «Смерти больше нет! Больше нет! Нет!», забываю

сохранить отдельным файлом изрядно подзабытый текст и поспешаю на юго-запад.

Терраса. Наш излюбленный уголок… Сногсшибательный запах африканского кофе. Две чашечки. Одна — почти пустая. Другая — нетронута. А в пепельнице догорает сигарета со следами губной помады…

(— Ты что? Опять закурила? — вопрошаю, обращаясь к женской фигурке, растворяющейся в полутьме двора.
— Дуралей! Это душа балует! — доносится с крыши. Оттуда, громко хлопая крыльями, срывается наша общая знакомая — ганская сова-полуночница. Птица поспешает в сторону новорождённого месяца, напоминая: *и ты когда-то дерзал летать*…)

В поисках нашей Наташи мы кружим и кружим по золотым пляжам, щедро разбросанным в окрестностях Такоради: Casablanca… Alaska… Busua…

Твоя точёная фигурка мерещится мне и в невыносимо жаркие полуденные часы, и в багровых бликах африканских закатов. Воистину: *я готов целовать песок, по которому ты ходила*! Марево прибоя, подарив призрачные надежды, промывает зрачки серебристыми брызгами, и мои обильные слёзы кажутся Ташке ручейками океанской воды…
— И здесь мамы-бабушки нет, — вздыхает Ольга…
— *И здесь, и там*, — вынужден соглашаться я, вспоминая свой кошмарный заплыв, едва не сделавший тебя вдовой — в один из наших летних вояжей в Гану…

(Наташка металась по истерзанной штормом береговой кромке, а взбесившийся океан уносил Серёжку всё дальше и дальше от спасительных буйков… Чёрт возьми, утонуть в полукилометре от Busua мне было не суждено!..)

Мы не повстречали тебя и в новом для Сутуловых-Катериничей местечке. Имя ему Cobonut Grovi. И я вновь печалился-кручинился: ты не увидела этот изумительный пейзаж.

«Why?! — переходя на английский, прошепчет в моё полуглухое левое ухо Наташкина душа. — I'm still where you are. And see and feel the ocean!» — «Why not?!» — воскликну я часа через полтора, выпадая из сладкой полудрёмы и понимая: мы добрались до дома, который построил Чарльз…
— Дедушка! Ну хорошо, не ершись: daddy! Ты должен был, разглядывая ранние мамины фотки, обратить внимание на её великолепные волосы. Чуть ли не половину густющей шевелюры Наташа потеряла вскоре после моего появления на свет… Жаль, ни ты, ни я — по разным причинам — не застали эту красотень!
— Ты ошибаешься, дочь! — почти пробалтывается названный отец. — Изначальная красотень Наташиных волос — в памяти всех десяти моих пальцев…

Ольга, обжигая меня золотисто-карим взглядом, долго-долго, не проронив ни слова, вглядывается в мои жёлто-карие глаза. Ну а я, заполняя мучительную паузу, вопрошаю:
— Мы нынче, в сей приезд С-К, доберёмся до Lou Moon Lodge? Ты же помнишь: мама обожала ласковую гладь счастливого залива, в котором утонуть невозможно! Теоретически нельзя, так?!
— Не обещаю, но попробуем… И доехать, и не утонуть!..

(А меня ожидает очередная бессонная ночь. Грешнику Серёжке наверняка не удастся постичь таинство жизни и смерти. До самой последней его (моей) секунды. Но не уносить же в могилу тайну святой серёжки?!.)

………………………………………………………

Из переписки
с Борисом Юдиным.
США — Гана — США
8 февраля 2017

Дорогой Боря!
Поздравляю с твоим Днём!
Извини — припозднился: инет балует!
Будь! По возможности…
Я всё ещё в Гане и всё ещё надеюсь на чудо.
Говорят, в «Тибетской книге мёртвых» есть доказательства жизни души после страшного для каждого человека ухода.
Ты же читал, ну а я всё собираюсь…

Твой Серёжа.

………………………………………………………

9 февраля 2017

Спасибо, дорогой!
С «Книгой мёртвых» познакомься из любопытства. Её нельзя воспринимать как аксиому — только как вариант утешения.

Она — из трёх частей. Сначала инструкция, как понять, что ты умер.

Далее инструкция к бесконечным скитаниям в межпространстве. Смысл — ничего не бойся, потому что это ты сам.

И далее — выбор чрева для следующего рождения. Указание: не ходи туда, где сладко.

Я не нашёл там встреч с умершими, поскольку смерть сугубо индивидуальна.

Православные народные мифы о встречах с ранее ушедшими не подкреплены литературой. В единственной книге какой-то монахини, пролежавшей 10 дней в коме, — страх и потребность в молитве.

Мой скромный опыт двухнедельной комы говорит о том же. Всё, что ты увидел, — это и есть ты сам.

Причём непонятно, сколько это бесконечное скитание длилось по земному времени. Скорее всего, доли секунды, когда приходил в сознание. Ведь там, где вечность, времени нет.

Церковь говорит, что душа уже воспарила, чтобы через год присоединиться к Богу и стать частицей света, а прах ушёл в прах.

Не думай об этом, а думай о живом.

....

9 февраля 2017

Мой дорогой неповторимый друг!
Я истерзал себя вопросами: всё ли сделал для Наташки?

Где же нынче её золотая душа?

Кто поможет утвердиться в мысли, что встреча наших сущностей неизбежна?

Обнимаю!

....

9 февраля 2017

Абсолютно. Мы все станем частью единого светлого и целого. И родственные, и любящие души сольются в одно.

А то, что ты сделал всё, что мог, могу засвидетельствовать…

....

10 февраля 2017

Уже месяца полтора-два вынашиваю, пишу и переписываю новеллу о Наташе.

Получается небольшая повесть. Даст Бог, завершу…

....

10 февраля 2017

И это будет лучшая память.

....

14 февраля 2017

Да, Серёжа, «Сороковины: ежли про любовь…»—это гениально. Я не верю, что человек мог написать такое. Это Господь нашептал.

....

15 февраля 2017

Боря! И этот стих, пусть и гениальный, и все другие—скопом!.. и все регалийки-медальки—чохом!.. и всю оставшуюся *жизть*—за час общения с любимой!..

....

Солнечная моя Наташка! Задолго до третьей—земной—встречи я задумывался о бренности бытия, лелея мечту о Небесной Любви.

Но когда космический вихрь закрутил наши тела и души, не сразу осознал: вот оно, Всепобеждающее Чувство. Грешил. Каялся. Ошибался. Метался. Маялся.

И лишь пройдя примерно треть общего пути (треть ведь обозначилась только сейчас!) стал прислушиваться к шёпотам и крикам души. Хотя, положа руку на сердце, подчас—совершенно алогично!—поступал вопреки советам собственной совести…

(Но пришла пора: твоя безграничная преданность исцелила душу, привыкшую *аврально рисковать*!..)

Наташкин Серёжка и Серёжкина Наташка не раз и не два беседовали и о фильмах Тарковского-сына, и о стихах Тарковского-отца… И снова, и снова я читал тебе строки Арсения Александровича:

Свиданий наших каждое мгновенье,
Мы праздновали, как богоявленье,
Одни на целом свете. Ты была
Смелей и легче птичьего крыла,
По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела
Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла.

Когда настала ночь, была мне милость
Дарована, алтарные врата
Отворены, и в темноте светилась
И медленно клонилась нагота,
И, просыпаясь: «Будь благословенна!»—
Я говорил и знал, что дерзновенно
Моё благословенье: ты спала,
И тронуть веки синевой Вселенной
К тебе сирень тянулась со стола,
И синевою тронутые веки
Спокойны были, и рука тепла…

Как-то я обмолвился, что мне посчастливилось познакомиться с Тарковским-старшим.
—Брось трепаться!—озорно сверкнув своими серо-голубыми глазами, умевшими быть серо-зелёными, рассмеялась ты.—Журналист Сутулов продолжает жить в муже. И, скорее всего, проводит оного в мир иной…
—Ну а тому, кого ты считаешь поэтом, веришь?
—Ужели Катериничу? Ему—(чаще всего) да!
—При случае расскажу. С деталями…

А в хрустале пульсировали реки,
Дымились горы, брезжили моря,
И ты держала сферу на ладони
Хрустальную, и ты спала на троне,
И—боже правый!—ты была моя.

Ты пробудилась и преобразила
Вседневный человеческий словарь,
И речь по горло полнозвучной силой
Наполнилась, и слово ты раскрыло
Свой новый смысл и означало: царь.

Козырный туз—подходящий случай—не заставил себя долго ждать. Но о нём—попозже, попозже…

На свете всё преобразилось, даже
Простые вещи—таз, кувшин,—когда
Стояла между нами, как на страже,
Слоистая и твёрдая вода.

Нас повело неведомо куда.
Пред нами расступались, как миражи,
Построенные чудом города,
Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам с нами было по дороге,
И рыбы поднимались по реке,
И небо развернулось перед нами…

Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.

(2017-й?.. Февраль? Да! Сумасшедший Серёжка снова испытывает судьбу в том самом местечке Busua… Прекрасном и страшном… Тогда, в 2009-м, если смотреть правде в глаза, ты могла оказаться *досрочной вдовой*…)

Стараясь и нынче заплыть подальше от берега, в такт гребкам, спрашиваю Наташку:
—Как ты думаешь, смогу ли я оказаться в постели с женщиной, наизусть знающей стих «Первые свиданья»?

Океанская волна отвешивает мне изрядную оплеуху, а твоя весёлая душа катается на белых барашках, несущихся к берегу! Вырываясь из объятий Атлантики, иду-бреду к тенту, под которым укрылись Олька и Ташка.

Не заметив свежую загогулину на песке, спотыкаюсь и падаю ничком! Тэк-с… поднимаюсь, отряхиваюсь… И долго-долго изучаю огромный вопросительный знак… Рядом—инициалы: NNC-K. «Не задавай дурацких вопросов!—кричит Наташина душа.—И дурацкие, и риторические, усложняя текст, мешают пробиться к истине…»

(Истинны ли сенсационные заявления астрономов и физиков, утверждающих, что *уже открыты* планеты, которые можно считать космическими сестрицами Земли?! И по массе они сходны с нашей, и атмосферы по составу похожи. И вода-водица там водится. И температуры щадящие…

Правда, добираться до «двойняшек-тройняшек» далеконько—они отстоят от Земли на расстоянии в 50 световых лет!..

Наташа Сутулова-Катеринич в эту реальность не просто верила: моя жена, владея особыми знаниями, на полном серьёзе говорила о существовании разума в иных измерениях!..

Пытаясь обмануть бессонное время и силясь одолеть бесовские пространства, обсуждаю с женой сюжет новой (для нас) киноленты «Прибытие». Вероятно, и подобный поворот событий возможен. И такой, и этакий…

Наташенька! Ты остаёшься несравненной спорщицей и сокровенной собеседницей, продолжая утверждать: случайность—миф, случайность—фикция. *Всё уже предрешено!* И любой, самый невероятный, самый фантастический зигзаг судьбы может стать реальным. Если не на Земле, то на одной из обитаемых планет—наверняка!..

А фильм «Прибытие», согласись, Наташа, интересен, необычен, мудр. Меня зацепили не столько *семипалоруконогие* пришельцы и не только откровения-рассуждения о нелинейности времени… Конечно, впечатляют возможности героини влиять на будущее… Но в память врезается предфинальный вопрос лингвиста Луизы и ответ астрофизика Йена, которым предстоит стать родителями удивительной девочки Анны. «Если бы ты мог видеть свою жизнь от начала и до конца, ты бы стал что-то менять?»—«Возможно, я бы чаще говорил любимым людям о том, что чувствую…»)

…А жизнь (и моё послесловие к ней) подбрасывают и подбрасывают сюжеты.

Такоради—Москва—Такоради.

Тест на подлинность, или Если друг оказался вдруг…

………………………………………………………

11 февраля 2017

Ириш!
Мои и Олины поклоны и благодарности—понятно за что. Речь идёт о фотографии Наташи. Но любящее сердце дочери подсказало! Оля тогда, в день нашей свадьбы, делала маме причёску! Она (причёска) должна быть симметрична. Левая (Наташина) часть головы отбрасывает тень. На исходнике это явно…

Просим тебя, добрый человек, *причесать* Наташку!

Ну и фон сделать повеселей: не ярким, но нежным (не серым).

Обнимаем!!!

………………………………………………………

12 февраля 2017

Сергей Владимирович!
На мой взгляд художника с врождённым вкусом, из того любительского снимка с удручающим фоном, светом и композицией я сделала идеальную фотографию Вашей покойной жены.

Если Вас не устраивают детали, то их можно поправить в любом фотосалоне Москвы или другого города РФ.

Кстати, лимит Ваших просьб исчерпан.

С уважением,
Ирина Андреева (Куфтина)

12–13 февраля 2017 года

Ирина Леонидовна!
Давненько не получал столь подлых по сути писем!

Спасибо за всё хорошее. Обо всём плохом постараюсь забыть.

Лимит наших земных встреч исчерпан. Ну а в мире ином я сделаю вид, что не узнал тебя. Несмотря на африканские бусы, подаренные тебе Наташей, которая всегда с любовью выбирала сувениры для друзей и знакомых.

Вот такие пироги. Привет из 1953-го: именно тогда нас познакомили мамы и папы…

А нынче—особая благодарность за деликатное напоминание о том, что моя прекрасная, умная и добрая жена, с которой мы были счастливы 20 лет, умерла…

Ну а ты, называвшаяся моим *самым старым другом*, увы, оказалась жестокосердной.

Пожалуйста, собери и передай мои вещи Славе Лобачёву: у Игоревича остановлюсь на обратном пути через Москву—в Ростов и Ставрополь.

P. S. Чудесный кадр на основе того самого исходника уже сделала Таня Литвинова, не посчитав за великий труд учесть наши скромные просьбы. Врождённый вкус, убеждён, не есть гарантия человечности…

Чуть позже бессменный дизайнер-45, Татьяна Литвинова, созидавшая образ Наташи, написала: «Не плачь, жене твоей от этого хуже. Смерти нет, вы ещё будете вместе».—«Ты веришь в такую встречу?.. Или знаешь о ней?!»—переспросил упёртый С-К. Соседка по ставропольскому двору (окно в окно) ответила: «Я это *знаю*. Доказывать ничего не берусь, конечно…»

Получается, люди, не знакомые друг с другом—Таня Литвинова и Вадим Молодый—*запараллелили* свои мысли, перекликаясь через Атлантику, на брегах которой я временно обитаю…

(И вот как одна из наших подруг прокомментировала паскудный выверт *московской ведьмочки:*

«Я бы обиделась, конечно, сначала. Попереживала (но недолго). Отношений рвать не стала бы, никаких громких заявлений и хлопаний дверями. Просто перестала общаться. И ближе к отъезду написала короткое письмо с просьбой передать вещи.

Но это я—серый ядовитый скорпион. А ты—пламенный испанский бык! Поэтому тебе свойственно другое поведение. Если тебе надо было всё высказать Ире, значит так надо. Ты считаешь, что сейчас лучше козырнуть тузом. Твоё решение. Твоё право.

Не переживай. Это такая мелочь по сравнению с тем, что тебе пришлось пережить…

Я после смертельных утрат перестала страдать по поводу недостойного поведения людей. Просто смотрю на них с интересом. Изучаю…»)

Ах, да! К вопросу о козырном тузе. В Москве Серёжка с Наташкой бывали достаточно часто, останавливаясь у самых разных друзей-приятелей.

Бирюлёво… Мы возвернулись из гостей… Нас принимала Элла Крылова…

Изрядно захмелевший Славка-Славушка Лобачёв смутил меня, абсолютно трезвого, тостом: «Предлагаю выпить за встречу двух гениев—Эллы и Серёжи!» Наташа тут же не преминула заметить, что за столом сидит ещё один поэт—Саша Карпенко. Надо отдать должное Славке: не растерявшись, мой закадычный друг добавил: «И за будущего гения—Сашу!..»

— Вячеслав Игоревич!—обратился к Лобачёву поутру Сутулов-Катеринич.—Ты, братец, и рассказывал, и живописал для «Сорокапятки» о встречах с настоящими гениями… Булатом Окуджавой, Андреем Вознесенским, Владимиром Высоцким…

— Борисом Заходером!—добавляет друг.—Вячеславом Кондратьевым, Николаем Старшиновым, Александром Городницким…

— Однако Наталья Николаевна сомневается, что ейный муж за руку здоровался и прощался с самим Арсением Александровичем…

— Тарковским!—радостно подхватывает седобородый вгиковец.—Эта история уже легендарна…

— Но предельно правдива!..

Славка смачно причмокивает, делая очередной глоток утреннего пива, и неожиданно вопрошает, уводя меня от главной темы:

— Чем отличается состояние спросонья от состояния с похмелья?! Не знаете?—мой друг победоносно поднимает кружку над головой.—Спросонья ты ищешь джинсы в холодильнике и, увы, не находишь их. С похмелья ты подозреваешь, что джинсы в холодильнике. Открываешь дверцу—они там!

— Замечательная байка!—одобрительно восклицает Серёжка, делая небольшой глоток безалкогольного пива…

— Жаль, что не моя,—вздыхает Славка…

— Отдельные индивиды,—хохочет Наташка,—по тридцать лет ищут иголку в стоге сена…

— Ну—и?!—хором вопрошают мужчины…

— Самые везучие находят!..

— Наталка! Славик! Вы когда-нибудь дадите мне слово молвить?

— Валяй!—Славик умолкает, затягиваясь сигаретой…
— Кстати, и я давненько не курила!—находит повод распечатать новую пачку моя лукавая жена…
— Извольте выслушать—постараюсь быть кратким…

В летнее Переделкино мы, недоиспечённые сценаристы-документалисты, отправились вчетвером—сдавать зачёт преподавателю, обитающему в этом славном посёлке. Получив искомое-желаемое, весело обсуждаем возможные варианты обмывания результатов экспедиции…

«Ребята,—окликает пожилой мужчина, сидящий на скамеечке, полускрытой сиреневой благодатью,—сигареткой не угостите?!» Мы переглядываемся, понимая: судьба подарила нам встречу с удивительным Поэтом… Арсений Александрович с наслаждением, через непродолжительную паузу, выкурил пару сигарет из пачки моей сорокакопеечной «Явы».

«Сергей?—переспросил он.—Ну а у меня все думки об Андрее—свидимся ли?!»

Тарковский, услышав, что мы недавно пересматривали фильм «Зеркало», оживился и присвистнул, узнав, что залётные визитёры из ВГИКа…
— Похоже на правду!—вставляет реплику Наташка.

Поэт, пожимая руку каждого из нас, задержал мою ладонь в своей: «Береги себя, Серёжа. Вижу—*парень ты рисковый…*»

Славка не забывает вставить свои пять копеек:
— Твой благоверный, Николавна, умудрился получить «отл.» за сценарий, присланный из Ставрополя, в знаменитом «Елисеевском». Наш мастер Александр Григорьевич Бизяк расписался в зачётке Серёжки Сутулова, положив синюю книжку на витрину с колбасами!
— Люди, рождённые в январе, склонны к фантазиям менее, чем вы, майские,—резюмирует Наташа, намекая на символическую череду дат: Чернокнижникова родилась 22 января, а Лобачёв—23-го…

(Наташенька! Ау! В Москву я должен прилететь 28 февраля 2017-го: ровно через полгода после нашего похода в Ставропольский парк. Где мы вдвоём, попивая кофе в кафе «Старый пруд», отмечали 18-ю годовщину со дня нашей свадьбы.
— До серебряной доживём!—весело сказал Серёжка.
— Будем постараться!—в тон ответила Наташка…

Наш восемнадцатый год

Наташе

Январь мерцает в тишине
Снежинками причуд.
Такие дни наедине
С тобой встречать хочу.

Искрят бенгальские огни,
Как вспышки чистых чувств…
В такие сказочные дни
Бессмертию учусь.

Восемь праздничных строк С-К.

Строк, написанных в январе пятнадцатого, пятый месяц которого напоминал о всепобеждающей встрече. Той самой, обернувшейся свадьбой: 28.08.98…

Нам было так хорошо вдвоём, что мы и думать не думали о *високосности* шестнадцатого…

Твои Сороковины, родная, пришлись на 1 января семнадцатого…

В этот морозный солнечный день мы приехали на Игнатьевское кладбище. Оказывается, теперь оно так называется. Постояли. Помолчали. У могилы, в которой нет и быть не может Твоей Светлой Сущности… Три человека—твой вечный муж, Алла Липчанская и её муж Василий Красуля. Да-да: наши с тобой добрые друзья. Я покурил к тому ж. И… зарыдал…

А потом мы метались по обезлюдившему городу в поисках твоего любимого тортика—«Панчо». И посидели-повспоминали втроём. Но мне казалось: главной собеседницей оставалась ты…

И вдруг всплыла фраза, произнесённая Аллой на поминках: «Наташа—из тех уникальных женщин, которые всегда идут-летят по жизни, гордо вскинув голову и по-особому распрямив спину…»

Глаза мои набухли от слёз: «Простите, други некурящие, но я отправляюсь подымить!..»

В кухне стоял странный аромат. Показалось: аромат духов Salvador Dali перемешался с запахом наших тонких сигареток, одну из которых Наташкина душа не успела толком загасить…

Со стороны балкона раздался смех! И я услышал любимый голос:
— Сеня и парфюм—вещи несовместимые! Флакончик Salvador Dali, тобой принесённый, хорош. Кто спорит? Но я нашла духи «Быть может». Они—из нашей молодости…)

Из писем и записок друзей…

Ирина Валерина
Бобруйск—Ставрополь
15 апреля 2017

Серёжа, твой новый стих «Огонёк», посвящённый Наташе, настоящий живой огонь. Он в вас обоих, его ничто не разделит.

Обнимаю тебя. Держись.

Всем близким и друзьям ты очень нужен.

Владислав Пеньков
Таллин—Ставрополь
16 апреля 2017

Дорогой Сергей!
Христос воскресе! А это значит, что все наши расставания—временные. И встречи с любимыми—только вопрос времени.
Светлой радости Вам!

Жму Вашу руку. Ваш Влад.

А стихотворение «Огонёк»—чудесное…

Александр Соболев
Ростов-на-Дону—
Ставрополь
23 апреля 2017

Здравствуй, Серёжа! Нет необходимости распространяться, как я тебе сочувствую. Чувствуя вашу с Наташей тесную духовную связь, связанную общей радостью, я понимаю тяжесть твоей утраты. *Но эта потеря—здесь…*

Моя семья относилась к религии и её положениям индифферентно, некоторый подслой для восприятия её в будущем создавала для меня приличная литература, не религиозная. На первом курсе своего физфака я задался вопросом о фантастической расточительности природы: мириады рождений и смертей, гибель скрупулёзно сформированных созданий—и сумма страданий, с этим связанная. Неизмеримые потери опыта, духовных наработок! Внутреннее чувство заставило искать антитезу, оставался один шаг до представлений Вернадского о ноосфере, о гигантском (вселенском) банке, где сохраняется информация. Это было первым этапом к размышлениям, ещё беспорядочным и слабо оформленным, затянувшимся на долгие годы, о носителях этой информации *там*. При том что мистическая (если точно понимать этот термин) сторона существования меня увлекала. Сведения из индийской и тибетской эзотерики о реинкарнации, разрозненная информация из многих других книг просто подготавливали почву.

Мгновенным (если можно так сказать) и решительным прорывом послужили две книги: Александра Меня «Сын человеческий» и в неизмеримо большей степени Даниила Леонидовича Андреева «Роза Мира». «Розу…» я перечитываю лет восемнадцать…

Серёжа, легковерным меня назвать невозможно! Я сначала, в первейшую очередь, физик-скептик, лирик-романтик—в десятый черёд! Оба этих человека—Даниил Андреев в особой степени—имели вполне определённую миссию. Степень потрясающей логичности, последовательности, точности аналитической, эмоциональной, психологической делают «Розу…» *надстоящей* так высоко, что даже человеку психологически подготовленному одолеть её—ни сразу, ни за год или три—невозможно. Гигантский пласт информации—я брал её фрагментами: так психике было легче. Потом это слилось в единое поле. Разумеется, его личный, в том числе посмертный опыт, в ней присутствует. Речь и о его горячо любимой жене, жене жизни предыдущей. Годы его последней жизни—1906–1959-й. Кстати, его опыт в определённой степени родственен опыту Сведенборга.

Написана она замечательно, сказались гены и огромная духовная помощь ему. И всё же осилить её—это Задача. Степень масштаба этого человека, выразившаяся также и в компрессии информации, меня потрясает. Он был и удивительным поэтом, это ни в какой степени не отменяет строгости его изложения. Его «Ленинградский апокалипсис», конечно, имеет общие корни с «Розой…».

Главный тезис глобального труда Даниила в моём изложении: дух, и воля, и эмоция являются могучими агентами, способными творить и преобразовывать миры. Тот мир в его биполярности, где они в основном и работают,—неизмеримо крупнее и сложнее нашего. И ещё: Бог благ, но не отвергает ничьей воли…

(По признанию Саши Соболева, главы о нижних духовных слоях Земли, выстраданные Даниилом Андреевым, очень нелегки для восприятия. А личный тяжёлый опыт *здесь*, обретённый моим ростовским другом, нашёл выражение в одном стихотворении, присланным отдельным файлом. В плане информационном, пояснил Саша, текст шире, чем попытка самовыразиться: были-были (когда-то давно, в детстве!) параллельные видения, жуткие и прекрасные. В юных мозгах роились картины, сопоставимые с бредом человека, которого накрыла «белая горячка». Фрагмент горячечного стиша, с позволения автора, процитирую:

Мальчонке всего-то исполнилось пять или шесть.
Обычный ребёнок, детство без лишних стрессов,
и вряд ли он был законной добычей бесов,
но речь не об этом… Кошмара чёрная шерсть
его не спросила. Мозги одолевший жар
две ночи подряд служил одному и тому же:
меж *этим* и *тем* куда-то делась межа,
оставив ему непосильный посмертный ужас…).

Всех поэтов—*хороших и разных*—одарённых твоим, Наташа-Наташонок, искренним гостеприимством и озарённых твоей гениальной улыбкой, не перечесть! В наших домах гоняли чаи, вкушали кофе, баловались пивом-водкой, коньяками-винами Юрий Кобрин и Тимур Шаов, Дима Бочаров

и Саша Карпенко, Оля Андреева и Александр Соболев, Нина Огнева и Виктор Хатеновский, Стас Ливинский и Сашенти Полянская, Галина Ульшина и Олег Воропаев, Юра Яропольский и Лера (хорошо — Лена!) Мурашова-Титова, Василий Рысенков и Таня Фоминова…

Наказывает ли Бог за стихи?! Наверное, и даже — наверняка. За настоящие, яркие, талантливые. Ибо — ревнует. И порой не даёт дописать гениальные.

Фёдор Тютчев

Накануне годовщины
4 августа 1864 года

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня…
Тяжело мне, замирают ноги…
Друг мой милый, видишь ли меня?

Всё темней, темнее над землёю —
Улетел последний отблеск дня…
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня…
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

3 августа 1865 года

«Ну что, смертный, — спросил Бог Фёдора Тютчева, прочитав беловик этого пронзительного стихотворения, — теперь полегчало?!» — «Посветлело…» — ответил уже бессмертный Поэт.

(Наташка! Ты — моё лучшее стихотворение, украденное Господом! Мне остаётся надеяться, что свою лучшую новеллу — новеллу о нашей Любви я допишу и опубликую. Новеллу ли? Повесть? Исповедь о Любви, соразмерной с горечью Фёдора Ивановича и равновеликой чувству Александра Сергеевича к Наталье Николаевне!..)

В том самом феврале семнадцатого, когда я намеревался *допереписать* сокровенный текст, Серёжка не знал не ведал, что приключится с ним в этом самом марте семнадцатого. *С ним?! Со мной? В этом самом* феврале? *В том самом* марте?.. (А уж тем паче допечатаю, *в том-этом* апреле-мае!..)

…Три ночи кряду Сутулова преследовал многосерийный кошмар, зарождавшийся в башке Катеринича. Вещие сны? Вящие предчувствия? Я просыпался в мокрой от пота постели, на мокрой от слёз подушке. Выходил покурить на балкон и в ужасе убегал — ганские грозы, разгрызая небеса, целились в самое сердце…

Ныряя в широченную постель-одиночку, Серёжка пытался ещё чуток поспать. Его (меня) трясло, знобило, колбасило так, что казалось: пора звать на помощь доктора, который, слава богу, спал неподалёку сном праведника — либо на первом, либо на втором этаже…

Самодиагнозы не сулили ничего хорошего! Тропическая лихорадка? Воспаление поджелудочной? Ложная «белая горячка»? Первая *болезть* на фоне третьей? Вторая в упряжке с первой? И вот таким макаром — три ночи без передыха! — суток за десять до отъезда-отлёта в Россию…

(Неумолимая дата — 27.02.2017. Мысль о рейсе Аккра — Стамбул — Москва, замаячив внезапно 27 января, уже не могла / не желала! / вырваться из черепной коробки. Стало быть, жуткие, а порой прекрасные видения — дети февраля?!)

…Алтай. Белуха. У подножия легендарной горы пылает костёр — невероятной красоты и мощи. В бесконечном хороводе кружат наши с Наташей внуки и внучки, включая чумазую от сажи Анютку и смуглую от природы Ташку. А ещё, как я догадываюсь, правнуки, чьих имён не решаюсь озвучить, дабы не искорёжить их судьбы…

Череда (чехарда!) городов. Такоради — Кейпкост — Аккра — Стамбул — Москва — Санкт-Петербург — Ростов-на-Дону — Киев — Новосибирск — Горно-Алтайск — Пятигорск — Валенсия — Черкесск — Хабаровск — Ставрополь — Мадрид…

Калейдоскоп (нон-стоп!) лиц. Ольга Андзи-Менса — Сюзи (Сюзанна, ганская / сербка? /, сербская /ганка?/, её глаза помнят Наташкину улыбку) — попутчики с аквалангами и скафандрами в… ручной клади — Лерена (?) Мураштитова (?) — Андрей?.. Зинчук?.. (Сокурсник! ВГИК!.. Проспект — Невский? Всадник — медный!) — Славка Лобачёв (ВГИК!.. Сокурсник!.. Бульвар — Цветной? Никулин — Юрий!) — Тимур Шаов (Брат по духу! Черкесск… Архыз…) — Джен Баранова (питомица-45) — Сашка Карпенко — Лена Краснощёкова — Андрей Баранов — Стас Думин — Олег Лукьянченко — Боря Вольфсон — Таня Фоминова — Оля Андреева (Сестра по духу! Ростов… Ставрополь…) — Саша Соболев-Ростовский — Георгий Полтавский (он же — Жора, наш приёмный внучок!) — Саша Шапошников (сорадетель-45!) — Авалька Архипова-Катеринич (Сестра по крови! Челябинск-60… Киев…) — Валентина Катеринич (Тётушка! Хабаровск…) — Андрей Архипов (Брат по крови! Чернобыль… Валенсия…) — Будёновец (Красноармеец) со штыком наперевес — Ангел-хранитель Града Креста (заполучил имя от Сергея С-К, раба грешного) — Таня Литвинова (сородительница-45) — Андрей по прозвищу Грек — Василь Красуля и его огненноволосая жена Аллочка — Пётр Сутулов — Мария Сутулова — Мария Романова…

А над городами и лицами плывёт и плывёт белоснежное облако, то опускаясь чуть не до самой земли, то резко взмывая к солнцу, луне, звёздам. Иногда облако исчезает, и мир погружается

во тьму! И я знаю, и я понимаю: Наташина душа странствует-мечется в ритме моих скитаний…
— Дедушка,— обнимает меня старшая дочь,— я тебя люблю!
— И я тебя! И Ташку! И Петю, и Машу… И всех наших алтайских-ганских-киевских…

Стамбул? Ага: Серёжка умудрился заблудиться в этом *внятном Вавилоне*. Во сне чудом попал на рейс во Внуково, а наяву вылет задержали на сорок минут, потому как искали *господина Сутьюлова-Катьеринич, улетающего ту Москов…*
— Ты, Брат, написал замечательную повесть,— говорит Серёжке Тимур.— Только я бы кое-где зашифровал фамилии, мало ли…
— Ты, Брат, молод-зелен ещё,— отшучиваюсь я.— Ну а на полном серьёзе беспощадность автора к себе требует, сам понимаешь, чего…

Лена Краснощёкова вручает Серёжке портрет «Жены и Музы поэта». Пристально разглядываю скороспелый «шедевр» — и в очках, и без оных… На расстоянии в десять шагов и на расстоянии вытянутой руки… Очень стараюсь, но не вижу Наташку! Оттуда, из зазеркалья, на меня взирает зеленоглазая ведьма, ну ни капельки не похожая ни на Жену, ни на Музу Сергея С-К!

Славка наливает рюмочку водки, Тимур — рюмочку вискаря, Стас — рюмочку коньяка…

На Казанском вокзале вгиковцы опрокидывают по кружке «старокозела»… На прощание старший из киношников обнимает младшего и отплывает вместе с перроном… И вдруг Славка, увеличившись до размеров легендарного Кинг-Конга, разворачивается на сто восемьдесят градусов, в три прыжка догоняя скорый, поспешающий в Ростов. Седобородый *бирюлёвец* легко запрыгивает на крышу последнего вагона и грохочет-грохочет коваными сапогами, доводя до истерик перепуганных пассажиров. Спустя полторы-две минуты огромная голова, торчащая вниз макушкой, заглядывает в «сутуловское» купе.
— Что для русского в Африке кайф…— рычит Лобач-Кинг,— Сейчас же продолжи строчку, беглый Сутул-Конг!..
— То на родине — верная смерть! — опережает меня Наташкина душа, выпрыгивая из зеркала купейной дверцы и отпуская расшалившемуся другу *смачный щелбан*.
— Ага! Получил достойный ответ,— успеваю добавить я.— «Гиннес» в Африке не чета московскому «Жигулёвскому»!

Лобачёв, ухает филином, но принимает человеческий облик. Правда, ещё пару-тройку вёрст летит параллельно новенькому скорому, умудрившись ловко приземлится на одной из пригородных платформ…
— Ты почему не спишь? — вопрошает, свесившись с верхней полки поезда Москва — Кисловодск, чужая женщина, отдалённо похожая на… Леру.
— Придумываю название для твоих мемуаров…
— Ну и?!.
— «Записки конвоира»!
— Ты не Юра! — пафосно восклицает попутчица, демонстративно поворачиваясь ко мне выразительной задницей.
— Более всего меня радует другой факт: ты — не Наташка!..

А поезд стучит себе колёсами и стучит, иногда спотыкаясь на стыках моих рифм. Старых. И, *чиорт побери*, новых… Вот и донские степи потянулись…
— Тебе не следовало возвращаться в город Великой Любви,— вздыхает Олег, делая глоток из плоской бутылочки «Прасковейского». Во всяком случае — в этом году…
— Семнадцатом?! — уточняю я, смакуя коньяк.
— Вот именно, Серёжа, вот именно… Идеален для воспоминаний тридцать седьмой…
— Боюсь, не дотяну, Олежа…
— Перепоручите путешествие душам — полёт нормальный?

В Граде Креста я расшибаю лоб о титановую стену Небытия. Тебя нет здесь, Наташенька, нет!..

(Безнадёга одиночества подсказывает Серёге блестящую по замыслу идею суицида. Дёшево. Сердито. Надёжно. Подробным рецептом не делюсь — пропорциями тем паче…)

Ставрополь? Крепостная гора? За мной гонится гигантский мужик в будёновке с воплями: «Ужо штыком проткну вошь африканскую!» Тот самый медный (?!) красноармеец, коему прописано стоять на пьедестале в позе монстра шагающего. Затравленно дыша, выбегаю на проспект, прости господи, Карла Маркса! (Во времена оные он Николаевским звался.)

Быстро-быстро (нелепо, неумело) крещусь. Медный урод вот-вот на шомпол нанижет! Но раз за разом Серёжку спасает бронзовый ангел-хранитель: одной рукой он умудряется удерживать увесистый золотой крест, а другой ловко подхватывать *городского сумасшедшего…*

Алтай? Усть-Кокса? Горная трасса… В микроавтобус, за рулём которого сидит моя ясноглазая Маруся, со всего маху врезается здоровенный грузовик, управляемый пьяным «аборигеном». Сутуловская машина вылетает на встречную полосу…

О боги! Мамка пятерых детей остаётся жива…
— *Больна теорема фантастикой Лемма: «Богема гингемна! Гингема богемна?»* — язвит сестрёнка Авалька…
— *Лерена-мурена — кусает мгновенно!* — передразнивает братец Андрей…
— *Боюсь, обрушится балкон: Нептун? Сатурн? Уран? Плутон!..* — старшая из Катериничей, тётушка Валя, успевает принять участие в полубезумном буриме…

Мне же приходит на ум перевёртыш:
— …амегоб тешип…
— …амегоб тешап,— подхватывает Наташкина душа.
— Не морочьте матери двойняшек голову!— кричит из Киева сестрёнка.
— Перевожу с тарабарского,— смеётся в Гранаде Наташка: «…богема пишет— богема пашет!..»

(Мадрид. 7 /?/ января всё того же— семнадцатого. Великая княгиня Мария Владимировна целует меня в лоб, вручая орден Святого Станислава…)

— Сколько корвалола ты принял на грудь, отец?!— яростно кричит Петя.— Сколько?! И находит один из финальных «фуфырей» сердечного. (Якобы— сердечного? Сердечного— якобы?!. Сутулов забыл, куда позапрятал «аккорды» его двойник Катеринич…)

Автомобиль, мчащийся по белому тоннелю. За рулём— апостол Пётр, похожий на моего сына Петра… Машина, догадываюсь, протаранила одну из стен чёрного лабиринта!..

В курилке сосед по палате доверительно шепчет:
— Ты выглядел… безнадёжным. О таких говорят: краше в гроб кладут…

А не позвонить ли мне бывшему алкоголику и наркоману?! Дабы проснуться и вырваться из кошмара!
— Бывших алкоголиков не бывает! Как и бывших наркоманов,— убеждён Андрей по прозвищу Грек.
— Знаешь, я нашёл полтора литра «Баварии»,— признаюсь психологу-наркологу-реаниматологу, с коим приятельствую не один десяток лет.— Ну и, совершенно неожиданно, три флакона корвалола, заначенные в самых невероятных местах…
— Неужели не тянет?!— искренне изумляется Андрей.
— Не тянет! Именем нашего общего друга, Тимура Султаныча, клянусь…
— Ну-ну… А книгу «Писатель и самоубийство» принесёшь?
— Всенепременно! Наташка прочла и запретила мне её раскрывать…
— Надеюсь, не пытался читать?
— Хватило собственного опыта. Блестяще задумал— реализовал бездарно!..
— С тебя афоризм, «африканец»!
— Бывшие самоубийцы, не становитесь будущими!
— Зачётку принёс?..

(Мы стоим с Петром у могилы моей жены. Пытаюсь сдержать рыдания. Получается на «три с минусом»…

Венки выглядят так, будто их вчера возложили. Вчера?!
— Мужики постарались, отмыли после зимы,— поясняет Пётр, похожий на апостола…
— Спасибо, сын!— говорю я уже в машине.— Тебя, вероятно, Всевышний вовремя послал…
— Ошибаешься: моего отца уберегла Наташа!..)

Андрей (Зинчук питерский— не путать с Братом киевским и Греком ставропольским!) о беде неодолимой узнал только в апреле: «О господи! Наташу я хорошо помню, хотя виделись мы с ней только раз. Но помню где. Очень красивая женщина в очень красивом месте нашего города… Тонкая, внимательная… Прими мои соболезнования…»
— Встретятся ли любящие души в иных мирах?!— окликает из Москвы обаятельная молодайка Джен и дней через…*дцать* присылает записку: «Серёж, я очень хочу, чтобы это было так. Верю, что жизнь неоднократна. Чувствую, что всё так просто не заканчивается. Хотя до конца не уверена ни в чём. Но… чувствую: мы не исчезаем…»
— Встретятся ли любящие души в мирах иных?!— переспрашивает в Ставрополе седой ровесник Василь, делая вкусный глоток зелёного чая.— Думаю, Серёжа, это вопрос веры. Попы на него честно ответить не могут. Тут хорошо бы до Господа достучаться. Однако знать о тайне тайн смертному не дано. Ибо знание— повторение опыта…
— А Христос?!— восклицаю я.
— Иисус, бесспорно, *жил да был*. Классные идеи проповедовал. Но есть ли неоспоримые доказательства его возвращения-воскрешения?..

«Вы— Орфей, Сергей,— напишет из Филадельфии апрельская Вера Зубарева.— Ваша Эвридика всегда с Вами, всегда…»

Такоради. Раннее утро. Робкий стук в дверь. На пороге— Ташка:
— Дедушка! Не уезжай! Не уезжай, дедушка! И старшая из внучек обнимает меня сильными руками юной теннисистки.

Ставрополь. Утро раннее. Звонит мобильник:
— Дедушка! Когда ты приедешь? Когда ты приедешь, дедушка?!— тараторит Акимка Алтайский…

(Вещие сны? Вящие предчувствия?..

Соседка и соратница по «Сорокапятке» Таня Литвинова, которой я в конце марта подарил африканские сувениры, купленные Ольгой и Чарльзом, угощала чаями-вареньями…
— Вы были счастливы, Серёжа! Оба светились, когда шагали рядышком. Двадцать лет счастья! Не гневи Господа… А вот у меня в супружестве и годика счастья не случилось…

Я целую Таню в мокрую от слёз щёку, бормоча:
— Нам с пёсой домой пора… Бедолагу вместе с котом мы на Алтай перевезти собирались. Спасибо *внучку* Жоре: вызвался уберечь хвостатых!.. Вернусь— приглашай на чай…

Зеленоглазую ведьму я оставил в Москве. Славка уверяет, что она бомжует на станции Бирюлёво-Товарная…)

Озоруя, вечно молодая жена частенько демонстрировала мне и простые, и сложные элементы из арсенала спортивной гимнастики. Мостик? Какие проблемы?! Шпагат? колесо? фляк вперёд? фляк назад? Запросто! «Ну а сальто, простите, мортале,—подшучивал я,—смогёте?» Моя Николавна обиженно фыркала и, крикнув «Поберегись!», взмывала ввысь, всегда грациозно приземляясь… Порой не верилось, что золотая Наташка уже и золотой «полтинник» разменяла…

А ещё, бывая в Гане, мадам Сутулова-Катеринич потрясала аборигенов прыжками с пятиметровой вышки, стоящей над бассейном с пресной водой. Господин Сутулов-Катеринич ухал с верхотуры без затей—проверенным «солдатиком». Наташка, подтрунивая над неуклюжим муженьком, балансировала на носочках у самого краешка вышки…

Вот моя любимая стоит спиной к воде—и прыгает, паря над голубоватой гладью. А через несколько секунд Натаха входит в спокойную воду без феерических брызг и выныривает, победно улыбаясь. («Уж не у дельфинов ли ты, милая училась?!»—допытываюсь я, гладя родные мокрые волосы. «Много будешь знать,—раздаётся в ответ,—очень скоро… заскучаешь!..»)

Прыжки через бездну времён? Через дни, месяцы, годы, эпохи?! Прыжки через вёрсты, мили, километры… города… страны… Скажем, из Ростова-71, оказавшись в Такоради, можно, миновав Стамбул и Москву, преспокойно попасть в Ростов-17! А из нынешнего мартовского Ростова, зарулив в Ставрополь, совершить перелёт в Горно-Алтайск, оставив за спиной майскую Белокаменную и почти весенний Новосибирск…

Или, вчера побеседовав с Леонардо, чей огромный объёмный портрет сгорал на наших глазах в славной Валенсии, сегодня день-деньской (и всю бесконечную февральскую ночь) общаться в Лондоне с господином, носящим фамилию Сведенборг, и записать в блокнот одно из пронзительных высказываний Эммануила: «Вселенная со всеми и каждым из предметов, содержимых ею, создана Божественной Любовью посредством Божественной Мудрости…»

С тобой, Наташенька, мне любые странствия-путешествия не были страшны! Не страшны они и впредь, моя чемпионка непобедимая! Потому что знаю-чувствую: ты рядом—ты оберегаешь и защищаешь Сеньку бестолкового, безбашенного, безоглядного. И газовая колонка, готовая взорваться, только пшикает. И чемодан, падая с антресолей, бьёт не по темечку, а всего лишь по ключице. И здоровенный кусок стальной черепицы, скинутый с крыши строителем-идиотом, врезается в асфальт в сантиметре от носа нашего Блюза, пролетев всё в том же сантиметре от моей бедной головушки!

Да: семнадцатого апреля семнадцатого года мы с хвостатым уцелели. Чудом, но не случайно. И мужа, и пса от смерти дурацкой уберегла ты, Натали вездесущая! Ибо, как утверждала (и утверждает) Натали сведущая, случайностей не бывает. *Послушайте! Ведь, если мужик выживает—значит—это кому-нибудь нужно?* Боженька—раз за разом—оставляет меня, грешного, на земле грешной. Не думаю, что я ему позарез нужен здесь. Зато уверен: *это воля Наташи Небесной*!

(Простые числа. Простые. До жути! *23* ноября 2016-го: моя удивительная жёнушка отправилась в бесконечное путешествие по белому тоннелю. *7* января 2017-го: подозреваю, что Великая княгиня, Мария Владимировна, поцеловала-таки меня в лоб. *13* марта 2017-го: суицидный Сутулов возвратился из лабиринтов чёрного тоннеля, вытащив из него и Катеринича. *17* апреля 2017-го: бородатый сатана, оседлавший крышу нашего последнего общего дома, целился черепицей в Серёжкин череп, но промахнулся!..)

—А знаешь ли ты, Сутулов,—затевает утренний блиц-опрос Катеринич,—чем отличаются дамы-бабы пишущие и бабы-дамы читающие от настоящих женщин?!

—Знаю!—уверенно отвечает двойник зеркальный.—Дамобабы (бабодамы) убивают поэтов, женщины спасают…

В заколдованной квартире натыкаюсь на грамоту, подписанную Великой княгиней. По идее, где-то под диваном и Станислав валяется. Святой, но в стельку пьяный…

(Послесловие к жизни? Предисловие к телепортации на Алтай?..)

Наташенька Небесная! Светозарная Катериничиха!

Считаешь, попытка корвалольного перескока в параллельные миры могла стать смертельно-запредельной? Полагаешь, океанских заплывов-захлёбов-заныров достаточно? На риторические вопросы (с патетическим надрывом) не отвечаешь? Вот и славно…

Репетиция оркестра, которую затеял твой безбашенный (и пока земной) муж, оказалась достойной фильма Федерико. На приличном русском великий Феллини так и сказал: «Сукьин ти син, Сутулька!» (Понятно: мою любимую маму Люсю благородный итальянец обидеть не намеревался…) И в подтверждение своей личной оценки моих публичных действий отвесил Серёге оглушительную оплеуху!

Музыканты взопрели не понарошку. Выход дирижёра из-за печки сбил с панталыку дилетантов. Зато профессионалы аплодировали стоя.

(Иного варианта *проверки на подлинность чувств и подлинность мыслей* у меня не было. Теперь—с твердолобой запредельностью—знаю: дорога через мрак к тебе не приведёт!..

А жизнь мне сберегла твоя Любовь (уже—Небесная), помноженная на Любовь (ещё земную) самых близких людей—наших детей и киевской родни…)

Из переписки с Алексеем Рафиевым

Курск—Ставрополь—Курск

23 апреля 2017

добра и света!!!
столько разъездов за плечами… и вот, наконец, стал разгребать написанное за довольно долгое время… спасибо Вам, Сергей, что согласились уделить внимание моим стихам ещё раз… я постарался составить подборку без вызова… ну в конце самом—немного (совсем)—резкости… а так—любовь-любовь-любовь… мягкости очень хочется от жизни и по жизни—всем и всему… потому и так со стихами подумалось обойтись…

надеюсь, у Вас всё в порядке… простите, что молчу подолгу и не пишу ничего Вам… на то причин уйма была… но всё это теперь, к счастью, не столь уж и важно…

мира, покоя и любви Вам…

Лёша

23 апреля 2017

Спасибо, Алексей!
Стихи получил…

Увы: не могу сказать, что у меня всё в порядке. Горе неизбывное!

Ровно пять месяцев назад умерла моя жена, моя Наташенька!

Легче не становится. Расспрашиваю друзей и знакомых: верите ли вы во встречу с любимым человеком там, в ином мире?

Верите? Или—и верите, и знаете?

Всего доброго!

Сергей

25 апреля 2017

я не просто верю, а знаю…
Сергей, нынче и уже много лет мне выпало служить при церквях… посильно—молитвы и поминовения—за упокой супруги и Ваше здравие… по мере сил!!! держитесь, пожалуйста! держитесь и знайте, а не просто верьте… это же очевидно… дело не в формальных отношениях, а именно в любви, которая побеждает всё…

и как Вы прямо на Радоницу мне про это написали!

поразительно…

25 апреля 2017

Спасибо, Алексей! Спасибо!
Ваш ответ для меня важен. Включу в повесть о Наташе—с Вашего позволения.

Друзья советуют почитать «Тибетскую книгу мёртвых» и «Розу мира».

Меня потрясают откровения Сведенборга!

Жму руку!

Сергей.

26 апреля 2017

да не за что, что Вы, Сергей…
я сейчас в Курске… устроился на службу при церквушке… всё, как обычно в последние годы.

«Тибетская книга»—это мощно… и ещё, коли возьмётесь за неё—найдите вступительную статью Юнга к ней… это упростит…

с «Розой мира» у меня не сложилось… она красивая, но там очень много для меня спорного… не отговариваю… стихи Даниила Андреева люблю сильнее…

к Сведенборгу очень спорное отношение… читал давно… мне очень близок автор начала прошлого тысячелетия—век четвёртый где-то… Антоний Египетский (Великий) или просто Антоний Великий… посмотрите тоже на досуге при желании…

спаси нас Бог!!! спасибо! тоже жму руку!

(Такоради. Хвостик февраля…

На мой прямой вопрос, заданный Ольгой с помощью маятника, ты ответила «да». Да, наша встреча возможна. Потайную дверцу в параллельный мир я нашёл. Остаётся дождаться жуткого, но желанного часа. Часа, о котором знают двое—Господь и ты…)

Да святится имя жены моей, земной и Небесной! В конце апреля семнадцатого года я уразумел, сколь мучителен и загадочен путь к тебе, Наташа. Туда, в иное измерение. Но этот многотрудный путь, верю, отнюдь не безнадёжен. И точно знаю: встреча возможна—уже потому, что я не совершил непоправимую глупость! Ту самую—*суицидно-бесповоротную*. Да, я остался жить. Ясное Небо, с помощью Божьей, с помощью Наташи и Пети.

О паре других искусительных глупостях, вслух не называемых, я шептал тебе, Солнышко, горячечными (и зело холодными!) апрельскими ночами. Ты услышала. Мне твоего понимания достаточно. 23 ноября 2017 года—скрижальная дата, позволяющая поговорить на тему, сдержал ли твой, ещё земной муж, данное слово. (Термин

«обет» кажется высокопарным…) Ну а ежли не сдержал, то — *почему, во имя кого-чего*?!.

23 мая (через полгода после твоей последней ночи на страннноприимной планете) мы с Акимом поставили свечки в деревянном храме Усть-Коксы. Том самом, куда в две тысячи тринадцатом приходили Серёжка и Наташка Сутуловы-Катериничи…)

> *(Рисковый парень*, став бесстрашным стариком, учится бессмертию…
> До главного свидания, милая!..)

Дни рождения наших детей я, конечно же, знаю назубок. Фигурально выражаясь?! Нет, буквально высказываясь! Клянусь тройкой-другой оставшихся зубов. Ольга появилась на свет Божий 6 марта, Пётр — 16 августа, Мария — 18 декабря. Тут и в святцы не заглядывай. Зато с датами рождений внуков — сплошная путаница (не путать с *путиницей*!) в башке. Хотя немудрено: их у нас аж семеро.

Ты, памятливая бабушка, всегда выручала паморочного дедушку! Периодически отрываясь от дисплея, Серёжка озабоченно вопрошал: «А не прошляпили ли мы Аннушкин день?.. Напомни, когда нужно поздравлять Ташку, а когда Илюшку?..»

Наташка, эпизодически отрываясь от книги или вязания, отвечала без запинки. Не забывая поворчать: «Завёл бы файл! На всех, начиная со старшого, а? Слабо по порядку?»

Серёжка, загибая пальцы, медленно перечислял. Для верности называя внуков и внучек полными именами. Тимофей, Аким, Натали-Роуз, Семён, Илья, Анна, Василий…

«Ну хоть этот звукоряд воспроизвёл без ошибки!..» — оттаивала бабушкина душа.

………………………………………………

Из писем Марии Сутуловой
Усть-Кокса — Такоради
Февраль семнадцатого года

Привет, папуль!
Всё хорошо, похоже, скоро весна. Дети по школам, я дома.

Выздоравливай поскорее.

У меня всё хорошо, меня любят, я тоже люблю. Тихо, мирно и светло…

Папа, это иллюзии, что что-то в этом мире может быть стабильно и вечно. Все люди смертны, мы все умрём. Я это осознаю чётко и безвозвратно. Не знаю, как донести это всё до всех вас. Я люблю одинаково всех. Соседей, детей, собак, птиц, небо, солнце.

Обиды, которые вы бессознательно пытались или пытаетесь мне навязать, я стараюсь прорабатывать и отпускать. Какой смысл носить с собой чемодан без ручки, да ещё и не свой. Всё, я повторю всё, что тебя окружает, все люди и события были созданы самим тобой. Нет ни в чём ничьей вины!!! Это данность, данная нам Богом. Просто мы все мним, именно мним себя какими-то не такими, особенными, избранными… но перед смертью все равны.

Умирать страшно всем. Потому что, ну кто его знает, что там… ведь так. Люби тех, кто есть, такими, какие они есть. Не пытаясь их подмять под себя или переделать на свой лад. У каждого своя правда, поверь мне на слово. У каждого. Всё едино. Ты, он, она, вы, мы — это часть целого, неделимого. Объять необъятное — именно об этом я тебя прошу.

………………………………………………

С-К: Маша! Приближаясь к разгадке тайны золотой серёжки, пытаюсь объять то самое необъятное и постичь невероятное… Кое до чего додумался. С трудом. Превеликим…

………………………………………………

Из писем Петра Сутулова
Ставрополь — Такоради
Февраль семнадцатого года

Приветы из холодной России!
Папа! Выть по ночам — не самый лучший выход, ты только тяжелее делаешь всем вокруг. Нужно мобилизовать силы и смотреть в будущее, тем более если ты думаешь о детях…

Есть ли прямые доказательства жизни души после жизни?! Нет, и они вряд ли когда-нибудь будут написаны, за исключением древних трактатов. Это вопрос веры. Но если ты хочешь верить, что души потом встретятся, то сейчас не плачь!

Не оказывай медвежью услугу светлым силам. Культуры, которые верят в реинкарнацию, считают чрезмерные причитания эгоизмом. Не вставляй палок в колёса судьбы и сансары. Душа должна переродиться, а не возвращаться бесконечно к скорбящим…

Твоя задача сейчас быть сильным и поддерживать Олю с Ташкой, которым тоже очень тяжело, и они ищут поддержки. Будь сильным и подставляй им плечо!..

Это нормально — помогать родным детям. Сейчас, став отцом, я по-новому начинаю смотреть на все эти вещи и благодаря тебе понимаю, каких ошибок мне нужно избежать в первую очередь. За это спасибо, конечно…

………………………………………………

С-К: Пётр! Не раз спрашивал себя: горжусь ли я детьми? И неизменно отвечал: горжусь! О чём моя любимая Женщина знала. О чём знает и помнит Ольга…

Ну а Наташина душа уже услышала мои слова, произнесённые на поминках: «Потеряв *настоящую жену*, я обрёл взрослых *настоящих детей*! Спасибо вам, Оля, Петя, Маша…»

(Для того чтобы наши потомки-наследники, неизбежимо обречённые на прочтение сложносочиняемой десятилетиями истории ощутили масштаб моего нынешнего одиночества, произнесу вот какую абсолютно правдивую фразу: в реалиях третьего измерения, 23 ноября 2016 года, на планете Земля один на один — и с прошлым, и с будущим — остался человек, носящий фамилию Сутулов-Катеринич.

Идефикс: ау, дети-внуки-правнуки — кому по плечу и по сердцу это бремя? Любой и любая из вас имеет полное моральное право взять нашу с Наташей фамилию!..)

Сергей-Ка сел в мощный (и модный) джип Чарльза и… снова оказался в Раю. Том самом, под псевдонимом Lou Moon Lodge… Ольга и её вечный спутник сдержали обещания — мы добрались до благословенного залива…

Наташки и здесь нет? Не может быть! К береговой кромке устремляется неугомонная Ташка! И с расстояния в 15–20 метров изумительная фигурка внучки-теннисистки — *перо в перо* (*крыло в крыло!)* — оборачивается фигуркой бабушки-гимнастки. Генетика — всесильная штуковина! Чуть позже, отправляясь к ближайшей, облюбованной в прошлые приезды бухте, ощущаю в своей ладони изящную, но сильную ладошку Наташки-старшей…

(23.02.17. Ещё один шрам на сердце. Три месяца без тебя, жёнушка! Бессмысленно подсчитывать недели, дни, часы… Ведь ежели я жив до сей поры, то только потому, что ежесекундно чувствую: ты — рядом…

Да: пока ты остаёшься невидимкой… Да, рыдая по ночам, отчаянно причитаю: тебя здесь нет… Но… Вот именно: ещё живу, ещё дышу… Благодаря тебя — благодаря тебе…)

Пытаясь достать пригоршню песка, я нырнул в голубовато-зеленовато-сиреневые воды залива…

Достать золотые крупицы или всё же стремясь утонуть?!

Колокольчики-бубенчики звенели в ушах.

Огромная солнечная линза, вращаясь в океанской толще, слепила глаза.

Через полминуты почувствовал: до дна гораздо ближе, чем до спасительной поверхности…

Плотная солёная водица упрямится! Тогда — новая попытка! И — третья-пятая-седьмая…

(Ташка… — Наташка… — Серёжка… — серёжка — Ташка… — Наташка…

Вертинская?.. — Анастасия?! — ах, да… — алые паруса… — Наташка? — человек-амфибия… — Гамлет — не горюй!.. — Наташка!.. — безымянная звезда… — Мастер и… боже, Наташка… — Наташка Королёва… — Наташа Катеринич… — берёзка… — Ставрополь… — берёзки… — Киев… — берёзки… — Архыз… — берёзки… — Барселона… — берёзка… — Париж… — берёзки… — маяк… — берёзка!.. — Усть-Кокса… — берёзки… — Пятигорск… — берёзка… — могилка… — берёзка… — прах к праху…)

…сознание медленно угасало. Но океан опять сжалился надо мной, вытолкнув на поверхность залива. Я ошарашено затряс головой и обнаружил своё тело на… изодранном паркете отцовской квартиры в Ставрополе…

Никакой обстановки не наблюдалось. Однако в центре обширной комнаты и вдоль стен — грудами, горками, стопками — громоздились, валялись, стояли книги… На моих коленях возлежал увесистый том Мигеля — того самого Сервантеса, памятниками которому *исколота* Испания.

«А! — соображал Серёжка. — Мы перевозим папу Вовика из Пятигорска… Или всё же дети надумали наши пожитки в новую квартиру переправить? Ну и меня — заодно! Дабы хоть чуть притупить жало устрашающе-невероятной утраты?!.»

Итак, пребывая в жалкой растерянности, я продолжал полушёпотом рассуждать: ежели сижу по-турецки, значит мне ну никак не 64 с гаком!.. лет двадцать назад мог принять такую позу запросто!.. с другой стороны, левую руку, зажатую в кулак, потряхивает изрядно!.. никак господин Паркинсон на брудершафт предлагает выпить?.. разлепить пальцы пока не могу, несмотря на острое покалывание в самой серёдке ладони — всё той же… левой…

Спокойствие, старое чучело! Разберёмся со временами и датами. Сколько там минут, часов, дней, недель, месяцев, лет, веков минуло? Относительно свершившегося переезда отца? Или же в проекции на пока не случившуюся телепортацию тела С-К? И как толковать подводные видения?

Вопрос о сходстве-несходстве (похожести-непохожести) Анастасии В. и Наташи К. завис аж с весны-69! В Такоради я пересмотрел гениальный фильм Георгия Данелия «Не горюй!», созданный, если поднапрячь память, в ту же пору. Вертинской было уже за тридцать. Грядущей Сутуловой-Катеринич и двадцати не исполнилось. Бесспорно, *рифмовка линий* имеет место быть. Но даже с учётом форы, выданной любящим сердцем, лицо Наташи одухотворённей!

Берёзки удивляли-радовали-печалили меня ещё со времён казахстанского детства. Подозреваю, в царство Нептуна они *занырнули,* дабы выручить Серёжку — слово-то до боли знакомое деревцам. А уж какого оно рода — дело десятое…

Ставропольское кафе «Берёзка»? — За *сто лет* до переезда!

Парижская курилка в берёзках?—После!

Пятигорская берёзка, высеченная на гранитной плите у могил бабушки, сестры и мамы?—До…

Добросердные деревья улыбались нам в Архызе и Усть-Коксе, Киеве и Коломенском, Нальчике и Ростове, Сочи и Барселоне…

Даже в Гане высоченный маяк приблазнился мне деревом-великаном, издалека очень похожим на берёзу! Cape Three Points?—После-после отцовского переезда!

(Фильмы, города, деревья, выстроившись в ассоциативный ряд, помогли понять: словосочетание *прах к праху*—нить к завещанию С-К. Обращаясь к детям, попрошу кремировать моё тело: половину праха захоронить рядом с женой, в Ставрополе, а вторую развеять с макушки того самого маяка. Cape Three Points.

Запомнили?! Не горюйте! У Наташкиного Серёжки есть надежда на встречу!..)

И тут меня осеняет: а ведь окно в большой комнате старое! Его, как и все остальные, мы смогли-сумели поменять лет через пятнадцать после марш-броска папы Вовика—из Пятигорска в Ставрополь. Стало быть, я угодил в декабрь-1999!..

Правда, смущают даты под автографом. Каким? По запылённой поверхности стекла аккуратным почерком жены выведено:

…ибо прощён!
NNCK.
2018–2019.

—Владимирыч! Ты куда запропал?!—доносится из кухни.—Я домываю окно. Пора борщ есть!

Всё ещё не веря ни глазам (автограф!), ни ушам (голос!), откликаюсь:

—С Дон Кихотом заболтался! Иду-иду, Наталка!..

Выудив тело из турецкой позы, делаю десяток шагов и утыкаюсь заплаканным лицом в родные колени. Наташка, легко спрыгивая с подоконника, осторожно гладит по макушке:

—Всё хорошо, дурик! Всё хорошо… Новый год на носу!

—Какой? Который?

—У тебя с головой всё в порядке? Семнадцатый ты разве в одиночестве встречал?!

—Стол я накрыл на двоих… Мне показалось, твоя душа из рюмки пригубила…

—Вот-вот, негодник! Не пригубила, а целую рюмку Прасковейского коньяка одолела! Потом жаловалась…

—Не серчай—уж очень хотелось по душам поговорить… Отпусти её на встречу Нового!

—И восемнадцатый ваш—только без загулов… И девятнадцатый…

—И… и…—любой из грядущих!

—А что за грохот я слышала тогда, в декабре девяносто девятого?!

—Да так—книжная полка оборвалась…

—И как всегда—на темечко?!

—Догадливая ты у меня, Николавна!

Обнимая жену в девяносто девятом, понимаю: самостоятельно кулак, скрученный болезненным спазмом, не разожму. Но медлю с признанием, медлю и задаю любимый вопрос:

—А как ты ко мне относишься?

—А не скажу!—озорно отвечает Наташка, зная, в какой восторг приводит меня её фирменная фраза.

И тут жена, почувствовав на правом плече костяшки, выпархивает из полукольца моих рук:

—*А что у вас, ребята, в…* кулаках?

—В кулаке. Левом,—педантично поправляет Телец Водолея.—Разожмёшь—узнаешь!

Сильные руки мастера спорта ласково и споро распрямляют скрюченные пальцы…

—Боженька святый…—осипшим голосом начинает Наташка.—Неужели…—повлажневшие глаза жены наполняются особым светом,—ты обнаружил пропажу?!

—В корешке книги о Дон Кихоте из Ламанчи,—шепчу, вспоминая.—Только не проглоти под бой курантов! Эту штуковину в твой бокал с шампанским подброшу!

—В канун двухтысячного?—уточняет Наташка.

—Вот именно: в канун двухтысячного…—подтверждаю, ликуя.

—Через тридцать лет…

—…Серёжка нашёл…

—…ту самую…

—…золотую…

—…серёжку!..

2016, 23 ноября—2017, 23 мая

Денис Балин

Нашествие глаголов

* * *

Пусть звёзд догорают ночные угли,
прости нас, Гагарин, но мы не смогли,

до них дотянувшись, коснуться рукой.
Прости нас, Гагарин, прости нас, герой.

И были так близко к земле небеса,
что пухом цепляли густые леса;

летели Протоны на дно кирпичом.
Весна по колено. Никто не при чём.

Ах, милая Родина! Зебра берёз!
Колючие сосны, колючий мороз.

С востока на запад, на север, на юг—
бескрайнее поле и небо вокруг.

Я не Шарли!

Я не Шарли! Я умер в Волгограде.
Я Домодедово, Кизляр, Моздок.
Я полицейский, взявший Дом Печати,
в метро Москвы убитый паренёк.
Я не Шарли! Я зритель из Норд-Оста.
Я кровь детей из города Беслан.
Я не Шарли—Синайский полуостров!
Я—пассажир, летевший к небесам.

* * *

Месяца жёлтый кусок,
звёзд синяки-огоньки.
Спрятались в чёрный мешок
грязных домов сапоги.
Если случится рассвет,
вдруг загорятся дома:
окон безлюдный скелет,
спальных районов тюрьма.
Люди очнутся от снов,
сплетнями вдаль разойдясь;
стрелки старинных часов
делят арабскую вязь.
Господи Боже! Храни!
Всех потерявшихся тут—
в спальных районах страны,
где они так и умрут…

Ноябрь

Вот как-то так, из маленького слова
рождаются стихи, совсем как люди.
Ржавеет лес, над ним луны подкова
и столько звёзд, что их считать не будем.
Мой страшный сон—нашествие глаголов
без падежей, без точек с запятыми,
пока с востока армией монголов
шагает ночь сквозь облаков пустыни.
Как в ноябре, забыл, числа какого,
родился я, крича на всю палату,—
возникнет звук, от слова будет слово,
родится стих без имени и даты.
Наступит день и никого не спросит,
пожар звезды окно моё согреет,
но вдруг прочтёшь стихотворений осень,
а в них—дожди то ямбом, то хореем.

Звезда

Ирине

Так жалко мне, что ни одной звезды,
не смог купить или украсть, как ягод—
ведь обещал, а солнечная мякоть
закатом нависала у черты.
Бухим матросам сваливаясь за борт.

Тот вечер эмигрировал на запад,
я обещал спасти от пустоты—
тебя, что дальше будет вечность,
и будет свет, и город золотой,
и мы вдвоём, и сверху эта млечность,
что молоко смешала с темнотой.

Пускай не смог, пускай так в жизни вышло,
уходят дни, спешат уйти года.
Ты знаешь? мой цветочек, дар мой свыше—
ты лучик света, ты моя звезда.

Наталия Елизарова

В доме на Набережной…

* * *

В доме на набережной очень светло,
в доме на набережной пекут пироги, накрывают стол,
«Катенька, помоги достать посуду, вилки, ложки, ножи!
Салфетки на стол положи!»
В доме на набережной птицы чирикают и свистят,
в доме на набережной поздно ложатся, а утром спят,
Медленное пробуждение, кофе, халат с запа́хом,
в доме запах ириса, иногда — майорана,
когда нервно и странно,
и, кажется, жизнь вытекает в реку, что за окном.
Дышит тревожно дом.
Лоб охлаждается о стекло.
«Знаешь, Катя, любое зло, горе — они проходят…»
Гости в проходе
топчутся, ищут тапочки, что-то галдят.
Оглядываясь назад,
видишь лишь череду ёлок под Новый год,
меняются лишь игрушки на ней —
больше или меньше огней —
бытия хоровод.

* * *

Жили без Турций-Египтов: дача и лес за калиткой,
вин итальянских не пили, всё больше водку,
или настойку на клюкве — свою, что в бутылке липкой
тихо стояла в серванте, а рядом стопки.
Свечи оплывшие каждый год зажигали
и убирали в ящик, туда же — скатерть.
Так и лежали они и курантов ждали,
тостов за «новое счастье» (всегда некстати).
В Пасху встречались на кладбище: птичий гомон,
карканье тучных тёток, золовок, братьев.
Жил да почил — вот и все этих мест глаголы,
крашены луком яйца совали сватьи.
А про войну зачем? Вспоминали редко:
«Нашу деревню тогда под Москвой бомбили.
Танька по полю бежала со мной, соседка.
Я вот жива, ну а Таньку тогда убили…»
«Ну а отца забрали. Да, на допросы.
Очень боялись мы, думали, расстреляют.
Долго тогда стояла сухая осень,
плыло по небу облако с журавлями».

● ● ●

Она позвонила с утра,
говорит, я так рано встаю,
каждый день очень рано.
Сейчас вот чаю попью,
достану печенье.
Старость—одно мученье.
Перелью бульон в ковшик,
остаток—в чашку,
выпью потом
(старушечьим дряблым ртом).
Называла меня Наташей,
путая с дочерью старшей.
Я, говорит, здесь всё время:
то в кухне, то в комнате.
Помните близких, пожалуйста, помните,
как помню я серое платье её, брошь
и голос скрипучий-певчий,
румынскую пасху, торт из безе, картины,
крутящийся круглый стул около пианино,
это всё было, было…
Я, говорит, плохо слышу тебя, но ты мне ещё звони,
долго тянутся дни
мои—на работе, её—в квартире,
жизнь проходит пунктиром
по нам…

● ● ●

Ане…

Непрозрачною плёнкой заклеены окна,
Жизнь снаружи виднеется серой и блёклой
И довольно скупой—изнутри.
Коммуналка затихла—проснулся ребёнок,
Что-то вспомнил дневное и шепчет спросонок—
На улыбку его посмотри.
А соседки лукавят: «Ты замуж не вышла?»
Будто им из-за стенки картонной не слышно,
Как стоит у тебя тишина.
Возле двери и после ещё—у дивана.
А вставать снова в шесть—до обидного рано
И ворочаться до утра.
А на кухне спросонок толпятся соседи.
«Мы уедем отсюда, клянусь, мы уедем»,—
Шепчешь зло и кусаешь губу.
И в толпе сослуживцев спешишь на работу,
Где не знают: откуда ты, с кем ты и кто ты,
Ну, и ты о себе ни гу-гу.
А когда начинается речь о квартирах,
о вторых этажах и четвёртых сортирах,
ты, конечно, завидуешь им—
(этим людям в красивых и праздных одеждах,
даже можешь простить им, что просто невежды)
многим лишним их метрам жилым.

● ● ●

Пятиэтажка. Теплится окно.
Мерцает лампочка под ветхим абажуром,
Под ним идёт счёт времени, оно
В причудливые множится фигуры,
Одни, скуля, сбиваются в углу,
Другие—прыг—клубком на пианино.
Хозяин стар и не сказать, что глуп,
В линялой майке с рваной штаниной
У треников—сидит он за столом,
Альбом листает в голове постылый,
Когда семья, два сына—пыль столбом,
Жена орёт, что суп совсем остынет,
Что он ничто, он рохля; нищета
Её достала щупальцами к горлу,
Что хочется—да с чистого листа,
Что тот богат, умён, что будет город
Иной, где жизнь её забьёт ключом,
Где сыновья его окончат школу,
родят детей…Но он-то здесь при чём?
Его ждут водка, сало, дядя Коля—
Сосед, с которым выпьет, кулаком
Ударит в стену, то есть по картону,
Вся жизнь—картонный домик, незнаком
Ни этот стол, ни лампа, камертону
Не выдать даже с призвуками «ля»,
Вновь ластится к ногам больное время,
А он не сможет с чистого… С нуля…
Уже не попадёт ногою в стремя,
В стремящийся поток людской, он вне,
Рысак не тот, и сбруя износилась.
Сосед на джипе, то бишь на коне,
Соседка в шубе—мужа упросила.
А у него лишь память—всё добро,
Её, увы, не сдать в комиссионку,
Не выдохнуть, не выплюнуть, одно
Осталось—отойти в сторонку,
И, голову руками обхватив,
Под старым жёлто-красным абажуром,
Горланить песни на один мотив,
Не открывая дверь ментам дежурным.

Жизнь замирает за вами и глохнет,
пульс замедляется, рвётся струна.
Славные, милые, добрые окна…
— Дай мне ещё посидеть у окна!
Вдруг мне достанется солнечный зайчик
или вечерний мерцающий свет.
Только закат неизбежен и, значит,
времени нет.
Небо слезится, дорожками капли
лягут на стёкла и скатятся вниз.
— Окна до Пасхи помыть бы, не так ли?
— Только сама не тянись!
— Нет, не смогу, я тянусь уже выше,
скоро взойду по лучу.
Прямо в окно.
Слышишь: Музыка? Слышишь?
— слышу,—едва прошепчу.

В квартире этой жили у черты
Беды, но были с ней на «ты»,
Накоротке—верёвочке в сортире,
На двух ногах, что толком не ходили.
Здесь мыли пол и протирали пыль,
В трельяже старом прятали бутыль
Со спиртом—ставить банки при простуде.
Гостей сзывали, накрывали стол,
И был уют отраден и тяжёл,
В квартире их всегда бывали люди.
Одна блины и пироги пекла,
Другая здесь сидела у стола
И в пироги готовила начинку,
Потом селёдку резала, и вот
Настал последний високосный год
И небо, как говорено, с овчинку.
Хотели ёлку ставить в декабре,
Дыхание запнулось на заре
(уже на стол продукты закупили).
Скорбящая не дождалась тепла,
А жизнь рекою дальше потекла.
И люди ели, пили, ели, пили.

ДиН ревю

Валентина Майстренко
Ты знаешь тайну имени моего

Красноярск: «Енисейский благовест», 2016

О таинственном старце Феодоре Кузьмиче написано множество книг в России и за её рубежами. Тайна его происхождения притягивает как магнит. Но немногие знают, что основную часть своей отшельнической жизни, 21 год, он прожил на территории нынешнего Красноярского края, где почти забыт. Автор этого документального повествования, пройдя по следам старца, побывав в красноярских селениях, где он жил, возвращает землякам имя человека, высота духовного подвига которого потрясает. Кто он? Неужели император Александр I? Читайте, размышляйте, возвышайтесь вместе с таинственным героем этой книги и теми, кто чтит его.

«Книга эта может весьма посодействовать прославлению и в Красноярской митрополии чтимого и прославленного в Томске праведного старца Феодора Кузьмича. Возвращение святого на нашу красноярскую землю является значимым вкладом в сибирскую агиографию. Одновременно это взволнованное историко-публицистическое повествование пробуждает любовь к родной земле, любовь к Отчизне.

Документальное повествование удачно связывает историю и сегодняшний день красноярской земли. Книга касается как исторических персоналий, так и наших современников. Непринуждённая живая форма повествования позволяет читать её с неослабевающим интересом. Автор своеобразно вводит читателя в тайну жизни и личности этого загадочного человека, который, молитвенно обращаясь к Богу, говорил: „Господи, Ты знаешь тайну имени моего“. Может, недалеко то время, когда и мы узнаем эту тайну».

ПРОТОИЕРЕЙ ГЕННАДИЙ ФАСТ
кандидат богословия, настоятель Градо-Абаканского храмаравноапостольных Константина и Елены

Светлана Рудских

Женский род

Просто весна

Ветер треплет тепло вперемешку с соломой и сором,
и стучится в стекло, и скрипит полусгнившим забором.
И пугает ворон, и людей по домам загоняет.
Это просто весна. А весны без ветров не бывает.

Это просто весна. А весны не бывает без счастья.
И пускай до утра за окном свирепеет ненастье.
И пускай невпопад на вопросы душа отвечает.
Это просто весна. А весны без любви не бывает…

Ушёл…

Окурок «Примы» в пепельнице тлел.
Дым сигаретный петельками вился…
А он ушёл. Ей плакать не велел.
И как с чужою, за руку простился.

А сам держал потёртый чемодан,
куда он вдохновенно покидал
носки, рубашки, брюки вперемешку.
В душе полёт. А на губах—усмешка.

Он к счастью мчался, сбросив груз забот,
чужие есть борщи и пить компот,
чужих детишек в школу провожать
и женщину чужую целовать…

А ты опять осталась не у дел.
К чему кричать:—Да чтоб ты провалился!!!
Окурок «Примы» в пепельнице тлел…
Дым сигаретный петельками вился…

Женский род

Всё хорошее—женского рода:
Жизнь, любовь, красота и природа,
Смелость, верность, судьба, доброта,
Мама, вечность, семья и мечта.

И всё то, что так любят мужчины—
Сигарета, котлета, машина,
Баня, водка, дорога, свобода—
Тоже, знаете, женского рода.

Так цени и люби, народ,
Замечательный женский род.

Поздно

Ты придёшь, когда будут падать
Ниоткуда на землю звёзды,
Когда я перестану плакать
О тебе…Только будет поздно.

Исправлять тяжело ошибки.
Совершать тяжело поступки.
Я не знала, что счастье зыбко.
Ты не верил, что счастье хрупко.

Мы с тобой в разных точках Ада.
Телефона звук как спасенье…
Приходи на чай, буду рада…
Как-нибудь потом, в воскресенье…

Не простила…

Ты придёшь, а я скажу:
— Не простила… Не прощаю…
На дорогу укажу,
Позвонить пообещаю…

О захлопнутую дверь
Будет больно сердце биться.
Да кому нужна теперь
Эта раненая птица?

Не запеть и не взлететь.
Для полёта нету силы…
Как из памяти стереть
То, что я тебя любила?

Отпустила…Не держу…
Может, зря, что отпустила…
Ты придёшь, а я скажу:
— Не прощаю…Не простила…

Марат Валеев

Ненаучная фантастика

Между небом и землёй

Петрович проснулся с тяжёлой головной болью. «Эх, не надо было вчера мешать водку с пивом!» — с раскаянием подумал он.

И тут в черепной коробке у него что-то взорвалось, и Петрович под оглушительный звон в ушах устремился в кромешной мгле к какой-то светлой точке.

«Ни фига себе, лечу куда-то!» — отстранённо подумал он.

И внезапно догадался: да это же он дуба дал! А светлая точка всё расширялась и становилась ярче. И скоро Петрович обнаружил себя в хвосте огромнейшей очереди, змеившейся на поверхности небес.

Перед ним стоял кто-то очень рыжий и знакомым жестом нервно чесал пальцами одной босой ноги волосатую икру другой.

Рыжий обернулся. И Петрович заулыбался: точно, Иван Сахнюк. Он работал трактористом в райжилкомхозе, но потом куда-то пропал.

— Ты как здесь? — спросил Петрович Сахнюка, пожимая ему руку.

— Да как? Ехал поддатым на тракторе, свалился с моста в реку… — пожаловался Иван. — Захлебнулся. Сам-то как сюда?

Петрович досадливо дёрнул плечом:

— Считай, тоже захлебнулся. Ты мне скажи, долго здесь торчать-то придётся?

— Некоторые уже годами топчутся. Ты знаешь, сколько здесь народу? Миллионы! Подожди, вон как раз Аркашу-блатаря опять в конец очереди архангелы волокут. Помнишь его?

Два дюжих типа в длинных хламидах, треща крыльями, проволокли болтающего босыми ногами грузного мужика и свалили его к ногам беседующих.

— Ффу! — выдохнул мужик, потирая ушибленный крестец. — Опять двадцать пять! Да когда же этот беспредел кончится, а?

Петрович узнал их поселкового урку Аркашу, убитого чёрт знает ещё когда в пьяной драке.

— А, Петрович! И ты преставился? — нисколько не удивился тот и деловито высморкался вниз, под облако. — Ну жди своей очереди. Тут, земеля, не всё так просто.

— А ну, расскажи.

— Да я же в последней драке двоих зарезал. Вот за это душегубство меня каждый раз архангелы в конец очереди передвигают. Уже пятый год так…

— Во, глянь-ка! — радостно перебил его Сахнюк. — Юрка Ибрагимов! Да как-то странно он выглядит.

— Здорово, Юра! — приветливо сказал Петрович. — Ты чего это… какой-то некомплектный?

— Здоровей видел! — угрюмо ответил Ибрагимов. — Чего, чего! Под поезд попал, перерезало вот.

— Гляньте-ка, мужики! — заблажил Аркаша. — Наш глава пожаловал! Три дырки в груди.

— Никак грохнули всё же делягу, — с сочувствием сказал Петрович. И тут же возмущённо фыркнул:

— Ты глянь, чего-то архангелам шепчет! Вот сволочь, и здесь хочет без мыла пролезть. Не выгорит!

— Это у него-то не выгорит? — хохотнул Иван. — Вон, смотри, архангелы уже полетели с ним в начало очереди. А ты, Юрка, чего в нашем конце стоишь? Ты же, получается, как мученик загнулся, так ползи вперёд.

— Если бы! — вздохнул Ибрагимов. — Я, когда рельсу отвинчивал, прозевал поезд-то. Так что и сам сюда вознёсся, и ещё человек сорок с собой прихватил.

— Слышь, корефаны! — отвлёк собеседников Аркаша. — А вы заметили, что только в нашенскую, рашенскую, часть очереди все мужики, считай, молодыми поступают. А вот соседи, гляньте, что немцы, что итальяшки, япошки там всякие, сплошь развалины. То ли дело мы — кровь с молоком! Мужики ещё хоть куда!

— Хоть куда! — эхом повторил за ним Петрович, заплакал и… пришёл в себя.

Он лежал на полу, рядом валялась неоткрытая бутылка пива. Петрович потянулся, было, к ней, но вспомнил, где только что побывал, помотал гудящей головой и потянулся к телефону.

«Нет, позвоню-ка я сначала в „скорую“, — подумал он. — Пусть ещё разок откачают, а там видно будет…»

Самое оно

В пятницу Валентина позвонила Пятайкину на работу и попросила по пути домой зайти в аптеку и купить какой-то чепухи — то ли от кашля, то ли от головной боли. Григорий прикинул: если взять на вечер не шесть, а три банки любимой «Балтики», денег на эту чепуху должно хватить.

В аптеке Пятайкин долго ходил от витрины к витрине, разглядывая разноцветные и разномастные коробки и упаковки, пузырьки. И тут Григорий увидел неприметную коробочку с крупной надписью «Самое оно», и ниже помельче: «Мужчина становится неотразим! Все женщины в восторге! Эффект—24 часа».

«Интересно»,—подумал Григорий. Он уже принимал и виагру, и вуку-вуку, но всё это было не то. То есть ему-то нравилось, а вот Валентине—нет. Попробовать, что ли, это самое «Самое оно»? И Григорий купил две упаковки многообещающего средства.

Дома он отдал жене её лекарства, а своё оставил в кармане куртки. И забыл про него—по ящику допоздна шёл хоккей, а что может быть лучше хоккея с пивом? Валентина уже посапывала в их супружеской постели, когда Пятайкин наконец угомонился. Забравшись под одеяло, он потянулся было к спящей жене, но вспомнил, что забыл принять «Самое оно». Впереди же были выходные, и Пятайкин решил перенести своё законное домогательство к жене на субботу.

Утром он проснулся первым («Балтика» своё дело знала!) и пошлёпал в туалет. Уже когда умылся, вспомнил про «Самое оно». «А приму-ка я его с утра!»—озорно подумал Григорий.

Он распаковал коробку, там оказалась всего одна таблетка. Григорий подумал и распечатал вторую упаковку—чтобы уж наверняка! Запил обе таблетки водой из-под крана. И тут же почувствовал, что на него накатила волна необыкновенной нежности и желания позаботиться о жене, он даже весь содрогнулся от охватившего его чувства.

Григорий хотел, было, тут же пойти в спальню. Но ноги его понесли почему-то на кухню. А там Пятайкин неумело, но споро пожарил яичницу с колбасой, заварил свежего чая с лимоном, поставил всё это на поднос. И понёс в спальню!

—Вставай, милая!—хрипло, но нежно сказал Григорий, сам не понимая, что говорит.—Я тебе завтрак принёс. В постель. Вот!

Валентину как будто кто подбросил.

—Пятайкин,—сказала она тонким голосом.—Это ты?—Да, милая, это я,—подтвердил Григорий, целуя Валентину в тёплую и розовую со сна щёку.—Завтракай, дорогая. А я пока пойду, помою посуду.

Чашка с чаем выпала из рук Валентины на простыню.

—И простынку постираю, ты не беспокойся,—поспешно сказал Пятайкин и, оставив жену сидеть с открытым ртом, пошёл мыть посуду.

А ещё он в тот день пропылесосил квартиру, развесил на балконе бельё на просушку (стирку Валентина всё же отбила для себя) и сварил обед, правда, пересолив его. При этом каждый раз, когда их пути в квартире пересекались, Григорий без конца обнимал и тискал свою жену и говорил ей такие комплименты, что Валентина просто вся светилась от удовольствия. Надо ли говорить, что вечером телевизор в доме Пятайкиных остался не включённым, и супруги до самого утра в постели выделывали такое, что никакой камасутре и не снилось…

Выходные пролетели как сон. Впереди были однообразные будни. А Пятайкину хотелось продолжения праздника. После работы он вновь заехал в аптеку, подарившую ему два незабываемых счастливых дня.

—Мне «Самое оно», на все,—сказал Григорий, протягивая сидящей на кассе матроне в белом халате всю свою заначку—пятьсот рублей.

—Нету, молодой человек, кончились.

—А как же теперь…—растерянно пробормотал Пятайкин.—А когда мне зайти?

—Не знаю,—пожала плечами матрона.—Насколько мне известно, остановили производство этого лекарственного средства. Лицензии у них не было. Да вы лучше «виагру» купите…

—Нет, это совсем не то,—грустно сказал Пятайкин.—Валентине моей не это нужно. Вернее, не совсем это…

—Здрасьте-пожалуйста!—насмешливо хмыкнула матрона.—Можно подумать, что вы, мужики, всегда знаете, что женщине нужно.

—Я, пожалуй, знаю,—убеждённо заявил Григорий.

По пути домой он завернул не за пивом, как обычно, а зашёл в гастроном и купил готового фарша и макарон. Уже совсем перед домом заглянул и в цветочный павильон.

Открыв дверь, Валентина ахнула: Пятайкин протягивал ей цветы и невыразимо нежно улыбался. И привлекательнее, сексуальнее мужчины для неё в этот момент просто не существовало. А когда Григорий ещё и заявил, что на ужин сегодня будут макароны по-флотски, Валентина расплакалась прямо у него на груди.

—Милый, что с тобой?—всхлипывая, спросила она.—Ты не заболел?

—Да, милая моя, я вновь заболел. Тобой!—ласково сказал Григорий, целуя жену в завиток на виске.

—Тогда не выздоравливай. Никогда! Хорошо?

—Я постараюсь…

Последняя серия

Баба Тоня преставилась. Тихо, во сне. Ни дочка, ни балбес-зять, ни такой же внук ничего не слышали. Лишь утром потрогали её—а баба Тоня уже не дышит. Хорошая была. Никому не вредила, с пенсии зятю всегда на водку занимала, внуку на фанту давала, а обратно денег никогда не требовала. Под ногами ни у кого особо не путалась, то на лавочке у подъезда часами сидит, то по телевизору сериал за сериалом глотает, переживает.

Ну, как полагается, отпели её, в гроб уложили. Ждут катафалка. А баба Тоня лежит себе

тихохонько посреди зала, свечку в узловатых пальцах держит. Её любимый телевизор, все зеркала занавешены тёмными платками. Вокруг гроба подружки её чинно сидят. Шамкают чего-то, слёзки с дряблых щёк мятыми платочками собирают.

Потомки бабы Тони на кухне колдуют, к поминкам готовятся. А внук Сергунька заскучал, ушёл в детскую и врубил свой телевизор. Поскольку дверь он прикрыл неплотно, бабки, что нахохленными воронами сидели вокруг своей усопшей товарки, услышали, как дикторша сказала: «А после рекламы смотрите заключительную серию фильма „Страсти-мордасти“».

Одна из подружек, Баба Дуся вдруг сморщилась и сказала:

— Ой, бабоньки, чегой-то живот у меня разболелся, сил нет. Пойду я. Ты уж прости меня, Тонюшка…

Тут и баба Параша засобиралась:

— Охти мне, как же я так забыла, дырявая моя голова, что сейчас внучек из школы должен прийти, а у него ключа нет.

И только баба Вера открыла рот, чтобы выдать свою причину отлучки от печального одра подружки, как тут же захлопнула его, а глаза её полезли из орбит. Потому как покойница ухватилась руками за край гроба и села в нём.

— А ну, подыми мне веки!— приказала она сидящей рядом ни живой, ни мёртвой бабе Лизе. Та трясущимися пальцами раздвинула ей смежённые веки и без чувств грохнулась на пол.

— А ты, Веруня, найди пульт и включи телевизор,— отдала следующее распоряжение баба Тоня.

— Ой, не могу! Ноги не идут!— проскулила баба Вера.

На шум из детской вышел внук Сергунька.

— Оба-на!— сказал он и заскрёб в затылке.— Бабуля, ты че, передумала кони двигать? Клёво! Пойду мамку с папкой обрадую.

— Никуда ходить не надо,— загробным голосом произнесла баба Тоня.— Иди-ка, включи телевизор. Фильм досмотреть хочу.

— А-а, вон чё! Ну, это святое,— уважительно сказал Сергуня и взял в руку пульт.

Баба Тоня смотрела последнюю серию «Страстей-мордастей» с непроницаемым лицом, в гробовой тишине, не считая голосов из телевизора.

Лишь в конце фильма сказала: «Ну я так и думала, что это он!»,— вздохнула и торжественно опустилась в своё последнее пристанище.

— Баба, баба, погоди!— заторопился Сергуня.— Спросить чего хочу!

— Ну, чего ещё? Некогда мне!

— А если бы ты сериал сегодня не досмотрела, что бы было?

— А я бы, внучек, к тебе сегодня же ночью наведалась и попросила рассказать, что и как там было. Тебе это надо? То-то же! Ну, покедова, внучек! И вам, товарки, до скорого!

Баба Тоня снова пристроила меж пальцев потухшую свечу и удовлетворённо смежила веки. На лице её застыла блаженная улыбка…

Сидоров и Маузер

Сидоров упал со стремянки, когда полез за чем-то на антресоли. А когда очнулся, услышал у себя в голове:

«И чего это он разлёгся средь бела дня на полу?»

Сидоров сел, огляделся по сторонам. Вокруг никого не было. Рядом сидел лишь кот Маузер и презрительно щурился.

«Что-то с головой после удара»,— решил Сидоров. Встал, пошёл на кухню— снять стресс. Налил себе стопочку, достал колбаски, маслинок. Только собрался вкусить, как опять в голове раздался тот же вредный голосишко:

«А мне? Вот эгоист-то!»

На пороге кухни сидел Маузер. «Чёрт, неужели это он телепатирует?— изумился Сидоров.— Или это я так сильно ударился?»

«Да, это я, твой кот Маузер,— неожиданно подтвердил его мурлыка.— Кстати, за что ты меня так обозвал?»

— Это как?— наконец решил вступить Сидоров в диалог со своим котом.

«Ну Маузером каким-то дурацким».

— Потому что у тебя хвост всегда пистолетом торчал, когда ты ещё маленький был.

«Понятно. Ну не будь жмотом, дай колбаски!»

— А я что буду с этого иметь?— вдруг решил Сидоров поторговаться.

«Что-что… Я тебе за это глаза кое на что открою»,— нагло сощурился Маузер.

— Например?— насторожился Сидоров.

«Да, в общем, ничего особенного,— зевнул Маузер.— Как только ты за порог, к твоей жене сосед ныряет. А я в это время— к его Муське».

— Так, значит, вы тут все вместе блудите, пока меня нет дома!— рассвирепел Сидоров.— И ты ещё за это у меня колбасу просишь?»

«Ой, а сам-то, сам-то!»— изобличающе запульсировал в его голове Маузер.

— А я чего? Я ничего,— стушевался вдруг Сидоров.

«Как это ничего? А кто на той неделе два раза приводил домой баб, когда хозяйка увозила сына твоего Кешку в деревню? Да ещё страшных, хуже драных кошек!— завозмущался Маузер.— Так что гони, хозяин, колбасу! А не то я хозяйке сдам все твои заначки!»

— А что, ты и с ней так же беседуешь?— неприятно удивился Сидоров.

«Пока нет,— честно признался Маузер.— Да ведь она или сама может обо что-нибудь головой удариться, или ты её, например, огреешь после нашего разговора. Вот тогда, глядишь, и с ней контакт налажу».

Сидоров молча проглотил последние слова кота, а также стопку водки, закусил её маслинкой, колбасу же отдал Маузеру.

«Давно бы так! — довольно заурчал Маузер.— И вообще, хозяин…»

Тут выпитое ударило Сидорову в голову, и голос кота в ней пропал. Похоже, она, голова эта, встала у Сидорова на место. Но с тех пор Маузер у него ни в чём не знает отказа. Особенно когда начинает пристально всматриваться в глаза Сидорова…

Тапкин и нло

Тапкин вёз с дачи первые плоды своего непосильного труда: огурчики, помидорчики. И вдруг на грунтовку перед его стареньким жигулёнком с неба свалился странный агрегат: то ли тарелка, то ли сковородка.

Тапкин сразу смекнул: «нло!». И по тормозам.

У нло откинулась крышка, и на землю спустился кто-то. В сверкающем комбинезоне и прозрачном скафандре, через который можно было разглядеть треугольную зелёную голову с огромными красными глазами.

— Мама! — прошептал Тапкин и включил заднюю скорость. Но жигулёнок лишь взвыл, а с места не тронулся.

— Да успокойся ты! — услышал вдруг Тапкин скрипучий голос у себя в голове.— Не трону я тебя. Видишь, авария у меня случилась. У тебя, случайно, ключа на шестнадцать нету?

— Найдётся,— осторожно сказал Тапкин.

Пришелец залез под тарелку, полязгал там ключом, опять взобрался внутрь. Корабль мелко задрожал, но взлететь так и не мог.

— Вот блин, и у вас такая же чехарда! — удивился Тапкин.

Пришелец походил вокруг тарелки, пнул по одной из её стоек и спросил Тапкина:

— Может, дёрнешь?

— Сейчас поищу трос,— хмыкнул Тапкин.

Он зацепил его за одну из стоек нло.

— На счёт «три» трогай,— скомандовал пришелец.— Сильно не газуй.

— Сделаем! — деловито отозвался Тапкин, и легонько тронул жигулёнок с места. Трос натянулся, дёрнулся, и тарелка воспарила над землёй. Она плавно поравнялась с машиной Тапкина. Через иллюминатор виднелась зелёная физиономия пришельца, разъехавшаяся в неземной улыбке.

Тапкин отцепил трос.

— Ну, землянин, пока! — телепатировал ему инопланетянин.— Спасибо за помощь.

— Погоди, брат! — крикнул Тапкин.— Возьми-ка гостинцев с собой.

Он вытащил из багажника вёдра с огурцами и помидорами и подошёл к висящей в полуметре над землёй тарелке.

— Куда их тебе поставить? Открывай!

— Да неудобно как-то,— телепатировал ему пришелец.— Мне-то тебя отдарить нечем.

— Ерунда,— сказал Тапкин.— Я знаю, что вы у нас постоянно шляетесь. Вот и завезёшь в другой раз, что вы там у себя на дачах выращиваете. Заодно и вёдра вернёшь…

— Ну хорошо,— сдался инопланетянин, и в боку тарелки открылся небольшой проём, куда Тапкин затолкал оба ведра с помидорами и огурцами.

— Спасибо, друг! — растроганно прозуммерил пришелец.— Ну, бывай! Через неделю жди меня тут!

И нло стремительно взмыл в бездонную синеву неба.

Проводив его взглядом, Тапкин сел за руль жигулёнка. На лице его блуждала мечтательная улыбка.

«А вот интересно: приживутся ли у нас на Земле *их* овощи?» — думал Тапкин, подъезжая к своему дому. И решил: непременно должны!

С потолка

Чуклайкин по протекции устроился на непыльную должность в городской администрации. Два месяца и три недели он бил на новом месте баклуши, да так умело, что в его исполнении это вполне сходило за служебное рвение.

За неделю до окончания квартала он сел за составление первого своего отчёта. Однако дело сразу застопорилось: Чуклайкин решительно не знал, что же писать в отчёте, потому как конкретной работой он фактически и не занимался. Не с потолка же, в конце концов, брать показатели?

А впрочем, почему бы и нет. Ведь многие так поступают. И Чуклайкин с неясной надеждой посмотрел вверх. Вдруг — о чудо! — на потолке вспыхнуло невесть откуда взявшееся табло. На нём появились цифры и текст, поясняющий, что и куда заносить.

Чуклайкин лихорадочно принялся переписывать всё в отчёт. Заполнил он его за полчаса и сдал своему куратору. Всё обошлось как нельзя лучше: по итогам квартала Чуклайкин был признан одним из лучших сотрудников администрации, его премировали солидной суммой.

И Чуклайкин зажил припеваючи. Он бездельничал, лишь в самом конце очередного квартала садясь на полчаса для составления отчёта. Стали поговаривать, что Чуклайкина скоро должны повысить в должности, возможно — до начальника отдела. Но примерно через год случилось непредвиденное.

В тот день Чуклайкин, как обычно, уселся у себя в кабинете за отчёт. Взял ручку и привычно уставился в потолок. Табло на этот раз почему-то долго не загоралось. Наконец оно медленно наполнилось зыбким светом, появилась дрожащая надпись: «Потолок вышел из строя. Иссякли элементы питания».

Чуклайкин побледнел и шёпотом спросил:
— А где их можно достать?

Потолок сокрушённо промигал: «Нигде».

А табло между тем всё тускнело и тускнело. И тогда Чуклайкин в отчаянии закричал:
— А откуда мне теперь брать показатели для отчётов?

Потолок коротко, в последний раз сверкнул своим табло. Чуклайкин успел прочесть:

«Из пальца. А лучше—рабо…»

Чуклайкину не хотелось опаздывать с отчётом—он полюбил свою «работу». И так как привык безоглядно верить таинственному помощнику, воспользовался его последней рекомендацией.

Кто-то из зашедших в кабинет Чуклайкина сотрудников застал его за странным занятием: Чуклайкин, с багровым лицом и безумными глазами, поочерёдно обсасывал свои пальцы, отплёвывался и сдавленно ругался.

На «скорой» его отвезли в «психушку». А в городской администрации ещё долго сочувственно вздыхали: сгорел человек на работе…

Фокусник

Цирк в наш городишко приезжал. Ну и мы с соседом Петровичем пошли туда. Вот сидим, согласно купленным билетам, зеваем. А что здесь такого? Ну, ходят циркачи эти по канатам. Ну, заставляют дрессировщики бороться медведей облезлых, а котов ездить верхом на собаках. И что? Скукотища.

Но тут на арену вышел фокусник. И давай из рукавов таскать голубей, из цилиндра—крольчат, из ушей—шарики. Да ловко так. Ему захлопали в ладоши. А Петрович смотрел, смотрел, и краснеть начал. Потом как закричит:
— Это всё ерунда!

Фокусник обиделся:
— Ну если вы можете что-то лучшее, выходите!

А Петрович и пошёл. И тут такое началось! Петрович только повёл взглядом, как на передних рядах исчезли кресла. Прямо из-под зрителей. Фокусник аж позеленел от зависти.

А Петрович чудодействует дальше. Вынул из кармана калькулятор, потыкал в его кнопки—в проходах начали сами собой сворачиваться в рулоны ковровые дорожки и пропадать из виду! Тут цирк перепуганно замолчал.

Петрович же разошёлся не на шутку. Он вынул из кармана мобильник и кому-то сказал негромко: «Слышь, корефан, тут у меня большая партия одежды и обуви образовалась. Принимай!»

Раздалось многоголосое «Ах!». И все зрители остались… в трусах и босиком. Фокусник тоже. В семейных таких, в горошек.
— Петрович,—наконец пролепетал я.—Прекращай свои фокусы. Это же чистая уголовщина!
— Вот именно!—жёстко сказал пробравшийся к нам из соседнего ряда какой-то седой мужчина в сатиновых трусах, с негражданской выправкой.—Смотрю, вы, Василий Петрович, опять за старое взялись… А ну-ка, возвращайте всё обратно. Иначе я вас определю туда, где вы уже давно не были!

Смотрю, Петрович мой как-то сник сразу.
— Не надо, товарищ майор!—жалобно попросил он.—Сейчас же всю недостачу верну.

И правда, только он опять повёл взглядом, как всё вернулось на свои места: исчезнувшие кресла, улизнувшие ковровые дорожки, упорхнувшая одежда зрителей.
— Слушай, где ты научился таким чудесам?—уже на улице спросил я своего соседа.
— Эх, то ли я ещё выделывал лет …надцать назад!—мечтательно сказал Петрович.—Я ведь заведующим торговой базой был. Какие мы там дела проворачивали с Мартиросом (это я ему звонил!). Жили как у Христа за пазухой! У меня ведь до того, как я переехал в вашу хрущёвку, и особняк свой был, и крутая тачка, и несколько счетов в Сбербанке. Правда, замели нас, как и полагается, и впаяли на всю катушку. Отсидел от звонка до звонка. А теперь всё, я честный гражданин. Хотя руки-то всё помнят!

Тут у Петровича кто-то завозился под мышкой. Сосед расстегнул пиджак и вынул… белоснежного крольчонка с тёмненькими ушками!
— Ишь, чертёнок!—ласково сказал Петрович и погладил зверька по спинке.—Со мной будешь жить, а не с этим липовым фокусником…

Виталий Иванов

«Незачёт» по географии

Скажу сразу, я не большой знаток географии. Именно это обстоятельство заставляет меня каждый раз, когда я отправляюсь в новые места, внимательно изучить географический атлас и обязательно почитать что-то о территории в справочниках, а ныне и в интернете.

Поэтому мне сложно понять коллег, особенно из федеральных средств массовой информации, когда они путают Красноярский край с Краснодарским или край называют областью.

К слову, вот филологическая непонятка — Красноярский край, как утверждают, находится в центре России, а называется краем. Как «край» может быть в «центре»?

Но это так, лирика.

Впервые с географическим кретинизмом москвичей я столкнулся в середине 90-х годов, когда из изданий начали уходить действительно большие профессионалы, а стали приходить чьи-то родственники, знакомые или «понаехавшие тут», для которых главным было не дело, а работа в столице и само нахождение в этом мегаполисе.

Иногда звонили и говорили, что нужны материалы из глубинки. Я начинал собираться к золотодобытчикам, староверам или нефтяникам. А меня поправляли, что можно и из Красноярска. Оказывается, это уже глубинка. А мы всё «центр» да «центр»…

Попробую вспомнить несколько самых забавных случаев.

Два курьёза приходятся на тот период, когда я работал фотокорреспондентом Агентства Фото ИТАР-ТАСС по Восточной Сибири.

Однажды, в конце апреля, я был отправлен в командировку в арктический посёлок Диксон, что стоит на берегу Карского моря. Поехал снимать полярников, моряков, авиаторов.

В Диксоне я пробыл что-то около двух недель и в середине мая прилетел в Красноярск. За сутки проявил все отснятые плёнки, выбрал лучшие кадры, написал тексты, вложил в письмо авансовый отчёт за командировку и отправил всё оперативной связью в Москву (интернета в то время у нас ещё не было).

Проходит пара дней, и мне звонит рассерженный редактор:

— Виталий, мы получили ваш пакет. Как это понимать?

— Что? — робко спрашиваю я.

— Почему вы так долго держали интересные материалы? Придётся писать объяснительную.

— Простите, о чём идёт речь…

— Ну вот, я держу в руках материалы с Диксона. Кому они сегодня нужны? На улице май. Уже практически лето, а вы прислали снег… Кто купит эти кадры?

— Вы серьёзно это спрашиваете? — интересуюсь я.

— Вполне. Я пишу докладную, а вы потрудитесь прислать объяснительную.

Какое-то время я не мог поверить в услышанное. Потом сел писать объяснительную, в которой указал, что есть Арктика, где снег сходит в конце июня. Что там есть места, где он не тает вовсе. Что Диксон расположен несколько севернее, нежели Москва, а потому там нет деревьев. Словом, переписывал учебник по физической географии.

Пока я это писал, мне по факсу прислали приказ об объявлении выговора «за задержку интересных материалов и непрофессионализм в работе».

Ещё через пару дней его, естественно, отменили. В ИТАР-ТАСС ещё были люди, которые страну изучали не по карте. Они и вмешались в дело сразу после получения моей объяснительной.

Во второй раз события развивались уже так.

Что-то около 20 часов мне позвонили с работы, и взволнованный редактор сообщил, что завтра некий пловец-морж будет переплывать Байкал в самом узком месте. Надо снять.

Изначально задачу поставили верно — Иркутская область была закреплена за мной. Но от Красноярска до Иркутска около 1000 километров. Поезд идёт почти 20 часов. Самолёты между этими городами тогда уже не летали.

Что делать в такой ситуации?

Пытаюсь всё это объяснить редактору. Понимания нет.

Предлагаю командировать коллегу из Москвы. Напомню, что в момент разговора в столице было около 17 часов. Если он вылетит в Иркутск вечерним рейсом, то вполне может успеть к началу события, которое намечалось на полдень. Опять понимания нет. Это потом я узнал, что столичные коллеги не любят такие быстрые и короткие выезды.

Словом, в Москве мои доводы просто не слышали. Редактор — сотрудник центрального аппарата. Она закончила МГУ. А кто я? Так, провинциальный фотограф.

И тут собеседница произнесла фразу, которая меня повергла в полное изумление:

— Нет поездов и самолётов — берите такси — и вперёд.

Тогда уже я потребовал официальную бумагу, которая позволила бы мне потратить кучу казённых денег на такси для переезда из Красноярска в Иркутск и обратно.

Не поверите, такая бумага пришла. Около 23 часов по красноярскому времени. Естественно, я никуда уже не успевал.

Звоню своему директору и объясняю, что разрешение пришло поздно. Я могу не успеть.

— Виталий, простите, видимо, день был трудным. Я вас не пойму.

Объясняю…

Естественно, задание отменили. Да и важность события была не так велика.

А в ближайший приезд в Москву я подарил этому редактору географическую карту страны и линейку.

Девушка не обиделась…

Следующая история, уже не связанная со СМИ, случилась несколько лет назад, когда я был в командировке в Туруханском районе. Мотался я там долго, что-то около месяца. И вот в один из дней я прибыл в посёлок Верхнеимбатский, что стоит на правом берегу Енисея.

К слову сказать, это старейшее из сохранившихся поселений в Красноярском крае. Тогда там отмечалось 400-летие со дня его основания.

Главу посёлка я застал в его рабочем кабинете. Но он не работал, а откровенно хохотал… А надо сказать, что мы с ним знакомы много лет, и он рассказал мне о том, что вызвало его смех.

Не секрет, что в рамках борьбы с коррупцией в нашей стране сейчас все закупки на бюджетные средства проводятся через конкурсы. Такой конкурс был объявлен районными властями на поставку мебели для Верхнеимбатской школы.

Принцип этих конкурсов простой — кто сделает дешевле. Его выиграла московская фирма. С ней заключили договор, в котором прописали, что мебель должна быть в школе к 20 августа. Подписали и перечислили некоторую часть средств.

Числа 10 августа глава начал волноваться. И вполне справедливо. В Туруханске узнал телефон этой фирмы и позвонил туда.

— Не волнуйтесь, — ответили столичные предприниматели, — всё доставим в срок. Две фуры уже грузятся. Завтра они выезжают к вам.

С тем и положили трубку.

17 августа они позвонили уже сами:

— Тут нам звонят водители. Они доехали до Енисейска, и дорога закончилась. Как дальше?

— А дальше назад, в Красноярск, в речной порт и грузить всё на судно. Но у вас осталось три дня.

Этого столичные поставщики никак не ожидали. Никто из них, подписывая контракт, даже на карту не посмотрел.

Мебель они привезли. Говорят, что даже остались в небольшой прибыли. Но вот сроки сорвали все. За что и были оштрафованы.

Боюсь утомить читателя, но позволю себе ещё один пример.

Ежегодно Министерство культуры России проводит огромное количество мероприятий как в стране, так и за её пределами. В том числе и для художников.

В 2017 году предполагалось организовать на Таймыре пленэр народных мастеров «Современное искусство Севера — без границ». Участие в нём должны были принять 10 художников из России, Финляндии и Исландии.

Именно поэтому министерство озаботилось бумажной частью программы, прислав дудинским организаторам в качестве образца программу аналогичного пленэра под названием «Палитра Кавказа».

А, чувствуете подвох!

В программе было прописано всё. Вплоть до условий размещения, питания и транспорта. Это на Кавказе, где есть автомобильные дороги, гостиницы и рестораны.

Взяв за основу присланную бумагу, северяне написали свою, где указали, что в тундре участники будут жить в чумах, а готовить им будет повар. Передвигаться предстоит на оленьих упряжках.

Представляете реакцию работников Министерства культуры Российской Федерации, когда они получили из Дудинки такое «Техническое задание»? В котором написано, что пленэр будет проходить не рядом с современными автострадами, а в тундре, «где живут оленеводы и рыбачат рыбаки».

Но работники Минкульта не знают, что такое тундра. От того и разгневались они, потребовав более чётко прописанной программы.

И получили. Про транспорт.

«Обеспечить гужевой олений транспорт для доставки участников пленэра (11 человек, вместимость одной упряжки 2 человека, 6 оленьих упряжек) от устья р. Малая Хета до стойбища семьи оленеводов Силкиных в районе Тухардской тундры. Упряжка должна быть запряжена северными оленями в количестве не менее 4-х животных, самцами-кастратами, старше 3-х лет».

Ну как? Просили чёткости — получите. Особенно про «кастратов».

Москвичи были в шоке — решили, что северяне над ними издеваются. Естественно, не разбираясь, начали орать и воспитывать таймырцев. Зачем им понимать, что в упряжки запрягают именно

кастрированных самцов, чтобы те везли нарты, а не носились по тундре за самками.

Теперь про ночлеги.

В Москве понимания того, что в тундре отсутствуют отели, судя по всему, нет. В столице же они есть. Значит, и на Таймыре должны быть.

Представьте лицо высококультурного чиновника Министерства культуры, который читает следующее:

«Обеспечить проживание участников (11 чел., 4 суток) в оленеводческой бригаде в Тухардской тундре в чуме (традиционном жилище коренных народов Таймыра с соответствующими условиями и удобствами). Чум должен иметь следующие параметры: диаметр 6 метров, высота 4,5 метра; покрыт нюками из шкур оленя (нюки не продуваются и не намокают при дожде); иметь в наличии 10 спальных мест участников пленэра по всему диаметру. Спальное место должно состоять из веток кустарника, шкур оленя, покрывающих ветки, спальных мешков. Спальное место должно быть оборудовано пологом (специально сшитым для чума), выполняющим функцию отдельной спальни (огородиться от посторонних). В центре чума должна быть установлена металлическая печь с трубой, выходящей наружу. Топку печи и заготовку дров обеспечивает проводник».

Как вам этот Hilton?

Тут ещё ничего не сказано про умывание и удобства за чумом, где в изобилии обитают комары и мошка.

Причём художники-то понимают, куда и зачем едут. Верх некомпетентности демонстрируют именно столичные чиновники от культуры.

Ладно, Бог им судья. Без них было бы скучно.

Ну и ещё одна история, которая случилась в конце декабря 2016 года, когда я работал на Таймыре. В Дудинке.

Позвонила сотрудница одного из федеральных каналов:

— Мы придумали сделать перед новым годом четыре материала о том, как встречают праздник в крайних точках России. Мыс Челюскина — самая северная оконечность Евразии, находится на Таймыре. Так?

— Точно так, — отвечаю я.

— Я хочу просить вас съездить туда и снять материал. Да, бензин мы можем оплатить.

— Куда съездить? — уточню я.

— На мыс Челюскина. Он далеко от вас?

— По прямой около 800 километров.

— Как до Питера. За пару дней обернётесь?

— Девушка, туда нет автомобильной дороги…

— Как нет? А что есть?

— Есть полярная ночь. Мороз около 50-ти градусов.

— Замечательно! Надо как-то туда сгонять…

— Легко. На вертолёте. Стоимость лётного часа около 200 тысяч рублей. Потребуется часов 10. Готовы оплатить?

— Мы — нет. Но это обязательно надо сделать.

Я понимаю, что девушке-исполнителю дал задание начальник-недоучка. Начинаю с ней разговаривать:

— Зачем туда ехать? Давайте всё снимем ближе. В полярную ночь ничего не будет видно, кроме снега под ногами и пара изо рта.

Убедил. Хорошо ещё выручили спасатели Арктического поисково-спасательного отряда МЧС России, что базируется в Дудинке.

Мы отъехали на специальной технике километров на пять от города и поздравили страну с наступающим Новым годом.

Температура воздуха в тот день была минус 54 градуса. На экране это было хорошо видно.

И в завершение позволю себе пожелать коллегам, как, впрочем, и всем остальным: начиная любой разговор с людьми, живущими «где-то там», подготовьтесь к нему. Сегодня это не сложно. А вы не будете выглядеть глупо.

Игорь Герман

Тук-тук…

Человек от рождения не идеален, не верите—загляните в Библию. У человека должен быть какой-то недостаток. Паша Афендиков, например, любил выпить. Курение за недостаток Паша не считал. Курение—это норма. Пьянство, конечно, нормой не назовёшь, но иногда выпить тоже не грех, надо уметь расслабляться. Если расслабляться не умеешь, то от такой жизни может не выдержать сердце, и тогда—ага!.. Все там будем, но раньше времени не надо. А пиво—продукт в обществе востребованный, бездефицитный и в умеренных дозах, считал Паша, даже полезный.

Семья Афендиковых проживала в частном секторе на улице Тупиковой. Улица называлась так без какого-либо намёка, просто потому, что упиралась в железнодорожный тупик.

Паша с Галей поженились семь лет назад, и их родители, сложившись, купили молодым недорогой домик. Какое-никакое, но жильё, жить можно первое время, а дальше молодые уже сами пусть зарабатывают. Паша с Галей зарабатывали не так много, поэтому продолжали жить на Тупиковой улице. Паша пил пиво, как все нормальные люди. У супруги пьющего, как все нормальные люди, мужа два пути: или пить вместе с ним, чтобы ему меньше доставалось, или бороться за его здоровье. Галя выбрала самый неблагодарный, второй путь.

Паша, которому было немного за тридцать, на здоровье пока не жаловался. А если нет грома, зачем мужику креститься?..

Тот выходной день Павел Афендиков помнит очень хорошо. С утра супруга отправила его на рынок за продуктами. Паша набрал по списку полные пакеты и, как нарочно, встретил товарища. Зашли с ним в бар, приняли по соточке, разбавили пивом, ну и на сдачу Паша взял ещё две литровые бутылки «чешского». Продукты дома отдал, а пивко спрятал, уединившись в комнате. Включил телевизор. На предложение Гали помочь им с матерью прополоть грядки ответил отказом, мотивировав усталостью за трудовую неделю. Пока жена с тёщей корячились на огуречнике, Паша открыл сипнувший газами бутылёк и, переключая каналы, не торопясь, начал потягивать пенный напиток. Вторая бутылка лежала здесь же, надёжно схороненная под большой диванной подушкой.

Когда Паше из первой бутылки осталось допить совсем ничего, в комнату неожиданно вошла Галя. Вопрос о том, почему жёны всегда не вовремя являются, наверное, задавал себе не один муж. В самом деле, у каждого из нас есть свои маленькие дела, которые мы не собираемся афишировать, и вот как раз в этот самый момент и появляется жена или тёща. Причём совершенно неслышно. Это никому неприятно, но они этого не понимают.

И вот сейчас, увидев мужа, потягивающего втихушку из горлышка, Галя закричала как потерпевшая:

— Мама, он опять с пивом!!!

Паша чуть не захлебнулся. Ну даже если это и так, зачем так орать? Он смущённо поставил бутылку за спинку дивана, хоть и прятать её уже не имело смысла.

Тут влетела перепуганная тёща. Она услышала дикий крик дочери, но не поняла, что произошло.

— Мама!—рявкнула на неё Галя.—Он опять жрёт пиво!

Мама укоризненно посмотрела на виновато покрасневшего зятя.

— Павел, ты же обещал,—поддержала она разъярённую дочь.

Зять промычал что-то беззащитно-оправдательное.

— Ты же обещал, скотина!

— Галя…—мягко попросила мать.

— Что—Галя?!

— Не надо так резко.

— Он меня уже достал своим пивом!

— Да где пиво-то у него?—развела руками мать.—Я не вижу.

Галя двумя пальцами брезгливо подняла спрятанную бутылку.

— Вот она!—Повернулась к мужу.—Когда ты уже упьёшься, упырь? Всю кровь мою высосал.

Мать ласково взяла дочь за руку:

— Галочка, успокойся, детка.

— Мы ведь разговаривали с тобой,—продолжала Галя.—И ты обещал бросить. Ну ты же ещё не конченый алкаш, это ещё можно сделать. Зачем же ты сам, своими руками разрушаешь и своё здоровье и нашу семью, козёл ты безрогий?!

— Галя хочет сказать,—вступила тёща,—что она переживает за вашу семью. Я тоже переживаю,

Павел... очень переживаю. Парень ты неплохой, даже хороший, можно сказать, но... Паша, зачем ты и себе портишь жизнь и моей дочери тоже? Ну ладно куришь—все мужики курёхают, да и бабы сейчас не отстают, но ведь алкоголь это страшный наркотик, Паша!..
— Какой наркотик?—не расслышал зять.
— Я говорю: алкоголь—это наркотик, втянешься...
— Не вытянешься!—перебила Галя.—Или наоборот: вытянешься раньше времени. А мне муж нужен, а не алконавт. На фига мне алконавт сдался!

Паша виновато молчал.
— Почему на пивных этикетках не печатают как на сигаретах...—продолжала негодовать Галя,—«Пиво опасно для жизни», «Пиво—причина инсульта», «Пиво—причина рака печени», «Пиво—причина импотенции»... Да, импотенции! Все мужики, которые жрут пиво—все импотенты! Все до единого! И ты тоже на пути к успеху!.. Когда последний раз приставал?

Паша не ожидал атаки с этой стороны и растерялся ещё больше.
— Чего глазёнки выкатил?—не отступала Галя.—Когда приставал, говорю, в последний раз?!
— Ты чего, Галь? При матери-то...
— А чего стесняться? Если правда. К пивной бутылке пристаешь каждый день. А к жене?
— Ай-ай-ай...—покачала головой тёща.—Павел, Павел... Надо браться за ум.
— Да за что ему браться, если ума-то нету! Пропил весь.
— Ты неправа, доча. Нельзя на человеке раньше времени ставить крест. Надо всегда оставлять шанс. Глядишь, он за него, как за соломинку...

Галя потрясла бутылкой перед носом мужа, как вещественным доказательством.
— Я сейчас вылью остатки этого пойла, и если ты ещё хоть раз...

Не договорив угрозы, а может, не придумав её, Галя нервно вышла из комнаты. Тёща сокрушённо покачала головой.
— Паша, Паша... Хороший ты мужик. Чего ты пристрастился к этому пиву? В самом-то деле?
— Все пьют.
— Они дураки, но ты-то не будь дураком. Будь умным человеком.
— Да я пью что ли? Я ж не пью. Так, балуюсь.
— Смотри, добалуешься. Потеряешь здоровье и семью. Всё с баловства начинается. А заканчивается серьёзно.
— Да я понимаю. Бросать надо.
— Вот видишь, уже просветление.

Решительной походкой вошла Галя.
— Есть ещё эта бурда?

Паша сделал честные глаза и пожал плечами.
— Врёшь.
— Чего мне врать-то? Нету, говорю.

Галя повела носом.
— Чую, у него заначка где-то. Чую, ещё припас.
— Павел!—воззвала к совести зятя тёща.
— Да я же говорю, что нету!—так же честно возмутился Павел.—Бутылку взял, просто попить хотел.
— Для просто попить есть вода!—рявкнула на него супруга.
— Тем более что мне надо быть трезвым. Сейчас буду Санину машину чинить.
— Чего?—напряглась Галя.—Куда ещё намылился этот обмылок?
— Сашка Червонный попросил машину посмотреть. Сейчас они за мной зайдут.
— Кто это—они?—напряглась Галя ещё больше.
— Саня, Лёха и Толян.
— А Лёха и Толян тут каким боком?
— Помогать будут.
— Всё ясно!—Галя торжествующе посмотрела на мать.—Догоняться пойдут. В гараже и ужрутся... Никуда ты не пойдёшь!
— Я обещал.
— Никуда не пойдёшь, сказала.
— Я тоже сказал. Галка—всё!
— Ну что, в наркологию его сдавать, что ли?

Мать погладила расстроенную дочь по плечу.
— Не гони лошадей. Дай человеку шанс.

Галя всхлипнула от бессилия.
— Я где ему возьму этот шанс? Все шансы давно закончились.—Она с ненавистью посмотрела на мужа.—Ещё раз увижу с бутылкой, сдам в наркологию!
— Паша, Галя!—всплеснула руками мать.—Я же там сделала вареники с вишней. Пойдёмте обедать. Регулярное питание полезно для здоровья.

Паша устал от разговора, и ему уже порядком захорошело. Он лёг на диван и прикрыл глаза.
— Сейчас приду,—неуверенно пообещал он.—Полежу немного, глаза закрываются.

Мать с дочерью переглянулись.
— Он уже совсем хороший,—сказала Галя.—Всё! Теперь будем бегать по утрам. Я и ты—слышишь?! Встаём полседьмого и полчаса пробежка. С завтрашнего дня начинаешь новую жизнь. Вот тебе соломинка—хватайся!
— Нет, насчёт бегать, я...
— Я сказала: будешь бегать!—отрезала супруга.
— Не шуми, Галюнь...—попросил отъезжающий Паша.—Десять минут кемарю. Мужики придут, разбудите... Ладно, бегать буду.
— Ага! До ларька и обратно... Нет, я лучше на каратэ запишусь. И на тебе начну отрабатывать. Углы собирать потом будешь своей башкой. Я тебе устрою!..

Резкий и неприятный голос жены раздражал засыпающего мужа.
— Всё, Галюнь,—еле ворочая языком и мыслями, выговорил он.—Я понял. Иди уже...
— Я ещё вернусь!—пригрозила она и зачем-то громче повторила:—Я вернусь...

Затем эта её фраза прозвучала в Пашином мозгу ещё раз, но уже тише, деформированная волнами набегающего сна. Эти волны смывали всё более и более как размахивающую руками Галю, так и едва доносящийся издалека её голос. Наконец последняя сонная волна окончательно размыла картинку уплывающей реальности и Галя исчезла.

Некоторое время в комнате оставался только Паша, расслабившийся на диване и утопающий в глубоком забытье.

Вдруг в комнате, из ниоткуда, словно сконцентрировавшись из бесцветного и бесплотного воздуха, появился странный персонаж: две руки, две ноги, голова на месте, одет, как все,—ну человек, да и только. Этот некто осторожно подошёл к дивану и с умилением посмотрел на спящего Павла Афендикова. Тут же, и опять будто из ниоткуда, вынырнул второй персонаж, и тоже как две капли воды похожий на обыкновенного человека. Даже на человека самого что ни на есть обыкновенного: распахнутый, разболтанный и немного навеселе. Этот второй некто, пусть и неуклюже, но очень заботливо поправил подушечку под головой Паши.

— А-а!.. здравствуйте, господин Пивик!—тихонько окликнул второго персонажа первый.

— Приветствую, господин Курёха!—так же тихо и с доброй улыбкой ответил второй.

Они очень тепло и сердечно пожали друг другу руки.

— Пришли проведать нашего подопечного?—поинтересовался тот, кого назвали Курёхой.

— Да. Переживаю за него: как он?.. что?—покачал головой тот, кого назвали Пивиком.

И теперь они уже оба, стоя у дивана, ласково посмотрели на спящего.

Паша продолжал спать, звучно набирая в лёгкие воздух и ещё более звучно выдыхая его. Он ещё не храпел, но уже похрюкивал. Несчастный, он даже не подозревал о том, что сейчас происходит над его отдыхающим телом. Между тем четыре гаденьких умилённых глаза продолжали наслаждаться созерцанием спящего Павла Афендикова.

— У него всё в порядке,—удовлетворённо кивнул господин Курёха.

— Вижу, вижу,—согласился господин Пивик.

— Вашими молитвами.

— Да и вашими тоже. Не скромничайте.

— Чего скромничать? Делаем одно общее дело.

Чёрт его знает, откуда, но в комнату дома номер двенадцать по улице Тупиковой вывалился третий персонаж—высокий, худой с прилизанными редкими волосами и плохими зубами, оскаленными в оттянутой приветливой улыбке. Болтающейся, развязной походкой он подошёл к дивану.

— Здравствуйте, коллеги!—праздничным голосом поприветствовал он тех, кто не спал.

Те, кто не спал, враз обернулись на его голос.

— А-а!.. господин Дурло!—и оба раскинули руки, сердечно приветствуя новичка.—Привет, молодёжь!

Три странных персонажа нежно обнялись.

— Наконец-то мы все вместе,—с чувством произнёс Курёха.—Рады вам, наш младший товарищ! Чрезвычайно рады!

— Я сам катастрофично рад!—опять во весь рот улыбнулся третий.

— Господа, господа!—чуть повысил голос Пивик, собирая внимание.—Вы в курсе, по какому поводу мы собрались сегодня?

— Конечно,—тут же отозвался Курёха.—У нашего подопечного сегодня круглая дата.

— Завтра,—мягко уточнил Дурло.—Только завтра, любезнейший. У вас склероз.

— Конечно, склероз,—с удовольствием согласился Курёха.—Мы со склерозом неразлучные друзья. Я не скрываю и не стыжусь этого.

— Господа, к делу! К делу!—призывно захлопал в ладоши Пивик.—Ответственней, пожалуйста. Здесь серьёзный разговор. У нашего подопечного наклюнулась круглая дата.

— Вот он, наш красавчик,—продолжал умиляться Курёха.—Он нас так любит, так любит!

— Не будем отрицать, и мы отвечаем ему взаимностью,—сказал Пивик и обращаясь к третьему, спросил:—Завидуете нам, дружище?

— Нет, коллеги!—нагло ухмыльнулся тот.

— Почему? Вы не ревнивы?

— Не ревнив, представьте. Живите в любви и согласии, наслаждайтесь друг другом, дарите друг другу радость, да будет ему…—он кивнул на спящего Пашу,—остаток жизни в удовольствие. Ну а наши с ним отношения, я думаю, ещё впереди.

— Вот как?—удивился Курёха.—Вы думаете, коллега?

— Возможно всё, друзья,—проникновенно заметил господин Дурло.—Когда-нибудь, кто-нибудь, возможно, познакомит его со мной. А вы знаете, что стоит только хоть раз познакомиться со мной—и всё… дружба на всю оставшуюся жизнь! Я не бросаю своих друзей. Я с ними иду рука об руку до самой, так сказать, гробовой доски.

— Да, он любопытен,—согласно почесал затылок господин Курёха, взглянув на спящего Пашу.—Он захочет новых ощущений.

— Не сомневайтесь, друзья,—продолжал нагло и самоуверенно ухмыляться третий.—Если что, то я славно встречу его… И нам будет феерично.

— Но, господа, мы снова отвлеклись…—вернулся к делу Пивик.

— На чём мы остановились?..—перебил Курёха.—Извините, это опять склероз.

Господин Пивик торжественно поднял вверх указательный палец правой руки, и выражение его лица тоже стало торжественным. Он сказал следующее:

— У нашего друга важная дата. Пятнадцать лет! Пятнадцать лет, господа, нашего с ним знакомства! День в день! Клянусь пробкой! За всё это время я не могу сказать о нашем друге ни одного дурного слова. Он всегда был настоящим товарищем, никогда не бросал меня и не изменял даже в мыслях! Он всё чаще и чаще думает обо мне. И скоро наступит долгожданный миг, когда все его помыслы будут только обо мне! А это — настоящая любовь, клянусь пробкой!

— Не будем перетягивать на себя одеяло, — недовольно заметил господин Курёха. — Оставьте и мне клочок, будьте любезны.

Господин Пивик приложил руку к груди:

— Пожалуйста, дорогой коллега. Вам слово.

— Что я хочу сказать?.. — откашлявшись, заговорил Курёха. — Ну, во-первых, и это очень важно, наша с ним дружба старше, чем его отношения с предыдущим оратором. На целых пять лет! Так что, коллеги, в юбилейный день я буду отмечать двадцатилетие наших с ним отношений. Да, мы познакомились ещё в школе. Помню, как сейчас. Нас с ним познакомили старшеклассники. Нет, мы не сразу понравились друг другу. Сначала он от меня кашлял и плевался, а потом — ничего, привык. Так умилительно сейчас вспоминать, господа, как мы на переменах уединялись от учительских глаз в укромное местечко, чаще всего в туалет... — Глаза оратора округлились и увлажнились приятными воспоминаниями. — Я доставлял ему маленькое удовольствие... Да, я не мог подарить ему таких ярких ощущений, как вы, коллега... — Он с вызовом посмотрел на господина Пивика. — Но тем не менее наши с ним отношения развивались, крепли и теперь носят стабильно ровный характер. Я доволен нашим подопечным. Очень доволен. Так держать, дорогой друг!!

Тут слово подхватил господин Дурло.

— Да, коллеги, пятнадцать и двадцать лет — цифры достойные. Вы, господа, без сомнения, заслуживаете всяческого уважения с моей стороны, так как мне похвастать пока нечем. Но уверяю вас, если он сам захочет, я подарю ему незабываемые минуты. И это будут не стабильные, ровные отношения, это будет обжигающая страсть. Это будет взрыв, это будет полёт, это будет нечто экзистенциальное!..

— Не выражайтесь, пожалуйста, коллега, — тихо попросил господин Пивик.

— Но теперь к прозе жизни, — продолжал возбуждённый Дурло. — В праздник, друзья, без подарка не приходят. Чем мы порадуем нашего дорогого друга?

— О! Я уже приготовил, — радостно потёр руки господин Пивик. Я подарю ему восхитительный подарок — цирроз печени!

— А я... — тут же подхватил радостный господин Курёха, — Я непременно принесу рак лёгких!

— Ах, вы с козырей?! — шаловливо засверкал глазками длинный. — В таком случае от меня спид ему в помощь. Как только, так сразу. Я побеспокоюсь.

Неясно, то ли подарок третьего раззадорил товарищей, то ли они увлеклись сами, но после слов товарища Курёха добавил в пакет подарков сморщенную кожу, запах изо рта плюс жёлтые нездоровые зубы. Раззадорившийся Пивик не пожалел туда же инсульт, сердечную недостаточность и язву желудка — да будет он счастлив!

— Класс! — заключил господин Дурло. — Он будет доволен, друзья.

— Всё правильно, зачем умирать здоровым?

— Конечно, здоровым умирать обидно. Зато больной развалиной умирать одно удовольствие.

— Коллеги, так подарим ему это удовольствие!

— Лет через пятнадцать! — восторженно завопил господин Курёха, уже не боясь разбудить спящего Пашу.

— А лучше через десять! — подхватил Пивик.

— А ещё лучше, через пять! — сверкнул нехорошими глазками Дурло.

— Коллеги, это дело надо обмыть, — предложил второй.

— Лучше — перекурить, — не согласился первый.

Третий обнял товарищей за плечи и пакостно шепнул им:

— А в идеале — забить косячком!

Все три персонажа вдруг заорали в диком восторге, запрыгали. Невесть откуда загрохотала музыка, сотрясая стены дома и... невероятно — в комнату как из дырявого пакета посыпались некие существа карликового роста, одинаковые на вид, но созданные не из праха земного, в одинаковых чёрных масках, закрывающих всё лицо, или что у них там было на месте лица. Существа начали танцевать под музыку, вернее, выламываться и кривляться, потому что под такую музыку можно только выламываться и кривляться.

Паша в горячке сна метался на диване, силясь проснуться. И это удивительно, потому что от оглушающей музыки и топота стада, танцующего вокруг, не проснуться мог только мёртвый.

Наконец музыка резко оборвалась, и вместе с ней тут же исчезли кривляющиеся демоны. Испарились все, кроме двоих. Вдруг очутившись в одиночестве, эти двое испуганно застыли и осторожно огляделись по сторонам. Убедившись, что здесь более никого нет, сорвали с себя чёрные маски и отшвырнули их в стороны. Каким-то невероятным образом они из уродливых коротышей преобразились в существа человеческого роста и обличья. Лица их напоминали лица Гали и её матери. Конечно, это были не они, но очень похожи.

Оказавшись одна у ног, вторая у головы спящего Паши, эти сущности, будто впервые увидевшись, приветствовали друг друга.

— Здравствуйте, Правильное Питание,—сказала похожая на Галю.
— Здравствуйте, Госпожа Спорт,—отвечала похожая на мать.
— Что вы здесь делаете?
— То же самое, что и вы.
— Тс-с-с!..—Госпожа Спорт поднесла палец к губам.—Вы всё слышали?
— Да, он в трудной ситуации,—согласилась Правильное Питание.
— Я скажу больше: он в лапах абсолютного зла.
— Бедняжка. Мы должны ему помочь.
— Мы сделаем всё, что в наших силах.

Госпожа Спорт присела на диван у Пашиного изголовья, Правильное Питание—у его ног. Вместе они промурлыкали несколько строчек колыбельной песни, отчего мятущийся во сне Паша тут же успокоился, расслабился и снова засопел.

— Как же от него скверно пахнет,—поморщилась Госпожа Спорт.—Это всё пиво.
— Исхудал совсем. Это сигареты,—горько покачала головой Правильное Питание.
— Ему надо браться за своё здоровье.
— Прежде всего, упорядочить режим питания—это очень важно.

Паша, несмотря на то, что спал, прекрасно слышал всё, что происходит в комнате. Слышал, но не мог ни сказать, ни пошевельнуться, ни подать какой-либо знак. Так иногда в ночном кошмаре мы не можем двинуть оцепеневшим телом, чтобы избежать грозящей нам потусторонней опасности.

— Как убедить его бегать по утрам?—рассуждала вслух Госпожа Спорт.
— И есть вареники с вишней?—поддержала Правильное Питание.

Госпожа Спорт удивлённо посмотрела на неё.

— При чём здесь вареники с вишней?
— Ни при чём,—пожала плечами Правильное Питание.—Просто к слову пришлось.

Они в сочувственном молчании посидели возле булькающего, хрюкающего и сопящего Паши. Наконец Госпожа Спорт очень легко произнесла:

— Вы знаете, Правильное Питание, что у него под подушкой заначка—литрашка пива?

Правильное Питание укоризненно покачала головой.

— Ай-ай-ай, как нехорошо! Пиво нарушает пищеварение, угнетает аппетит и вредно для печени.
— Пиво под подушкой... А ведь он мне ничего не сказал.
— А почему он вам должен был об этом говорить, Госпожа Спорт?
— Да это я тоже к слову.
— У нас очень мало времени... Как ему помочь?
— Он должен захотеть помочь себе сам. Без его желания мы бессильны.

Спящий Паша хотел дать понять этим сущностям, что он их слышит и на всё согласен, но странное оцепенение по-прежнему не отпускало его расслабленное тело. Он силился вскрикнуть и проснуться, но вдруг в комнату, как выпавший осадок в химической реакции, выкристаллизовались господа Пивик, Курёха и Дурло.

— Опа!—закричал Пивик, увидев находящихся здесь дам.—Вот они, красули!
— Чего надо в нашем ауле?—ощетинился Курёха.
— Чуваки, они пришли испортить нам праздник!—истерично взвизгнул длинный.—Гоните их!

Все трое как-то по-бабьи замахали руками на несчастных, прогоняя их. Правильное Питание испуганно пятилась, а Госпожа Спорт, напротив, в защите демонстрировала некоторые умения в области восточных единоборств. Однако силы были изначально неравны, и женщинам пришлось уступить поле боя—душу человека.

— Всех вас надо в наркологию сдать,—напоследок сказала этим дуракам Госпожа Спорт, после чего и она, и Правильное Питание бесследно исчезли.

Победители, оставшиеся в комнате, тут же подошли к спящему. Глаза их загорелись недобрым огнём, руки жадно потянулись к Паше, серые скрюченные пальцы дрожали от нетерпения. И руки-то у них походили на крюки, а пальцы—на волчьи когти. Паша от ужаса задышал сильно и прерывисто, и когда хищные звериные лапы почти коснулись его, вдруг передёрнулся сонной судорогой, громко вскрикнул освободившимся голосом и... проснулся.

Прямо у дивана, чуть склонившись над Пашей и с любопытством разглядывая его, стояли друзья—Саня, Лёха и Толян. Пашино сознание сразу же отметило, что друзья были одеты точно так же, как и демоны из сна. И вот сейчас кореша стояли над ним и знакомо улыбались.

— Привет,—сказал Лёха.—Спишь, что ли?

Паша тяжело поднялся и сел на диване.

— Да так, закемарил.
— Чего приснилось?—поинтересовался Саня.
— Так. Чухня.
— Пиво пить идём?—спросил делово настроенный длинный худой Толян.
— Пиво?—Паша полусонными глазами осмотрел товарищей.—Какое пиво?
— Мы же договаривались,—поддержал Толяна Лёха.
— Якобы чинить мою машину,—подсказал Саня.
— А на самом деле разгрузочный день: только пиво и никакой водки,—засмеялся Лёха.

Паша подумал. Ещё раз посмотрел товарищам в их добрые глаза. Тряхнул тяжёлой головой.

— Не, мужики. Я—пас.
— Что значит—пас?—растерялся Лёха.—То есть?
— Я передумал.
— То есть?
— Подумал и решил: бросать надо.
— Бросать что?—спросил Толян.

— Всё! — отрезал Паша. — Всё!!

Леха в растерянности обратился к товарищам:

— Мужики... Не понял... Что за заява?

— Ты нас не пугай, — попросил Саня.

— Нет... всё... пиво не буду.

— Без проблем. Давай — водку, — предложил Лёха.

— Нет. И водку не буду. И курить бросаю. С сегодняшнего дня.

— Может, он не проснулся? — обратился к товарищам Саня.

— Наоборот. Проснулся, — убеждённо ответил Паша.

— Тогда я не понял.

— И я не понял.

— Чего случилось-то, Паха?

— Как что случилось? — удивлённый таким вопросом Паша даже поднялся с дивана. — Вы же сами говорили, что курение это рак лёгких, алкоголь — инсульт и цирроз печени, наркотики — смерть через пять лет...

— Мы тебе такое говорили? — ужаснулся Толян.

— Когда? — ужаснулся Лёха.

— Да ну! — ужаснулся Саня. — Или у меня склероз?

— Да, да, и про склероз тоже, — вспомнил Паша.

Толян состроил гримасу на длинном худом лице:

— Чуваки, он совсем плохой.

Друзья поддержали Толяна.

— Надо выручать друга.

— Пойдём, прошвырнемся, покурим на свежем воздухе.

— Пивасика тяпнем.

Паша отказался. Категорически.

Друзья уговаривали, заклинали дружбой, взывали к совести: Паша — нет. Ещё немного посотрясав воздух, друзья ушли. Ушли сразу и внезапно. Паша хотел этому удивиться, но с удивлением обнаружил, что уже ничему не способен удивляться. Тогда Паша решил поговорить с единственно адекватным человеком в этом доме — с самим собой. Он принялся ходить из угла в угол, громко спрашивать себя и громко себе же отвечать. Пришёл к выводу, что необходимо браться за себя, своё здоровье, своё будущее. Потому что если проморгать одно и другое, то в результате не будет третьего. Надо бегать. Галя правильно говорит. Галя всегда правильно говорит. Бег — универсальная физическая нагрузка, оздоровляющая и омолаживающая. И тёща права, конечно. Сколько можно травить свой организм всякой дрянью? Нет уж, лучше вареники с вишней. И вкусно и полезно. И печень не гробит. И язву не готовит. Надо бегать!.. надо!.. надо!..

Бурля своими мыслями, Паша не заметил, как в комнату вошли Галя с тёщей. Он даже вздрогнул на знакомый Галин голос, точно ударивший его в спину:

— Проснулся, козёл безрогий?

Паша отреагировал очень неожиданно. Он кинулся к жене, обнял её, потом взял за руки и преданно заглянул в глаза.

— Галя, Галюня, как хорошо, что ты пришла!

Паша имел настолько необычный вид, что у Гали округлились глаза, а у тёщи, совсем немножко, отвисла челюсть.

— Мама, вы тоже... — обратился к тёще сумасшедший Паша, — тоже хорошо, что пришли. Я так рад вас видеть!

— Паша... голубчик... — едва слышно прошептала растроганная мама.

— Давай бегать!.. — Паша с безумными глазами тряс Галины руки. — Давай! С завтрашнего дня! Нет, с сегодняшнего!.. Регулярный бег! — в глаза Гале. — Регулярное питание! — в глаза тёще. — Регулярная жизнь... в смысле вообще! И здоровье! Здоровое тело! Здоровый дух! Здоровая психика! Здоровое всё!!

— Здравствуй, белая горячка? — осторожно спросила Галя.

— Нет. Прощай старая жизнь! — радостно ответил Паша.

— Ты издеваешься или серьёзно?

— Галя! Мама!.. У меня открылись глаза! — чуть не плакал от радости Паша.

— Ты наша умница, — всхлипнула мать.

— Теперь никакого пива, никаких сигарет! — продолжал просветлённый Паша. — Никакого... ну, и так далее. Бег по утрам — обязательно! — и, ещё раз нежно обняв жену, он решил пошутить. — Я правильно говорю, Госпожа Спорт?

В глазах Гали мелькнуло какое-то странное удивление. Немного похожее на испуг.

— Как ты меня назвал? — спросила она чуть изменившимся голосом.

— Госпожа Спорт, — игриво повторил Паша.

Галя переглянулась с матерью.

— Откуда ты знаешь моё настоящее имя?

Паша подумал, что Галя шутит, и уже хотел пошутить в ответ, но что-то в Галином взгляде заставило его сдержаться.

— Не понял.

— Моё настоящее имя — Госпожа Спорт, — чётко и негромко произнесла жена.

Испуганный Паша посмотрел на тёщу, ища у неё помощи.

— А моё настоящее имя — Правильное Питание, — сощурив глаза, ставшие мгновенно чужими и незнакомыми, ответила тёща.

И тогда Паша понял всё.

— Это был не сон! — он попятился от тех, кого долгое время считал женой и тёщей. — Так, значит, это был не сон?!

Паша не увидел, нет, он почувствовал холодными иголочками в спине, что позади него кто-то есть. Он резко обернулся. Всего в шаге от него стояли чёрт знает откуда взявшиеся Саня, Лёха и Толян. Они так внимательно заглянули

в Пашины глаза, что, казалось, хотели забраться через них в самую его душу.

— Он нас раскусил,— чужим, незнакомым голосом сказал Лёха.

— Он всё понял,— с неприязнью глядя на Пашу, произнёс Саня.

— Карты раскрыты,— просвистел сквозь плохие зубы длинный костлявый Толян.

Зажатый с обеих сторон странными сущностями, как две капли воды походившими на его родных и друзей, Паша затрясся, соображая, что делать. Выпрыгнуть в окно он бы не успел: демоны наверняка стремительнее и вцепятся в него, повернись он к ним хоть на секунду спиною.

— Значит, это был не сон,— предательски сломавшимся голосом повторил Паша.— Это… был… не сон!

И те и другие с обеих сторон начали медленно надвигаться на него. От дикого ужаса Паша оцепенел так, что не в силах был даже глазом моргнуть. К нему потянулись жадные хищные руки, и каждая из сторон шипела ему прямо в ухо:

— Ты наш!.. Ты наш!.. Попался!.. Попался!!

Паша хотел закричать, но отяжелевшие челюсти не слушались его, зубы были насмерть сомкнуты, тело окаменело.

Скрюченные серые пальцы с длинными-длинными когтями подбирались всё ближе к Паше и уже, было, коснулись его, как вдруг некий внутренний толчок в секунду освободил тело от чудовищного мышечного зажима и Пашин голос воплем вырвался наружу. Пашу подбросило на диване и он… проснулся.

В первую секунду, тяжело дыша, он не мог сообразить, где находится. Когда до его перепуганного сознания дошло, что он лежит на диване в собственном доме, Паша облегчённо вздохнул и расслабился. Пустую комнату заполняла абсолютная тишина. Странно, но даже с улицы не доносилось ни единого звука. Паша неуклюже поднялся и сел на диване.

— Галя!..— глухо и немного испуганно позвал он.— Галь, где ты?.. Галя!..

В комнату сразу же, будто ожидая Пашиного зова, вошла хмурая Галя.

— Ну?— так же хмуро спросила она.

Паша сделал невнятный жест руками и прокомментировал его:

— Я проснулся.

— Вижу.

— Мужики приходили?

— Не было никого.

— Я долго спал?

— Долго.

— Снилось чёрте что.

— Больше пей.

— Больше нету. Ты же вылила бутылку.

— А вторая?

— Какая вторая?

— Под подушкой.

— Под подушкой?

— Да. Там у тебя лежит вторая бутылка.

Паша дал себе несколько секунд подумать.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю,— не меняя интонации и так же хмуро ответила Галя.

— Откуда?— Паша внимательно посмотрел ей в глаза.

И тут в её хмурой самоуверенности промелькнула тень. Он увидел глубоко затаённую растерянность в её глазах.

— Откуда ты это знаешь?— чуть повысив голос от пробежавшего по спине холодка, спросил Паша.

— Ты говорил,— споткнувшись, ответила Галя.

— Нет…— Паша покачал головой, не сводя взгляда с Галиных глаз.— Я тебе этого не говорил.

— Я видела, как ты туда её сунул,— не очень уверенно произнесла Галя.

— Опять врёшь. Видеть ты этого не могла. Вы были в огороде.— Паша поднялся с дивана и осторожно отступил от жены на шаг назад.— Откуда знаешь? Говори!..

Галя смотрела в упор на испуганного супруга и молчала.

— Это знала только она,— сделал вдруг жуткое открытие Паша.— Эта!.. Из моего сна!— Он отступил ещё на шаг.— Кто ты?..

— Паша, успокойся,— странной, очень странной интонацией произнесла Галя.— Всё в порядке.

Она сделала едва заметный шаг по направлению к нему.

— Не подходи ко мне,— защищаясь, вытянул вперёд руки Паша.— Не подходи!

— Не бойся меня,— вкрадчиво сказала Галя и сделала ещё шаг.

— Не подходи!!

— Не бойся… Я тебе ничего не сделаю… Ничего плохого… Не бойся.

Вдруг она яростно изменилась в лице, покраснела, засверкала глазами и словно разжатая тугая пружина прыгнула на Пашу! Прыгнула и вцепилась в него!!.. Паша пронзительно закричал и… проснулся…

Проснулся!..

Проснулся!!..

Проснулся?.. Или опять — нет?..

С того дня Павел Афендиков навсегда, окончательно и бесповоротно бросил пить. И курить тоже бросил. Честное слово. Конечно, когда проснулся по-настоящему. А вы?.. Вы всё ещё спите?.. Будильник нужен?.. А то мы можем и заглянуть… Тук-тук…

Александр Карпенко

Сказочная лирика Эльдара Ахадова

Эльдар Ахадов. Чудо в перьях. — Новокузнецк: Союз Писателей, 2017. — 36 с.

Сказки, отобранные Эльдаром Ахадовым для своей новой книги, весьма разнообразны по своему звучанию. Здесь и маленькие зарисовки, интонационно напоминающие стихотворения в прозе, и полноценные сказки с постепенно развивающимся сюжетом. Такое построение книги, во-первых, даёт возможность расширить возрастной диапазон читателей; во-вторых, позволяет автору использовать «принцип крещендо», когда сила, притягательность и универсальность сказок возрастают с каждым новым произведением. И мне, как читателю, импонирует такая компоновка. Эльдар Ахадов — яркий представитель «Андерсеновского» направления сказочничества. В его сказках невозможно отличить правду от вымысла, потому что вымысел у него — тоже правда. Особая одухотворённость — вот ещё что роднит сказки Ахадова с историями, рассказанными великим датским сказочником. Как и Андерсен, Ахадов любит писать сказки, это позволяет ему совместить исповедь и проповедь добра. Как и Ганс-Христиан, он никому не говорит, для кого эти сказки: для детей или для взрослых. Каждый читатель сам решит, для него ли это написано. Мощный и быстрый ум Эльдара Ахадова вместе с тонко понимающей душой создаёт универсальные и глубоко народные сказочные полотна.

Сказка «Цветок Чжень» величественна, как мироздание. Пожалуй, в ней, как и во многих других произведениях Эльдара Ахадова, можно обнаружить отголоски морализма. Но поэтический рассказ всё равно доминирует, главенствует над моралью, он — первичен. Из него каждый читатель может взять ровно столько, сколько он готов взять в данный момент. Рассказ о цветке Чжень способен даже стать провозвестником новой религии. Это будет покруче великих социальных утопий по своему потенциалу! Вертикальное единение поколений во имя чистоты, дарованной цветком Чжень! Жизнь в борьбе с силами мирового зла! Именно после этой сказки я окончательно убедился, что Эльдар Ахадов — немыслимый, невероятный, эксклюзивный, сногсшибательный писатель. Такие вещи, как «Цветок Чжень», подвластны перу единиц!

«Цветок Чжень» — это завещание, воскрешающее предков. Вспоминается «Философия общего дела» выдающегося русского мыслителя Николая Фёдорова. В этом «взращивании» в себе сил добра есть подлинное величие! В то же время нельзя полагать, со временем все без исключения люди узнают «запах цветка Чжень». Утопическая шаткость этого предположения побеждается в рассказе Эльдара Ахадова верой в возможность такого чудесного превращения (на то она и сказка!). В рассказе Эльдара Ахадова вера и дела людей сплетены в нерасщепляемый клубок. В Начале было Дело. Отец китайца Ляо, движимый любовью к жене и сыну, нашёл и сорвал заветный цветок Чжень, охраняемый демонами зла. Силы зла заточили его за это в темницу. Где и пребывает он поныне в молодости и добром здравии, благодаря волшебному цветку. И высвободить его оттуда можно только верой (sola fide), когда наступит такое время. Вера и совершит необходимое для воскрешения предка действие. Конечно же, в рассказе Ахадова потрясает сам сюжет. Это надо было придумать! Глубина и трогательность замысла выдают в Эльдаре Ахадове демиурга. Этот человек, подобно Толкиену, способен творить целые миры. Непрерывность жизни — вот что выносит пытливый читатель из произведений писателя Ахадова.

Именно в жанре сказки многонациональное человечество создало наибольшее количество замечательных произведений. Сказки есть даже у тех народов, у которых практически нет литературы. Этот народный фольклор понятен всем — и потому безграничен. Поэтому нет ничего удивительного в том, что новые сказочники используют богатства, наработанные за много веков. Не стесняется использовать элементы многонационального фольклора в своих произведениях и Эльдар Ахадов.

Сказки Эльдара Ахадова очень романтичны. И почти всегда — это особый романтизм, имеющий мало общего с банальностью хеппи-эндов, когда «и стали они жить-поживать да добра наживать». За своё счастье герои Ахадова борются, их «ведёт», подобно нити Ариадны, всепобеждающая любовь. В сказке «Элиза», название которой напоминает

нам о замечательной лирической пьесе Бетховена, любовь побеждает всё—разлуку, смерть, страшную эпидемию, уносящую человеческие жизни. Да, в сказках Ахадова порой происходят горькие, страшные события, и, кажется, вот-вот, и маятник навсегда качнётся в сторону беды и печали. Но люди выживают—и идут дальше. Принц из сказки «Элиза» чем-то напоминает молодого Петра Первого, он так же увлечён лоцманством, корабельным делом, морской разведкой. Но вряд ли российский государь был способен на такую чистую любовь и беззаветную верность любимой женщине, как принц, герой сказки Эльдара Ахадова. В сказке герой совмещает в себе и умение управлять государством, и достойное поведение в частной жизни. В реальности это сочетать в себе очень трудно, почти невозможно. Служение государству требует от человека больших жертв, часто несовместимых с личными пристрастиями. Но в сказке возможно всё! Какое счастье, что принцы в сказках освобождены от рутинной работы приёмов и церемоний! Они даже не обязаны жениться на особах королевской крови! Это, вне всякого сомнения, добавляет им счастья и воздуха. За это мы и любим сказки.

События, произошедшие в стране за время отсутствия принца (так и хочется сказать: принца Гамлета!), повергают его в своего рода безумие. Он имел всё—и в одночасье всё потерял. Чтобы перенести такое, нужна особая крепость духа. Но чёрная полоса в жизни не может продолжаться вечно! Концовка сказки поражает воображение даже видавшего виды читателя: такой финал мог написать только человек с большим сердцем. Элиза, героиня сказки, сражённая болезнями и долгим невозвращением любимого человека, уплыла на утлой лодчонке далеко в море. Где она, что с ней? Как всегда в сказках, времени нет: оно растворилось где-то в водовороте событий. Мы не знаем, сколько пробыла в море отважная девушка, сколько искал её принц. Это не важно. Главное—вот что. Неустанные мысли о любимой совершили внутри человека чудо: он прозрел, и увидел звёздное небо над головой, и услышал, как она его зовёт. И вот уже маленькая лодка Элизы, словно летучий голландец, появляется в поле зрения принца. Что с ней? Жива ли она? Эльдар Ахадов ничего об этом не говорит, и понимаешь: это—какая-то высшая жизнь, при которой не имеет значения, жив человек в своём теле—или уже его покинул. Это—бессмертная любовь и бессмертная любимая! Как она может умереть, если смогла победить такую страшную болезнь, а вместе и ней—и беспросветную многолетнюю разлуку? Это одновременное состояние покоя и действия поражает в сказочной лирике Эльдара Ахадова. И фата-моргана становится реальностью! И «бегущая по волнам» радость воссоединения любящих сердец—становится неизбежной и необратимой. Ахадов не даёт нам хеппи-энд. Он даёт нам больше, чем хеппи-энд. Он даёт нам катарсис. Прекрасное побеждает болезни и даже саму смерть. Пожалуй, именно сказки—наименее подверженный «старению» жанр литературы.

Добрые сказки Эльдара Ахадова не всегда заканчиваются счастливо. Однако после них хочется жить! Пространство сказки—оно везде. «О голосе на ветру»—это, пожалуй, стилизация под сказку, когда вполне взрослые проблемы освещаются в «детском» формате. Сама суть повествования—не сказочна. В начале Эльдар Ахадов рассказывает нам, с чего обычно начинаются войны. Все войны обычно так и начинаются—из-за пары пустяков. Кому-то показалось, что он запросто может завоевать другую страну. Или кто-то обиделся на слова соседа настолько, что готов мстить за них жизнями своих подданных. Короли—они ведь такие же люди, как и мы с вами,—только, может быть, чуть более могущественные. Пример Эльдара Ахадова показывает: обычно сказки народов мира так и возникают—прямо из жизни. То есть процент реальности в них очень высок. Может быть, он даже выше, чем в романах Толстого или Достоевского. Поэтому большая глупость—считать сказку «низким» жанром, недостойным пера Мастера.

Конечно, Эльдар Ахадов рассматривает ситуацию, когда «хороший» король противостоит «плохому». В действительности часто бывает, что оба короля—нехорошие. Например, Сталин и Гитлер. Каждый—нехорош по-своему. Но именно Сталин в войне был вынужден пожертвовать своим сыном. Поражает, когда человеческая драма подаётся в сказочном обрамлении. Выбирать между родиной и сыном не пожелаешь и врагу. Но, если ты глава государства, твой выбор предопределён—конечно, ты будешь «голосовать» за свою державу, а не за свою семью. Иначе, может быть, ты и не стал бы королём. Но король, герой сказки Ахадова, вдобавок ко всему—ещё и хороший человек. Нет, он не колеблется в своём выборе, он—«стойкий оловянный солдатик». Но он словно предчувствует, что такой выбор будет стоить ему рассудка. Вы понимаете, победа над неприятелем и свобода своего народа не могут компенсировать человеку утрату единственного сына. И он бродит, как безумный шекспировский король Лир, чужой на этом празднике жизни. Парадоксальность драматургических решений—сильная сторона писателя Эльдара Ахадова! Жизнь вскрыла страшную истину: король может жить без страны, но не может без наследника. Он этого не знал заранее. Он просто не смог. Поэтому мы так сопереживаем королю, хотя главный герой сражения—не он, а его сын. Эльдар Ахадов мастерски ведёт свой незабываемый рассказ. Принц не погибает на

поле боя, он — среди «пропавших без вести». Это усиливает драматизм повествования, повышает градус сопереживания. И здесь писателя осеняет ещё одна блестящая находка. Мы не знаем, сколько времени король искал сына. Время исчезло в этом священном безумии. Вслед за временем исчезает и человек, сам король. Он ходил за сыном так долго, что от него остался только голос. И здесь писатель точен: не имеет значения, жив король или нет. Его голос звучит. И звучать никогда не перестанет. Потому что неслыханная отцовская жертва не имеет меры и цены. Его отцовский подвиг — бессмертен.

Все сказки Эльдара Ахадова, составившие его новую книгу «Чудо в перьях», дивно хороши. Но сказки «Элизе», «О голосе на ветру» и «Цветок Чжень», несомненно, являются вершиной сказочного творчества писателя. И не случайно Ахадов поставил их завершать свою книгу. Книга «Чудо в перьях» обладает интегральным свойством быть интересной на разных уровнях понимания. Дети будут радоваться приключениям сказочных персонажей и, конечно, сопереживать им. Взрослые, помимо этого, обнаружат в них глубокую философию. Даже в самых простых сказках, вроде «Капли в море», часто есть второй план. Капля — это отдельно взятый человек. Море — это народ. Путешествие капли из тучи в море — становление народа из отдельных индивидуумов. Я убеждён, Эльдар Ахадов обладает уникальной способностью хорошо понимать и детей, и взрослых. Есть некая связующая нить, объединяющая всё человечество, независимо от возраста конкретных людей, и это чувствуется в каждой сказке писателя. Хочу пожелать книге «Чудо в перьях» множества переизданий. Пусть она станет желанной гостьей в каждом доме, где подрастают маленькие жители нашей планеты.

Мила Машнова

Скоро придёт рассвет

Харьков — Москва

Харьков тире Москва.
Пыль городов и серость.
Я без тебя — мертва,
просто живей, чем хотелось
выгляжу.
Завтра зима.
Встречу её в экране
окон своих.
Взымать
выйду печаль.
А в кармане
пальцы искать начнут
прошлое.
Как нелепо!
Но бесполезен труд —
лишь мелочь звенит монетой.
В мудрость играть нет сил.
Я до единого помню,
кто от меня уходил,
но сердце не вырвал с корнем.
Скоро придёт рассвет…
«Красной» шаблон порвём?
Харьков — Москва — билет
куплен сегодня днём.

* * *

Расплела свои мнимые косы,
Заглядевшись на нимб горизонта.
Вечер тлел, догорал папиросой,
Словно грешник у врат Ахеронта.

Солнце пряталось плавно в ладонях
Незнакомки загадочной — Ночи,
Восседающей гордо на троне,
Разрывающей сумерки в клочья.

М(не она) протянула подарок —
(Он для ночи был просто бесценный)
Догорающий уголь, огарок,
Что остался от солнца вселенной.

Растерев между пальцами пепел,
Я в горсти обнаружила звёзды,
Их слизал языком тихий ветер,
Свив на небе созвездия-гнёзда.

Был закат коронован Луною,
Август ей аплодировал стоя…
Этот вечер был ярок собою,
Как Гомером сожжённая Троя…

Поэты Крыма

Юрий Поляков

Разделённая любовь

Эсэмэска

Урок…
Телефон завибрировал резко.
Наташе Петровой
Пришла эсэмэска.
А в той эсэмэске
От Мишки пять слов:
«Петрова, тибя я люблю.
Иванов».
Петрова
Слегка покраснела:
«Ах, Мишка!
Какой он прикольный
И классный мальчишка!»
И шлёт эсэмэску—
Всего лишь три слова:
«Дурак Иванов!—
Ну, и подпись:
Петрова».

Молитва

Вечер.
Иконка.
Лампадка мерцает.
Бабушка шепчет—
Молитву читает,
Слышу я:
«Господи,
В трудные дни
Нас не покинь
И от бед охрани».
Теплится свет
Под иконкой в лампадке,
Я повторяю
Молитву украдкой
Тихо за бабушкой—
Снова и снова—
С верой в простое
И доброе
Слово.

На пороге Мраморного зала…

На пороге
Мраморного зала,
В замке
Короля—Его Величества,
Тряпка очень важная
Лежала—
Важно-влажно-грязное
Тряпичество.
И была Тряпичество
Горда.
И полна достоинства:
Ещё бы!
Об неё придворные особы
Вытирали ноги
Иногда.

Царевна-лягушка

У Ленки—
Щенок,
Хомячок—
У Андрюшки.
У Ваньки—
Ушастый египетский кот.
А я обзавёлся недавно
Лягушкой!
Она у меня
Под кроватью живёт!
Её окружаю
Заботой безмерной,
И, честно признаюсь,
Никак не дождусь,
Когда превратится лягушка
В Царевну…

И я на Царевне-лягушке
Женюсь!

Прогулка

Сначала
Я просто
Сидел на скамейке,
Потом
По бордюру
Неспешно прошёл,
Потом
У сарая
Нашёл две копейки,
Потом
Ржавый гвоздь
В огороде нашёл.
Потом
Я дразнил
Очень злую собаку,
Потом
От неё
Убегал через двор,
Потом
От собаки
Запрыгнул я с маху
На самый
Высокий
В округе забор.
Потом
Я случайно
Свалился с забора,
Потом
Я без дела
Шатался полдня,
Потом
Я слегка
Отмутузил Егора,
А после…
Егор
Отмутузил меня.
Разорван
Рукав
На рубашке до края.
Под глазом —
Синяк.
Я вернулся домой…

Теперь
Я гуляю в углу,
Вспоминая,
Всё то,
Что сегодня
Случилось со мной.

Разделённая любовь

Вот так казус приключился,
Я почти лишился сна.
Я позавчера влюбился
В Машу из 6А.

Однокласснику Серёже
По ночам не спится тоже,
Потерял он тоже сон,
Тоже в Машеньку влюблён.

Тоже стал немножко нервный,
Тоже ходит сам не свой…
Только я влюбился первый,
А Серёжка — вслед за мной.

За такое я Сергею
Мог бы и намылить шею…
Только мы ведь с ним друзья!
И сидим от всех в сторонке —
Ведь друзьям
Из-за девчонки
Ссориться никак нельзя!

Раз уж мы влюбились вместе,
То любовь придётся нам,
Как сосиску в сдобном тесте,
Разделить
Напополам!

И под Машиным окном
Мы теперь сидим вдвоём.
Я вздыхаю —
Он вздыхает,
Я влюблён —
И он…
Влюблён.

Сергей Арутюнов, Марина Саввиных

«Чистым невинным душам» предстоит крепко постоять за Христа[1]

Ранней весной 2017 года подведены итоги Третьего Международного детско-юношеского конкурса «Лето Господне» имени Ивана Шмелёва[2]. Наиболее яркими впечатлениями третьего сезона делится с редактором конкурса, поэтом, преподавателем Литературного института Сергеем Арутюновым эксперт конкурса, поэт, главный редактор журнала «День и ночь» (Красноярск) Марина Саввиных.

— Марина Олеговна, как протекала ваша экспертная работа на конкурсе? Расскажите о ней поподробнее — вот вы, литератор не только со стажем, но и со звучным именем в поэтической среде, получаете файлы детских сочинений, начинаете читать, отмечать нестандартные «тропы и фигуры»: вырабатываются ли у вас какие-то личные принципы оценки, и если да, то какие именно и в зависимости от чего? Что — «сразу нет», а что — «да, и только да»?

— Первое — и сразу: испытываю глубокую неприязнь к попыткам рассуждать о предложенных проблемах в стихотворной форме. За этими попытками неизбежно просматривается рука не слишком чистоплотного в делах литературы взрослого. Как правило, никаких оригинальных «тропов и фигур» в подобных сочинениях не бывает. Всё то же, что и обычно у школьников, претендующих на высокую оценку за работу на заданную тему только в силу демонстрации умения по шаблону рифмовать и не сбиваться с ритма. Будто бы это само по себе заслуживает высочайшего поощрения… На самом же деле талантливые стихи — как, впрочем, всегда — встречаются среди конкурсных работ не просто редко, а почти никогда. И если вдруг сверкнёт среди унылых рифмованных проповедей нестандартный взгляд на, кажется, уже до дыр истёртый вопрос, взгляд, подкреплённый к тому же свойственным поэтическому дарованию чувством языка, — сама радуешься, как дитя.

Другое дело — проза, публицистика, особенно — литературоведческая. Здесь тоже главное — самостоятельность автора. Повторю: стоявший за плечом ребёнка взрослый ощущается буквально с первых строк. Но в прозе детская непосредственность, чистота восприятия мира, искренность проявляются наиболее естественно. Слава Богу, таких среди присланных на конкурс текстов было достаточно.

— О детском творчестве, а особенно о детском воспитании, у нас в стране рассуждают так же часто и легко, как об экономике, геополитике, сельском хозяйстве и методах ведения гибридных войн. К великому сожалению для тех, кто судит о молодом поколении по сетевым «приколам» — ответам выпускников на ЕГЭ и выдержкам из школьных сочинений, — картина, формируемая СМИ, изобилует явными передержками и изъянами, если так можно выразиться, неполноты и тенденциозности.

Какими вам показались конкурсанты «Лета Господня»? Кто они, о чём думают, куда стремятся? Высок ли уровень их образования, даёт ли он надежду на быструю и безболезненную адаптацию молодых авторов в современную российскую действительность, или, напротив, только даёт основания для острого конфликта с ней? Страшно ли вам порой за чистые, невинные души?

— Участники конкурса очень разные. Одно из негативных впечатлений — та невероятная лёгкость, с которой многие — увы, слишком многие — школьники выдают компиляции всевозможных материалов, почерпнутых в интернете, за результат собственного творчества, демонстрируя при этом полное непонимание того, что в авторском тексте чужое надо особым образом оформлять, иначе это будет — воровство, плагиат. Нет, ребята «на голубом глазу» считают подобный набор отовсюду нахватанных цитат — собственными сочинениями. Это — итог соответствующей деятельности

1. Первая публикация материала: https://pravchtenie.ru/konkursy-i-premii/o-lete-gospodnem-ekspert-konkursa-marina-savvinykh/

2. При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 05.04.2016 №68-рп и на основании конкурса, проведённого Общероссийской общественной организацией «Российский Союз Молодёжи».

школьных учителей. И масштаб бедствия сего нынче поверг меня в уныние.

Слава Богу, организаторы конкурса подключили в помощь жюри специальную компьютерную программу, позволяющую отсечь плагиат в самом начале проверки. А если говорить о действительно творческих работах — во многих подкупает искренность, неординарность взгляда на вопросы, казалось бы, многократно рассмотренные с разных сторон и уже не подлежащие рассмотрению. И, конечно же, в таких работах порадовала хорошая русская литературная речь. Будто и вправду тень Ивана Шмелёва незримо витала над головами пишущих детей.

Вся информация об авторах была зашифрована, но, честное слово, сочинения учащихся православных школ и гимназий и воскресных школ при храмах сразу специфически ощущались — именно свободным, но строгим обращением с фактами, историографической грамотностью. Просвещённостью, так сказать. Некоторые из них отмечены даже отчётливыми стилевыми признаками проповеди, страстной идейной заострённостью, «истовостью», как раньше говорили. Возможно, так вот и подрастают будущие священники.

Но были и просто очень добросовестные литературоведческие исследования, может быть, даже на уровне хороших вузовских курсовых. Много было работ краеведческого плана. Отрадно, что учителя и дети интересуются историей и культурой родных мест, поднимают затаённые пласты их духовной жизни, большей частью трагической, но и подвижнической, героической. Понятно, что приобщение к памятным вехам этой истории воспитывает патриота, гражданина… впрочем, главное, наверное, христианина. А значит — борца.

Иметь убеждения нынче немодно. Быть убеждённым православным христианином — не только немодно, неудобно, а даже подчас — опасно. Мы словно возвращаемся во времена гонений на первых христиан. Зато и цивилизационные смыслы становятся — как тогда — огненными, страстными, живыми!

Так что «чистым, невинным душам» предстоит крепко постоять не только за себя, за свою чистоту и целостность, но и за Христа — воплощённого в человечестве. Уверена, они — справятся. Ведь и современная российская действительность — как никогда за последние сто лет — напряжена до предела, наэлектризована разнонаправленными потоками энергии, так что вписаться в неё сереньким обывателем, похоже, ни у кого уже не получится.

— Давайте мысленно просмотрим стадии развития русской литературы в прошлом веке: диктатура соцреализма, «неподцензурщина», вылившаяся в диктатуру же постмодерна… Какая стадия, по вашему мнению, — «здесь и сейчас»? Если качели «качнулись вправо, качнувшись влево» — что это нам даёт, как нации? Всего лишь «новую назидательность» (тогда «дежавю» неизбежно) или — новый всё-таки виток самосознания и самореализации?

Какова здесь роль Веры подлинной, а не придуманной в высоких кабинетах для всех нас, грешных?

— Думаю, Ваш вопрос восходит к старой как мир проблеме «свободы творчества»… может быть, возраст и опыт всё чаще склоняют меня к признанию того естественного факта, что сама по себе «свобода» никак не может быть основополагающей ценностью для человека. Понятие свободы пусто, бессмысленно, если не связано с понятием цели, долга.

Для чего человеку свобода? Животное в дикой природе — свободно? Само представление о свободе, ощущение свободы возникает лишь тогда, когда возникают препятствия в осуществлении какой-либо необходимой деятельности. Грубо говоря, «свобода» познаётся лишь постольку, поскольку над ней как Дамоклов меч висит «несвобода». Поэтому для творческого человека важнее всего, какая цель перед ним… Откуда она берётся, эта цель? Сам ли он её себе полагает — или какие-то внешние обстоятельства формируют её? Размышляя об этом, я часто прибегаю к образу Орфея, сходящего в ад за Эвридикой… вот, по-моему, исчерпывающий символ современного художника — художника слова в том числе. Эвридика — душа человеческая. Чтобы вывести её из ада — нужно как минимум сойти за нею в ад, но не для того, чтобы смаковать адские «прелести», а для того, чтобы постичь его и превозмочь. Иначе человек навеки окажется потерян в дебрях мрака и безнадёжности.

Что касается русской литературы… она сейчас переживает собственную «гражданскую войну». Крайне жестокую, бескомпромиссную. Разлом иной раз — как сто лет назад — проходит по дружбам и семьям. Но на краю разлома писатели чувствуют себя, в сущности, много свободнее, чем когда-либо прежде. Беда в том, что почти никто не держится «золотой середины». А ведь это и есть, мне кажется, та «сердечная жила», уклоняясь от которой, человек теряет Бога. Вот Вам и ответ о подлинной Вере.

Ставшая уже расхожей фраза Григория Померанца о пене на губах ангела — как раз об этом. «Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в бой за святое правое дело. Всё превращается в прах — и люди, и системы. Но вечен дух ненависти в борьбе за правое дело. И благодаря ему зло на Земле не имеет конца». А дело Художника — сопротивляться духу ненависти. Так, например, поступал эллин Гомер, равно оплакивая и греков,

и троянцев в неправой и неправильной войне, и равно же восхищаясь доблестью тех и других.

— В связи с предыдущим — много ли вы отметили работ с «элементом заданности»? Я поясню, что имею в виду: как в предыдущую эпоху, когда в школьных сочинениях детей мягко подталкивали благодарить за всё сущее партию и комсомол, так и сегодня особо ретивые педагоги не понукают ли детей верить — на словах — в то, что непостижно их уму, к чему нужно приходить через череду испытаний и искушений уже в зрелом возрасте? Идеологизированы ли, иными словами, наши дети, или это действительно «первое свободное, не поротое поколение», появление которого свободомыслящая интеллигенция предчувствовала и ждала столько долгих лет?

Как сегодня, по вашему мнению, должны строиться отношения науки, образования и Церкви, чтобы избежать популярного соблазна удариться в чистую идеологию («вчера КПСС, сегодня Господь»)?

— Куда же деться от «руководящей линии»? Конечно, и таких работ было немало. Но всё же лучшие — свидетельствуют о самостоятельном духовном поиске юных авторов. Нередко предметом их внимания становятся судьбы святых подвижников, мучеников, особенно — новомучеников, что говорит о том, что дети, в общем-то, примеряют их жертвы на себя…

Если это искренне — а в лучших сочинениях, уверена, искренне, — значит Россия за последние 10–15 лет подняла из своих глубин новое героическое поколение.

Как могло это случиться? Чья заслуга? Школы? Семьи? Учителей-одиночек? Исследования, которое бы ответило на эти вопросы, никто не проводил. Но не думаю, чтобы Церкви надобно было напрямую идти в школу. А вот поощрять литературное движение в том его виде, о котором я говорила выше, пожалуй, необходимо. Сейчас РПЦ немало делает в этом направлении — включая и Патриаршую литературную премию, и детский конкурс им. Ивана Шмелёва, — но этого не достаточно. Можно и нужно — больше и шире.

— Какие и, может быть, чьи сюжеты детских работ и особенно их исполнение остались в памяти и почему? Каких тем вы от конкурса, скажем так, ожидали, но каких ракурсов их раскрытия — ничуть? Что по прочтении работ оказывается определяющим, и даже в таком предварительном макете настоящей литературы, как сочинение, — сугубая достоверность, зримый показ подспудной сердечной муки, стальная последовательность аргументации, что-то иное?

— Особенно трогательны, конечно, сочинения, в которых дети пытаются понять историю своей семьи в потоке общероссийской и даже мировой истории. Это ведь, по сути, попытки осмысления собственного места в мире.

Вот рассказ девочки о том, как в её руки попала тетрадь со стихами погибшего в 1943 году родственника… ему было тогда чуть больше 20 лет (Мария Головина, «Последние строчки»). Юного талантливого человека нет на свете уже столько лет, а стихи его живут, пусть даже так — в сердце человека другого поколения его семьи. Что может убедительнее свидетельствовать о бессмертии Рода?

Не раз удивили опыты прочтения школьниками произведений русской классики. Кажется, там-то уже нива пахана и перепахана. А — нет! Новое поколение читателей находит новые точки обзора… Что нового можно написать о «Капитанской дочке» после всей нашей великой пушкинистики? А девятиклассница Маша Ухова увидела в повести, прежде всего, мысль семейную в её духовном, православном движении. Таких примеров можно много привести. Хотя, конечно, в лучших работах юных писателей обращаешь внимание не только на тему, идею, но и на мастерство — пусть в самом начале становления, но оно всегда заметно. Композиционные приёмы, индивидуальный стиль, работа с образом… ведь для одарённого ребёнка творчество — это ещё и увлекательная игра в слова. Прекрасно, когда она в соотношении с верно поставленной художественной задачей приводит к результату серьёзному и значительному.

— На что важно обращать внимание детей и организаторов при проведении четвёртого сезона конкурса, который начнётся уже этой осенью? Способен ли ребёнок в принципе продуктивно затрагивать такие темы, как революция, репрессии, гонения на Веру, война, новомученики, без ущерба себе и общему смыслу?

Как должна строиться работа молодого человека с Историей, семейным преданием, книгой? От каких факторов в основном зависит процесс его самопознания и самоидентификации?

— Учителям и воспитателям, полагаю, надо здесь действовать «возрастосообразно». И прежде чем принимать решение об участии в конкурсе, прочесть и обсудить с детьми (с классом, с группой) какие-нибудь произведения великой русской прозы и нашей великой поэзии о революции и гражданской войне.

Вот — навскидку — хотя бы «Сорок первый» Лавренёва и «Думу про Опанаса» Багрицкого… Именно прочитать — и обсудить, с полным вниманием и уважением относясь к впечатлениям и оценкам детей. А организаторам конкурса, может быть, стоит провести какой-то предварительный этап — в форме онлайн-конференции (онлайн-чтений?)…

Вы, Сергей, задаёте вопросы, на которые уж сколько лет не могут ответить вместе взятые

учёные-педагоги всех континентов. Ответы, конечно, есть. Но они лежат в плоскости философии и психологии, тут однозначными формулировками не обойдёшься. Меня, например, воспитала отнюдь не школа, а случайно попавшие мне в руки книжки серии «Философское наследие», многочисленные тома которой стояли — никем не востребованные — на отдельном стеллаже в нашей районной библиотеке. Помню, я начала с Фейербаха — «История новой философии от Бэкона Веруламского до Бенедикта Спинозы». Мне было лет 15, пожалуй. Это и был для меня процесс самопознания и самоидентификации. Думаю, что и у современного подростка просто должна быть такая возможность.

— *Как вам кажется, куда в пределе стремится этот детский конкурс, к формированию какого поколения, какой генерации если не профессиональных писателей, то людей с развитой способностью к письму и к слову как таковому? К чему, опять-таки в пределе, должна привести эта уже довольно заметная в СМИ деятельность организаторов конкурса, к каким изменениям нашего общего гуманитарного климата? Станет ли он по пришествии подросших конкурсантов в жизнь более искренним, отзывчивым на чужое страдание, непосредственным? Иными словами, что ждёт Россию? Ваш прогноз.*

— Очень хотелось бы, чтобы все подобные начинания вели к формированию умных, порядочных, высокообразованных людей, патриотов России и «всемирно отзывчивых» носителей русского духа, людей, самостоятельных в суждениях, способных к принятию решений, умеющих разумно подчиняться необходимости и разумно же преодолевать необходимость… знаете, Сергей, исчерпывающий ответ на эти вопросы даёт… помните? «Моральный кодекс строителя коммунизма».

А Россию ждёт — великое будущее. Не сомневаюсь.

ДиН стихи

Константин Емельянов

На том берегу

* * *

С чего начинается Родина?
Со справочников и словарей,
Смешной фотографии в паспорте,
ОВИРовских очередей.
А может, она начинается
С такси в Шереметьево — 2,
Где долго с родными прощаешься,
Но выбрать не можешь слова?
С чего начинается Родина?
С гостиницы, что по пути,
Зелёных погон пограничника,
Работы, что трудно найти.
А может она начинается
С ночных телефонных звонков
И долгих расспросов родительских,
Ненужных теперь адресов?
С чего начинается Родина…

* * *

Нет я не знаю, куда я бегу,
Детство осталось на том берегу.
Больше не встретит меня Крошка Ру
И не продолжит со мною игру.
Тигр и Кролик, Медведь и Сова
Больше не скажут простые слова,
И не усядутся все на кровать.
Чтобы со мною книжки читать.
Детство умчалось, а я не успел.
В Швецию Карлсон давно улетел.
Вырос и стал знаменитым Малыш.
И посреди одиночества крыш,
Тонкою корочкой первого льда,
Будто забытая в луже вода,
Детство уйдёт без следа,
Навсегда…

стр. 190

Арутюнов Сергей Сергеевич

Москва, 1972 г. р.

Российский поэт, прозаик, публицист, критик. Родился в Красноярске. В 1999 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Первая публикация стихов — в 1994 году в журнале «Новая Юность». Регулярные публикации рецензий в широком круге изданий — «Знамя», «Октябрь», «Вопросы литературы», «Футурум АРТ», «Дети Ра», «Книжное обозрение», «Литературная Россия», «Литературная газета», «День поэзии», «НГ-Exlibris», «Дружба народов» и др. С 2005 года ведёт творческий семинар в Литературном институте имени А. М. Горького. Лауреат премии имени Бориса Пастернака (2004), Московского международного открытого книжного фестиваля в номинации «За лучшую рецензию» (2007), Отличия журнала «Современная поэзия» в области критики (2008), премии авангардного журнала «Футурум АРТ» (дважды, 2010, 2012), ордена «Золотая осень» имени Сергея Есенина (2013), премии имени поэта-декабриста Фёдора Глинки (2013), премии «Вторая Отечественная» имени поэта, участника Первой мировой войны Сергея Сергеевича Бехтеева (2014). Член редколлегии журнала «День и ночь» (Красноярск).

стр. 48

Афанасьева Лариса

Белогорск

Член Союза писателей Республики Крым, Европейского конгресса литераторов. Печаталась в газетах и журналах, в сборниках и альманахах: «Вдохновение», «Крымские литературные встречи», «Свой вариант», «Форум», «Паруса творчества», «Камышовая бухта», «Россыпи», «Многоцветье имён», «Ковчег-Крым», «Хрустальные гроздья», «Творчі сили України», «Литературный Крым», в литературно-художественных журналах «Алые паруса» и «Крым». Автор сборников стихов «Написалось, как спелось…», «Абрикосы под дождём». Лауреат международных фестивалей «Боспорские агоны», «Пристань менестрелей», «Алые паруса», «Чеховская осень», Всеукраинского песенно-поэтического турнира «Рыцари слова», Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон» (Саки, 2015).

стр. 39

Аференко Виктор Александрович

Железногорск, 1935 г. р.

Родился в селе Атаманово Сухобузимского района Красноярского края. В 1956 окончил физико-математический факультет Красноярского педагогического института. Работал первым секретарём Даурского РК ВЛКСМ, директором сельской и городских школ, преподавал физику. Стихи пишет со школьной скамьи, печататься начал в 50-е годы. Очерки, статьи и стихи публиковались в различных районных и краевых газетах, альманахе «Енисей», коллективных сборниках «Потомки Ермака», «Енисейский меридиан» (1967), «Антология поэзии закрытых городов» (1999), «На Прижиме» (2009), «Антология поэзии закрытых городов Росатома» (2011) и др. Автор многих краеведческих книг и поэтических сборников. Краевед и публицист, поэт, заслуженный учитель Российской Федерации, член Союза журналистов России, заслуженный педагог Красноярского края, почётный гражданин Сухобузимского района. Неоднократный победитель различных педагогических и творческих конкурсов. Живёт в городе Железногорске Красноярского края.

стр. 165

Балин Денис

Мга, Ленинградская область, 1988 г. р.

Основатель Литературного объединения «Мгинские мосты» (основано в 2007), а также один из авторов проекта-победителя X Ленинградского областного конкурса профессионального мастерства «Звезда культуры» и лауреат конкурса «47 лучших НКО Ленинградской области» — ежегодного международного литературно-музыкального фестиваля «Мгинские мосты». Основные публикации: «Невский Альманах», «Арт-ШУМ» (Украина), «Молодой Петербург», «Новая реальность», «Пролог», Международный журнал поэзии «Окно», «45 параллель», «Литературный Петербург», «Литературная Россия», «Где су врата» (Антология поэзии новосадского литературного фестиваля в Сербии), «Северные цветы», «День литературы» и др. Участник 11 Форума молодых писателей России, СНГ и зарубежья в Липках (2011), 28 и 31 конференций молодых литераторов Северо-Запада. Лауреат премии «Молодой Петербург» (2015).

стр. 68

Беликов Юрий Александрович
Пермь, 1958 г. р.

Родился в городе Чусовом Пермской области. Окончил Пермский государственный университет имени А. М. Горького. В конце 80—начале 90-х его стихи публикуются в журналах «Юность», «Огонёк», «Знамя». В 1991-м принят в Союз российских писателей, в том числе по устной рекомендации Андрея Вознесенского. В начале 90-х входил в редколлегию журнала «Юность», где учредил рубрики «Письма государственного человека» и «Русская провинция». Работал собкором «Комсомольской правды», «Трибуны», спецкором газеты «Труд». В 88-м и 90-м выходят две первые книги: «Пульс птицы»—в издательстве «Современник» (Москва) и «Прости, Леонардо!»—в Пермском книжном издательстве. В 2005 году награждён орденом-знаком Велимира «Крест поэта». Третья книга «Не такой» выходит в 2007 году в московском издательстве «Вест-Консалтинг». Она отмечена всероссийской литературной премией имени Павла Бажова. В 2013 году увидела свет четвёртая книга стихотворений «Я скоро из облака выйду», получившая две престижных награды—премию имени Алексея Решетова и всероссийскую общенациональную премию «За верность Слову и Отечеству» имени Антона Дельвига. Входит в редколлегии двух отечественных журналов «Дети Ра» и «День и ночь». Член Русского ПЕН-центра и Высшего творческого совета Союза писателей XXI века. Награждён орденом общественного признания Достоевского I степени.

стр. 36

Болтянская Надежда Евгеньевна
Москва, 1963–2015

Родилась в Москве. Окончила Московский инженерно-строительный институт.Была членом Союза писателей Москвы. Автор сборников стихов: «В осколках погибающих зеркал», «Я—из природы длиннокрылых», «Пьяная ртуть», «Когда дрожат простуженные губы». Публиковалась в журналах «Континент», «Грани», «Кольцо А», «Сельская молодёжь» и др. Скончалась от тяжёлой продолжительной болезни 2 ноября 2015 года.

стр. 170

Валеев Марат Хасанович
Красноярск, 1951 г. р.

Родился в городе Краснотурьинске Свердловской области. Рос и учился в селе Пятерыжск на Иртыше в целинном Казахстане. Окончил факультет журналистики Казахского национального университета имени Аль-Фараби (Алма-Ата). Работал в газетах Павлодарской области «Ленинское знамя» (Железинка), «Вперёд» (Экибастуз), «Звезда Прииртышья» (Павлодар). В 1989 году был приглашён в газету «Советская Эвенкия» (с 1993—«Эвенкийская жизнь») на севере Красноярского края, в которой прошёл путь от рядового корреспондента до главного редактора. Автор книг: «Рассказики», «Рыбка моя», «Просто фантастика», «Шрамы», «Соседка», «Зона турбулентности» и др. Публиковался в журналах «Журналист», «Кукумбер», «Мир Севера», «Колесо смеха», «Вокруг смеха», «Сельская новь», «Семья и школа», «День и ночь», газетах «Литературная газета», «Московская среда», «Советская Россия» и др. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов, в том числе «Золотое перо Руси—2008» (номинация «Юмор»), Общества любителей русского слова (номинация «Проза», 2011) «Рождественская звезда—2011» (номинация «Проза»). Член Союза российских писателей. Живёт в Красноярске.

стр. 178

Герман Игорь Викторович
Минусинск, 1964 г. р.

Родился в городе Топки Кемеровской области. Окончил Кемеровский государственный институт культуры. Работал актёром в театрах Красноярского края. 1996–2011—артист Минусинского драматического театра. С 2011 года—актёр Русского республиканского драматического театра имени М. Ю. Лермонтова, Абакан, Республика Хакасия. Руководитель «Домашнего театра Мартьяновского музея», преподаёт актёрское мастерство в Минусинском колледже культуры и искусства. Публикации в журналах «День и ночь», «Дальний Восток», «Современная драматургия». Живёт в городе Минусинске Красноярского края.

стр. 53

Годованец Юрий Анатольевич
Москва, 1957 г. р.

Поэт, историк искусства. Внук классика украинской литературы Микиты Годованца. Окончил исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова (отделение истории искусства). Автор ряда эссе по эстетике фотографии («Ангел фото», «Дни серебра (Письма о дагерротипе)», «Клубни света»). Трудовую деятельность начал в Московском областном краеведческом музее в качестве смотрителя гробницы патриарха Никона (Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря). В Советском Союзе возглавлял службу контроля за вывозом и ввозом художественных ценностей. Кандидат культурологии. Работал в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия заместителем начальника отдела по контролю за соблюдением законодательства. Ныне—референт отдела музеев департамента культурного наследия Министерства культуры России. Автор поэтических книг: «Блаженный бумеранг», «Медовый век», «Свежая жесть», триптиха «Немного слов». Награждён орденом Русской православной церкви Преподобного Сергия Радонежского III степени.

стр. 116
Елизарова Наталия Михайловна
Москва

Родилась в городе Кашира Московской области. По первому образованию юрист. Член Союза писателей Москвы. Окончила Литературный институт имени А.М. Горького. Стихи и рассказы публиковались в литературных журналах «Нева», «Урал», «День и ночь», «Зинзивер», «Homo Legens», «Интерпоэзия» и других. Автор сборника «Осколок сна». Стихи переведены на английский, немецкий, польский, сербский, румынский, венгерский языки.

стр. 193
Емельянов Константин
Александрия, США, 1966 г.р.

Родился в Алматы (тогда ещё Алма-Ата), Казахстан. Окончил факультет журналистики Казахского университета и работал в местных газетах и журналах до отъезда в США в 1997 году. Печатался в журналах «Новый Журнал», «Бельские просторы», «Зарубежные задворки» и других печатных и интернетовских изданиях США, Германии, России, Казахстана и Индии.

стр. 175
Иванов Виталий Борисович
Дудинка, 1960 г.р.

Родился в Красноярске. Потомственный журналист. В 1984 году окончил Иркутский государственный университет. Работает в прессе с 1978 года. Публикуется с 1976 года. Работал корреспондентом в красноярских и московских редакциях газет, корреспондентом и фотокорреспондентом в редакции газеты «Советский Таймыр» (Дудинка). С 1996 по 2003 год работал собственным фотокорреспондентом Агентства «ФОТО ИТАР-ТАСС» при Правительстве России по Восточной Сибири, в настоящее время сотрудничает с Агентством на договорной основе. С 2003 по 2005 год работал директором Дирекции телевидения КГТРК. Автор и ведущий программ «Открытая студия», автор трёх документальных фильмов: «Музыка Саянских гор», «Чекисты» и «Дорога к танцу». В 2005 году был вице-президентом Фонда «Культурное наследие Сибири», который, в числе прочего, занимался организацией и проведением Сибирского фестиваля Мировой музыки «Саянское кольцо». Участник, дипломант и призёр краевых, всероссийских, всесоюзных и международных фотоконкурсов. Автор персональных фотовыставок в разных городах мира. Член Союза журналистов России, член Правления Красноярской краевой организации Союза журналистов России. Член Русского географического общества. Член национального творческого Союза «Фотоискусство». Возглавляет собственный творческий центр и фотошколу. Живёт в городе Дудинке Красноярского края.

стр. 185
Карпенко Александр Николаевич
Москва, 1961 г.р.

Русский поэт, прозаик, литературный критик, композитор, ветеран-афганец. Переводчик с языка афганской народности дари́. Член Союза писателей России, Южнорусского Союза писателей и Союза Писателей XXI века. Член Российского отделения Международного ПЕН-клуба. Кавалер боевого ордена Красной Звезды и ордена «Звезда» (Афганистан). Лауреат премии имени Николая Островского. Лауреат журнала «Дети Ра». Опубликованный материал посвящён творчеству красноярского писателя Эльдара Ахадова.

стр. 67
Лобов Сергей Юрьевич
Мытищи, 1981 г.р.

Родился в Подольске. По образованию историк искусства (РГГУ). С детства пишет стихи и прозу, не ограничивая себя рамками какого-либо жанра или направления. Выпускник курсов «Мастер текста» при издательстве «Астрель». В 2003 году роман «Голос Анатора» вошёл в лонг-лист премии «Дебют» в номинации «фантастика». Работает сценаристом мультимедийных проектов.

стр. 117
Марьяшина Марина Павловна
Москва, 1997 г.р.

Родилась в городе Муравленко Ямало-Ненецкого автономного округа. Студентка Литературного института имени А.М. Горького (семинар Сергея Арутюнова). Публиковалась в Тюменской литературной газете, в журнале «Проталина».

стр. 187
Машнова Мила
Харьков

Юрист, референт и член литературного клуба «Авал». Член Международного женского клуба духовного общения «Лада», организационного комитета Международного ежегодного фестиваля поэзии «АВАЛГАРД» (2014) Серебряный призёр интернет-конкурса «Город» (ноябрь 2013). Лауреат Международного ежегодного литературного конкурса духовно-философской, гражданской поэзии и прозы «Человек. Судьба. Эпоха» (2014). Финалист Кубка Большого Слэма (2014). Победитель конкурса «Осенний марафон» (2014). Публикации в альманахах «Лава» (Харьков, 2013–2014), «Я — женщина» (Харьков, 2014), в журнале «Зарубежные задворки». Автор сборника стихотворений «НеОна» (Харьков, 2013).

стр. 112
Меджитова Асине
Евпатория, 2000 г.р.

Родилась в Евпатории. Учится в 10 классе физико-математической школы. Дополнительное образование получает в Литературной студии имени писателя Бориса Балтера МБОУ «Гимназия имени

И. Сельвинского». Дважды стипендиат городского головы, стипендиат Верховного Совета Республики Крым в области литературного творчества, действительный член Малой академии наук «Искатель» по направлению «Литературное творчество». Многократный победитель республиканских и международных литературных конкурсов.

стр. 74

Миронов Вячеслав Николаевич

Красноярск, 1966 г. р.

Родился в Кемерово в семье военнослужащего. С родителями объездил половину Советского Союза. В 1988 году окончил Кемеровское высшее военное командное училище связи, в 1992 — Высшие курсы военной контрразведки МБ РФ, в 2004 — СибЮИ МВД РФ. В различных должностях принимал участие в некоторых вооружённых конфликтах на территории СССР и РФ. Имеет ранения, награждён орденом «Мужества». Лауреат различных литературных премий. Полковник полиции в отставке. Член Союза российских писателей. Автор книг: «Я был на этой войне. Чечня, год 1995», «Не моя война» (совместно с Олегом Маковым), «Капище», «Глаза войны» («Охота на Шейха»), «Война 2017. Мы не рабы!». Живёт в Красноярске.

стр. 3

Петров Борис Михайлович

Красноярск, 1932–2011

Сибирский писатель. Родился в Туле в семье потомственных оружейников. Окончил исторический факультет Куйбышевского педагогического института. Недолгое время вёл историю в школе, затем занялся журналистикой. Работал редактором Куйбышевской областной газеты. Служил в армии, где начал писать рассказы. После демобилизации работал учителем истории в селе Покровском Тюменской области. Вскоре очерки Бориса Петрова стали появляться в местных газетах. Позднее работал редактором районной газеты. Первой книжкой стала «Корзина цветов», изданная Куйбышевским издательством в 1966 году. В 1968 году приехал жить и работать в Красноярск в качестве собкора газеты «Известия». Итогом открытия новой земли явились очерковые книги «Солнцепоклонники» (1977) и «Мой край Сибирский» (1978), изданные в Москве и Красноярске. Вторая художественная книга — «Кружка берёзового сока» вышла в 1973-м. После этого появились художественные книги для детей и взрослых: «Почему — карась?» (1977), «Тёплая земля» (1982). В 1978 году был принят в Союз писателей СССР. Затем были изданы: «Звёздный камень», «Сполохи», «Моя охота», «Старые, добрые вещи», «С полным коробом из леса», «Жизненный круг» и др. Долгие годы был главным редактором старейшего сибирского журнала «Енисей», литературным редактором и членом редколлегии журнала «Сибирский промысел». Последняя книга «Жизнь — житуха — житие» была издана в 2012 году, уже после смерти. Скончался 10 декабря 2011 года в Красноярске.

стр. 188

Поляков Юрий

Симферополь

Член Союза писателей Республики Крым. Обладатель Золотого диплома Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (Москва) в номинации «На лучшее произведение для детей», лауреат Международного поэтического фестиваля «Чеховская осень» в номинации «Стихи для детей» (Ялта, 2009, 2010), обладатель Гран-при Всеукраинского поэтического фестиваля «На берегу Муз» (Евпатория, 2010). Победитель Первого международного конкурса детских авторов «Серебряный ручеёк» в номинации «Сказки и истории в стихах» (Сочи, 2011), лауреат Международного литературного фестиваля «Под небом рязанским» в номинации «Литература для детей» (2011), победитель Международного литературного конкурса издательства М. Волковой «От 7 до 12» (Челябинск, 2012), лауреат литературной премии Автономной республики Крым (2013). Лауреат международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон» (Саки, 2015, 2016).

обл.

Попечец Сергей Владимирович

Дивногорск, 1957 г. р.

График. Родился в Красноярске. Учился в Красноярском художественном училище имени В. И. Сурикова (1972–1976). Участник художественных выставок с 1975 года. Член Союза художников России с 1996 года. Более тридцати лет преподаёт в Дивногорской детской художественной школе имени Е. А. Шепелевича и ведёт работу по пропаганде детского художественного творчества и развитию творческих способностей у детей.

стр. 68

Прудникова Елена Анатольевна

Санкт-Петербург, 1958 г. р.

Родилась в Ленинграде. Окончила Ленинградский политехнический институт, физико-механический факультет. Российский писатель и журналист, более двадцати лет работает в средствах массовой информации, в московских и петербургских газетах. Последние десять лет совмещает журналистику с писательской деятельностью. Начинала журналистскую работу в многотиражной газете завода «Электроприбор», кузнице кадров ленинградской журналистики. Потом работала в многотиражной газете объединения «Союз», работала первым заместителем главного редактора в газете «Добрый день» Фрунзенского района, собственным корреспондентом газеты «Солидарность».Стала известна своими нашумевшими биографиями Сталина и Берии. Сотрудничала с несколькими центральными издательствами.

В издательстве «ОЛМА Медиа Групп» были изданы её книги «Сталин. Второе убийство», «Берия. Последний рыцарь Сталина», «Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий», «Хрущёв. Творцы террора», «Земля Богородицы». С 2007 года является главным редактором газеты «Наша Версия на Неве». В качестве эксперта снималась в документальных циклах фильмов на телеканале НТВ «Кремлёвские дети», «Кремлёвские похороны», «Советские биографии» и ещё нескольких фильмах на телеканале «Мир».

стр. 169
Рудских Светлана Николаевна
Красноярский край, 1976 г. р.

Родилась в селе Идринское Красноярского края. По профессии социальный работник. Публиковалась в районной газете «Идринский вестник», в газете «Красноярский рабочий», журнале «День и ночь», а также в газетах «Сведи нас, судьба» и «Зелёная лампа». Автор четырёх сборников стихов. Живёт в Красноярском крае.

стр. 120
Русаков Эдуард Иванович
Красноярск, 1942 г. р.

Писатель, журналист. Родился в Красноярске. Окончил Красноярский медицинский институт (1966) и Литературный институт им. А. М. Горького (1979). Работал врачом-психиатром (1966–1981), редактором на Красноярской студии документальных фильмов (1981), руководителем литературной студии при Красноярском Дворце культуры (1982–1991), корреспондентом газет «Евразия», «Вечерний Красноярск» (1991–1998). Обозреватель газеты «Красноярский рабочий» (с 1998), заместитель главного редактора журнала «День и ночь». Печатается как прозаик с 1966 года. Автор нескольких книг прозы. Произведения переводились на азербайджанский, болгарский, венгерский, казахский, немецкий, словенский, финский, французский, японский языки. Член Союза писателей России, Международного ПЕН-клуба (Русский ПЕН-центр, сибирский филиал), Экспертного совета благотворительного общественного фонда имени В. П. Астафьева. Живёт в Красноярске.

стр. 190
Саввиных (Наумова) Марина Олеговна
Красноярск, 1956 г. р.

Выпускница филологического факультета Красноярского педагогического института. Публикации в литературной периодике с 1973 года: журналы «Юность», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Сибирские Афины», «Москва», «Дети Ра», «Северная Аврора», «Молодая гвардия», «LiteraruS» (Хельсинки), «Побережье» (Нью-Йорк), «Образы жизни» (Сан-Франциско), в еженедельнике «Обзор» (Чикаго), в коллективных сборниках и антологиях. Автор шести книг стихов, прозы, художественной публицистики. Первый лауреат премии Фонда имени В. П. Астафьева (1994). Лауреат Всероссийского конкурса поэзии и малой прозы имени С. С. Бехтеева (2014). Лауреат X Всероссийского поэтического конкурса «Мечети — Божьи храмы» (2016). Член Союза российских писателей, Международного ПЕН-клуба. Член Президиума Международного «Союза писателей XXI века». Автор проекта, организатор и первый директор Красноярского литературного лицея. Заслуженный работник культуры Красноярского края. Награждена Орденом общественного признания имени Достоевского I степени. Главный редактор литературного журнала «День и ночь». Живёт в Красноярске.

стр. 114
Сеит-Османова Ленора Борисовна
Симферополь

Руководитель театральной студии МБОУ «Таврическая школа-гимназия № 20». Член Союза писателей Крыма. Член литературно-бардовской мастерской «Таласса». Председатель клуба писателей «Литературные встречи». Победитель республиканского конкурса «Учитель года — 2013». Награждена медалью Блаженнейшего Владимира Митрополита Киевского и Всея Украины (2012). Победитель Всероссийского конкурса-фестиваля «Созвучие сердец» (Москва, 2014). Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон» (2015, 2016).

стр. 135
Сутулов-Катеринич Сергей
Ставрополь, 1952 г. р.

Поэт, главный редактор Международного поэтического интернет-альманаха «45-я параллель». Родился в Северном Казахстане, живёт и работает на Северном Кавказе. Вторую часть фамилии взял в память о матери. Член Русского ПЕН-центра, Союза российских писателей, Южнорусского союза писателей и Союза журналистов России. Стихи автора включены в антологии «Дикороссы. Приют неизвестных поэтов», «Свойства страсти. Русские поэты XX века», «Русская поэзия XXI века», «45: параллельная реальность», «Талисман», «45: русской рифмы победный калибр», «Белая акация», «5-й угол 4-го измерения» и в ряд других «соборных» проектов. Ввёл в литературный оборот термин «поэллада» (от слов «поэма» и «баллада»). Автор девяти книг стихов, включая «Дождь в январе», «Азбуку Морзе», «Русский рефрен», «Ореховку. До востребования», двухтомник «Ангел-подранок». Широко публикуется в российской и международной периодике. Лауреат премий, конкурсов, фестивалей: «Золотое перо Руси» (Москва), «Серебряный стрелец» (Лос-Анджелес), «Редкая птица» (Днепропетровск), «Эмигрантская лира» (Брюссель), имени Петра Вегина (Лос-Анджелес), Константина Бальмонта (Мельбурн), Германа Лопатина (Ставрополь) и др. Лауреат в номинации

«Поэт-подвижник Русского Безрубежья» (Филадельфия). Награждён медалью ордена Святой Анны и орденом Святого Станислава Российского Императорского дома (Мадрид) за заслуги перед российской культурой.

стр. 49 **Тюленев Игорь Николаевич**
Пермь, 1953 г. р.

Родился на Урале. Поэт, почётный гражданин поселения городского типа Новоильинский Нытвенского района Пермского края — родины поэта. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького (мастерская Юрия Кузнецова, 1991). Автор 21 сборника стихов и многочисленных публикаций во всесоюзных альманахах, сборниках, литературно-художественных журналах. Стихи печатались в Санкт-Петербурге и Омске, Калуге и Воронеже, в Екатеринбурге и Самаре. В антологиях и альманахах Казахстана, Украины и Армении, в региональных журналах Карелии, Алтая, Башкирии, Татарстана, Удмуртии, Ставропольского края, Якутии. Публиковались Международной организацией поэтов в журнале «Le Journal des Poètes» в Бельгии и Франции в издательстве «Marchal», в Польше, Болгарии и Канаде. Стихи переведены на английский, французский, немецкий, румынский, сербский, болгарский языки. Член Союза писателей СССР с 1989 года. Секретарь Союза писателей России. Лауреат Всесоюзного литературного конкурса имени Николая Островского. Лауреат премии имени Фатиха Карима в номинации «Русская литература» (Республика Башкортостан). Лауреат премии Союза писателей России «Традиция». Дважды Лауреат журнала «Наш современник». За книгу стихов «И только Слово выше Света» стал Лауреатом премии «Имперская культура» и Лауреатом Международной премии имени Сергея Михалкова «Лучшая книга 2012 года». Победитель VIII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» — 2017 в номинации «Поэзия» за книгу стихов «В берегах славянства» (Серебряный Витязь). Награждён Министерством культуры Российской Федерации памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Участник Московских и Санкт-Петербургских международных книжных ярмарок; XXV Парижского Книжного Салона во Франции; XIII Международной книжной ярмарки в Пекине.

стр. 116 **Хазанов Сергей**
Швейцария

Вырос в Москве, окончил МГУ, работал в разных местах, в том числе в журнале «Крокодил». Покинул СССР как политэмигрант в 1989 году. С 1989 года живёт в Швейцарии. Более ста рассказов и стихотворений опубликовано в журналах «Дружба Народов», «Юность», «Москва», «Огонёк», «Собеседник», «Время и Мы», газетах «ЛГ», «Лит. Россия», «МК», «Неделя». С 1990 года пишет прозу на французском.

стр. 51 **Хомутов Сергей Адольфович**
Рыбинск, 1950 г. р.

Родился в Рыбинске. Здесь начал писать стихи, печататься в газетах и коллективных сборниках. Во время учёбы в полиграфическом техникуме и после его окончания работал в типографиях Сибири и Забайкалья, а после возвращения в родной город — на предприятиях и в газетах. Первая книжка вышла в 1979 году. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. В разные годы в Москве, Ярославле, Рыбинске издано более 20 книг. Широко публиковался в периодике: журналах «Новый мир», «Октябрь», «Наш современник», «Огонёк», «День и ночь», «Молодая гвардия», «Юность», «Волга», «Север» и многих других, в антологиях и альманахах. Четверть века возглавляет издательство «Рыбинское подворье». Одновременно с 1994 по 2001 год был главным редактором регионального литературно-исторического журнала «Русь». Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

стр. 111 **Шамсутдинова Марина Сагитовна**
Щёлкино, 1975 г. р.

Родилась в Иркутске. В 2003 году окончила Литературный институт имени А. М. Горького (мастерскую Станислава Куняева). Автор шести книг стихов: «Солнце веры» (2003), «Нарисованный голос» (2007), «Дань за 12 лет» (2010), «Стихи» (2011), «Русская сказка» (2015), «Правда» (2016). Печаталась в журналах «Наш современник», «Сибирь», «Созвездие дружбы», «Первоцвет», «Огни Кузбасса», «Московский вестник», «Викинг», «Литературная Вена», «Крым» и др. Лауреат поэтической премии имени Юрия Кузнецова за 2010 год (журнал «Наш современник»). Победитель фестиваля «Славянские традиции» — 2011, 2013, 2014, лауреат премии «Славянские традиции». Первое место на I Международном литературно-музыкальном фестивале «Интеллигентный сезон — 2015» в номинации «Стихи для детей», лауреат третьей степени II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон — 2016» в номинации «Проза для детей». Победитель конкурса СП России имени Н. А. Некрасова. Член Союза писателей России, Союза писателей XXI века, Союза писателей Республики Крым, Академии поэзии.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М. О. Наумова

РЕДАКТОРЫ

отдел прозы
Александр Астраханцев
Евгений Мамонтов

отдел поэзии
Сергей Кузнечихин

отдел публицистики
Геннадий Васильев

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК
Олег Наумов

КОРРЕКТОР
Дарья Романова

СЕКРЕТАРИАТ
Юлия Вятчина
Артём Яковлев

Учредитель: Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края.
Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издание осуществляется при финансовой поддержке Агентства печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Николай Алешков
Набережные Челны

Сергей Арутюнов
Москва

Юрий Беликов
Пермь

Светлана Василенко
Москва

Вера Зубарева
Филадельфия

Анатолий Кирилин
Барнаул

Валентин Курбатов
Псков

Андрей Лазарчук
Санкт-Петербург

Евгений Минин
Иерусалим

Виталий Молчанов
Оренбург

Дмитрий Мурзин
Кемерово

Миясат Муслимова
Махачкала

Лев Роднов
Ижевск

Евгений Степанов
Москва

Михаил Тарковский
Бахта

Владимир Шемшученко
Санкт-Петербург

Нина Ягодинцева
Челябинск

Журнал издаётся с 1993 года.

16+

В оформлении обложки использованы картины Сергея Попечца.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Журнал выходит 1 раз в 2 месяца.

ИЗДАТЕЛЬ
ООО «День и ночь».
ИНН 246 304 2749
Расчётный счёт
4070 2810 8006 0000 0186
в «Сибирском» филиале
банка ВТБ ПАО
в г. Новосибирске
БИК 045 004 788

Корреспондентский счёт
3010 1810 8500 4000 0788

Рукописи принимаются по электронной почте:
dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя:
660049, г. Красноярск, пр. Мира, д. 3.
т. +7 923 571 4936

Наш сайт: www.krasdin.ru

Подписано к печати: 3.10.2017
Дата выхода в свет: 20.10.2017
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная.

Отпечатано ИП Азарова Н. Н. в типографии «Литера-принт»
г. Красноярск, ул. Гладкова, д. 6, офис 0-10; т. +7 904 895 0340
эл. почта: 2007rex@mail.ru

Сергей Попечец | Зима | картон, пастель | 58 × 70 | 2012

Сергей Попечец | Зимний день | картон, гуашь | 38 × 49 | 2013

П.С.2017